

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2016 г., том 23, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Ананьев Д.А. Современные англоязычные и немецкоязычные исследователи о формировании понятия «сибирская идентичность» (XIX – начало XX вв.)	5
Самдан А.А. Налогообложение в Туве в период Цинской империи	11
Чуркин М.К. Переселенческая политика в Сибири (1861–1917 гг.): имперский вектор	16
Родигина Н.Н., Худяков В.Н. Слово и дело «о молодом поколении»: из истории журнала «Современник»	21
Романов Р.Е. Демографический потенциал на службе экономики: динамика численности трудовых ресурсов Сибири (1897–2010 гг.)	30
Шишкин В.И. РСДРП(б) как лифт социальной мобильности в марте – октябре 1917 года	36
Савин А.И. Высшее образование в РСФСР как лифт социальной мобильности (1918–1936 гг.)	43
Петров С.Г. Послание 1923 г. архимандрита Верхотурского Николаевского монастыря патриарху Тихону	50
Аманжолова Д.А. Из истории социально-бытового обеспечения бюрократии Казахской АССР в 1920–1930-е гг.	55
Корнилов Г.Е. Демографическая ситуация на Урале в середине 1930-х гг.	60
Андреев С.Н. «Целинный проект» и перестройка организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора экономики СССР в середине 1950-х – начале 1960-х гг.	67
Черненко Е.В. Об авторах и авторстве в журнале «Коммунист» середины 1950-х гг.	72
Лисовская Н.С. Академические журналы Сибири: история создания	77
Посадсков А.Л. Вертикали власти и горизонталы интересов: сравнительная характеристика реформ 1920–1930-х и 1990–2000-х гг. в книжном деле России	83
Савенко Е.Н. Современный периодический самиздат Сибири и Дальнего Востока	88
Лизунова И.В. Медиапотребление и чтение: модернизация на рубеже XX–XXI вв.	93
Доржу З.Ю., Ондар О.Н. Историческое и культурное наследие Тувы и его государственная охрана в начале XXI в.	99

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юрганова И.И. Повседневность духовного сословия Якутии в середине XIX – начале XX вв.	105
Мамкина И.Н. Восточносибирское учительство в системе государственной службы Российской империи в конце XIX–начале XX вв.	110
Захарова К.Л. Окружное бюро Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири (апрель – октябрь 1917 г.)	114
Моллеров Н.М. Создание очагов промышленности и торговли в советской колонии в Туве (1922–1932 гг.)	119
Одинцов Д.А. Военизация Томской железной дороги (1933–1937 гг.)	124
Кузнецов И.С. Рец. на книгу: Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII – 1991 г.): коллективная монография / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.	129
Журова Л.И. Рец. на книгу: Байдин В.И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале. Историко-биографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 205 с.	131
I Международный книжный форум «Книга: Сибирь – Евразия» (г. Новосибирск, 1–3 сентября 2016 г.)	133
IV Сибирский исторический форум (г. Красноярск, 12–13 октября 2016 г.)	136

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Анянцев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 19.12.16. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 500 экз. Заказ № 337.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2016, vol. 23, N 4

CONTENTS

BOOK CULTURE

Ananyev D.A. Contemporary English- and German-Language Researchers on the Formation of Concept of «Siberian Identity» (XIX – Early XX Centuries)	5
Samdan A.A. The Taxation in Tuva in the Period of Ch'ing Empire	11
Churkin M.K. Resettlement Policy in Siberia (1861–1917): Imperial Vector	16
Rodigina N.N., Khudyakov V.V. Word and Deed “Of the Young Generation”: From the History of the Magazine “Sovremennik”	21
Romanov R.E. Demographics in the Service of Regional Economy: Dynamics of the Number of Workforce in Siberia (1897–2010)	30
Shishkin V.I. Russian Social Democratic Labour Party (Bolshevik) as a Means of Social Mobility from March Through October, 1917	36
Savin A.I. Higher Education in the Rsfsr as an Elevator of Social Mobility (1918–1936)	43
Petrov S.G. Letter of 1923 of Archimandrite of the St. Nikolay Monastery of Verkhoturys to Patriarch Tikhon	50
Amanzholova D.A. From the History of Social Support of the Bureaucracy of the Kazakh SSR in the 1920–1930s	55
Kornilov G.E. Demographic Situation in Urals in the Mid-1930s	60
Andreenkov S.N. «Virgin Lands Project» and Restructuring the Organizational and Economic Structure of the Agricultural Sector of the Soviet Economy in the Mid-1950S – Early 1960s	67
Chernenko Ye.V. On the Authors and Authorship in the Journal «Communist» in the Mid-1950s	72
Lisovskaya N.S. Academic Journals: In Siberia History of Development	77
Posadskov A.L. Verticals of Power and Horizontals of Interests: Comparative Characteristics of Reforms of the Book-Business in Russia in the 1920-1930s and the 1990-2000s	83
Savenko E.N. Modern Periodic Samizdat in Siberia and the Far East	88
Lizunova I.V. Media Consumption and Reading: The Modernization at the Turn of the XX–XXI Centuries	93
Doržu Z.Y., Ondar O.N. Historical and Cultural Heritage of Tuva and its State Protection at the Beginning of the 21St Century	99

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Yurganova I.I. The Daily Life of Clergy in Yakutia in the Mid-XIX – Early XX Centuries	105
Mamkina I.N. The East Siberian Teachers in the Public Service System of the Russian Empire at the End of the XIX – Early XX Centuries	110
Zakharova K.L. District Bureau of Soviets of Workers’, Soldiers’ and Peasants’ Deputies of Eastern Siberia (April – October, 1917)	114
Mollerov N.M. Creation of the first Centers of Industry and Trade in the Soviet Foreign Colony in Tuva (1922–1932)	119
Odintsov D.A. Militarization of Tomsk Railway (1933–1937)	124
Kuznetsov I.S. Rec. ad. op.: Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiyskoy istorii (konets XVIII –1991 g.): kollektivnaya monografiya. Otv. red. V.V. Zhuravlev. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 783 s. [Patriotism and Nationalism as Factors of Russian History (Late XVIII –1991): Collective Monograph. Ed. by V.V. Zhuravlev. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 783 p.]	129
Zhurova L.I. Rec. ad. op.: Baydin V.I. Kirsha Danilov v Sibire i na Urale. Istoriko-biograficheskiye etyudy. Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta, 2015. 205 s. [Kirsha Danilov in Siberia and Urals. Historical and Biographical Essays. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. 2015. 205 p.]	131
I International Book Forum Book: «Siberia – Eurasia» (Novosibirsk, September, 1–3, 2016)	133
IV Siberian Historical Forum (Krasnoyarsk, 12–13, October, 2016)	136

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynichева*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20160401
УДК 930 (571.1/.5) "1800/1917"

Д.А. АНАНЬЕВ

СОВРЕМЕННЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ «СИБИРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» (XIX – НАЧАЛО XX вв.)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. А. Николаева, 8

В статье дается обзор работ современных англоязычных и немецкоязычных историков-сибиреведов, анализирующих содержание понятий «региональная идентичность», «региональное сознание» и «сибирский регионализм» (В. Фауст, С. Штух), а также рассматриваются определяющие факторы, которые влияли на восприятие Сибири как историко-географического пространства и формирование способов идентификации и самоидентификации сибирского населения в пореформенный период (Э.-М. Столберг, Ч. Стейнвелд, В. Сандерланд). Такими факторами исследователи считают географические и культурные особенности региона, многообразный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, изменения в правительственной политике и т.п.

Ключевые слова: сибирская идентичность, региональное сознание, регионализм, сибирское областничество.

D.A. ANANYEV

CONTEMPORARY ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE RESEARCHERS ON THE FORMATION OF CONCEPT OF «SIBERIAN IDENTITY» (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The purpose of the article is to give an overview of works written by the contemporary English- and German-language researchers of the pre-revolutionary history of Siberia on the problems of mental representation of geographical space, development of “regional consciousness” and “Siberian regional identity”. Most of scholars consider the “Siberian identity” as being formed on the people’s common territorial base, therefore, they define it as “territorial” or “regional” identity. In this respect much attention is paid to the problems of development of “regional consciousness” and regionalism as a form of territorial communities’ self-identification. Western scholars addressed the phenomenon of “Siberian regionalism” in the 1970s-1980s (G.Hanson, S.Watrous, A.Wood, D.Mohrenschildt, W.Faust et al.) based mostly on the analysis of numerous publications of the Siberian oblastniks (N.M.Yadrintsev, G.N.Potanin et al.). In the early XX century theoretical and terminology aspects of the topic have been elaborated by the German historian St.Stuch who analyzes the meaning of such terms as “region”, “regional consciousness”, “regional movement”, “Siberian culture” etc. He

* Статья подготовлена в рамках проекта П.2/ХП.190-1 «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности» Комплексной программы Сибирского отделения РАН.

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com

Denis A. Ananyev – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

believes that in Siberia the regional consciousness was formed mostly due to the common desire of the Siberian intelligentsia to treat the Siberian periphery on an equal footing as the regions of European Russia. German researcher E.-M. Stolberg, in her turn, argues that other factors - such as specific geographic and cultural conditions, the "frontier" character of Siberian territories - were even more critical for the formation of Siberian identity. However, the natural process of the Siberian identity's development was deflected by the centralizing and unifying policy of the government. Unlike E.-M. Stolberg an American historian Ch. Steinwedel believes that governmental policy towards Siberia was based on the different criteria of identity taking into account the specific features of the region. Western historians rarely use the general term "Siberian identity" focusing on the identity of various groups of Siberian population (both indigenous and non-indigenous). However their research findings should be taken into consideration by those who study the topic of "Siberian regional identity" that became so relevant at the turn of the XX-XXI centuries.

Key words: Siberian identity, regional consciousness, regionalism, Siberian regionalism.

Рост регионального самосознания, отмечаемый в последние десятилетия в Сибири [1], актуализировал регионалистский дискурс, обусловил интерес исследователей к изучению особенностей самовосприятия сибиряков, к феномену «сибирской идентичности». В настоящей статье предпринята попытка дать обзор работ современных англоязычных и немецкоязычных исследователей дореволюционной истории Сибири, затрагивающих проблемы ментальной репрезентации географического пространства, анализирующих содержание понятий «региональное сознание» и «сибирская региональная идентичность».

Обращаясь к проблемам «воображаемой географии», «пространственного мышления» и «пространственного конструирования» зарубежные и отечественные историки-сибиреведы отмечают, что восприятие пространства — динамичный процесс, который определяется социальными и культурными условиями, изменяется во времени и оказывает непосредственное воздействие на социальный ландшафт [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9].

В социальных науках для обозначения способов и характера самоопределения индивидов, осознания ими своей принадлежности, сопричастности к окружающей реальности используется категория «идентичность» [10, 11]. Соответственно, связь индивида с конкретной территорией, регионом лежит в основе формирования «региональной» или «территориальной» идентичности. Традиционно «сибирская идентичность» понимается как основанная на общности территории, освоенной человеком, и, соответственно, определяется как «территориальная» или «региональная» идентичность [1].

По определению Дж. Пола, региональная идентичность не существует сама по себе, а конструируется и постоянно реконструируется в результате социальных интеракций [12, 13]. Современные отечественные исследователи сходятся во мнении, что для изучения «сибирской идентичности» более продуктивной оказывается «конструктивистская перспектива» [1; 12]¹. В рамках конструктивистского подхода предполагается, что идентичность формируется в ситуациях столкновения или соприкосновения с «Другим», в которых

собственная принадлежность к социальным группам и сообществам перестает быть «фоновой» и становится социально значимой [1, с. 20].

По мнению А.О. Боронова, понятие «сибирской идентичности» применимо уже к историческим реалиям XVII в., когда возникли понятия «сибирянин», «сибиряк» [15]. Более обоснованной представляется позиция А.В. Ремнева, утверждавшего, что несмотря на появление понятия «сибиряк» уже в начальный период сибирской истории, у старожилов долгое время не возникало потребности отделять себя от новоселов, и вплоть до середины XIX в. слово «сибиряк» нельзя было отнести к общеупотребительным.

Используя терминологию М. Хроха, А.В. Ремнев пришел к выводу, что «региональная идентичность» конструировалась, прежде всего, местными интеллектуалами на основе стихийно формируемого регионального самосознания и местного патриотизма. По его мнению попытка «осуществить идею «сибирского народа», «вообразить» его как влиятельную региональную общность была впервые предпринята в XIX в. представителями областнического движения, сделавшими главным элементом своей концепции идею «общей территории» как некоей качественной сущности, менявшей переселившихся сюда людей. [9. С.111]

В научной литературе термины «региональное сознание» и «региональная идентичность» объединяют с понятием «регионализм», которым обозначаются различные формы самоидентификации территориальных сообществ. На Западе изучению темы «сибирского регионализма» (как и в советской историографии) долгое время не уделялось должного внимания, поскольку не подвергался сомнению тезис о том, что на протяжении многих веков самодержавие стремилось, прежде всего, к нивелированию региональных особенностей. По справедливому замечанию немецкого историка В. Фауста, такая интерпретация русской истории является крайне односторонней, однако она объясняет, почему западная историография, не критически усвоившая данный вывод, столь мало интересовалась историческими судьбами российских окраин [16].

В 1970–1980-х гг. на волне возросшего интереса западной общественности к проблематике регионализма в англоязычной историографии появились исследования по истории сибирского областничества (их авторы – Г.А. Хэнсон, С.Д. Уотрус, Н. Перейра, Д. фон Мореншильдт, А. Вуд [17, 18, 19, 20, 21]). В немец-

¹ Конструктивистскому подходу соответствует «слабое» значение термина «идентичность», сфокусированное на проблематике интеракции, в противовес «сильному» или эссенциалистскому подходу, согласно которому в формировании идентичности проявляются объективные и устойчивые характеристики реальности [14].

кой историографии существенный вклад в разработку данной темы внес В. Фауст, защитивший диссертацию по истории сибирского областничества в Кельнском университете в 1980 г. Исследование написано на основе анализа широкого круга источников, в том числе многочисленных публикаций Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова и других в периодической печати. обстоятельное изучение биографий «областников» позволило автору лучше понять многие «поворотные моменты» в эволюции их воззрений. В то же время, по верному замечанию С. Чаттерджи, В. Фауст анализировал не только идеи лидеров движения, но и социальный контекст, «переходное состояние» сибирского общества в рассматриваемый исторический период [22].

В диссертации В. Фауста рассматривается история взаимоотношений «областников» с революционными демократами и народниками, подчеркивается связь некоторых идей «областничества» с учениями французских социалистов, американских, английских и немецких экономистов и историков. Истоки «областничества» В. Фауст вслед за М.А. Рубач усматривает в трудах А.П. Щапова и федералистских идеях Н.И. Костомарова, не сомневаясь в сепаратистских устремлениях «областников» на раннем этапе (в современной отечественной историографии данный вывод фактически оспорил М.В. Шиловский [23, с. 40]), но видит в этих устремлениях, скорее, проявления «политической неуверенности и признак нетвердых политических убеждений», нежели серьезную тактику борьбы с царизмом [16, S. 144].

В. Фауст приходит к справедливому выводу о том, что без изучения истории «областничества» трудно понять историю «модернизации» и «европеизации» (по сути, «колониализации») Сибири. По его мнению, именно идея «сибирского патриотизма» сыграла решающую роль в культурной, политической и экономической интеграции региона в общеимперское пространство, способствуя преодолению «колониального прошлого» и впервые пробудив в сибирской общественности желание во всем сравняться с «метрополией».

Теоретические и терминологические аспекты темы разрабатывал и другой выпускник Кельнского университета — Стефан Штух. В своих работах, посвященных истории областнического движения начала XX в. [24, 25], немецкий исследователь отмечает, что наряду с понятием региона как географической единицы существует понимание региона как социальной категории и как «социально-структурированного пространства». Для того чтобы понять действительное значение областнических настроений в Сибири в начале XX в., историк стремится выяснить, в какой степени и для какой части населения Сибирский регион в рассматриваемый исторический период являлся «ментальным пространством» и «пространством деятельности».

По определению С. Штуха, регион как «ментальное пространство» является «территориально-соци-

альной структурой», занимающей промежуточное положение между непосредственно ощущаемым жизненным пространством индивида и национально-государственным образованием. Иными словами, «регион» представляет собой ментальный конструкт, которому соответствует вполне конкретное содержание; условная «плоскость», на которую проецируются определенные желания и представления людей, даже если они в итоге так и не будут воплощены в реальность. Таким образом, принципиальное значение имеет осознание хотя бы частью населения своей связи с территорией, на которой оно проживает.

Признание своеобразия и единства региона в сравнении с другими областями или в противопоставлении с территориальным образованием, имеющим более высокий статус, С. Штух обозначает понятием «региональное сознание». По его мнению если в политическом дискурсе формулируются особые интересы региона (за которыми в действительности могут стоять вполне конкретные группы населения), то можно говорить о политическом «региональном движении». Чем сильнее удастся оттеснить на задний план конкурирующие «возможности идентификации» и превратить «регион» в главную «опорную точку», тем полнее развернется региональное движение. Успех такого движения во многом будет зависеть от способности его участников освободить население от социальных или частных обязательств, равно как общегосударственных интересов, и повести за собой на основе региональных интересов.

С. Штух доказывает, что «региональное сознание» сформировалось в Сибири к началу XX в., и это, по словам историка, само по себе не может не вызывать удивления, если принять во внимание колоссальные размеры географического пространства, его физическую гетерогенность, культурно-этническое многообразие населения, а также слабый уровень взаимодействия между различными социальными группами вследствие низкого уровня грамотности и недостаточно развитой сети коммуникаций. Более развитыми и устойчивыми были связи между образованными кругами сибирского общества (прежде всего, в городах), чему немало способствовала периодическая печать.

Исследователь перечисляет основные факторы, способствовавшие формированию регионального сознания, в том числе: распространение топонима «Сибирь» (по мере продвижения русских) на значительную часть североазиатских территорий; создание системы управления, представители которой рассматривали присоединенные территории как единое целое вплоть до XIX в.; формирование соответствующих ментальных образов Сибири (в сознании не только жителей региона, но и населения Европейской России — например, образ региона как «колонии»); сложившееся к началу XX в. представление о сибиряках как отдельном этносе с особым характером.

Менее значимым фактором исследователь считает развитие «сибирской культуры», которая в силу своей тесной зависимости от русской культуры мало способ-

ствовала осознанию регионального неравенства. Более существенное значение имело развитие самосознания сибиряков, хотя оно не могло быть надежной основой для политической мобилизации всех жителей региона, поскольку относилось прежде всего к русскому населению, имевшему сибирские корни.

Немецкий историк убежден, что наиболее важной детерминантой регионального сознания к началу XX в. было «дискриминационное сознание», проявившееся в образе Сибири как «колонии» или «падчерицы России» и аккумулировавшее в себе опыт, приобретенный общественной элитой Сибири в условиях авторитарной системы. «Сибиряки» полагали, что политический Центр откладывал важные реформы, призванные покончить с относительной отсталостью Сибири по сравнению с центральными регионами империи. По их мнению, ущемление интересов региона проявилось, прежде всего, в нежелании правительства распространить на Сибирь земскую реформу, в проводимой государством переселенческой политике и, наконец, в сохранявшейся экономической зависимости Сибири от Европейской России.

Таким образом, в представлении С. Штуха, возможности региональной «идентификации» в Сибири определялись прежде всего общим стремлением местной интеллигенции уравнивать сибирскую окраину в правах с регионами Европейской России, тогда как географические особенности и культурно-этническое многообразие населения имели меньшее значение. В свою очередь, немецкая исследовательница Э.-М. Столберг полагает, что в Сибири важнейшим фактором, формирующим «идентичность», являлось наличие «подвижной границы» или «фронта», т.е. специфические географические и культурные условия, а решающую роль в освоении региона играл деятельный индивид.

Э.-М. Столберг замечает, что русские переселенцы в Сибири были не менее свободолюбивы, чем североамериканские колонисты, несмотря на то, что с освоением американского Запада связано стереотипное представление о свободолюбивом американском народе, тогда как Россия ассоциируется с самодержавием, крепостным правом, а Сибирь — с каторгой и ссылкой. В действительности, по ее мнению, американский Запад в не меньшей степени был «царством насилия», но это было насилие индивидов, тогда как в Сибири преобладало насилие государства. В этом заключалось существенное различие между американским и сибирским «фронтом», хотя в обоих случаях подтверждалось правило: гражданские добродетели на периферии были развиты слабо.

Другое принципиальное различие исследовательница видит в том, что федералистские структуры США и Канады оказались более эффективными в использовании потенциала природных ресурсов и людей, чем на это были способны централизованные органы власти царской империи, а затем и Советского Союза. Если в течение трех веков сибирский «фронт» обнаруживал сходство с американским Западом благо-

даря духу первопроходцев, присущему казакам, охотникам, промышленникам и крестьянам, то не следует удивляться тому, что в советскую эпоху на смену индивиду (как главному действующему лицу в сибирской истории) пришел коллектив.

Несмотря на то, что с конца XIX в. русская православная цивилизация под влиянием процессов индустриализации, растущей глобальной взаимозависимости и империализма получила импульс к экспансии и, по словам исследовательницы, «институционализировала в своей имперской динамике принципиально асимметричные культурные контакты с азиатскими народами [8, S.357], самодержавию не удалось с помощью «доктринальных шаблонов» (по духу близких к «теории официальной народности») преодолеть социально-экономическую конфронтацию, возникшую на окраине вследствие непрерывного стремления Центра к «подчинению политического, экономического и этнического регионализма». В результате отчетливо проявилась хрупкость такого рода интеграции на основе «воображаемой общности», и к концу имперского периода стало очевидно, что сибирская «граница заселения» обусловила довольно неустойчивый уклад жизни.

В отличие от Э.-М. Столберг, американский историк Ч. Стейнвелл полагает, что в основу политики, проводившейся правительством в отношении Сибири, были положены критерии идентичности, учитывавшие особенности региона [26]. По мнению Ч. Стейнвелла, колонизация Азиатской России изменила представления о социальной иерархии и национальной идентичности, характерные для придворных кругов и консервативной части общества. В Сибири центральная власть отказалась от попыток воспроизвести социальную иерархию Европейской России (где доминировали дворяне), сделав выбор в пользу более инклюзивного общества, социально-экономической основой которого должно было стать частное землевладение. В Азиатской России сословный статус все менее использовался в качестве принципа общественной организации, при этом для характеристики населения все чаще применялся национальный критерий, что стало заметно еще до революции 1905 г.

Изменения в представлениях правящих кругов о целях и задачах освоения восточных окраин зафиксированы, в частности, в «Записке» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, составленной по итогам их поездки в Сибирь в 1910 г. Ч. Стейнвелл замечает, что авторы «Записки», рассматривавшие колонизацию как средство распространения русского влияния, оперировали двумя определениями нации: одно делало акцент на принадлежности к русскому этносу и православной вере, переселенцы идентифицировались как русские и как реализующие русский государственный интерес путем усиления границы империи с Китаем.

Однако, как считает Ч. Стейнвелл, куда чаще при характеристике сибирских переселенцев в тексте присутствует иное понимание «национальной/имперской идентичности», которая в большей мере основывалась на географии, подданстве и собственности,

нежели на принадлежности к православию и русскому этносу. Образ будущего Сибири, который рисовали себе П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, явно вдохновлял их. Авторы «Записки» утверждали, что переселения помогут Российской империи выполнить ее историческую миссию и защитить территорию, заселенную «европейскими племенами» от «азиатских рас», готовых ее заполнить. Таким образом, представители практически любой национальности могли принять участие в строительстве империи (если враг России характеризовался определенной расовой принадлежностью, а не национальной или религиозной).

По замечанию А.В. Ремнева, процесс «обрусения» Сибири воодушевлял не только русских националистов. Сибирские регионалисты тоже находили в нем свою нишу, но не считали «сибирскость» чем-то переходным или временным на пути к «единой и неделимой русской (российской) нации». «Сибирская идентичность» была ближе к политическому национальному проекту, нежели к жесткому конструкту этнонации, и сибиряк мог стать одним из областных (региональных) вариантов российской («большой русской») гражданской нации [9, с. 119].

Очевидно, при этом предполагалась ассимиляция русскими представителей самых разных этносов, проживавших в Сибири, хотя процессы ассимиляции и социокультурной адаптации могли происходить и в обратном направлении. Как отмечает американский историк В. Сандерланд [27], в смешанных поселениях пограничных областей русские и нерусские оказывали разностороннее влияние друг на друга, и русское влияние не всегда было сильнее. В некоторых случаях, в противоположность ожиданиям чиновников и интеллектуальной элиты, не столько «инородцы» подвергались «обрусению», сколько русские «обынородчивались». Основываясь на многочисленных свидетельствах современников, В. Сандерланд приводит примеры подобной ассимиляции и справедливо замечает, что хотя данное явление и не стало нормой, «обынородчивание» представляло собой такой аспект этнического ландшафта Российской империи, который невозможно игнорировать.

Таким образом, в современном западном сибиреведении, испытавшем влияние «лингвистического» и «культурного» поворота в историографии, значительное внимание уделяется проблемам самосознания индивидов и социальных групп, их самовосприятию, изучению духовной культуры сибирского населения (в частности, такой фундаментальной категории культуры, как «пространство»). В отличие от отечественных исследователей, западные историки-сибиреведы редко используют обобщающий термин «сибирская идентичность», изучая «идентичность» различных групп сибирского населения (пришлого и коренного), развитие «регионального сознания» и «сибирского регионализма» (В. Фауст, С. Штук и др.).

Ими установлено, что в числе основных факторов, повлиявших на восприятие Сибири как историко-географического пространства и определивших

способы идентификации и самоидентификации сибирского населения, следует указать географические и культурные особенности данного региона (обусловленные прежде всего взаимным влиянием пришлого и коренного населения), сложный этнический состав сибирского социума, особую роль местной интеллектуальной элиты, а также изменения в правительственной политике

Как представляется, полученные западными историками выводы следует учесть отечественным исследователям, изучающим проблему сибирской региональной идентичности, получившую столь актуальное звучание на рубеже XX–XXI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2012. 176 с.
2. Bassin M. Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // *American Historical Review*. June. 1991. Vol. 96, N 3. P. 763–794.
3. Sunderland W. The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Neue Folge. Bd. 48. H. 2. S. 210–232.
4. Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert. Goettingen, 2007. 261 S.
5. Frank S.K. Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Habilitationsschrift, University of Konstanz, 2003.
6. Kivelson V. Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007. P. 21–40.
7. Kusber J. Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. 2008. Vol. 4. P. 52–74.
8. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands «Wilder Osten». Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009. 329 S.
9. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития*. 2011. № 3. С. 109–128.
10. Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // *Лабиринт. Журн. социально-гуманитарных исследований*. 2013, № 5. С. 43–52.
11. Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. М.: ИАЭ РАН, 2009. Кн. 1.: Образы российских республик в интернете. 147 с.
12. Зайнутдинов А.Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // *Журн. социологии и социальной антропологии*. 2012. № 6. С. 335–343.
13. Paul J. Regional Identity // *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* / ed. by N. Smelser. L.: Elsevier, 2001. P. 12917–12922.
14. Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002, N 3. С. 61–120.
15. Бороноев А.О. Проблемы динамики сибирской идентичности // *Общество, среда, развитие*. 2010. № 3. С. 81–85.
16. Faust W. Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980.
17. Mohrenschildt D., von. Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth century. Rutherford; London; Toronto, 1981. 305 p.

18. *Hanson G.A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker : PhD thesis. University of Wisconsin, 1971.

19. *Watrous S.D.* Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894 : PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970.

20. *Watrous S.D.* Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture* / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 113–132.

21. *Wood A.* Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo // *Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert* / ed. by Roger Bartlett. Keele, 1984. P. 42–66.

22. *Chatterjee S.* The Steppe in History: Essays on the Eurasian Fringe. New Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 2010. 177 p.

23. *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.

24. *Stuch St.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003.

25. *Stuch St.* Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas* // *Neue Folge*, 2003, Bd. 51, H. 4. S. 549–563.

26. *Steinwedel Ch.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007. P. 128–147.

27. *Сандерланд В.* Русские превращаются в якутов? «Обыкновенничество» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет.* М.: Новое изд-во, 2005. С. 199–227.

REFERENCES

1. *Anisimova A.A., Yechevskaya O.G.* Siberian Identity: Prerequisites for Formation, Contexts of Actualization. Novosibirsk: RITs NGU, 2012, 176 p. (In Russ.)

2. *Bassin M.* Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century. *American Historical Review*, 1991, vol. 96, no. 3, June, pp. 763–794. (In Russ.)

3. *Sunderland W.* The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, 2000, Bd. 48, H. 2, S. 210–232.

4. *Weiss C.* How Siberia Became «Ours»: the Russian Geographical Society and Its Impact on the Images and Views on Siberia in the XIX Century. Goettingen, 2007, 261 p. (In Germany)

5. *Frank S.E.* Imperial Appropriation: Discourse Strategies of Colonization of Siberia by the Russian Culture. Habilitation thesis, Univetsity of Konstanz, 2003. (In Russ.)

6. *Kivelson V.* Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries. *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. Ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. L.; N.Y., 2007, pp. 21–40.

7. *Kusber J.* Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research. *Ab Imperio*. 2008, vol. 4, pp. 52–74.

8. *Stolberg E.-M.* Siberia: Russia's «Wild East». Myths and Social Reality in the XIX Century and XX Century. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009, 329 p. (In Germany)

9. *Remnev A.V.* Nationality «Siberian»: Regional Identity and Historical Constructivism of the XIX Century. *Politiya*. 2011, no. 3, pp. 109–128. (In Russ.)

10. *Golovneva Ye.V.* Regional Identity as a Form of Collective Identity and Its Structure. *Labirint. Zhurnal sotsialno-gumanitarnykh issledovaniy*. 2013, no. 5, pp. 43–52. (In Russ.)

11. *Malkova V.K., Tishkov V.A.* Culture and Space. Vol.1: Images of the Republics of Russia on the Internet. M.: IAE RAN, 2009, 147 p. (In Russ.)

12. *Zaynutdinov A.E.* Siberian identity in the Mirror of Civilization Analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. 2012, no. 6, pp. 335–343. (In Russ.)

13. *Paul J.* Regional Identity. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Ed. by N.Smelser. L.: Elsevier, 2001, pp. 12917–12922.

14. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond «Identity». *Ab Imperio*. 2002, no. 3, pp. 61–120.

15. *Boronoev A.O.* Problems of Dynamics of Siberian Identity. *Obshchestvo, sreda, razvitiye*. 2010, no. 3, pp. 81–85. (In Russ.)

16. *Faust W.* Russia's Gold Mine: Siberian Regionalism in the Second Half of the XIX Century. Koeln; Wien, 1980. (In Germany)

17. *Mohrenschildt D., von.* Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth Century. Rutherford; London; Toronto, 1981, 305 p.

18. *Hanson G.A.* Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker : PhD thesis. University of Wisconsin, 1971.

19. *Watrous S.D.* Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894 : PhD thesis. University of Washington. Seattle, 1970.

20. *Watrous S.D.* Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920. *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. Ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. N.Y., 1993, pp. 113–132.

21. *Wood A.* Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo. *Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert*. Ed. by Roger Bartlett. Keele, 1984. pp. 42–66.

22. *Chatterjee S.* The Steppe in History: Essays on the Eurasian Fringe. New Delhi: Manohar Publishers and Distributors, 2010, 177 p.

23. *Shilovskiy M.V.* Siberian Regionalism in the Social and Political Life of the Region in the Second half of the XIX – First Quarter of the XX Century. Novosibirsk, 2008, 270 p. (In Russ.)

24. *Stuch St.* Regionalism in Siberia in the Early XX Century. Koeln, 2003. (In Germany)

25. *Stuch St.* Regionalsim in Siberia in the Early XX Century. *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*, 2003, bd. 51, h.4, pp. 549–563. (In German)

26. *Steinwedel Ch.* Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917. *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. Ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. London; New York, 2007, pp. 128–147.

27. *Sunderland W.* Russians into Yakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s–1914. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let*. Moscow: Novoye izd-vo, 2005, pp. 199–227. (In Russian)

Статья принята редакцией 03.10.2016

DOI: 10.15372/HSS20160402
УДК 94(470+571.52)"17/18"

А.А. САМДАН

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В ТУВЕ В ПЕРИОД ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований,
РФ, 667000, Республика Тыва, Кызыл, ул. Кочетова, 4

Как известно, после вхождения Тувы в состав Цинской империи были введены разные виды налогообложения с населения. В статье на основе архивных источников предпринимается попытка систематизации разных налогов, собираемых с тувинских хошунов. Показано, что в результате непосильного размера налога, натурального и долгового характера торговли, навязанного русскими и китайскими купцами, социально-экономическое положение Тувы значительно ухудшилось. Прямой налог выплачивался пушниной и составлял три соболя с одного двора. Хотя в Туве было запрещено торговать пушниной, но спекуляция российских и китайских торговцев привела к повышению цены на нее более чем в 8 раз. Помимо прямого налога тувинские араты несли уртонную, пограничную, воинскую и административную повинности. Для военных нужд цинские власти также использовали людские и материальные ресурсы Тувы.

Ключевые слова: налог, пушнина, повинности, Маньчжурская империя, тувинские хошуны, караулы.

A.A. SAMDAN

THE TAXATION IN TUVA IN THE PERIOD OF CH'ING EMPIRE

History of the Tuvan Institute for Humanities,
4, Kochetova Str., Kyzyl, Republic of Tuva, 667000, Russia

This article based on the archival sources attempts at systematization of various kinds of taxes collected from *khoshuns* of Tuva in the period of Ch'ing empire. The main unit of direct tax (*alban*) was in the form of sable furs. This tax equaled three sable furs from each *orege* (household). Extermination of fur-bearing animals and penetration of Russian and Chinese commercial capital into Tuva led to increase in fur prices and impoverishment of the population of Tuva. *Undurug* was another kind of tax. Its rate was established in accordance with the "Code of Chinese Chamber of External Relations" and it had to be paid in the form of domestic animals. *Undurug* was used to pay salaries to officials and for various economic needs. Military duty seemed to be the most burdensome because it involved labor and financial resources. According to the "Code", "military lists" were made once in every three years and men from 18 to 60 years of age had to take part in the annual military call-ups. In doing so, they had to provide themselves with the ammunition, two replacement horses and foodstuffs. In addition, guard duty on the borders of Tuva and *urton* duty (maintenance of messenger service) lay as a heavy burden on *arats* (poor herdsmen). *Urtons* had a military organization and Tuvan *khoshuns* had to pay salaries to the officials and maintain *urtons*. According to the "Code", once in every three years the Tuvan *khoshuns* had to perform administrative services and other duties in the headquarters of *Uliasutai tszyan-tszyun* and *ambyn-noyon* of Tuva, in the offices of the governors of *khoshuns* and *sumons*. Thus, Tuvans had to pay various kinds of taxes and perform various duties in the period of Ch'ing empire. Penetration of the Russian and Chinese commercial capital, barter and usurious character of trade imposed by the Russian and Chinese merchants considerably aggravated the difficult socio-economic situation as it was in Tuva.

Key words: tax, furs, duty, Manchurian Empire, Tuvan *khoshuns*, guards.

После вхождения Тувы в состав Цинской империи в первой половине XVIII в. круг повинностей тувинцев расширился, а именно: 1) албан – государственная подать, прямой налог в виде пушнины; 2) ундуруг – повинность, связанная с местным налогом (исчислялась

скотом); 3) воинские, караульные, уртонные, административные, трудовые, продуктовые и др.

Маньчжурские власти официально установили постоянный размер пушного налога, собираемого с тувинского населения. По утверждению многих исследова-

Аяна Анай-ооловна Самдан – канд. ист. наук, заведующий сектором истории, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

Ayana A. Samdan – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Tuvan Institute for Humanities.

дователей, всего было определено 3000 податных юрт (*өреге*). Эта цифра оставалась постоянной, поскольку число налогоплательщиков условно считалась неизменным. В податное население входили лица муж. пола от 16 до 60 лет.

Изначально было установлено собирать по пять соболей с каждой юрты. Но уже в 1727 г. размер налога был уменьшен до трех соболей. Уплата налога регулировалась законами Маньчжурской империи и за несвоевременную и неполную уплату налога следовали суровые наказания и штрафы.

В единичных случаях, если имелось на это разрешение улясутайского *цзянь-цзюня*¹, разрешалось вносить вместо соболей другую пушнину. А.В. Адрианов, Г.Е. Грумм-Гржимайло отмечали, что «одна шкура соболя приравнивалась к 40 шкурам белок; шкуры барса, рыси и выдры – к трем соболям; волка, лисы и росомахи – половине соболя; куницы – в четверть соболя» [1, с. 627]. В архивных источниках имеется и другой расклад: одна шкура соболя приравнивалась к шкуре одной выдры или трем шкурам рыси, или двум шкурам лисицы, или же 40 шкурам белок. Вышеперечисленные пушные звери считались албанными, их строго запрещалось продавать и покупать.

С целью обеспечения установленной нормы «дани пушнинной» в 1788 г. *амбын-нойон*² Тувы Даши издал приказ, в котором строго запрещалось покупать и продавать пушнину, торговать в кредит, давать в долг. Ответственность за соблюдение данного указа Даши возложил на всех чиновников тувинских *сумонов*³, от десятника до *чангы*⁴. От уплаты албана были освобождены бедные и старики, но они должны были выполнять трудовые повинности.

Кроме того, в пушной налог включались разные надбавки на расходы, связанные как с самим сбором налога, так и с доставкой его улясутайскому⁵ наместнику.

Ежегодно в период промысла правители хошунов организовывали охоту. «По окончании же промысла, приступают к разобранию всех добытых каждой ротой собольих шкурок и записывают, сколько из оных какой доброты и сколько всех вообще» [2, с. 207]. При приеме пушнины шкуры тщательным образом сортировались и на каждой из них ставилось клеймо. Составлялся список, и в случае, если шкуру при сдаче отбракуют, то по нему можно было восстановить налогоплательщика и обязать его возместить брак.

Позднее, после проникновения в Туву русского и китайского торгового капитала, уменьшения лова

зверей прямой налог, помимо замены соболя на другие виды пушнины, разрешалось уплатить домашним скотом. Но здесь не было принято единой системы мер, что давало возможность сборщикам налогов повышать размеры самих налогов и надбавок к ним, а также совершать поборы с населения в свою личную пользу.

Чтобы вовремя и в должном количестве сдать албан, зачастую правители *хошунов*⁶ вынуждены были брать под большие проценты пушнину, деньги у китайских и русских торговцев, что привело к резкому скачку цен на пушнину. Так, в 1860 г. правитель Хемчикского хошуна Очур должен был выплатить всего 1000 шкур белки, 500 овец, 446 голов крупного рогатого скота⁷. В 1881–1886 гг. Хемчикский и Бээзи хошуны были должны 2964 *лан*⁸ серебра. Каждый год на эту сумму начислялись проценты – более 1000 *лан* серебра⁹. В 1894 г. один Хемчикский хошун задолжал китайскому торговцу более 8000 *лан* серебра¹⁰. По данным П.Е. Островских, только в 1896 г. у русских купцов было приобретено тувинцами для уплаты албана 726 *рысей*, 240 соболей, 20 бобров, 179 *выдр* и 16 947 *белок* (цит. по: [3, с. 218]).

По данным видного исследователя истории Сибири В.И. Дулова, за полвека цена на пушнину повысилась более чем в 8 раз, или с 54 до 450 тыс. руб. [3, с. 220]. Например, если в 1870-х гг. соболь стоил 6 руб., а белка – 10 коп., то в 1913–1914 гг. цена на соболя поднялась до 50–53 руб., а на белку – до 40–42 коп. Шкуру одного соболя можно было купить почти за 7 годовалых бычков. В.И. Дулов повышение цены на пушнину связывал «с ростом вывоза пушнины из Тувы и с уменьшением пушного зверя из-за его хищнического истребления» [3, с. 219].

Постоянно – два раза в год (весной и осенью) – правители хошунов приезжали на съезд (*чыыш*), где распределялся албан, имевшийся долг по хошунам и где можно было сдать собранный ими налог. Чыыш продолжался 3–10 дней, расходы (юрты, провизия, подводы) также собирали с *аратов*¹¹. Чиновники управления амбын-нойона тщательно проверяли албан и снова все сверяли. Затем весь налог заносился в список и в сопровождении чиновников доставлялся в Улясутай. При этом чиновники должны были иметь при себе «надлежащее свидетельство» и быть включенными в «особенный список» с указанием чина, возраста и т.д. Если же среди сопровождающих лиц находились люди, которые не были включены в список и «сами не состоят еще ни в какой степени», то, согласно Уложению, «главноначальствующих князей под теми дивизиями (т.е. хошунами. – А.С.), к которым таковые принадлежат, какой бы они ни были

¹ Цзянь-цзюнь – военный наместник маньчжурского императора в Монголии.

² Амбын-нойон – верховный правитель Тувы в период Цинской империи.

³ Сумон – административно-территориальная единица внутри хошуна.

⁴ Государственный архив Республики Тыва (ГАРТ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 9. *Чангы* – правитель сумона.

⁵ Улясутай – город западе Монголии, основанный маньчжурами в 1733 г. Являлся резиденцией одного из трех маньчжурских наместников в Халхе.

⁶ Хошун – административно-территориальная единица в Туве. Хошун включал в себя несколько сумонов.

⁷ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 81. Л. 79.

⁸ Лан – денежная единица и мера веса в Цинской империи, равная 31,25 г серебра.

⁹ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 107. Л. 30.

¹⁰ Там же. Д. 137. Л. 260.

¹¹ Арат – скотовод-кочевник.

степени, наказать удержанием жалованья за один год, а помощников главноуправляющих взысканием 5 *девятков*¹² скотин с каждого» [2, с. 204]. Следует отметить, что право сопровождать албан имели только правители хошунов. Лишь в случае болезни или старости они с разрешения амбын-нойона могли отправить кого-либо вместо себя. В случае же, если «не поедет сам, а пошлет под своим именем другого с подносными дарами, такового лишить достоинства и взыскать с него еще 5 девятков скотин пени, а тому, который принял на себя его имя, дать 100 ударов плетью и сверх того доправить с него 3 девятка скотин» [2, с. 205].

Для сбора образовавшегося долга албана приезжали чиновники из ставки улясутайского цзянь-цзюня, и, естественно, все их расходы также легли на тувинские хошуны. В 1889 г. в Туву трижды приезжали чиновники из ставки улясутайского цзянь-цзюня. В один из таких приездов в качестве подарка улясутайскому цзянь-цзюню и его чиновникам амбын-нойон выделил 16 шкур рыси, по 7 соболей и лисицы, 280 шкур белки, чая, разных хадаков и материалов. Затем в пользу амбын-нойона с тувинских хошунов было собрано шкур в 2 раза больше — 32 рыси, по 14 соболей и лисицы, 560 белок, а остальные товары были оценены в 2067 шкур белок. На провизию амбын-нойон собрал 8 волов и 1 корову, на подводы — 10 волов¹³.

Ежегодная сдача албана привела к тому, что целые тувинские хошуны оказывались в огромных долгах. Зачастую податное население не справлялось даже с прямым налогом, поскольку из года в год уменьшалась добыча пушнины и соответственно цена на нее росла, чего не скажешь о цене на домашний скот. Население быстро нищало.

Помимо албана, тувинские араты должны были платить и местный налог — так называемый *ундуруг*, который, как говорилось выше, взимался в основном скотом. Его размер был установлен в Уложении: с 5 голов рогатого скота взимался 1 баран; с 20 овец — 1 баран; с 40 овец — 2, «а более сего не брать, хотя бы кто имел и гораздо большее количество сих животных» [2, с. 132]. Бедные араты не платили данный налог. Позднее скот заменяли рогами оленей, шкурой, шерстью и другими продуктами скотоводства.

Основные расходы собранного ундуруга составляли выплаты жалования чиновникам, служащим канцелярии амбын-нойона, хошунов и *уртонов*¹⁴ на разные канцелярские и хозяйственные товары, а также на содержание уртонов.

Таким образом, албан и другие поборы легли тяжелым грузом на тувинских аратов. Г.П. Сафьянов приводит следующие факты: тувинец, имеющий «200 голов лошадей, 70 голов рогатого скота, 200 овец заплатил в 1898 году по июнь месяц податей и поборов:

600 белок, 5 рысей, 5 соболей, 5 кобыл, 5 баранов, 5 овец и 4 взрослых быка» (цит. по: [4, с. 227–228]). Эти поборы довели народ до обнищания. Как подчеркивал Вс. Родевич, «эти поборы уже несколько лет превосходят прибыль от стад, и сойоты, особенно богатые, постепенно разоряются. Они когда-то были значительными скотоводами по всей Монголии, теперь если у кого сто голов скотины, тот уже выдающийся богач» [5, с. 577].

Поскольку административно-территориальное управление в Цинской империи было военизированным и правящее сословие совмещало гражданскую и военную функции, то араты должны были нести и воинскую повинность.

Согласно Уложению Китайской палаты внешних сношений, один раз в три года составлялись «военные списки» мужского населения, «производя оную эскадронно (по сумонам. — А.С.) с показанием числа семейств самым вернейшим образом» [2, с. 93]. Ежегодно мужчины от 18 до 60 лет проходили военные сборы, имея при этом полное военное снаряжение, двух сменных лошадей и собственную провизию. В мирное время «один из трех должен иметь и носить военную одежду, а в военное время двое из трех отправиться в поход» [2, с. 100]. В случае мобилизации за бегство, несвоевременное прибытие виновные наказывались в зависимости от сословной принадлежности удержанием жалованья, штрафами, ударами плетью до 100 ударов, смертной казнью, снятием с должности.

В 1880 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня из Тувы были мобилизованы 2000 воинов на военную подготовку. Амбын-нойон Олзей-Очур распределил воинскую повинность по следующим пяти хошунам: Тес-Хемский — 400 воинов, Базыр — 400, Майдыр — 400, Хубсугульский — 400 и Тоджинский — 100, Бээзи хошун — 230 и Даа хошун 70¹⁵.

Помимо людских ресурсов немало средств уходило на содержание самих воинов. В 1872 г. амбын-нойон Тувы получил приказ от улясутайского цзянь-цзюня, в котором последний указал, что для отправки в Или¹⁶ войска, подвод, выплаты жалования, строительства дополнительных уртонов необходимо выделить средства. Остро стояла и проблема нехватки провизии войскам и поэтому из Тувы следовало срочно собрать и отправить 10 тыс. овец. Амбын-нойон Олзей-Очур распределил необходимое количество овец по хошунам, но, учитывая последствия падежа скота и бедственное положение аратов, приравнял 10 баранов к одному молодому бычку¹⁷.

В 1874 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня только с хошуна Даа¹⁸ для воинских нужд было собрано 800 голов овец. Скот был распределен между десятью сумонами хошуна, видимо, учитывая плате-

¹² Девяток — основная единица штрафа скотом. В состав одного девятка входили 4 головы крупного рогатого скота и 5 овец, которые в случае необходимости могли заменяться другими видами скота.

¹³ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 113. Л. 126.

¹⁴ Уртон — почтовая станция в Туве и Монголии.

¹⁵ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 69. Л. 68.

¹⁶ Или — название реки в Восточном Туркестане.

¹⁷ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

¹⁸ Даа — название одного из многонаселенного хошуна Тувы.

жеспособность населения. Чангы Балжинмай должен был собрать 350 голов, а чангы Ванчик только 25¹⁹.

Цинские власти для войска закупали скот в Туве. В 1875 г. по приказу улясутайского цзянь-цзюня необходимо было до середины лета доставить в Улясутай 5262 молодых барана. Олзей-Очур, понимая, что такое количество скота невозможно собрать за короткий срок, выделил из своего хозяйства 1500 голов. По настойчивому требованию цзянь-цзюня второй раз удалось собрать еще 2028 голов овец, а в качестве отступных цзянь-цзюнь получил взятку — 20 шкур рыси. Но цзянь-цзюнь вновь настаивал на своем, тогда амбын-нойону к концу года удалось собрать 100 лан и с другими подарками поехать в Улясутай, чтобы получить отсрочку или вовсе не сдавать оставшееся количество скота²⁰.

Зачастую случалось, что цены на скот были значительно ниже рыночных, а иногда его забирали бесплатно. Как писал В.И. Дулов, «в 1911 г. по Салчакскому и Кемчикским хошунам три чиновника собрали 38 лошадей, ничего за них не заплатили, сами же брали с тувинцев по 7 лан в сутки и съедали по одному барану» [3, с. 226].

Таким образом, широкомасштабные военные действия маньчжуров легли тяжким бременем на тувинских аратов, усугубив социально-экономическое положение Тувы.

Еще одной повинностью, которую должны исполнять подданные маньчжурского императора, было несение **пограничной повинности**. После заключения в 1727 г. Буринского трактата между Цинским Китаем и Россией вдоль пограничных линий были установлены гарнизоны-караулы (*хараалы*). Между пограничными пунктами Богсого-даваа (на востоке) и Шабин-даваа (на западе) были расположены 24 пограничных гарнизонов-караула.

К службе пограничных караулов главным образом привлекались араты, которые вместе со своими семьями переезжали на место прохождения службы. В каждом гарнизоне также вместе с семьями проходили службу и цирики (солдаты). Во главе гарнизона обычно ставили маньчжурских офицеров. Если же по каким-либо причинам араты не могли прибыть на место службы в назначенный день, то чангы лишали чина и штрафовали на 3 девятка, *хунду*²¹ — лишали также чина и штрафовали на 2 девятка, а рядовых — 100 ударами плетью [2, с. 69].

К основным функциям пограничных караулов можно отнести следующее: предотвращение бегства за границу; проверка документов и разрешений на пересечение границы, а также досмотр товаров — с целью не допустить контрабанды и т.д. По маньчжурским законам, бегство за границу, оставление постоянного места проживания без разрешительных документов считалось тяжким преступлением и каралось смертной

казню, а «на семьи казненных налагали штраф в размере двух девяток голов скота в пользу маньчжурской казны» [6, с. 197].

Один раз в три года улясутайский цзянь-цзюнь вместе с чиновниками приезжал в Туву, чтобы проверить пограничные знаки. Все расходы, конечно же, несли простые араты. В.И. Дулов приводит следующие сведения: «Для поездки цзянь-цзюня со свитой для осмотра северо-западной границы в 1908 г., продолжавшегося целый месяц, потребовалось 19 980 лошадей, 3870 верблюдов, 5760 проводников (*улаачы*), 1710 юрт, 270 палаток и 2490 баранов» [3, с. 226].

Для проверки пограничных караулов тувинские хошуны должны были выделить на 5 чел. 5 проводников, 9 лошадей, 9 верблюдов, 6 юрт, 3 барана для еды и 14 ямщиков²².

Уртонная повинность. Помимо пограничных караулов в направлениях, имевших военно-административное значение, были созданы дорожно-почтовые станции (*уртоны*). Последние учреждались для военных целей, поэтому никто не имел права пользоваться почтовыми лошадьми или отправлять частные письма и посылки, кроме как только служебные. В случае использования почтовых лошадей и людей для личных нужд, согласно Уложению, чиновников понижали «двумя степенями, определяли к другой должности, а высших его начальников за слабое смотрение, понизив одним чином, оставляли при прежней должности» [2, с. 56].

Всего на территории Тувы было 9 уртонов. Уртоны должны были доставлять почту, обеспечивать транспортом, проводниками (*улаачы*), ночлегом и провиантом проезжающих чиновников и правительственных гонцов (*элчи*). Расходы, связанные с обслуживанием уртонов, легли на плечи аратов. Последние привлекались к выполнению различных трудовых повинностей: пасли скот, готовили еду, шили одежду и т.д.

Уртоны имели военную организацию, схожую с сумонной, т.е. в каждой станции служили чангы, *бижээчи*²³, *бошка*²⁴, несколько рядовых и проводников. Уложением Китайской палаты внешних сношений регламентировалось, чиновнику какой степени сколько полагается провизии, штат чиновников, количество лошадей, верблюдов, юрт и т.д. Так, высшим чиновникам отпускали 1 барана, 8 чел. свиты, 16 лошадей; полковым адъютантам, поручикам и прапорщикам — по 2 бараньих ноги; унтер-офицерам и рядовым — по 1 ноге, 1 чел. для свиты, 3 лошади [2, с. 32].

Хошуны должны были выплачивать заработную плату чиновникам, а именно: чангы в качестве жалованья получал 60 лан серебра в год, бошка — 36, бижээчи — 27, каждый рядовой — 24 и проводники — 18 [2, с. 18]. Помимо выплаты жалованья требовалось покрывать расходы на канцелярские товары, на сед-

¹⁹ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 60. Л. 34.

²⁰ Там же. Д. 39. Л. 36, 41; Там же. Д. 41. Л. 72.

²¹ Хунду — помощник правителя сумона.

²² ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 72. Л. 39.

²³ Бижээчи — писарь.

²⁴ Бошка — унтер-офицер.

ла, потники, котлы и другие хозяйственные нужды. По подсчету монгольского историка Ц. Насанбалжира, на содержание одного уртона в течение года необходимо было от 540 до 720 лан серебра. Таким образом, в Туве на все 9 уртонов тратилось до 4860–6480 лан серебра.

В случае, если обедневшие хошуны не были в состоянии нести уртонную повинность, то с 1886 г., следуя приказу амбын-нойона, расходы этого хошуна (в данном случае ухери-да Хишигжаргала) распределялись между остальными хошунами Тувы. Так, хошун ухери-да Дугара должен выплатить 420 шкур белок или деньги²⁵.

О приезде чиновников сообщали нарочными, которые отправлялись заранее. В свою очередь, амбын-нойон, получив известие о составе чиновников, отправлял приказ правителю хошуна, где содержался необходимый перечень. Если же уртоны по разным причинам не могли обеспечивать подводами и продовольствием, то за отказ дать подводы чиновник наказывался одним девятком, продовольствия — взыскивался один бык [2, с. 61].

По данным В.И. Дулова, «в 1900 г. для обслуживания проезжавшего цинского чиновника с его свитой у аратов было взято 286 лошадей, 54 верблюда, 51 юрта, 3 палатки, 300 уздечек, 60 арканов и т.д., причем это только на одной уртельной станции» [3, с. 225–226]. Другой пример: в 1908 г. для приезда амбын-нойона каждый уртон, лежавший «на пути следования амбын-нойона, должен был приготовить 64 слуг (улаачы), 222 лошади, 43 верблюда, 19 юрт, 3 палатки и большое число баранов для пропитания чиновника и его большой свиты» [7, с. 223].

Схожей к уртонной повинностью была **административная служба**. По Уложению Китайской палаты внешних сношений, один раз в три года хошуны должны были нести административную службу в ставках улясутайского цзянь-цзюня, амбын-нойона Тувы и в канцеляриях правителей хошунов и сумонов. Расходы на обслуживание управления улясутайского цзянь-цзюня в год обходились около 2700 лан серебра [8, с. 199]. У нас нет данных о расходах в ставке амбын-нойона Тувы, но можем предположить, что они могут составлять чуть-чуть меньше этой суммы. Как и в уртонной службе, каждый сумон отправлял штат чиновников и служителей (кочага, медээчи, соодал) в ставку амбын-нойона. Как писал Г.Н. Потанин о хубсугульских тувинцах: «...Уин-огурде (правильно: Оюн угер-да. — А.С.) обязан барщиной из трех человек в год, которые и отправляются из хошуна на Самогылтай (правильно — Самагалтай), а через три года сменяются» [9, с. 423].

Административная служба включала разнообразные формы повинностей: трудовую — уход за скотом,

дойка, уборку, приготовление еды и т.д.; транспортную — перевозка чиновников или скота от одного кочевья до другого, доставку документов, писем; общественную — вызов в суд, исполнение судебных решений.

Таким образом, в период вхождения Тувы в состав Цинской империи тувинцы выплачивали множество разного рода податей и несли повинности. Проникновение русского и китайского торгового капитала, навязанный ими натуральный и долговой характер торговли во многом усугубили и без того тяжелое социально-экономическое положение Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край // Урянхай. Тува дептер. М.: Слово, 2007. Т. 2. С. 375–638.
2. Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. С. Липовцева. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1828. 319 с.
3. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начала XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 607 с.
4. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тува дептер. М.: Слово, 2007. Т. 5. С. 202–253.
5. Родевич В.М. Урянхайский край и его обитатели // Урянхай. Тува дептер. М.: Слово, 2007. Т. 3. С. 543–582.
6. История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е. М.: Наука, 1967. 357 с.
7. История Тувы. Новосибирск: Наука, 2001. Т. I. 366 с.
8. Монгол Улсын түүх. Дөтгөөр боть. (XVII–XX зууны эхэн). Улаанбаатар: АМДОН, 2004. 420 с.
9. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. // Урянхай. Тува дептер. М.: Слово, 2007. Т. 2. С. 419–495.

REFERENCES

1. Grum-Grzhimailo G.E. Western Mongolia and Uriankhai Region. *Uriankhai. Tyvadepter*. Moscow, vol. 2, pp. 375–638 (In Russ.)
2. The Code of China Chamber of Foreign Relations. Transl. by S. Lipovtsev. SPb.: Tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1828, 319 p (In Russ.)
3. Dulov V.I. The socioeconomic history of Tuva (XIX – beginning of XX century.). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956, 607 p (In Russ.)
4. Yakovlev E.K. Ethnographic review of foreign population of the Yenisei River's Southern valley. *Uriankhai. Tuva depter*. Moscow, vol. 5, pp. 202–253 (In Russ.)
5. Rodevich V.M. Uryankhai region and its inhabitants. *Uriankhai. Tuva depter*. Moscow, vol. 3, pp. 543–582 (In Russ.)
6. History of the Mongolian People's Republic. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1967, 357 p. (In Russ.)
7. History of Tuva. Novosibirsk: Nauka, 2001, vol. I, 366 p. (In Russ.)
8. History of Mongolia. Ulaanbaatar: АМДОН, 2004, vol. IV: (XVII – early XX century.) 420 p. (In Mong.)
9. Potanin G.N. Essays on Northwestern Mongolia. *Uriankhai. Tuva depter*. Moscow, vol. 2, pp. 419–495 (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.10.2016

²⁵ ГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 112. Л. 38.

DOI: 10.15372/HSS20160403
УДК 94(571.1/5)"1861/1917"

М.К. ЧУРКИН

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ (1861–1917 гг.): ИМПЕРСКИЙ ВЕКТОР

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644007, г. Омск, ул. Яковлева, 166, кв. 73

Статья посвящена широко растиражированной в отечественной историографии проблеме периодизации переселенческой политики России во второй половине XIX – первой четверти XX в. По мнению автора, в историографии этого вопроса сложилась тупиковая ситуация. Она объясняется прежде всего тем, что вне поля зрения исследователей остается культурный аспект имперской колониальной политики. В условиях внутренней колонизации имперские власти в качестве главной цели ставили вопрос обеспечения имперской безопасности, что выводило на первый план задачи колониального принуждения. Данные практики, в соответствии с законом «колониального бумеранга», транслировались впоследствии не только обратно в метрополию, но и реализовывались в условиях окраинной политики.

Ключевые слова: переселенческая политика, дискурс, имперская безопасность, внутренняя колонизация, сибирский регионализм, крестьянство, самоколонизация, «колониальный бумеранг», историографическая традиция.

M.K. CHURKIN

RESETTLEMENT POLICY IN SIBERIA (1861–1917): IMPERIAL VECTOR

Omsk State Pedagogical University
(State Educational Institution of Higher Education OSPU),
73, 166, Yakovleva Str., Omsk city, 644007, Russian Federation

The paper examines a model of the modern historiographical discourse on the problem of periodization of the resettlement policy of Russian state and a new approach to addressing the issue based on the research practices of the “new history of the Empire”. In this respect, the aim of this work is to establish and fix the alternative criteria for periodization of the government resettlement policy as an important element of the Imperial project of colonization in the second half of the XIX – the first quarter of XX centuries. The research showed that under conditions of Russian colonization a type of complex domination (defined as “internal imperialism”) took place. Its main components comprised cultural expansion, hegemony of power and also assimilation within the state borders. The Imperial Government implemented these assigned tasks in the interests of security of the Empire, and respectively, it had a function of “connective tissue”, bringing the Imperial policy to a common denominator. In the context of national security, immigration policy was originally developed as a part of internal colonization project. In the 1860–1870s the developments in the Western outskirts, especially in the context of Polish separatism and Ukrainophilic sentiments, became an imperative to arrange the basis of resettlement policy. Fears of Siberian regionalism forced the national-conservative parties and the government to restrict the resettlement activity of peasants suggesting a preference for the wealthy and moderately wealthy peasantry as the main participants of colonization. An important episode of colonization that influenced the resettlement policy was the process of construction and operation of the Siberian railway positioned as a reliable method of Russification of the eastern suburbs and the argument against the separatist ideas and attitudes. The chosen vector remained relevant when the Stolypin agrarian policy was implemented. However, during this period, models and practices aimed at ensuring the security of the Empire were substantially adjusted.

Key words: resettlement policy, discourse, Imperial security, internal colonization, Siberian regionalism, peasantry, self-colonization, “the colonial boomerang”, historiographical tradition.

Михаил Константинович Чуркин – д-р ист. наук, профессор Омского государственного педагогического университета, e-mail: proffchurkin@yandex.ru.

Mikhail K. Churkin – Doctor of Historical Sciences, Professor of Omsk State Pedagogical University.

В современной отечественной историографии сложилась весьма пестрая, но при этом однородная схема периодизации правительственной политики в сфере переселенческого движения. Характерной чертой исследовательских подходов можно назвать использование при периодизации критериев социально-экономического и политико-правового характера. В качестве таких эпохальных «вешек» авторы, во многом оправданно, называют нормативно-правовые акты периода либеральных реформ 1860–1870-х гг., мероприятия, связанные со строительством Транссиба [1, с. 85], деятельность КСЖД [2], политику Кабинета в отношении переселенческого процесса и его динамических характеристик [3, с. 4–5], системные изменения правительственных подходов к переселенческому движению, в том числе в столыпинский период [4, с. 72; 5, с. 104–105]. Последний подход детально обоснован в работах Д.Н. Белянина, выделяющего шесть периодов в переселенческой политике в широких хронологических границах 1861–1917 гг. Историк резюмирует, что переселенческая политика стартовала с дискуссионной фазы по вопросу о легализации переселенческого движения и на последующих этапах представляла собой различные варианты и способы реакции власти на миграционную мобильность крестьянства. При этом, по мнению Д.Н. Белянина, уже с 1893 г. имперские власти отказались от подходов и практик, в которых переселения рассматривались только как путь к урегулированию «земельного утеснения» и аграрного перенаселения, а на втором этапе столыпинской аграрной политики (1911–1914 гг.) «колонизация Сибири превратилась в самостоятельную цель. Магистральной задачей являлось хозяйственное развитие Сибири, включение ее в единую социально-экономическую систему Российской империи...» [6, с. 102].

Примечательно, что современный историографический дискурс задает определенную модель понимания переселенческого процесса и переселенческой политики, в которой доминирует политическая компонента колонизации, что во многом объясняется долгосрочной историографической традицией.

Не ставя под сомнение большой объем и продуктивность работы, проделанной научными экспертами по проблемам периодизации переселенческой политики, отметим, что вне поля зрения историков удивительным образом оставался колонизационный аспект вопроса, а именно культурный его компонент, который в сочетании с политической составляющей определяет сущность имперского процесса колонизации.

По определению А. Эткинды, российский вариант «внутренней колонизации» (самоколонизации) может трактоваться шире, чем в классических теориях, определяющих данное явление как процесс простого доминирования, когда переселенцы мигрируют из колонизирующей группы на колонизируемую территорию [7, с. 18]. В российских условиях реализовывался вариант более сложного доминирования, постулируемый как «внутренний империализм» – процесс культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах госу-

дарственных границ. В этой связи возникает вопрос о степени надежности и универсальности тех маркеров переселенческой политики, которые долгие годы формулировались в специальной литературе. Насколько убедительной является модель, в которой переселенческое движение и его организация (законодательная, циркулярная, практическая) абсолютно слитны с решением государством экономических задач (крестьянское малоземелье, перенаселение и т.д.)? Более того, возникает вопрос, насколько оправдан приоритет политической доминанты в управлении переселенческим движением? Наконец, можно ли безапелляционно говорить о постоянном переформатировании правительственного курса в колонизационной политике и ее переселенческом сегменте?

При решении поставленных вопросов нам представляется эффективным использование другого критерия, определявшего процесс формирования имперской программы колонизации, в том числе и обозначения в ней власти места переселенческого вопроса. Этим критерием является, несомненно, безопасность империи. Следует заметить, что долгосрочный опыт территориальной экспансии, приобретенный Россией в протоиимперский и имперский периоды государственности, являлся благодатной почвой для реализации колонизационных задач в форме масштабных культурных проектов ориенталистского типа, которые были основаны на практиках принуждения и администрирования. В 1951 г. Ханна Арендт ввела в научный оборот термин «колониальный бумеранг» (цит. по: [7, с. 19]). В ее трактовке он означал процесс, в котором имперские власти переносят практику принуждения из колонии обратно в метрополию. В более широкой интерпретации, этот «колониальный бумеранг» «летал» и по другим траекториям – от окраины к окраине. Общеизвестно, что рост миграционной мобильности крестьянства и расширение переселенческих практик по времени совпали с польским национальным движением начала 1860-х гг., которое вкупе с памятью о событиях 1830-х гг. вызывало серьезные опасения у власти и национал-консервативной части общества, вылившиеся, по замечанию А.В. Ремнева, в фобию сибирского сепаратизма [8, с. 12].

В «правой» публицистике 1860–1880-х гг. вопрос о безопасности империи увязывался с актуализацией польских событий, а также зарождением украинофильства. В этом смысле весьма показательны перечень статей, опубликованных в «Московских ведомостях» за 1877 г., демонстрирующий востребованность и актуальность националистической журналистики и риторики: «Русское народное движение минувшего года»; «Интрига чужих и своих врагов против русского народного чувства»; «Негодование на органы печати, смущающие русское патриотическое чувство» и т.п. [9, с. 1].

Соображения безопасности, занимавшие в дискурсе адептов теории «большой русской нации» центральное место, неизбежно транслировались и на отношение к восточным окраинам страны, занимавшим

особое место среди других имперских окраин. В 1865 г. в связи с упразднением деятельности II Сибирского комитета министр народного просвещения А.В. Головин заявил, что в отличие от Польши и Финляндии Сибирь, Кавказ, Крым и Остзейские губернии являются составными частями Российской империи [10, с. 157]. По констатации М.И. Венюкова, «полное политическое спокойствие царствует на всем обширном пространстве от Урала до Тихого океана <...> В общегосударственном смысле Северная Азия является не мятежной колонией <...>, а простым продолжением империи...» [11, с. 114–115]. В начале 1880-х гг., накануне 300-летия присоединения Сибири к России, эти размышления национал-консерваторов свелись к окончательной формуле: «Сибирь не колония только, не окраина, не придаток – она есть существенная часть России...» [12, с. 996].

Таким образом, идея национальной безопасности определила логику поступков имперской администрации всех уровней в разработке программы переселенческого движения. В деятельности властей, при отсутствии организационной стройности, можно обнаружить, как минимум, системность действий, направленных на реализацию основной задачи – обеспечение безопасности империи. В рамках этого курса в 1860–1870-х гг. воплощались фундаментальные идеи, заимствованные имперскими властями в общественно-политическом дискурсе национал-консерваторов: только та земля является русской, где прошел плуг пахаря, и, соответственно, только русский крестьянин в Сибири выступает в роли русификатора и культуртрегера. Уже в конце 1860-х – начале 1870-х гг. неофициально декларируемые принципы колонизации начинают «монтироваться» с практикой переселенческого дела. Например, политическое кредо центральной власти по вопросу оттока земледельческого населения страны на окраины империи в рассматриваемый период Я.Ф. Ставровским и В.В. Алексеевым было охарактеризовано как «отрицательно-сдерживательное» [13, с. 2]. На протяжении 1860–1870-х гг. предоставление крестьянам Европейской России разрешения переселяться являлось скорее исключением, нежели правилом. Губернские по крестьянским делам присутствия, ссылаясь на правительственные директивы, пачками отклоняли крестьянские прошения о переселении в другие губернии, аргументируя отказ наличием недоимок¹. В 1876, 1881, 1886 и 1889 гг. государство опубликовало Правила об увольнении крестьян из сельских обществ и о приписке к обществам, Временные правила и, собственно, переселенческий закон, которые ужесточили требования к увольнявшимся крестьянам.

Важным фактором, оказавшим влияние на переселенческую политику, являлось наличие достаточно колониального фонда в границах других окраин, что давало возможность имперским властям апробировать модели взаимодействия с крестьянством, как глав-

ным субъектом аграрной колонизации, в условиях относительной территориальной близости. Из десяти крупнейших миграционных потоков 1870 – конца 1880-х гг. переселенцы из черноземного центра Европейской России двигались в трех направлениях: в новороссийские губернии – 374 тыс., в столичный регион – 325,5 тыс., на Северный Кавказ – 301,3 тыс. душ обоного пола [14, с. 39].

Стабильность правительственного курса и логика безопасности реализовывались и в вопросе о ссудах, предназначенных переселенцам. В 1884 г. на переселение было отпущено 40 тыс. руб., а с 1885 по 1889 г. кредит был сокращен до 20 тыс. руб. в год [15, с. 250].

Сокращение кредитов на переселенческое дело преследовало вполне определенную цель: в условиях геометрически прогрессирующего роста несанкционированных переселений (1885 г. – 1 277 семей; 1886 г. – 5 490; 1887 г. – 9 094; 1888 г. – 13 109)² – обеспечить ссудами только ту часть крестьянства, которая направлялась в Сибирь, имея проходные свидетельства, продемонстрировав тем самым самовольным переселенцам пагубность и бесперспективность их намерений.

В период строительства Сибирской железной дороги и первые 15 лет ее функционирования не произошло кардинальных изменений в имперском курсе колонизации. По определению Ф.-Б. Шенка, Транссибирская магистраль рассматривалась имперскими властями не только как стратегический проект, центром которого являлась задача подготовки военных кампаний на Дальнем Востоке, но и в качестве инструмента территориальной консолидации и достижения культурной однородности империи [16, с. 367]. Наиболее рельефно имперская составляющая оказалась запечатлена в рассуждениях современников и наиболее последовательных сторонников железнодорожного строительства – М.Н. Каткова и министра финансов С.Ю. Витте. Первый полагал, что «рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение» [16, с. 367]. Второй открыто заявлял: «... И если бы даже она (железная дорога) встретила на пути своем совершенно дикое население, то в короткий срок цивилизовала бы его до необходимого уровня» [16, с. 368].

Реализация колониальных планов оказалась зафиксированной в ряде важных правительственных решений политико-экономического характера, в частности, в правилах 1894 г., разрешавших выход на переселение только тем крестьянским хозяйствам, которые располагали достаточным количеством средств (300–500 руб.). Отметим также, что наиболее последовательным курс переселенческой политики становился тогда, когда проблема национальной безопасности актуализировалась. Министр внутренних дел В.К. Плеве еще в 1890-х гг., под предлогом опасности оттока православного населения, выступил с категорическими возражениями против предложения С.Ю. Витте относительно использования в качестве

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 26. Оп. 12. Д. 52. Л. 2.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1273. оп. 1. Д. 354. Л. 26.

переселенческого материала русских крестьян западных губерний – Минской, Могилевской и Витебской³.

Апофеозом переселенческой политики «безопасности» второй половины XIX – начала XX вв. стало учреждение Переселенческого управления, по форме организации и функциям максимально приближенного к министерствам колоний европейского типа. По справедливому замечанию В. Сандерленда, во главе управления стояли технократы, полностью осознававшие колониальную направленность своей работы [17, с. 129]. Именно с появлением Переселенческого управления статус крестьянства в миграционном процессе стал меняться. С активизацией переселенческого движения и приростом русского населения на восточных окраинах страны проблема безопасности, с точки зрения плотности русскоязычного населения, была в основном решена. Однако в исследуемый период появились новые сложности. Ставка имперских властей на состоятельное и среднесостоятельное крестьянство подверглась существенной коррекции в процессе крестьянских миграций. Хозяйства выходцев из черноземной полосы России, составлявшие остов переселенческого движения, на рубеже XIX–XX вв. стремительно теряли свою доходность, что обуславливалось аграрным кризисом в центре страны. Изучение денежной состоятельности переселенцев Курской, Воронежской, Тамбовской и Орловской губерний, прибывших в этот период в губернии Западной Сибири, показало, что общее количество крестьянских хозяйств, имевших денежные средства, вырученные от продажи имущества на родине (до 250–300 руб. в 1880-е гг.), было значительно бóльшим, чем по Европейской России в целом: 88,0 % против 8,0 %, однако число таких хозяйств динамично сокращалось, и к 1892–1893 гг. составило 39,2 % к 40,7 % по европейским губерниям [18, с. 250].

Период столыпинской аграрной политики (1906–1916 гг.) во многом продолжил реализацию проекта колонизации, разработанного в предшествующие годы. Вместе с тем, в эти годы отчетливо проявились новые аргументы в пользу обеспечения имперской безопасности. Зона колонизации постепенно смещалась от ареала железной дороги в подтаежные, таежные и степные районы. За спиной реформаторов оставалось поражение в Русско-японской войне и кровь от Первой русской революции, и все это требовало принятия адекватных стабилизирующих обществу мер.

Освободить Россию от «бунташного» материала, вернуть крестьянство к исконным земледельческим занятиям – вот основное содержание политической программы П.А. Столыпина. Кроме того, в условиях изменения колониальных траекторий резко усилилось значение имперского фактора в организации переселенческого движения. Переселенческое управление не только содействовало расширению зоны колонизации, но и принудительно навязывало местному населению колониальную власть, что порождало регу-

лярные социальные, этнические и конфессиональные конфликты в сибирской деревне. В сложившихся обстоятельствах крестьянство стремительно утрачивало статус свободного актора колонизации, превращаясь в субалтерна империи.

Таким образом, вопрос, касающийся периодизации переселенческой политики, требует определенной коррекции с учетом имперской составляющей колониального процесса. Решение задач безопасности в период с 1861 по 1917 г. составляло главную цель проекта внутренней колонизации империи, и переселенческая политика была направлена именно на достижение этой цели, в то время как вопрос социокультурного и хозяйственно-экономического развития Сибири первоочередным не являлся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: Параллель, 2009. 403 с.
2. Дорощев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX века. Томск: Том. ун-т, 2009. 318 с.
3. Силина И. Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX в. на территории Алтайского округа // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в.: сб. науч. ст. Барнаул: АзБука, 2004. Вып. 2. С. 3–12.
4. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 278 с.
5. Белянин Д. Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 314 с.
6. Белянин Д.Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016. 696 с.
7. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
8. Ремнев А.В. Призрак сепаратизма // Родина. М., 2000. № 5. С. 10–17.
9. Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897. 1877–1884 гг.
10. Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний – русский «sonderweg»? // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150–182.
11. Венюков М.И. Россия и Восток: собрание географических и политических статей. СПб.: Б.и., 1877. 297 с.
12. Современная летопись: Гонение на православие в России // Русский вестник. 1883. Т. 164. С. 992–998.
13. Ставровский Я.Ф., Алексеев В.В. Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. СПб.: Электротип. Н. Я. Стойковой, 1906. Вып. 18. 93 с.
14. Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX века (по материалам переписи и паспортной статистики). М.: Наука, 1978. 215 с.
15. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1900. 375 с.
16. Шенк Ф.-Б. Imperial inter-rail: Влияние межнационального и межимперского восприятия и соперничества на политику железнодорожного строительства в царской России // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700 – 1917): сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 354–381.

³ РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 211. Л. 132.

17. Сандерленд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–150.

18. Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. 376 с.

REFERENCES

1. The Role of the State in the Development of Siberia and the Upper Irtysh region in XVII–XX centuries / ed. by M.V. Shilovsky. Novosibirsk: Parallel' Publ., 2009, 403 p. (In Russ.)
2. Dorofeyev M.V. Peasant Land Use in Western Siberia in the Second Half of the Nineteenth Century. Tomsk: Tomsk State University, 2009. 318 p. (In Russ.)
3. Silina I.G. The Dynamics and Intensity of Migration Processes in the Second Half of the XIX – Early XX Century in the Altai Territory. *Altayskaya derevnya vo vtoroy polovine XIX– nachale XX v.: sb. nauch. st.* Barnaul: AzBuka, 2004, is. 2, pp. 3–12. (In Russ.)
4. Razgon V.N., Hramkov A.A., Pozharskaya C.A. Stolypin Agrarian Reform and the Altai. Barnaul: Publishing house of the Altai University, 2010, 278 p. (In Russ.)
5. Belyanin D.N. Stolypin's resettlement policy in Tomsk province (1906–1914): dis. ... cand. of hist. sciences. Kemerovo, 2003, 314 p. (In Russ.)
6. Belyanin D.N. The State Policy of Agrarian-Peasant Migrations to Western Siberia in 1861–1917: dis. ... doc. of hist. sciences. Tomsk, 2016, 696 p. (In Russ.)
7. Etkind A. Internal colonization. Russia's Imperial experience. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 448 p.
8. Remnev A.V. The Phantom of Separatism. *Rodina*. Moscow, 2000, no. 5, pp. 10–17. (In Russ.)
9. Collection of Editorials of the «Moscow News». Moscow, 1897. (In Russ.)
10. Remnev A.V. Russian authorities in Siberia and Far East: Colonialism without the Ministry of the Colonies – Russian “Sonderweg”? *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)*: sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 150–182. (In Russ.)
11. Venyukov M.I. Russia and the East. Collection of geographical and political articles. SPb., 1877, 297 p. (In Russ.)
12. A modern chronicle: Persecution of Christianity in Russia. *Russkij vestnik*. 1883, vol. 164, pp. 992–998. (In Russ.)
13. Stavrovskiy J.F., Alekseev V.V. Resettlement to Siberia. Forward and reverse movement of the displaced families and singles going to work as well as khodoks. SPb.: Electrotip. N. Ya Stanovoy, 1906, vol. 18, 93 p. (In Russ.)
14. Tikhonov B.V. Resettlement in Russia in the Second Half of the XIX Century (on the Materials of Census and Passport Statistics). Moscow: Nauka, 1978, 215 p. (In Russ.)
15. The colonization of Siberia in connection with the overall migration issue. SPb.: Kantselyariya Komiteta ministrov, 1900, 375 p. (In Russ.)
16. Schenk F.-B. Imperial inter-rail: Influence of inter-ethnic and inter-imperial perception and competition on the policy of railway construction in tsarist Russia. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)*: sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 354–381. (In Russ.)
17. Sunderland V. The Ministry of Asiatic Russia: the colonial office that never was but might have been. *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)*: sb. st. / Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 105–150. (In Russ.)
18. Churkin M.K. Migration of peasants from the Chernozem Center of European Russia to Western Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries: Determinants of Migration Mobility and Adaptation. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006, 376 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.09.2016

DOI: 10.15372/HSS20160404
УДК 070+94(47)

Н.Н. РОДИГИНА, В.Н. ХУДЯКОВ

**СЛОВО И ДЕЛО «О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ»:
ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННОК»**

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, ул. Партизанская, 4а
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, Тобольск, ул. им. Акад. Ю. Осипова, 15

В статье охарактеризован поколенческий дискурс журнала «Современник» и полемика вокруг суда (1866) по поводу статьи Ю.Г. Жуковского «Вопрос о молодом поколении». Показано, что поколенческая риторика активно использовалась журналом с середины 1850-х гг. в рамках характерной для традиционного общества идеи преемственности отцов и детей. Однако с конца 1850-х гг. редакция «Современника» стала писать о безжизненности союза поколений и росте противоречий между «старым» и «новым» в реформирующейся России.

«Современник» стремился стать «властителем дум» молодежи, влиять на ее социальное поведение. Анализ текстов журнала выявил следующие жанры прямого управления поведением читателей: с помощью дискурса, выполнявшего директивные функции; путем формирования образа врага; посредством описания будущих событий в форме прогнозов и др.

Ключевые слова: общественная мысль России, вторая половина XIX – начала XX в., история журналистики, поколенческий дискурс.

N.N. RODIGINA, V.V. KHUDYAKOV

**WORD AND DEED “OF THE YOUNG GENERATION”:
FROM THE HISTORY OF THE MAGAZINE “SOVREMENNİK”**

Omsk State Pedagogical University,
4a, Partizanskaya str., Omsk, 644099, Russian Federation
Tobolsk complex scientific station UB RAS
15, Acad. Yu. Osipova Str., Tobolsk, 626152, Russian Federation

The article describes the generational discourse of “Sovremennik” magazine in the 1860s and the social polemics around the trial initiated in respect of publication of Yu.G. Zhukovsky’s article “The Question of the Young Generation” in 1866, which had evoked a great public response. The sources include the texts on generational issues published in “Sovremennik” magazine in 1855–1856; the newspaper publications about the trial against the employees of the magazine; the memoirs of trial participants; the memoirs of the Sixtiers about the impact of the magazine on their world outlook; unpublished clerical sources which cast light on the course of the trial. The magazine had been actively exploiting the generational rhetoric since the mid-1850s based on the idea of continuity of generations of fathers and sons, typical for a traditional society. Like the other “thick magazines” “Sovremennik” described the history of literature and public thought by constructing the models of literature generations. Yet in late 1850s – early 1860s it actualized the idea of lifelessness of the generations’ union and of growing contradictions between the “old” and the “new” in the reforming Russia. “Sovremennik” not just tried to become the “ruler of the minds” of the educated youth, it also tried to influence their social behavior, using the social mobilization resource based on the generational principle. The analysis of the magazine’s texts allowed to find the following genres of the direct action management: using the discourse of the pragmatic directive functions (instructions); creation of the image of the Other as an enemy; description of the future events in the form of the forecasts and scenarios, combined with different types of tips; using the rhetoric device – repetition. The impact of “Sovremennik”’s generational discourse was indicated by the lawsuit against Yu.G. Zhukovsky and the executive editor A.N. Pypin

Наталья Николаевна Родигина – д-р ист. наук, профессор Омского государственного педагогического университета, ст. науч. сотр. Тобольской комплексной научной станции УрО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru.

Виктор Николаевич Худяков – д-р ист. наук, профессор Омского государственного педагогического университета, e-mail: vnh_ist@mail.ru.

Nataliya N. Rodigina – Professor of the Department of the Russian history of Omsk State Pedagogical University, Senior Researcher of the Tobolsk complex scientific station UB RAS.

Viktor N. Khudyakov – Professor of the Department of the Russian history of Omsk State Pedagogical University.

who were brought to the trial for "insulting the nobility". Yet judging by the reports in periodicals, at the trial the parties discussed not so much the magazine's views on the nobility, but mostly the image of the young generation created by the magazine.

Key words: Russian public thought, the second half of XIX – early XX century, history of journalism, generational discourse.

МОТИВЫ ОБРАЩЕНИЯ К ТЕМЕ И ЗАМЫСЕЛ СТАТЬИ: ЧТО НОВОГО МОЖНО НАПИСАТЬ О «СОВРЕМЕННОМ»?

Несмотря на то, что история «Современника» 1860-х гг., литературная деятельность его сотрудников, цензурные преследования издания были предметом активной исследовательской рефлексии, особенно в советский период [1; 2; 3; 4 и др.], роль журнала в популяризации поколенческого дискурса, его попытки сделать идею борьбы поколений знаменем общественной борьбы до настоящего времени не становились предметом специального исследования. Таким образом, деятельность «Современника» по пропаганде концепта «поколения» и продвижения поколенческой градации общества оказалась не востребованной в культурной памяти потомков, не вызвала существенного интереса ни у исследователей, ни у публицистов, ни у политиков. Между тем с публикацией на страницах журнала статьи Ю.Г. Жуковского «Вопрос о молодом поколении» связывают принятие окончательного решения о закрытии издания [4, с. 88]. За эту статью ее автор и выпускающий редактор, известный впоследствии историк литературы и этнографии А.Н. Пыпин, были привлечены к суду «за оскорбление дворянства». Судебное дело, начавшееся в августе 1866 г., получило большой общественный резонанс. Как свидетельствуют материалы периодической печати, открытые судебные заседания превратились в общественную трибуну обсуждения проблемы взаимоотношения поколений.

Мы ставим перед собой *следующие задачи*: охарактеризовать поколенческий дискурс журнала «Современник» 1860-х гг. и общественную полемику вокруг судебного процесса (1866), возбужденного по поводу статьи Ю.Г. Жуковского «Вопрос о молодом поколении», т.е. выяснить, как восприняли современники этот процесс над «Современником». На наш взгляд, названный судебный процесс позволяет наглядно судить о том, насколько поколенческий дискурс журнала был влиятелен для власти и образованного общества. Возвращаясь к названию статьи, можно сказать, что на материалах *дела* по статье «Вопрос молодого поколения» мы пытаемся выяснить, как отозвалась *слово* «Современника» о поколениях.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ РАМКИ СТАТЬИ

Методологическая рамка задается пониманием «поколения» как особой формы групповой идентичности, особого режима социализации, особого способа конструировать прошлое, особой мифологии [5, с. 13]. Мы сочли продуктивными идеи Ф. Мантре о «выразителях поколения», элите, которая берет

на себя ответственность представлять за всех остальных [6]. Идея сообществ внутри поколений, которые по разным причинам наделяют себя полномочиями формировать образы, мифологию «поколения в целом», была подхвачена Х. Ортегой-и-Гассетом, отчасти К. Мангеймом. Их наблюдения предопределили особую чувствительность к вопросу о том, кто и при каких обстоятельствах присваивал себе статус рупора поколения и как эти попытки воспринимались современниками [7]. Другая исследовательская рамка, по сути дополняющая первую, связана с работами М.О. Чудаковой, И.В. Кукулина по истории литературных поколений, побудившими сконцентрировать внимание на языке самоописания поколений [8; 9].

Мы соотносим проблемно-тематическое поле статьи с традицией критических дискурсивных исследований, в том варианте их понимания, которое предложено Т. ван Дейком. Исходя из того, что дискурс управляет сознанием, а сознание управляет действиями, он утверждает, что для властных групп важным представляется контролировать в первую очередь дискурс. Если коммуникативные события включают в себя не только «вербальные» текст и разговоры, но и влияющий на дискурс контекст, то первым шагом в контроле над дискурсом является контроль над его контекстом и доступом к нему [10]. Одной из наиболее влиятельных форм публичного дискурса в изучаемую эпоху был дискурс «толстых» журналов. Это обусловило наше пристальное внимание к вопросам о том, кто имел доступ к «производству» знания о поколениях в рамках этого дискурса, чье определение текущей социальной, политической ситуации воспринималось как влиятельное, кто контролировал доступность этого дискурса для читателей.

Имея в виду солидную традицию изучения интересующего нас журнала и его роли в общественной мысли 1860-х гг., огромное количество исследований, посвященных жизни и творчеству ярких представителей круга «Современника», остановимся лишь на тех работах, которые оказали определяющее влияние на замысел и содержание настоящей статьи. Для понимания мировоззренческого, эстетического и социально-психологического контекстов поколенческого дискурса журнала, выявления истоков, причин и особенностей культа новизны и молодости у «шестидесятников» (разночинцев и реалистов), специфики самосознания и форм их личного самовыражения в разножанровых текстах и социальных практиках мы обращались к работам Б.Ф. Егорова, Т.И. Печерской, И. Паперно [11; 12; 13]. Для нас стали отправными их выводы о системообразующих характеристиках «новых» людей: радикальном отрицании «старой» эпохи с ее ценностями и традициями; отказе от фило-

софского идеализма в пользу позитивизма, от традиционной христианской морали в пользу этики утилитаризма, от конституционного либерализма в пользу политического радикализма; религиозно окрашенном материализме; безграничной вере в науку; почитании труда и культивировании бытового аскетизма; риторичности как черты мышления и стиливого поведения «шестидесятников»; стремлении «построить себя» и воспитать массу «новых» и «особенных» людей и др.

Принимая во внимание известную фразу А.И. Герцена, назвавшего «шестидесятников» демократического круга русской журналистики поколением семинаристов, мы обратились к исследованию Л. Манчестер, посвященному судьбам, идеям и идеалам поповичей – сыновей служителей церкви, отказавшихся от сословной принадлежности и сферы деятельности отцов [14]. Мы разделяем мнение исследовательницы о том, что мировоззрение поповичей основывалось на особой (нередко секуляризированной форме) религиозности и они приносили эти взгляды в ряды интеллигенции, способствуя становлению форм самосознания в рамках интеллигентского этоса. Поповичи воспринимали себя как «аскетов в миру», стремились пересоздать окружающий мир, опираясь на образцы, вынесенные из прошлого, основываясь на памяти о детстве, проведенном в среде духовного сословия. Подвергая секуляризации церковные модели поведения, они тем самым сохраняли многие ценности, унаследованные от предков, что позволяло снять противоречия между сословными традициями и западными заимствованиями [14, с. 14]. Однако утверждение историка о том, что разрыв между дореформенной и пореформенной интеллигенцией, описанный Тургеневым как столкновение «отцов и детей», имел не столько межпоколенческую, сколько социальную основу, представляется не совсем верным. Мы думаем, что корrekтнее говорить и о межпоколенческой, и о сословной природе этого разрыва (между дворянами и выходцами из духовенства), интерпретируя конфликты между поколениями и сословиями как социальные конфликты.

ИСТОЧНИКОВЫЕ ОСНОВАНИЯ

В качестве *источников* мы привлекли публикации журнала «Современник» 1860–1866 гг. по теме поколений; статьи и информационные сообщения столичных газет различной мировоззренческой направленности («Голоса», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Московских ведомостей»), освещавших процесс над Ю.Г. Жуковским и А.Н. Пыпиным в августе – октябре 1866 г.; воспоминания участников процесса, а также мемуары «шестидесятников» о влиянии интересующего нас журнала на формирование их мировоззрения и системы ценностей. Для реконструкции хода судебного разбирательства мы обращались к разноплановым неопубликованным источникам (письмам, телеграммам, делопроизводственной документации), хранящимся в фонде А.Н. Пыпина (Ф. 621) отдела рукописей Российской национальной библиотеки и лич-

ном фонде Ю.Г. Жуковского (Ф. 1247) Российского государственного архива литературы и искусства.

ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС «СОВРЕМЕННОКА» КАК ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ «НОВЫХ ЛЮДЕЙ»

Для того чтобы напомнить о ключевой роли «толстых» журналов в литературоцентричном русском обществе, сошлемся на мнение историка литературы С.А. Венгерова: «Когда со середины 1850-х гг. началась эпоха Великих реформ, первенствующую роль играла литература. Во главе движения стали не представители общественных групп, которым не было возможности сколько-нибудь определенно организовать, а представители литературы. Вождами нового поколения были: непосредственно – публицисты и литературные критики, а в художественном отражении – лучшие наши беллетристы и поэты. Борьба общественных партий происходила исключительно на страницах журналов – где же ей было происходить в другом месте? “Современник”, Чернышевский, Некрасов, Писарев, Герцен, “Колокол”, Катков, “Русский вестник”, “Весть”, тургеневские “Отцы и дети” – по этим именам и заглавиям в то время группировались совершенно так же, как в наше время по названиям политических партий» [15, с. 37].

Мемуарные произведения о конце 1850 – начале 1860-х гг., вне зависимости от сословной, мировоззренческой принадлежности их авторов, содержат многочисленные упоминания об обязательном наличии «Современника» в круге чтения молодежи, считавшей себя передовой. Журнал конструировал систему ценностей, был «учителем жизни» для разочаровавшихся в идеалах «отцов» и установках традиционной культуры «детей» как в столицах, так и в провинции, формировал единое коммуникативное пространство, создавал общие культурные коды, объединял в поколение своих «разночинных» читателей. Выходец из купеческой среды, журналист, издатель юмористического еженедельника «Осколки» Н.А. Лейкин, к примеру, писал: «...В шестидесятых годах интеллигентная молодежь куда больше читала, чем в последующие десятилетия, не говоря уже о нынешнем времени. Каждая книжка ежемесячного журнала, в особенности “Современника” и “Русского вестника”, ожидалась с нетерпением. Выход ее составлял эпоху. О ней говорили при встречах в театре, в обществе. Не подписавшиеся на журнал забегали в книжные магазины и в читальни, чтобы хоть узнать по обложке содержание книжки, имея возможность перелистывать ее, пока она еще не попадет в руки для чтения. Часто бывало так, что добыв книжку на короткий срок, молодежь собиралась друг у друга, чтобы читать ее вместе и буквально поглощала ее содержание» [16, с. 170]. Часто «толстые» журналы становились в прямом смысле школой жизни, заменяя учебники и учителей. Чиновник А.А. Пеликан вспоминал: «Волков, вскоре после того умерший, снабжал меня все лето разными вновь выходящими книжками и толстыми журналами: “Оте-

чественными записками”, “Современником”, “Русским словом” и др. И я ими просто зачитывался. Если чтение этих журналов, с одной стороны, и способствовало значительному расширению горизонта моих познаний, то с другой стороны, отнимало у меня слишком много времени и, в конце концов, уничтожило всякую охоту к учению, я стал плохо учиться и впоследствии мне с трудом пришлось наверстывать потерянное время» [17, с. 185]. Схожее утверждение встречаем у Н.Я. Николадзе – участника революционного движения, отмечавшего в своих мемуарах, что в старших классах гимназии он больше интересовался журналами, чем уроками [18, с. 30].

Поколенческая риторика активно использовалась журналом с середины 1850-х гг. Так, в февральском номере 1855 г. читаем: «Доживающее свои последние минуты, уже готовое сойти с поприща старое поколение, так поздно и нехотя признающее теперь новые таланты, так неблагоприятно встречавшее их при их появлении, называет нас еще до сих пор молодым поколением... Печально, если мы сами, утешаемые этим лестным эпитетом молодого поколения, не будем замечать наших седых волос, не будем признавать новой жизни, пробивающейся вокруг нас, нового поколения, которое готово, в свою очередь, и нас вытеснить из мира... Но постараемся... идя неумолимо и дружно со временем, никогда не упуская из виду исторической точки зрения, будем радостно встречать и приветствовать все возникающее, молодое, живое, новое, свежее, полное надежд, не станем уподобляться этим почтенным старцам, отрицающим все молодое и новое» [19, с. 220–221].

Как правило, поколенческая терминология на страницах журнала употреблялась в рамках характерной для традиционного общества идеи преемственности поколений отцов и детей, а противоречия между ними сводились к нежеланию «старших» уступать свой символический статус следующему поколению. Общим местом, характерным для литературно-критических отделов «Современника», как, впрочем, и других «толстых» журналов 1850-х гг., было описание истории русской литературы и общественной мысли с помощью конструирования моделей литературных поколений 1820-х гг., 1840-х гг. и др.

Однако уже в конце 1850-х – начале 1860-х гг. в публикациях выпускника Нижегородской духовной семинарии Н.А. Добролюбова все чаще актуализировалась мысль о безжизненности союза поколений и росте противоречий между «старым» и «новым» в условиях реформирующейся России. Так, в статье «Литературные мелочи прошлого года», опубликованной в январском номере 1859 г., Добролюбов декларирует:

Мы не поклонники учения о безусловной и регулярной преемственности поколений, но вдумываясь в настоящее и в близкое прошедшее, мы не можем не заметить, что характер нового поколения нашего должен дать ему в событиях совсем другую роль, нежели какую имело предыдущее. Люди того поколения проникнуты были высокими, но несколько

отвлеченными стремлениями. Они стремились к истине, желали добра, их пленяло все прекрасное, но выше всего был для них принцип. Принципом же называли общую философскую идею, которую признавали основанием всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнения и отрицания купили они свой принцип и никогда не могли освободиться от его давящего, мертвящего влияния. Что-то пантеистическое было у них в признании принципа: жизнь была для них служением принципу, человек – рабом принципа, всякий поступок, не сообразенный с принципом, считался преступлением [20, с. 23].

«Старшее»/«прошедшее» поколение или, словами Добролюбова, «партия пожилых людей», сравнивались критиком с врачом, не практиковавшим много лет, дающим советы, но не оказывающим нуждающимся медицинскую помощь. Люди «нового» поколения, в отличие от предшественников, «космотревшись вокруг себя, вместо всех туманных абстракций и признаков прошлых поколений увидели в мире только человека, настоящего человека, созданного из плоти и крови, с его действительными, а не фантастическими отношениями ко всему окружающему миру» [20, с. 26]. Среди отличительных характеристик «новых» людей он называл приоритет блага конкретного человека над абстрактными принципами, дела над эмоциями, будущего над прошлым.

Из плоскости историко-литературных градаций и литературной полемики поколенческая риторика шагнула в реальную жизнь после публикации в 1860 г. известной рецензии Добролюбова на роман И.С. Тургенева «Накануне», которая стала «последней каплей» в ситуации принятия Тургеневым решения об уходе из «Современника». Юный критик доказывал несовершенство тургеневских героев, утверждал, что эти «прежние сеятели добра, люди рудинского закала, теряют значительную долю своего прежнего кредита. Их уважают как старых наставников, но редко кто, вошедши в свой разум, расположен выслушивать опять те уроки, которые с такой жадностью принимались прежде... Нужно уже нечто другое, нужно идти дальше» [21, с. 37]. При этом образ «старых» героев тургеневских произведений выстраивался по принципу бинарных оппозиций новым/молодым/свободным людям, молодежи, для которой слово неразрывно с поступком, будущим думающей России. Вновь сошлемся на упомянутую статью:

В течение того периода времени, пока рисовались перед нами все эти просвещенные поборники истины и добра, красноречивые страдальцы возвышенных убеждений, подросли новые люди, для которых любовь к истине и честность стремлений уже не в диковинку. Они с детства неприметно и постоянно напивались теми понятиями, для которых прежде лучшие люди должны были бороться, сомневаться и страдать в зрелом возрасте. Поэтому сам характер образования в нынешнем молодом обществе получил другой цвет. Те понятия и стремления, которые прежде давали титул передового человека, теперь уже считаются первой и необходимой принадлежностью самой обыкновенной образованности [21, с. 36].

Как известно, Тургенев познакомился со статьей накануне публикации и попросил Н.А. Некрасова не печатать ее. Редактор «Современника» поддержал Добролюбова. И.С. Тургенев, которому был чужд «мужицкий демократизм» Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, покинул «новый» «Современник».

Исследователи, особенно в советский период, отмечали, что раскол среди «властителей дум» (напомним, что из состава редакции вышли Л.Н. Толстой, И.А. Гончаров, А.А. Фет, Д.В. Григорович и др.) носил сословный (между дворянами и разночинцами) и общественно-политический (между либералами и демократами) характер. Мы же хотели бы акцентировать внимание на том, что названный конфликт описывался его участниками при помощи поколенческой терминологии. Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, М.А. Антоновичем и их сторонниками он интерпретировался как раскол по поколенческому принципу, между прогрессивным «новым» поколением, т.е. детьми/«шестидесятниками», и «старым» поколением отцов/мечтателей/идеалистов. Лидеры нового «Современника» увидели в этом разрыве мотив появления «Отцов и детей». Чернышевский назвал роман «открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову», мстью за конфликт в «Современнике».

Примечательно, что характеристики «отцов», данные Н.А. Добролюбовым, повторяются Н.А. Некрасовым в стихотворении «Человек сороковых годов» (1866). Позволим себе привести его фрагмент:

...Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен, я служить
Не соглашусь дурному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкий
Перед влиятельным лицом –
Увы! Вошло в мою натуру!...
Не от рождения я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов [22].

Новая редакция «Современника» присвоила себе функции публичного защитника интересов молодого поколения, это стало своеобразной визитной карточкой журнала, позиционировавшего себя как орган молодых/новых/прогрессивных людей. Сотрудник издания Г.З. Елисеев, к примеру, замечал, что «Современник», вообще, горой стоял за молодое поколение и на него возлагал все надежды в будущем [23, с. 500].

«Современник», пользуясь символическим капиталом журнала, не просто стремился стать «властителем» дум читающей молодежи, он напрямую пытался влиять на ее социальное поведение и контролировать его, используя для этого ресурс социальной мобилизации по поколенческому принципу.

Анализ текстов «Современника» конца 1850 – начала 1860-х гг. позволяет выделить следующие дискурсивные жанры прямого управления действием.

1. Используя дискурс, выполнявший директивные прагматические функции, а именно – регуляций, инструкций. Значительная часть критических статей «нового» «Современника» содержит слова-маркеры, фразы, побуждающие к действию. Из множества текстов, использующих сходные речевые конструкции, приведем в качестве примера достаточно нейтральный в эмоциональном плане фрагмент упомянутой рецензии Добролюбова:

Спрашивается, что же делало наше общество в последние 20–30 лет? Пока ничего, развивалось, слушало Рудиных, сочувствовало их неудачам в благородной борьбе за убеждения, приготавливалось к делу, но ничего не делало... Ясно, что теперь нужны нам не такие люди, которые бы еще больше «возвышали нас над окружающей действительностью», а такие, которые бы научили нас поднимать самую действительность до уровня тех разумных требований, которые мы осознали. Словом, нужны люди дела, а не отвлеченных, всегда немного эпикурейских рассуждений [21, с. 34].

2. При помощи формирования образа другого как врага, осуждение которого призвано было сплотить единомышленников. Первоначально в качестве «другого» выступали «отцы»-крепостники, затем, после выхода тургеневских «Отцов и детей» в феврале 1862 г., на эту роль был назначен Евгений Базаров и его создатель И.С. Тургенев. Как хорошо известно, роман Тургенева имел широкий общественный резонанс и способствовал популяризации поколенческого дискурса русской журнальной прессы. Напомним, что он был опубликован в 1862 г. в оппозиционном «Современнике» катковском «Русском вестнике». Размышляя о роли романа в актуализации проблемы поколений, историк литературы Г.Н. Геннади замечал в середине 1860-х гг.: «Теперь журналисты в двух лагерях: московском и петербургском. Их особенно различает польский вопрос и война, которую поднял Тургенев своим “Отцы и дети”»¹.

Широко известно, что «Современником» была опубликована едкая статья выпускника Петербургской духовной академии, одного из ведущих критиков позднего «Современника» М.А. Антоновича – «Асмодей нашего времени». Он обвинил И.С. Тургенева в том, что «Отцы и дети» – это пасквиль на молодое поколение. Примечательно, что Антонович укорял Тургенева за то, что тот питает личную неприязнь, патологическую ненависть к своему герою. В результате Базаров – это «злостная карикатура на молодое поколение», созданная с желчью и раздражением «художественным нашим Нестором», а сам роман – «беспощадная и разрушительная критика молодого поколения» и гимн отцам [24]. Антонович, в частности, утверждал:

Почти на каждой странице видно желание автора во что бы то ни стало унизить героя, которого он считал своим противником, и потому взваливал на него всевозможные нелепости и всячески издевался над ним, рассыпаясь

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 178 (Геннади Г.Н.). Д. 10. Л. 11.

в остротах и колкостях... О нравственном характере и нравственных качествах героя и говорить нечего, это не человек, а какое-то ужасное существо, просто дьявол, или, выражаясь более поэтически, асмодей. Он систематически ненавидит и преследует все, начиная от своих добрых родителей, которых он терпеть не может, и оканчивая лягушками, которых он режет с безжалостной жестокостью... [24, с. 71].

Известно, что статья Антоновича была написана с согласия Чернышевского и не шла вразрез с оценкой романа лидерами новой редакции «Современника». Как упоминает в своих воспоминаниях Елисеев, задолго до появления романа на страницах «Русского вестника» в литературных кружках стали ходить слухи, что Тургенев пишет новый роман с целью осмеять направление «Современника», главным героем выведен Добролюбов, а остальные лица взяты из его поклонников в среде молодого поколения; слухи прибавляли, что роман создается по инициативе Каткова и Тургенев ведет с ним переписку о героях романа и сообразно этому делает поправки [23, с. 272]. Несправедливость утверждения Елисеева давно доказана историками литературы, но, как свидетельствуют воспоминания радикально настроенных современников, такая точка зрения получила определенное распространение среди студенческой молодежи.

«Борьба с Базаровым» стала темой целой серии публикаций журнала 1862–1866 гг. и не только наглядно отразила образ антигероя современности в версии «Современника», но и показала, как именно в дискуссии о поколениях преломлялись все актуальные вопросы социальной, политической и культурной жизни России. Тургенев вспоминал:

У меня, по поводу «Отцов и детей» составила довольно любопытная коллекция писем. Сопоставление их не лишено некоторого интереса. В то время, как одни обвиняют меня в оскорблении молодого поколения, в отсталости, мракобесии, извещают меня, что они с хохотом и презрением сжигают мои фотографические карточки, другие, напротив, упрекают меня в низкопоклонстве перед самым этим молодым поколением. «Вы ползаете у ног Базарова!», – восклицает один корреспондент: «Вы только притворяетесь, что осуждаете его, в сущности, вы заискиваете перед ним!». Помнится, один критик в сильных и красноречивых выражениях, прямо ко мне обращенных, представил меня вместе с Катковым в виде двух заговорщиков, замышляющих свой гнусный ков, свою клевету на русские молодые силы. Картина вышла эффектная!» [25, с. 157–158].

Не вдаваясь в характеристику отношения современников к роману, так как этот сюжет «вдоль и поперек» уже изучен литературоведами, обратим внимание на то, что именно «Современник» последовательно отстаивал идею о том, что «Отцы и дети» положили начало традиции антинигилистической прозы, впоследствии продолженной «Взбаламученным морем» А.Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н.С. Лескова и др. Антонович утверждал, к примеру:

Даже слепой увидит, а если не увидит, то может ощупать, что «Отцы и дети» и «Взбаламученное море» – родные братья, что по своему направлению они вытекают из одно-

го источника, что у них одинаковые тенденции, что «Отцы и дети» напитаны были тою же солью, какою теперь насыщены воды «Взбаламученного моря». Оба эти произведения были напечатаны в «Русском вестнике» – одно это уже до некоторой степени определяет их характер и указывает на их духовное родство [26, с. 204].

Понимая дидактический потенциал русской литературы, «Современник» не только разоблачал литературного героя Базарова, уделяя ему по объему гораздо больше публикаций, чем своему постоянному оппоненту М.Н. Каткову, но и преследовал все попытки сделать Базарова героем «нового времени», достаточно жестко критикуя известную писаревскую версию Базарова (что было одной из тем полемики с «Русским словом»). Антонович, к примеру, писал: «Жалко же ты, молодое поколение, со своими стремлениями и идеями, если ты узнаешь себя в романе Тургенева, если ты на самом деле таково, как он тебя изобразил, если ты считаешь это изображение не карикатурой, а своим идеалом» [24, с. 114].

3. Помимо принуждающих форм дискурса, воздействие на предполагаемые действия достигалось с помощью описания будущих или возможных событий, действий и ситуаций, например, в форме прогнозов, сценариев, которые часто комбинировались с разными видами советов. В роли экспертов для слабо социализированных в литературном плане неофитов-разночинцев, естественно, выступали литературные критики, указывавшие современникам, кого и за что стоит читать, с кого брать пример, и наоборот. Этим приемом активно пользовались Антонович и Жуковский, ставшие после смерти Добролюбова ведущими критиками журнала. Сочетание приемов обличения и предупреждения демонстрирует уже упомянутая статья Жуковского «Вопрос о молодом поколении» [27]. Он громил и увещевал дворянство, которое, вместо того, чтобы воспрянуть после реформы 1861 г. и взяться энергично за дело, проедало выкупные свидетельства и тунеядствовало. Он осуждал систему воспитания дворянства, не отвечающую потребностям страны и лишавшую дворянство национальной почвы. Он предсказывал, что если все так и будет продолжаться, то через несколько лет все имения перейдут к кулакам-скупщикам, у которых дворянской тунеядствующей молодежи придется играть роль прихлебателей и лизоблюдов.

4. Литературные критики и обозреватели «Современника» активно мобилизовали в качестве убеждающих риторических приемов повторы. Слова-маркеры – «поколение», «новое поколение», «наша молодежь», «отцы и дети» – стабильно упоминались в разделах «Современное обозрение» и «Русская литература», повторяясь как в критических разборах новейших произведений литературы, так и анализе текущих общественно-политических событий, и по сути, становясь общим местом в лексиконе «Современника».

Показательно, что, по мнению обозревателей журнала, первенство и инициатива в литературных баталиях о конфликте отцов и детей принадлежат совсем

не им, а катковским изданиям – «Русскому вестнику» и «Московским ведомостям». Первое взъерошило одних против других публикацией «Отцов и детей», а второе постоянно обращается к молодому поколению с одинаковой злобой, обвиняя его в революционных тенденциях, приписывая ему антисоциальные намерения, превращая молодых людей в пугала, достойные омерзения [28, с. 144].

ДЕЛО О СТАТЬЕ «ВОПРОС О МОЛОДОМ ПОКОЛЕНИИ» (1866 г.)

Одним из свидетельств влиятельности поколенческого дискурса «Современника», превратившего поколенческий дискурс из литературного в общественно-политический, стало уже упомянутое дело против сотрудников журнала Ю.Г. Жуковского и А.Н. Пыпина, привлеченных к суду в 1866 г. за «оскорбление дворянского земледельческого сословия». Интересы обвиняемых представлял известный либеральный публицист, адвокат К.К. Арсеньев. В своих воспоминаниях он так обосновывал мотивы своего участия в деле:

Пыпина в то время я знал очень мало, но давно уважал его как ученого, как одного из руководителей «Современника», как одного из пяти профессоров, покинувших Санкт-Петербургский университет из-за репрессий 1861 г. Жуковский был моим старым товарищем по училищу правоведения; статьи его в «Современнике» были мне хорошо знакомы. До крайности заинтересованный в это время вопросами, относившимися к делам печати, я с радостью принял на себя защиту симпатичных мне людей против совершенно неосновательного обвинения [29, с. 65].

Как свидетельствуют материалы письма Арсеньева к Пыпину и материалы обвинительного заключения, сотрудники «Современника» обвинялись по ст. 1039 и ст. 1040 Уложения о наказаниях, предусматривавших «оглашение в печати о частном или должностном лице, или обществе, или установлении такого обстоятельства, которое может повредить их чести, достоинству или доброму имени» (то есть диффамацию), и «оскорбление, злословием или бранью, частного или должностного лица или общества, или установления» (то есть простую обиду)². Как уже упоминалось, дело получило большой общественный резонанс. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали 26 августа 1866 г.: «По очень понятным причинам, дело это привлекло в суд весьма многочисленную публику. По крайней мере, половина желающих присутствовать в этот день при судоговорении не могла поместиться на скамьях, отведенных для публики в большой зале судебных заседаний»³. К.И. Чуковский писал: «Процесс оказался громкий; радикальная молодежь зашумела» [30, с. 11].

Оскорбление дворянства, с точки зрения товарища прокурора Н.Б. Якоби, состояло в употреблении

бранных слов в отношении дворянства, в попытках дискредитировать статус сословия путем соотнесения его представителей с туеядцами⁴. Однако, судя по материалам периодической печати, на судебном процессе обсуждалась не столько позиция журнала в отношении дворянства, сколько его репрезентация взаимоотношений поколений. Русское общественное мнение, расколовшееся после петербургских пожаров 1862 г., польских событий 1863 г., а еще больше после караковского выстрела 1866 г., превратило процесс в арену уточнения своих политических позиций.

М.Н. Катков находил содержание статьи Жуковского крайне вредным и называл «Современник» орудием в руках врагов России (как внешних, так и внутренних)⁵. С резкой критикой обрушилась на подсудимых консервативная газета «Весть», обвинявшая их в распространении нигилизма. Умеренно-либеральные издания, не сочувствуя идеям журнала, считали процесс наступлением на свободу слова и поддерживали своих «собратьев по перу»⁶. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили на своих страницах выдержки из речи К.К. Арсеньева, акцентировавшего внимание не только на беспочвенности обвинений своих подзащитных в оскорблении дворянства, но и в разжигании конфликта поколений: «Намерение автора заключалось в том, чтобы рассеять те недоразумения, которые поселяют вражду между старым и молодым поколениями и соединить оба поколения»⁷.

Петербургский окружной суд на заседании 25 августа 1866 г. оправдал Жуковского и Пыпина, что вызвало аплодисменты публики. «Санкт-Петербургские ведомости» писали: «Мы приветствуем это решение как члены общества, принимающие к сердцу интересы печати, поскольку они совпадают с общими интересами страны, с ее успехами на почве законности и права, с ограждением печати от личных взглядов и предубеждений»⁸.

Однако под давлением министра внутренних дел П.А. Валуева прокурор опротестовал решение окружного суда. 4 октября 1866 г. дело Жуковского и Пыпина рассматривалось вновь в Петербургской судебной палате. Арсеньев так описывает причины повторного судебного разбирательства: «...Это могло быть вызвано желанием подкрепить административное усмотрение (имеется в виду закрытие «Современника» в июне 1866 г. – Н. Р., В. Х.) авторитетным голосом суда: обвинительный приговор – так могло казаться – должен раскрыть со всей яркостью предосудительность направления, которого держался прекращенный журнал» [29, с. 67]. В итоге подсудимые были приговорены к штрафу по 100 руб. каждый и к аресту на военной га-

⁴ РГАЛИ. Ф. 1247 (Жуковский Ю.Г.). Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–6.

⁵ Московские ведомости. 1866. 1 окт. С. 1.

⁶ Голос. 1866. 27 авг. С. 1; Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 26 авг. С. 1.

⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 7 окт. С. 2.

⁸ Там же. 1866. 26 авг. С. 1.

² ОР РНБ. Ф. 621 (Пыпин А.Н.). Д. 38. Л. 1–7; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1247 (Жуковский Ю.Г.). Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1–6 и др.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. 26 авг. С. 1.

уптвахте в течение трех недель. Попутно заметим, что обстоятельства пребывания сотрудников «Современника» на гауптвахте подробно описаны в воспоминаниях Е.И. Жуковской и в книге Ю.Г. Жуковско-го «XIX век и его нравственная культура» [31; 32]. Н.А. Некрасов к суду не привлекался и не присутствовал на судебных заседаниях (он в это время находился в Карабихе). Хотя он, как свидетельствует его письмо Пыпину 23 августа 1866 г., был готов разделить со своими коллегами ответственность за публикацию статьи. Под влиянием впечатлений от судебного процесса поэт написал стихотворение «Суд» (1867), в котором, в частности, есть такие строки:

...Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал, что гласно буду я судим,
Хоть утверждают: гласность – дым.
Оно, конечно, гласный суд –
Все ж суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают... [33, с. 33].

Однако именно после названного процесса дела о печати были изъяты из ведения окружных судов, «открыв собой длинный ряд отступлений от основных начал судебной реформы» [29, с. 66]. Журнал «Современник», как известно, был закрыт еще до начала судебного процесса. Однако актуализированный при его участии поколенческий дискурс с характерными для него сюжетами о поколенческой градации истории, о предназначении и времени жизни «молодого» и «старого» поколений продолжал жить своей жизнью как в периодической печати, так в автобиографических, художественных текстах XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евгеньев-Максимов В.Е.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л.: Худож. литература, 1936. 621 с.
2. *Евгеньев-Максимов В.Е., Тизенгаузен Г.Ф.* Последние годы «Современника» (1863–1966). Л.: Гослитиздат, 1939. 344 с.
3. *Козьмин Б.П.* Журнал «Современник» – орган революционной демократии. Журналистско-публицистическая деятельность Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. М.: Высш. парт. школа при ЦК КПСС, 1957. 84 с.
4. *Сикорский Н.М.* «Современник» – журнал революционной демократии 60-х гг. М.: Моск. полиграф. ин-т, 1962. 87 с.
5. *Кастэ И.* Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 192 с.
6. *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.
7. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М.: Искусство, 1991. 588 с.
8. *Чудакова М.О.* Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 73–91.
9. *Кукулин И.* Ангел истории и сопровождающие его лица: О поколенческих и «внепоколенческих» формах социальной консолидации в современной русской литературе // Пути России: Культура – общество – человек: материалы междунар. симп. (25–26 января 2008 г.). М.: Логос, 2008. С. 108–127.
10. *Тен А. ван Дейк.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Либроком, 2014. 244 с.
11. *Егоров Б.Ф.* Борьба эстетических идей в России 1860-х годов Л.: Искусство, 1991. 334 с.

12. *Печерская Т.И.* Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999. 300 с.

13. *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.

14. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и современное самосознание в России / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

15. Собр. соч. С.А. Венгерова. СПб.: Прометей, 1911. Т. 1: Героический характер русской литературы. 205 с.

16. *Лейкин Н.А.* в его воспоминаниях и переписке. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Видьборг, 1907. 387 с.

17. *Пеликан А.А.* Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 3. С. 163–199.

18. *Николадзе Н.Я.* Воспоминания о шестидесятых годах // Картога и ссылка. 1927. № 4 (33). С. 29–52.

19. Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1855. № 2. С. 220–243.

20. *Добролюбов Н.А.* Литературные мелочи прошлого года // Современник. 1859. № 1. С. 1–30.

21. *Добролюбов Н.А.* Новая повесть г. Тургенева («Накануне», повесть И.С. Тургенева) // Современник. 1860. № 3. Отд. 3. С. 31–42.

22. *Некрасов Н.А.* Человек сороковых годов // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1982. Т. 3. С. 27.

23. Шестидесятые годы: Антонович М.А. Воспоминания, Елисеев Г.З. Воспоминания / под ред. В. Евгеньева-Максимова и Г.Ф. Тизенгаузена. М.: Academia, 1933. 579 с.

24. *Антонович М.А.* Асмодей нашего времени («Отцы и дети» роман Тургенева) // Современник. 1862. № 3. С. 65–114.

25. *Тургенев И.С.* По поводу «Отцов и детей» // Литературные и житейские воспоминания / ред., коммент. А. Островского, вступ. ст. А. Бескиной, И. Цырлина. Л., 1934. С. 152–162.

26. *Антонович М.А.* Современные романы // Современник. 1864. № 4. С. 201–238.

27. *Жуковский Ю.Г.* Вопрос молодого поколения // Современник. 1866. № 2. С. 165–192; № 3. С. 1–31.

28. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Наша общественная жизнь // Современник. 1863. № 9. С. 127–148.

29. *Арсеньев К.К.* Из воспоминаний // Цензура в России в конце XIX – начале XX в.: сб. воспоминаний. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 63–67.

30. *Чуковский К.И.* Дверь в эту книгу: предисловие // Жуковская Е.И. Записки. М.: Аграф, 2001. С. 5–18.

31. *Жуковская Е.И.* Из записок шестидесятницы // Звенья. М.; Л.: Academia, 1932. Т. 1. С. 345–373.

32. *Жуковский Ю.Г.* XIX век и его нравственная культура. СПб.: Тип. Киршбаума, 1909. 161 с.

33. *Некрасов Н. А.* Суд // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1982. Т. 3. С. 33.

REFERENCES

1. *Evgenyev-Maksimov V.E.* «Sovremennik» under Chernyshevsky and Dobrolyubov. Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1936, 621 p. (In Russ.)
2. *Evgenyev-Maksimov V.E., Tizengauzen G.F.* The Last Years of «Sovremennik» (1863–1966). Leningrad: Goslitizdat, 1939, 344 p. (In Russ.)
3. *Kozmin B.P.* «Sovremennik» as the Organ of the Revolutionary Democracy. Journalistic Activities of N.G. Chernyshevsky and N.A. Dobrolyubov. Moscow: Vysh. part. shkola pri TSK KPSS, 1957, 84 p. (In Russ.)
4. *Sikorsky N.M.* «Sovremennik» – the Magazine of Revolutionary Democracy of 1860s. Moscow: Moskovsky poligraf. in-t., 1962, 87 p. (In Russ.)

5. *Kaspe I.* The Art of Being Absent: The Unnoticed Generation of Russian Literature. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 192 p. (In Russ.)
6. *Mangeim K.* The Problem of Generations. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1998, no. 30, pp. 7–47. (In Russ.)
7. *Ortega-y-Gasset J.* What is Philosophy? Moscow: Iskusstvo, 1991, 588 p. (In Russ.)
8. *Chudakova M.O.* The Notes on Generations in Soviet Russia. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1998, no. 30, pp. 73–91. (In Russ.)
9. *Kukulin I.* Angel of History and the Accompanying Persons: On the Generational and «Nongenerational» Types of Social Consolidation in Contemporary Russian Literature. Puti Rossii: Kul'tura-obshchestvo-chelovek (The Paths of Russia: Culture-Society-Personality): Papers of the annual international conference. Moscow, 2008, January 25–26 / ed. by Alexander Nikulin. Moscow: Logos, 2008, pp. 108–127. (In Russ.)
10. *Teun A. van Dijk.* Discourse and Power: Representation of Domination in Language and Communication. Translation from English. Moscow: Librokom, 2014, 244 p. (In Russ.)
11. *Egorov B.F.* The Struggle of Aesthetic Ideas in Russia of the Middle of XIX century. Leningrad: Iskusstvo, 1991, 334 p.
12. *Pecherskaya T.I.* Raznochintny of 1860s: the Phenomenon of Self-Awareness in the Aspect of Philological Hermeneutics (memoirs, diaries, letters, belles-lettres). Novosibirsk: In-t filologii SO RAN, 1999, 300 p. (In Russ.)
13. *Paperno I.* A Study in the Semiotics of Behavior: Chernyshevsky and the Age of Realism. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996, 207 p. (In Russ.)
14. *Manchester L.* Popovichi in Secular World: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Translation from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015, 448 p. (In Russ.)
15. Collected works of Vengerov S.A. SPb.: Prometej, 1911, vol. I.1: The Heroic Character of Russian Literature, 205 p. (In Russ.)
16. *Leikin N.A.* in His Memoirs and Correspondence. SPb.: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vildborg, 1907, 387 p. (In Russ.)
17. *Pelikan A. A.* In the Second Half of the XIX century. *Golos minuvshogo*. 1914, no. 3, pp. 163–199. (In Russ.)
18. *Nikoladze N.Ya.* Memories of the Sixties. *Katorga i Ssylka*. 1927, no. 4 (33), pp. 29–52. (In Russ.)
19. Notes and Reflections of New Poet on Russian Journalism. *Sovremennik*, 1855, no. 2, pp. 220–243. (In Russ.)
20. *Dobrolyubov N.A.* Literary Trifles of the Last Year. *Sovremennik*, 1859, no. 1, pp. 1–30. (In Russ.)
21. *Dobrolyubov N.A.* The New Novel by Turgenev («On the Eve», the novel by I.S. Turgenev). *Sovremennik*, 1860, no. 3, pp. 31–42. (In Russ.)
22. *Nekrasov N.A.* A Person of Forties. Nekrasov N.A. *Polnoye sobranie sochineny i pisem: in 15 vols*, Leningrad: IRLI (Pushkinsky Dom), 1982, vol. 3, p. 27. (In Russ.)
23. Sixties: Antonovich M.A. Memories, Eliseev G. Z. Memories / ed. by V.E Evgenyev-Maksimov and G. F. Tisengausen. Moscow: Academia, 1933, 579 p. (In Russ.)
24. *Antonovich M. A.* Asmodeus of Our Times («Fathers and Sons», novel by Turgenev). *Sovremennik*, 1862, no. 3, pp. 65–114. (In Russ.)
25. *Turgenev I.S.* On «Fathers and Sons». *Literaturnye i zhiteiskiy vospominania*, red., komment. A. Ostrovskogo, vstupit. statia A. Beskinoi, I. Tsyrlina. Leningrad, 1934, pp. 152–162. (In Russ.)
26. *Antonovich M.A.* The Modern Novels. *Sovremennik*. 1864, no. 4, pp. 201–238. (In Russ.)
27. *Zhukovsky Yu. G.* The Question of Young Generation. *Sovremennik*. 1866, no. 2, pp. 165–192; no. 3, pp. 1–31. (In Russ.)
28. *Saltykov-Shechedrin M. E.* Our Public Life. *Sovremennik*. 1863, no. 9, pp. 127–148. (In Russ.)
29. *Arseniev K.K.* From the memories. *Tsenzura v Rossiya v kontse XIX–nachale XX v.*: Sbornik vospominaniy. SPb.: Dmitry Bulanin, 2003, pp. 63–67. (In Russ.)
30. *Chukovsky K.I.* The Door to This Book: an Introduction. *Zhukovskaya E.I. Zapiski*. Moscow: Agraf, 2001, pp. 5–18. (In Russ.)
31. *Zhukovskaya E.I.* From the Notes of a Sixtier. *Zvenya*, vol. 1. Moscow; Leningrad: Academia, 1932, pp. 345–373. (In Russ.)
32. *Zhukovsky Yu.G.* XIX Century and its Moral Culture. SPb.: Tipya Kirshbauma, 1909, 161 p. (In Russ.)
33. *Nekrasov N.A.* The trial. *Nekrasov N.A. Polnoye sobranie sochineny i pisem: in 15 vols*. Leningrad: IRLI (Pushkinsky Dom), 1982, vol. 3, p. 33. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 15.10.2016

DOI: 10.15372/HSS20160405
УДК 94(571.1/5) "1897/2010"

Р.Е. РОМАНОВ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НА СЛУЖБЕ ЭКОНОМИКИ:
ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ СИБИРИ
(1897–2010 гг.)***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8,

В статье выявляется численная динамика трудовых ресурсов Сибири, отражавшая изменение роли демографических факторов в экономическом освоении Азиатской России в конце XIX – начале XXI в. На основе материалов переписей населения, проводившихся в 1897, 1926, 1939 и с 1959 по 2010 г., проанализированы изменения в количественном составе жителей региона в возрасте от 15 до 59 лет. Показано влияние рождаемости, смертности и миграций на численность людских масс, за счет которых формировались кадры народного хозяйства восточных районов страны. Сделан вывод о том, что на протяжении XX в. репродуктивный потенциал регионального социума способствовал росту совокупной рабочей силы, что стало важным условием подъема сибирской экономики. Предельное ослабление этого потенциала к началу XXI в. вызвало сокращение трудового баланса – один из результатов перехода российского общества от традиционного к современному типу воспроизводства населения.

Ключевые слова: Сибирь, региональная экономика, демографические процессы, трудовые ресурсы, динамика численности, 1897–2010 гг.

R.E. ROMANOV

**DEMOGRAPHICS IN THE SERVICE OF REGIONAL ECONOMY:
DYNAMICS OF THE NUMBER OF WORKFORCE IN SIBERIA
(1897–2010)**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article considers changes in the labor force in Siberia reflecting the evolution of the role of demographic factors in the economic development of Asian Russia in the late XIX – early XXI century. For this purpose, it describes the main trends in the quantitative dynamics of regional human resource capacity and the working component; analyzes and rates the overall annual increase in the age group of inhabitants of the macro-region of 15 to 59 years in the period between censuses, due to the magnitude and specificity of combination of the three processes – fertility, mortality and migration. The research is based on the dynamic series of indicators (number and proportion of people of working age) provided by the materials of the population censuses conducted in 1897, 1926, 1939, and from 1959 to 2010. The results of analysis of the vast array of statistical census data correlated with rapidly changing demographics which indirectly affected the functioning of the productive forces in the eastern regions of the country. As a result, it was concluded that from the late XIX to late XX century one of the key factors in the agricultural and industrial development of Siberia was a steady expansion of the working population in the region. During this period, the reproductive potential of the regional society contributed to the growth of the total workforce essential to the recovery of the Siberian economy. This potential declined at the beginning of the XXI century. It caused a reduction in manpower which became one of the main results of the long-term transition of the Russian society from the extended (traditional) to the narrowed (modern) type of reproduction of population. The “demographic echo” of this transition which is still felt today in the economy became the main obstacle to modernization of the Russian society in the XX century.

Key words: Siberia, regional economy, demographic processes, human resources, population dynamics, 1897–2010.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00412.

Роман Евгенийевич Романов – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: rromanov1981@mail.ru.
Roman E. Romanov – Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of History SB RAS.

Последние сто двадцать лет в истории Сибири (с ввода в строй Транссиба) отмечены интенсивными экономическими процессами. Развитие народного хозяйства макрорегиона обуславливалось различными факторами, в частности демографическими – рождаемостью, смертностью и миграциями. В рассматриваемый период они отличались существенной нестабильностью, вызванной стремительными темпами и противоречивым характером модернизации. Более или менее резкие колебания в воспроизводстве населения Сибири отражались на динамике численности ее трудовых ресурсов (под трудовыми ресурсами здесь понимается население в возрасте от 15 до 59 лет).

Последний показатель служил индикатором влияния демографии на региональную экономику. Его результатом являлось изменение численности потенциальных работников, способных производить товары и услуги. В сибирских реалиях обозначенный аспект всегда сохранял актуальность, поскольку при активном освоении и развитии регион был и остается малозаселенным. В связи с этим демографическая составляющая государственной экономической политики приобретает и в настоящее время приобретает наибольшую остроту именно в Азиатской России.

Проблема взаимообусловленности людского и хозяйственного потенциала российского общества является предметом научного анализа уже почти полувека. Эта тематика первоначально получила распространение в русле экономической демографии. В 1970–1980-е гг. ее «отцы-основатели» (Б.Ц. Урланис, А.Г. Вишневский, Д.И. Валентей, А.Я. Кваша и др.) показали воздействие производительных сил на формирование населения, так и его обратное влияние – трудовых ресурсов на общественное производство в СССР [1, 2, 3]. В частности, изучался опыт воспроизводства и применения трудовых ресурсов в Советском Союзе [4] и восточных районах страны [5] накануне и в годы «перестройки».

В конце XX – начале XXI в. в русле сложившихся научных направлений исследователи рассматривали зависимость характеристик трудового потенциала постсоветской России от рождаемости, смертности, миграций и социальной структуры населения [6]. Смежная проблематика разрабатывалась и на уровне Сибирского региона [7]. Особенностью работ экономистов-демографов являлась концентрация внимания на современных проблемах при недооценке или беглом обзоре исторического опыта.

Вопрос о роли людских масс в развитии российской экономики ставился и решался в основном в исторических или историко-демографических исследованиях. В центре внимания их авторов оказались государственная политика в сфере занятости России в конце XIX – конце XX в. [8], мобилизация потенциальных рабочих рук в военное хозяйство западносибирского тыла [9], формирование и рост совокупных возможностей промышленного персонала Восточной Сибири в эпохи «оттепели» и «застоя» [10]. Вместе с тем в новейшей отечественной историографии оста-

ется свободной ниша для «сквозного» изучения демографических факторов развития экономики Сибири в условиях российской модернизации. В связи с этим главная цель данной статьи состоит в выявлении численной динамики трудовых ресурсов макрорегиона, отражающей изменение роли этих факторов в освоении восточных районов страны в конце XIX – начале XXI в.

Источниковой базой исследования являются переписи населения, проводившиеся в 1897, 1926, 1939 и с 1959 по 2010 г. Эти источники содержат статистические сведения, за счет которых была установлена общая численность населения Сибири в возрасте от 15 до 59 лет на момент проведения той или иной переписи. Динамические ряды полученных показателей стали основой для анализа темпов прироста численности и доли данной возрастной группы в межпереписные периоды. Результаты анализа соотносились с изменявшейся в регионе демографической ситуацией. Удалось выявить некоторые закономерности в количественной динамике потенциальных рабочих рук, что позволяет судить о воздействии людского потенциала на экономическое развитие Азиатской России.

Динамика численности населения и трудовых ресурсов Сибири в конце XIX – начале XXI в. В 1897–1989 гг. численность населения Сибири увеличилась примерно с 6 до 25 млн чел., в 1989–2010 гг. – сократилась до 23,6 млн чел. (табл. 1). Расширение демографического массива региона способствовало росту его трудового потенциала. Если к 1897 г. этот потенциал достиг 3 млн чел., то к 2002 г. – 16 млн чел. В конце XIX в. лица в рабочем возрасте составляли свыше половины людских ресурсов, в начале XXI в. – две трети (табл. 1). За прогрессивными тенденциями скрывались сложные и противоречивые историко-демографические процессы. Они определяли изменение числа и доли трудоспособных сибиряков и мигрантов, прибывавших на восточную окраину России, на фоне ее превращения в площадку для реализации крупных индустриальных проектов.

В зависимости от влияния демографических факторов на экономическое развитие Сибири в динамике региональных трудовых ресурсов в конце XIX – начале XXI в. можно выделить три этапа (табл. 2):

конец 1890-х – конец 1950-х гг. – высокие темпы численного и долевого прироста потенциальных работников в условиях перехода от расширенного к простому воспроизводству (первый демографический переход) и положительного миграционного баланса;

конец 1950-х – начало 2000-х гг. – снижение и затухание темпов численного прироста (при сохранении высокого долевого) потенциальных работников в условиях перехода от простого к суженному воспроизводству (второй демографический переход) и отрицательного миграционного баланса;

с начала 2000-х гг. – численная и долевая убыль потенциальных работников в условиях суженного воспроизводства и отрицательного миграционного баланса.

Т а б л и ц а 1

**Динамика численности населения и трудовых ресурсов Сибири в конце XIX – начале XXI в., млн чел.
[11, с. 435, 437, 438, 439, 440]***

Перепись населения, год	Население		Трудовые ресурсы	
	абс.	%	абс.	%
1897	5,8	100,0	3,2	55,2
1926	11,0	100,0	5,0	46,7
1939	14,1	100,0	7,8	54,5
1959	18,0	100,0	10,9	60,6
1970	20,3	100,0	12,4	61,1
1979	22,0	100,0	14,4	65,5
1989	25,3	100,0	15,9	62,8
2002	24,3	100,0	16,2	66,7
2010	23,6	100,0	15,6	66,1

* Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по семейному состоянию и возрастным группам. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_97.php?reg=7 (дата обращения: 16.08.2016); Всесоюзная перепись населения 1926 г. Возрастной состав РСФСР и ее регионов. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_26.php (дата обращения: 16.08.2016); Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения краев, областей, автономных республик, автономных областей и округов РСФСР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_39.php (дата обращения: 16.08.2016); Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения регионов России по полу, возрасту и состоянию в браке. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php (дата обращения: 16.08.2016); Всесоюзная перепись населения 1970 г. Распределение населения регионов России по полу и возрасту. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_70.php (дата обращения: 16.08.2016); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения России по полу и возрасту. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_79.php (дата обращения: 16.08.2016); Всероссийская перепись населения 2002 г. Распределение населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age1_02.php (дата обращения: 16.08.2016); Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по возрастным группам и полу по субъектам Российской Федерации. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg_age.php (дата обращения: 16.08.2016).

Т а б л и ц а 2

**Динамика ежегодного прироста численности населения и трудовых ресурсов Сибири
в конце XIX – начале XXI в., млн чел.***

Периоды между переписями, годы	Население		Трудовые ресурсы			
	абсолютный прирост, %		абсолютный прирост, %		долевой прирост, %	
	общий	годовой	общий	годовой	общий	годовой
1897–1926	90	3,1	56	1,9	-8,5	-0,3
1926–1939	28	2,15	56	4,3	7,8	0,6
1939–1959	28	1,4	40	2,0	6,1	0,3
1897–1959	210	3,4	240	3,9	5,4	0,09
1959–1970	13	1,2	14	1,3	0,5	0,05
1970–1979	8	0,9	16	1,8	4,4	0,5
1979–1989	15	1,5	10	1,0	-2,7	-0,3
1989–2002	-4	-0,3	2	0,15	3,9	0,3
1959–2002	35	0,8	49	1,1	6,1	0,1
2002–2010	-3	-0,4	-4	-0,5	-0,6	-0,075

* Составлено по данным табл. 1.

Выделенные этапы отражают тенденцию сначала к замедлению роста, а затем и снижению численности населения в возрасте от 15 до 59 лет. Ее наличие свидетельствовало о рельефном изменении роли демографии в хозяйственных процессах, происходивших в Сибирском регионе.

Этап быстрого роста трудовых ресурсов Сибири (конец 1890-х – конец 1950-х гг.). В 1897–1959 гг. численность работоспособных жителей региона увеличилась с 3,2 до 10,9 млн чел., или на 240 %, доля – с 55,2 до 61,6 %, или на 6,4 пункта (табл. 1, 2). Ежегодно трудовые ресурсы росли в среднем на 3,9 %.

В 1897–1926 и 1939–1959 гг. их численный прирост составлял 1,9 и 2,0 %, долевой – 0,3 и 0,3 пункта, в 1926–1939 гг. – соответственно 4,3 % и 0,6 пункта (табл. 2). Выявленные тенденции обуславливались комплексом позитивных и негативных факторов: высоким естественным приростом в 1897–1914 гг., в 1923–1928 гг. и в 1935–1937 гг., перманентными крупномасштабными миграциями за Урал; демографическими кризисами и катастрофами Первой и Второй мировой, Гражданской войн, коллективизации и «большого террора», а также огромными миграционными потоками из Сибири во время крупных вооруженных конфликтов. Нестабильный и жесткий ритм жизни в стране и макрорегионе в первой половине XX в. порождал волнообразную динамику рождаемости, смертности и территориальной мобильности, оказывавшую как прямое, так и пролонгированное воздействие на трудовой потенциал сибирской экономики.

В рассматриваемый период наращивание этого потенциала стало возможным за счет преобладания расширенного воспроизводства населения в условиях первого демографического перехода. Данный процесс был вызван очень медленно снижавшейся рождаемостью в крестьянских семьях, существенно покрывавшей сокращавшуюся смертность. Неоднократное нарушение этого благоприятного баланса в связи с социально-политическими катаклизмами сопровождалось как эпизодическим падением числа рождений, так и сверхсмертностью вследствие массовых человеческих потерь. Деструктивные явления немедленно или в перспективе приводили к сокращению людской массы, что негативно сказывалось на формировании совокупной рабочей силы. Тем не менее, сохранение традиционной установки на многодетность нивелировало убыль населения, что ярко проявилось в компенсаторном росте рождаемости после Гражданской войны и после голода 1932–1933 гг. Быстро восстанавливавшийся после коротких спадов естественный прирост снова «работал» на пополнение рядов будущих тружеников народного хозяйства. В данном случае показателен опыт создания и развития сибирского тыла, когда многочисленные «дети нэпа» стали основным кадровым ресурсом военного производства.

Наряду с рождаемостью и смертностью важное место в динамике численности трудоспособного населения Сибири занимала его миграционная активность. В 1897–1959 гг. в ходе индивидуальных перемещений, аграрных переселений, трудовых мобилизаций и организационных наборов, беженства и эвакуации, депортаций, демобилизаций и репатриации в регион прибыло огромное количество мигрантов. Одновременно край потерял множество рабочих рук вследствие воинских мобилизаций, рэзэвакуации и неорганизованного оттока людей. Но объем трудовой мобильности, направленной на восток страны, преобладал над обратными передвижениями. В наибольшей степени Азиатская Россия оказалась привлекательной для переселенцев в 1926–1939 гг. В этот период имели место самые высокие темпы количе-

ственного прироста ее жителей в возрасте от 15 до 59 лет, обусловленные интенсивной миграцией. На фоне малочисленных «детей Первой мировой и Гражданской войн», вступивших в рабочий возраст, контингенты новоселов позволили советскому государству осуществить курс индустриализации в малозаселенной провинции СССР.

В целом в конце XIX – конце 50-х гг. XX в. демография оказывала в основном благотворное влияние на развитие экономики Сибири, что нашло выражение в более чем трехкратном численном увеличении ее трудовых ресурсов.

Этап замедления роста трудовых ресурсов Сибири (конец 1950-х – начало 2000-х гг.). В 1959–2002 гг. численность потенциальных работников макрорегиона повысилась с 10,9 до 16,2 млн чел., или на 49 %, а доля – с 60,6 до 66,7 %, или на 6,1 пункта (табл. 1, 2). Ежегодно трудоспособное население увеличивалось в среднем на 1,1 %. В 1959–1970 гг. его количественный прирост достигал 1,3 %, долевой – 0,05 пункта, в 1970–1979 гг. – 1,8 % и 0,5 пункта, в 1979–1989 гг. – 1,0 % и – 0,3 пункта, в 1989–2002 гг. – 0,15 % и 0,3 пункта (см. табл. 2). Неравномерная динамика этих показателей зависела от высокого естественного прироста в 1923–1928 гг., 1935–1937 гг. и 1950-е гг., активизации человеческого воспроизводства в эпоху «застоя», всплесков миграции в Сибирь в 1980-е и 1990-е гг.; демографических кризисов и катастроф второй четверти и последнего десятилетия XX в., усиления миграционного оттока из макрорегиона в 1960–1970-е гг. Стабилизация и смягчение жизненного «климата» в стране и ее восточных районах обуславливали плавные изменения в рождаемости, смертности и территориальной мобильности вплоть до начала 1990-х гг. Эволюционные тенденции в сфере демографии соответствующим образом отражались на трудовом компоненте людского потенциала Сибири.

В рассматриваемый период формирование этого компонента определялось преобладанием простого (с начала 1990-х гг. – суженного) воспроизводства населения в условиях второго демографического перехода. В его рамках происходило быстрое сокращение уровня рождаемости, все меньше покрывавшей медленно растущую смертность. В 1960–1980-е гг. данный процесс сначала усилился, а затем прервался вследствие увеличения числа рождений из-за «демографического эха» соответственно Второй мировой войны и последовавшего за ней восстановительного этапа. Но эти колебания не отменяли общей тенденции к снижению естественного прироста при его периодических «всплесках» между 1970 и 1987 г. В начале 1990-х гг. этот показатель стал отрицательным, что было вызвано резким спадом рождаемости и возникновением феномена постсоветской сверхсмертности.

Выявленные демографические тенденции вызвали замедление темпов формирования трудовых ресурсов Сибири. Так, малочисленные «дети Великой Отечественной войны» являлись одним из основных факторов сужения местных источников комплектова-

ния производственных кадров в 1960-е гг. «дети шестидесятых» – в 1980-е гг. В 1970-е гг. эти источники ненадолго расширились, что было связано с завершением вступления в рабочий возраст сравнительно многочисленного поколения «детей пятидесятых».

Большую роль в изменении численности работоспособных жителей макрорегиона продолжали играть миграционные потоки. В 1959–2002 гг. в результате индивидуальных перемещений, оргнаборов и общественных призывов, возвращения русских на родину из бывших советских республик Сибирь получила немало новых рабочих рук. Вместе с тем имела место обратная миграция, связанная с оставлением Азиатской России частью ее старожилов и новоселов. В 1960-е – первой половине 1970-х гг. из-за преобладания выбывших над прибывшими зауральская провинция потеряла значительную массу трудоспособного населения. Улучшение миграционной ситуации во второй половине 1970-х – 1980-е гг. позволило частично компенсировать его сокращение, вызванное падением уровня рождаемости и ростом смертности в регионе после 1960 г. В данный период территориальная мобильность способствовала освоению новых промышленных районов Северо-Западной и Восточной Сибири. В 1990-е гг. интенсивное перемещение русских из стран СНГ в восточные районы РФ (наряду с выросшей рождаемостью в 1970-е – середине 1980-х гг.) незначительно перекрыли высокую смертность в рабочих возрастах, вызванную глубоким социальным кризисом в результате распада СССР.

В конце 50-х гг. XX в. – начале XXI в. позитивная роль демографии в экономическом развитии Сибири заметно ослабла. В это время произошел двукратный спад численного роста трудовых ресурсов по сравнению с предыдущим этапом.

Этап сокращения трудовых ресурсов Сибири (с начала 2000-х гг.). В 2002–2010 гг. численность трудоспособных жителей Сибири снизилась с 16,2 до 15,6 млн чел., или на 4 %, а доля – с 66,7 до 66,1 %, или на 0,6 пункта (табл. 1, 2). Ежегодно она снижалась в среднем на 0,5 %, что обуславливалось уменьшением рождаемости в 1960-е и второй половине 1980-х гг., постсоветской сверхсмертностью, активизацией миграции из региона. Действие негативных факторов несколько смягчили сравнительно многочисленные «дети эпохи застоя» и миграционный приток на восток страны. Однако положительное воздействие этих процессов на социально-трудовую обстановку все больше нивелировалось суженным воспроизводством людских ресурсов в условиях завершения второго демографического перехода. Ведущей тенденцией стала волна депопуляции 1992–2010 гг., сопровождавшаяся отрицательным естественным приростом. С конца 2000-х гг. вступающее в рабочий возраст очень малочисленное поколение «детей девяностых» оказывало все возрастающее влияние на количественную динамику потенциальных работников, что проявлялось в дальнейшем обострении дефицита кадров в отраслях регионального хозяйства.

В целом в первое десятилетие XXI в. демография играла негативную роль в экономическом развитии Сибирского региона. Утрата ею позитивного значения привела к тому, что темпы роста трудового потенциала приобрели отрицательную величину.

* * *

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. одним из ключевых факторов аграрного и промышленного освоения Сибири являлся неуклонный количественный рост трудовых ресурсов региона. Их наращивание служило важным условием подъема сибирского хозяйства в дореволюционный и советский периоды. Демографическими «стимуляторами» экономического развития выступали рождаемость и миграция в регион, «дестимуляторами» – смертность и миграция из региона. Масштабность и особенности сочетания этих процессов обуславливали динамику численности жителей макрорегиона в возрасте от 15 до 59 лет. В конце 1890-х – конце 1950-х гг. высокие темпы прироста совокупной рабочей силы поддерживались за счет мощного репродуктивного потенциала трансформировавшегося традиционного социума, гасившего последствия демографических кризисов и катастроф. В конце 1950-х – начале 2000-х гг. все более медленное увеличение числа трудоспособных сибиряков и мигрантов было связано с ослаблением этого потенциала в рамках «победившей» урбанизации. В 2000-е гг. данный процесс и возникшее в постсоветский период явление долгой депопуляции впервые за весь рассматриваемый период вызвали устойчивую тенденцию к сокращению трудового баланса Сибири. Сползание рынка труда в депрессию, затрудняющую хозяйственное развитие региона в начале XXI в., является результатом длительного перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Его «демографическое эхо», ощущаемое и сегодня в экономике, становится основной платой за модернизацию российского общества в XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урланис Б.Ц. Проблемы экономической демографии // Проблемы демографии. Вопросы теории и практики: сб. ст. М.: Статистика, 1971. С. 90–107.
2. Вишневецкий А.Г. Население и производство // Модели демографических связей: сб. ст. М.: Статистика, 1972. 128 с.
3. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии. М.: Мысль, 1986. 284 с.
4. Трудовые ресурсы: Экономико-демографические проблемы занятости: сб. науч. тр. М.: ЦНИЛТР, 1984. 158 с.
5. Юферева Л.Е. Проблема формирования и использования трудового потенциала (на примере Восточной Сибири и Дальнего Востока). М.: [б. и.], 1991. 170 с.
6. Усачев В.И. Трудовой потенциал пореформенной России: социально-демографические аспекты. М.: Экон-Информ, 2008. 319 с.
7. Метелев С.Е., Виноградов В.Г., Албастрова А.Р., Метелев И.С. Особенности формирования трудового потенциала Сибири. Омск: Издатель Васильев В.В., 2008. 127 с.
8. Пашин В.П. От «коммунармий» к безработице: государство и трудовые ресурсы (конец XIX – конец XX в.): в 2 т. Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 2003. 174 с.

9. *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 378 с.

10. *Рубцов С.Н.* История формирования и развития трудового потенциала промышленности Восточной Сибири в 1955–1985 гг. Иркутск, ВСИ МВД РФ, 1998. 137 с.

11. Население // Историческая энциклопедия Сибири. К–Р. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 434–441.

REFERENCES

1. *Urlanis B.C.* Problems of economic demography // *Problemy demografii. Voprosy teorii i praktiki. Sbornik statey.* Moscow: Statistika, 1971, pp. 90–107.

2. *Vishnevskij A.G.* Population and Production. *Modeli demograficheskikh svyazey: sb. st.* Moscow: Statistika, 1972, 128 p.

3. *Valentej D.I., Kvasha A.Ya.* Foundations of Demography. Moscow: Mysl', 1986, 284 p.

4. Labor Force. Economic and Demographic Problems of Employment: sb. nauch. tr. Moscow: CNILTR, 1984, 158 p.

5. *Yufereva L.E.* Problem of Formation and Use of Labor Potential (As Exemplified by Eastern Siberia and Far East). Moscow, 1991, 170 p.

6. *Usachev V.I.* Labor Potential of Post-Reform Russia: Social and Demographic Aspects. Moscow, 2008, 319 p.

7. *Metel'ev S.E., Vinogradov V.G., Albastova A.R., Metel'ev I.S.* Specifics of Formation of Labor Potential in Siberia. Omsk: Izdatel' Vasil'ev V.V., 2008, 127 p.

8. *Pashin V.P.* From «Kommunarmy» to Unemployment: State and Labor Resources (Late XIX – Late XX Century): in 2 vols. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy tekhnicheskij universitet, 2003, 174 p.

9. *Isupov V.A.* Main Resource of Victory: Human Potential of Western Siberia during the Second World War (1939–1945). Novosibirsk: Sova, 2008, 378 p.

10. *Rubtsov S.N.* History of Formation and Development of Labor Potential of the Industry in Eastern Siberia in 1955–1985. Irkutsk, VSI MVD RF, 1998, 137 p.

11. Population // *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri.* К–Р. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009, pp. 434–441.

Статья принята
редакцией 03.10.2016

DOI: 10.15372/HSS20160406
УДК 329.15:316.477(470) "1917"

В.И. ШИШКИН

РСДРП(б) КАК ЛИФТ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В МАРТЕ – ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье предпринята попытка выяснить, что из себя представляла и как функционировала РСДРП (б) в качестве социального лифта в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. Для этого проанализированы уставные требования партии, которые играли роль фильтра «на входе» в социальный лифт, динамика ее численности и организационная структура, формирование в ней властной вертикали, внутривнутрипартийная мобильность элиты и актива. Сделан вывод, что объективная оценка влияния РСДРП(б) на социальную мобильность и стратификацию населения России возможна только с учетом той роли, которую она стала играть в новой системе социальных лифтов. РСДРП(б) являлась своеобразным трамплином, с помощью которого можно было занять высокую позицию в новых социальных структурах.

Ключевые слова: революция, РСДРП(б), партия, большевики, организационная структура, партийная вертикаль, элита, социальный лифт, социальная мобильность.

V.I. SHISHKIN

RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC LABOUR PARTY (BOLSHEVIK) AS A MEANS OF SOCIAL MOBILITY FROM MARCH THROUGH OCTOBER, 1917

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article focuses on the concept of the Bolsheviks' Party between the February and October Revolutions in 1917 as a means of social mobility and reviews its social mobility functioning. This involves evaluation of trends in membership and organisational structure of the Russian Social Democratic Labour Party (Bolshevik) (RSDLP(b)); study of the formation of a top-down governance structure, introduction and use of "admission" filters that impacted RSDLP(b) membership, and the party's role in the social mobility system in Russia in autumn of 1917. The author concludes that by the time of the February Revolution, the RSDLP(b) was a political outsider. Its impact on social mobility and stratification of the Russian society was insignificant. Nevertheless, since the moment when it emerged from the underground and until the end of October 1917, RSDLP(b) numbers surged from 15,200 to 350,000 members, meaning a 23 times increase in its significance as a means of social mobility. On the one hand, this proves an increase in its significance for social development in Russia, while on the other hand, this emphasizes its more than moderate role, taking into account the country's population at that time. However, it is incorrect to evaluate RSDLP(b) as a means of social mobility only based on these statistics. An unbiased analysis of this phenomenon requires taking into consideration the fact that traditional means of social mobility after February 1917 (such as government bodies or the army) were on the fast track to self-destruction and their impact on mobility and stratification was diminishing at the same rate. However, Russia experienced robust development of new means of social mobility, including Soviets, trade unions, soldiers' committees, etc. In this environment, RSDLP(b)'s role grew rapidly over the eight months of the revolution, so that it became a kind of a spring-board that helped the Bolsheviks to take high posts within the new society framework exceptionally fast.

Key words: revolution, RSDLP(b), party, Bolsheviks, organizational structure, party hierarchy, elites, social lift, social mobility.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Владимир Иванович Шишкин – д-р ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: patric@academ.org
Vladimir I. Shishkin – Doctor of Historical Sciences, Head of Sector, Institute of History SB RAS.

Большевики, появившиеся в 1903 г. как фракция Российской социал-демократической рабочей партии, изначально позиционировали себя в качестве политической организации нового типа, созданной и функционирующей на принципах демократического централизма, выражающей коренные интересы пролетариата и революционной по методам борьбы. В действительности РСДРП(б) с первых шагов своего существования строилась как жестко централизованная, максимально дисциплинированная и вождистская по своей сути политическая структура, ядром которой являлись профессиональные революционеры. Цели партии, сформулированные в ее Программе, заключались в революционном свержении существующего государственного строя и в последующем установлении так называемой диктатуры пролетариата, другими словами, – во взятии государственной власти в России в свои руки.

Главным документом, который определял условия приема в РСДРП и тем самым регулировал ее численность и состав, был устав партии. В его первой редакции, принятой в 1903 г. II съездом, членом РСДРП считался каждый, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из организаций. В 1904 г. на III съезде большевики изменили заключительную часть этой формулировки, введя для каждого желающего вступить в партию требование входить в одну из ее организаций и работать в ней. Эти уставные меры играли роль своеобразного фильтра «на входе» в социальный лифт.

До Февральской революции партия большевиков существовала в основном нелегально или полулегально. Достоверные данные о ее численности ко времени свержения самодержавия отсутствуют. В советских публикациях в разное время назывались цифры от 10,0 до 40,0–45,0 тыс. человек. Однако в конечном счете в специальной литературе, в том числе в обобщающих и энциклопедических изданиях, утвердилась цифра 23,6 тыс. человек, введенная в научный оборот известным статистиком С.Г. Струмилиным еще в 1923 г. [1, с. 32].

С.Г. Струмилину получил эту цифру методом «исчисления» на основе материалов переписи членов РКП(б), проведенной в 1922 г. В 1988 г. его данные поставил под сомнения советский историк В.И. Миллер, специально исследовавший этот вопрос. Он совершенно правильно обратил внимание на то, что приведенные в многотомной «Истории КПСС» сведения о крупнейших организациях большевиков накануне Февральской революции не позволяют делать такой вывод. По его приблизительным подсчетам, численность большевиков составляла примерно 10,0 тыс. человек [2, с. 653; 3, с. 112].

В свою очередь дополним, что С.Г. Струмилину некритически опирался на сведения о времени вступления в партию, содержащиеся в анкетах 1922 г. Он посчитал их абсолютно достоверными, что в принци-

пе неправильно. Нельзя согласиться и с его подсчетами. Если исходить из приведенных С.Г. Струмилиным цифровых данных, то к 1917 г. численность большевиков не могла превышать 15,2 тыс. человек.

Поскольку РСДРП(б) до Февральской революции существовала нелегально, была немногочисленной, то сеть ее организаций оставалась редкой, а организационная структура – слабо развитой, в основном двух-трехуровневой. Нижний уровень составляли партийные организации, существовавшие главным образом в масштабе городов, а верхний – Центральный комитет. Только в Петрограде, Москве и в других крупных городах имелись еще один–два уровня партийной пирамиды: ячейки и группы на отдельных предприятиях, в учреждениях, а также районные или областные организации, которые возглавляли соответствующие комитеты. Слабо развитая структура партии затрудняла увеличение ее численности, выявление и выдвижение новых руководителей снизу.

По составу партия была в основном пролетарской. Интеллигентная прослойка в ней была узкой. Однако недостаток интеллектуалов компенсировался наличием у большевиков харизматического вождя и партийного актива, состоявшего из профессиональных революционеров, которые смыслом жизни и главным своим занятием считали борьбу с царизмом. В российской контрэлите лидеры большевиков, за исключением В.И. Ленина, были известны плохо; их знали в основном в социалистических кругах. Ко времени Февральской революции РСДРП(б) находилась на положении политического аутсайдера. Ее влияние на социальную мобильность и стратификацию российского общества было мизерным.

Свержение самодержавия изменило условия деятельности РСДРП(б). Ее партийные организации повсеместно вышли из подполья и легализовались. Их количество не превышало полутора сотен. Стали возвращаться в партию некоторые из тех членов РСДРП(б), кто отошел от нее после поражения Первой русской революции или оказался в рядах меньшевиков.

Но главным источником пополнения РСДРП(б) стали рабочие и солдаты, под влиянием происшедших событий только что приобщившиеся к политической жизни. Часто они принимались в партию без соблюдения норм устава: по записи и не индивидуально, а списком. Особенно большой прирост большевистских рядов в первые послереволюционные дни происходил в Петрограде. 5 марта 1917 г. газета «Правда» констатировала: «Районные организации партии растут в дни революции не по дням, а по часам».

В результате количество членов столичной организации РСДРП(б), бывшей самой многочисленной в партии и являвшейся образцом для других коллективов большевиков, за полтора месяца легальной деятельности увеличилось примерно с 1,5–2,0 тыс. до 15,0 тыс. человек. Число районных организаций в ее составе выросло с 14 до 18, 12 из них были территориальными, пять национальными и одна военной; возглавляли их выборные комитеты [4, с. 73; 5, с. 7,

149, 200–201; 6, с. 32, 36–37]. Обнаружилось стремление части социал-демократов, включая большевиков, к объединению всех существовавших течений и групп. Все это побудило Петербургский комитет большевиков 6 апреля 1917 г. специально обсудить вопросы о том, какой должна быть партия и на каких условиях нужно принимать в нее новых членов.

Выступавший в качестве докладчика член Петербургского комитета С.Я. Багдатов предложил «шире открывать двери для входа в партию, не боясь, будет ли это оборонец или не вполне соц[иал]-демократ». Он считал, что фильтрация «на входе» не нужна, поскольку партия должна стать для ее членов школой, поскольку именно «внутри ее человек обучается». Гарантией преданности партии революции С.Я. Багдатов считал качество ее руководящего слоя: «Лишь бы верхи были крепки и головы у них ясны».

С.Я. Багдатову оппонировали Н.П. Глебов, И.А. Рахья и В.В. Шмидт. Они высказались против того, чтобы партия широко открывала двери и принимала в свои ряды всех желающих, а В.В. Шмидт даже предложил ввести ограничения. Про итоги дискуссии была избрана комиссия из пяти человек, на которую возлагалась обязанность подготовить проект устава Петербургской организации РСДРП(б) [4, с. 76–77; 6, с. 167–168].

Обсуждение вопросов о том, какой должна быть РСДРП(б) и как этого достичь, получило продолжение на проходившей в середине апреля общегородской конференции большевиков Петрограда. В ней участвовали 57 человек, в том числе вернувшиеся из-за границы В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев. В ходе дискуссии вносились предложения как о необходимости ужесточить условия приема, так и прозвучали возражения против введения фильтров «на входе». С.Я. Багдатов вновь заявил, что видит РСДРП(б) в качестве демократической, широкой и массовой партии, двери которой «должны быть открыты». Тем не менее, по итогам дискуссии в уставе Петербургской организации РСДРП(б) появилось требование к вступающим иметь рекомендации двух членов, а имена вступивших и давших рекомендации оглашать на ближайшем собрании районной партийной организации [4, с. IX; 5, с. 27–30, 289].

В вопросе о возможности объединения с другими социал-демократическими течениями и группами конференция заняла позицию, сформулированную в выступлениях В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева. Она категорически высказалась против объединения с так называемыми «революционными оборонцами», которых В.И. Ленин заклеймил как шовинистов и предателей социализма. Допускались сближение и объединение только с теми группами, которые стояли на почве интернационализма¹ [5, с. 45–53]. Тем самым РСДРП(б) позиционировала себя как последовательно революционную партию, которая не гонится за численностью своих рядов в ущерб качеству. Двери в нее были открыты только для тех, кто разделял идеологию и так-

тику большевиков, поддерживал партию финансово, а также имел рекомендацию двух ее действительных членов.

К VII Всероссийской конференции РСДРП(б), состоявшейся в конце апреля 1917 г., численность рядов большевиков в несколько раз увеличилась. Однако в вопросе о том, какой величины она достигла, в источниках и научной литературе существуют расхождения. В докладе мандатной комиссии, сделанном на самой конференции, утверждалось, что ее делегаты представляли 79 204 члена партии [5, с. 149]. Округленный вариант этой цифры неоднократно воспроизводился в партийной печати и в документах РСДРП(б)², а затем был повторен во всех советских обобщающих и энциклопедических изданиях. Но авторы многотомной «Истории КПСС» без всякой аргументации увеличили ее до 100 тыс. человек [2, с. 653; 7, с. 179; 8, 36].

Правда, в публикациях встречаются и другие цифры. Например, в брошюре, изданной в середине 1921 г. за подписью ЦК РКП(б) и адресованной всем партийным организациям, говорится следующее: «Партия наша вошла в революцию сравнительно небольшим отрядом. На первой Всероссийской партийной конференции после падения царизма, через полтора месяца после Февральской революции, наша партия насчитывала еще всего только около 40 000 членов, в том числе, вероятно, не меньше половины молодых товарищей, только что примкнувших к нашим организациям» [9, с. 2].

Такая же цифра приводилась в изданной в 1921 г. книжке А.С. Бубнова, являвшегося кандидатом в члены ЦК РСДРП(б) и участником VII партконференции [10, с. 30]. Зная обоим эти публикации С.Г. Струмилин считал, что она ближе к действительности, чем данные мандатной комиссии. По его собственным «исчислениям» количество членов РСДРП(б) в конце апреля 1917 г. не могло превышать 46,0 тыс. человек [1, с. 33]. В.И. Миллер считал цифру 100,0 тыс. членов завышенной, а 80,0 тыс. – тоже вряд ли соответствующей реалиям [3, с. 112–113].

Странно, что все писавшие о численности РСДРП(б) к открытию VII партконференции почему-то не обратили внимание на сказанное по данному вопросу В.И. Лениным, который был на этом партийном форуме главным действующим лицом. Между тем в произнесенной на конференции речи В.И. Ленин по сути дела дезавуировал доклад мандатной комиссии. Он дважды заявил, что в РСДРП(б) 70,0 тыс. членов партии [11, с. 365, 367]. На наш взгляд, эта цифра намного точнее, чем данные мандатной комиссии, которая посчитала большевиками всех членов объединенных социал-демократических организаций, что было неверно.

В повестке дня VII конференции РСДРП(б) значилось 12 вопросов. Намечалось обсудить организационный вопрос и провести выборы в ЦК. Но из-за дефицита времени организационный вопрос, по сути

¹ Правда. 1917. 8 мая.

² См., например: Правда. 1917. 1 июня. С. 6.

дела, не рассматривался. Конференция ограничилась принятием резолюции, в которой признала невозможным объединение с партиями и группами, стоявшими на позициях «революционного оборончества», и решила сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоявшими на интернационалистических позициях.

Выборы девяти членов ЦК, состоявшиеся 29 апреля, носили альтернативный характер. Им предшествовали частные совещания, на которых в неформальном порядке был составлен список из 26 кандидатов. Все они были большевиками с большим стажем, профессиональными революционерами, работавшими в условиях царизма нелегально или за границей. В результате в ЦК были избраны В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, В.П. Ногин, В.П. Милютин, Я.М. Свердлов, И.Т. Смилга и Г.Ф. Федоров. Проведение выборов стало важным событием в жизни партии. Выборы продемонстрировали всем критикам и недоброжелателям, что РСДРП(б) является партией демократической. В то же время благодаря заранее подобранному составу кандидатов для избрания в ЦК они упрочили положение В.И. Ленина в качестве вождя.

Руководствуясь резолюциями VII партконференции, большевики активно приступили к агитационной работе в широких рабочих и солдатских массах, разгоняя «локомотив революции». Одновременно они участвовали в создании и деятельности Советов и профсоюзов, фабрично-заводских и солдатских комитетов, народной милиции и Красной гвардии, в выборах в городские и районные думы. «[...] Почти все силы нашей партии, – констатировал в конце мая 1917 г. член ЦК И.Т. Смилга, – работают в массах, втягивают широкие слои населения в сознательную политическую жизнь»³. Эту задачу во многом облегчали сформулированные РСДРП(б) четкие лозунги, содержавшие ответы на волновавшие народы России вопросы: «Хлеба, мира, свободы!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Война войне», «Вся власть Советам!» и др.

Во всех организациях, где только имелись большевики, они создали свои фракции. Эти фракции решали две главные задачи: занимались проведением указаний ЦК РСДРП(б) в жизнь и продвижением своих товарищей по партии на руководящие должности. В этом отношении весьма показательным то, как вели себя большевики на первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, который проходил в Петрограде 3–24 июня 1917 г.

На съезде присутствовало 1090 делегатов, 105 из которых были большевиками. Большевистская фракция делегировала в состав высшего советского органа – Всероссийского центрального исполнительного комитета – 35 своих однопартийцев. Возглавляли этот список шесть членов ЦК РСДРП(б): В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.П. Милютин, И.В. Сталин и В.П. Ногин. Остальные 29 чел. были делегатами

местных Советов, в основном не занимавшими высоких постов ни в партии, ни в Советах⁴. На Всероссийском съезде благодаря фракции, являвшейся структурой РСДРП(б), эти люди сделали головокружительную карьеру, поднявшись на самую вершину советской пирамиды, минуя многие промежуточные ступени. Точно так же вели себя большевики во всех других общественных организациях. По сути дела, фракции РСДРП(б) играли в них роль малочисленных, но скоростных социальных лифтов.

Активная и разносторонняя деятельность РСДРП(б) дала значительные результаты. Партийные ряды бурно росли, численность организаций увеличивалась, что потребовало расширения и укрепления разного рода организационных структур РСДРП(б). К середине июля 1917 г. было образовано восемь областных и четыре губернских комитета, созданы десятки новых городских, районных и подрайонных комитетов. Ядро комитетов областных, губернских и крупных городских организаций РСДРП(б), как правило, составляли бывшие профессиональные революционеры, ставшие освобожденными партийными работниками. Вокруг них быстро формировался актив из молодых коммунистов, начинавших свое восхождение по партийной лестнице из низов.

От роста численности рядов, однако, по-прежнему отставала внутривнутрипартийная работа. Даже в Петрограде, парторганизация которого имела в своем составе наибольшее количество опытных партийцев, многие низовые организации не были должным образом оформлены. В них отсутствовал необходимый исполнительный, в том числе технический аппарат, обязанности которого заключались в учете, контроле, информировании и связи. «Ахиллесовой пятой» РСДРП(б) была недисциплинированность в ее рядах.

Выдвижение на передний план задачи по наведению внутривнутрипартийной дисциплины и по созданию централизованного партийного аппарата, который обеспечивал бы связь ЦК с нижестоящими звеньями, довольно быстро дало положительные результаты. Об этом достаточно убедительно говорят события, известные под названием «киновский кризис». Сначала ЦК РСДРП(б) смог удержать петроградских рабочих и солдат от выступления, которое сам же раньше назначил на 10 июня, а неделю спустя на назначенной ВЦИК Советов демонстрации большевики собрали под свои знамена и лозунги примерно 400 тыс. чел.

Известность РСДРП(б) и ее вождя в России, особенно после первого Всероссийского съезда Советов, тоже выросла. Однако, за исключением Петрограда, их популярность и тем более политическое влияние оставались невысокими. Более того, попытка большевиков в начале июля 1917 г. «пошупать» Временное правительство штыком едва не обернулась для них катастрофой. Партия была вынуждена перейти на полуправильное положение, а ее лидеры оказались в тюрьме

³ Смилга И. Как строить организацию // Правда. 1917. 31 мая. С. 5.

⁴ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 22 июня; Правда. 1918. 7 июля. С. 7.

или перешли на нелегальное положение. «Последние события тяжело отразились на нас, – признавался Я.М. Свердлов. – Первое время чувствовался известный распад [...]» [8, с. 8]. Недели две-три многим, даже большевикам, казалось, что «звезда» РСДРП(б) и тех, кто связал с ней свою судьбу, закатилась навсегда.

Однако три недели спустя в Петрограде начал полулегально работать VI съезд РСДРП(б). В нем приняли участие 157 делегатов с решающим и 110 с совещательным голосом, которые представляли 162 организации, тогда как на VII апрельской конференции их было всего 78. Что касается численности членов РСДРП(б) к VI съезду, то по этому вопросу в источниках и литературе существуют значительные расхождения. По данным открывавшего работу съезда М.С. Ольминского, в РСДРП(б) насчитывалось 200 тыс. членов. Я.М. Свердлов, выступавший с докладом об организационной работе ЦК, сначала назвал такую же цифру, а потом увеличил ее до 240 тыс. Шесть дней спустя докладчик от мандатной комиссии М.И. Лацис, опираясь на данные, предоставленные присутствовавшими на съезде делегатами от областных и городских партийных организаций, насчитал в РСДРП(б) около 177,0 тыс. членов [8, с. 1, 36, 204–207]. Однако в «Кратком курсе истории ВКП(б)» численность большевистской партии была определена в 240 тыс. Затем эта цифра вошла почти во все историко-партийные публикации, в советские справочные и энциклопедические издания.

Несомненно, что цифра 200 тыс., сначала названная М.С. Ольминским, а потом повторенная Я.М. Свердловым, являлась ориентировочной, и ее можно игнорировать. Если исходить из первичных и тоже в значительной своей части оценочных цифровых данных по областям, приведенных в докладе Я.М. Свердлова, то численность РСДРП(б) не могла превышать 220 тыс. членов. В.И. Миллер, подвергнувший результаты подсчетов Я.М. Свердлова критике, правильно отметил, что Я.М. Свердлов дважды учел численность военных организаций РСДРП(б), насчитывавших 26 тыс. человек. Кроме того, П.А. Голуб еще раньше обратил внимание на то, что на VI съезде участвовали представители «объединенных» организаций, в которых большевики состояли вместе с меньшевиками [12, с. 139–140; 3, с. 115]. Следовательно, в действительности большевиков было никак не больше 200 тыс. человек. И, скорее всего, более точную цифру назвал М.И. Лацис.

В повестке дня VI съезда стояло 12 вопросов, в том числе организационный. Съезд в основном занимался анализом текущего момента и выработкой тактики применительно к новым условиям. Поэтому организационный вопрос рассматривался на специальной секции, которая подготовила проект устава и вынесла его на обсуждение съезда. Делегаты съезда поддержали предложение секции о том, что вступающий в РСДРП(б) должен иметь две рекомендации членов партии и затем утверждаться на ближайшем общем собрании организации. В уставе была зафиксирова-

на организационная структура РСДРП(б). Ее основой должны были стать низовые партийные организации, которые намечалось объединить в районы (в порядке исключения в отдельных случаях допускались подрайоны) и области.

На секции и во время дискуссии на съезде внесены также предложения ввести для вступающих в партию возрастную цензу и создать губернские объединения. Но первое из них отклонил докладчик от организационной секции М.М. Харитонов, мотивировав тем, что «необходимость рекомендации двух членов и утверждения партийным собранием является достаточной гарантией». Второе предложение было отведено на том основании, что якобы «чисто административные деления приносят вред» [8, с. 170–172].

Съезд завершился избранием ЦК партии на закрытом заседании тайным голосованием. В ЦК был избран 21 член и 10 кандидатов, что было почти в три раза больше, чем раньше. Список избранных не оглашался. Были названы фамилии только четырех человек, набравших наибольшее количество голосов: В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и Л.Д. Троцкий [8, с. 252, 439; 13, с. 197]. В результате выборов высший слой партийной элиты не только увеличился, но и пополнился на счет руководителей местных партийных организаций Москвы, Урала, Закавказья, Донбасса, Финляндии.

Гонения на большевиков после июльских событий не стали преградой для тех, кто хотел вступить в РСДРП(б). Скорее, наоборот. Известность большевиков в народе и сочувствие к ним как к преследуемым властью со стороны рабочих и солдат выросли. Дальнейшая политическая радикализация рабочих и солдатских масс, видевших в большевиках выразителей и защитников своих интересов, а также грамотная политика руководства РСДРП(б), в том числе выдвигание им популярных и популистских лозунгов, стали главными факторами, способствовавшими увеличению численности рядов партии.

Сказалось и то, что установленные уставом относительно жесткие условия приема в РСДРП(б) местные партийные организации в действительности почти не соблюдали, и роль фильтров они «на входе» не играли. Для того чтобы стать большевиком, не нужно было знать Программу РСДРП(б). Главное, что для этого требовалось, поддерживать большевистские лозунги. Имеется важное свидетельство М.М. Харитонova – одного из руководителей Петербургской организации РСДРП(б). Примерно в середине октября на партийной конференции 2-го городского района ее участники признались ему: «Мы – лучшие работники района, а можем ли мы объяснить разницу между нами и с[оциалистами]-р[еволюционерами]? Нет!»⁵.

По заявлению Я.М. Свердлова, сделанному 29 октября 1917 г. на заседании ЦК РСДРП(б), к этому времени в партии состояло не менее 400 тыс. членов [14, с. 94], т.е. со времени проведения VI съезда ее

⁵ Рабочий путь (Петроград). 1918. 23 окт. С. 13.

численность удвоилась. Видимо, эта цифра настолько не соответствовала действительности, что она не нашла подтверждения даже в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Авторы многотомной «Истории КПСС» пришли к выводу, что к концу октября 1917 г. численность РСДРП(б) равнялась 350 тыс. членов. Эта цифра вошла во все советские справочные и энциклопедические издания. В.И. Миллер считал, что она в достаточной степени обоснована [13, с. 243; 3, с. 116–117]. Не подлежит сомнению, что РСДРП(б) по количеству членов превзошла остальные политические партии России, которые оказались в полосу идейного и организационного кризиса. Из узкой организации профессиональных революционеров она превратилась в массовую партию, ставшую крупной политической силой.

Осенью 1917 г. рост численности рядов РСДРП(б) потребовал резко активизировать партийное строительство. Увеличилось количество групп, ячеек и коллективов, составлявших основу организационной структуры РСДРП(б). Прошли многочисленные партийные конференции, в ходе которых образовались новые районные, уездные, губернские и областные организации. На них были избраны или переизбраны руководившие ими комитеты. Центральный, областные и некоторые губернские комитеты создали исполнительный аппарат (коллегии, комиссии, отделы и группы), состоявший из профессиональных партийных работников [15, с. 217–223, 228–251, 255–256]. За счет образования новых звеньев властная партийная вертикаль обрела более широкое и прочное основание. В то же время она стала выше и многояруснее, что создало большие возможности для внутрипартийной мобильности.

Особенно высокой мобильностью отличались две категории членов РСДРП(б): партийная элита среднего уровня, состоявшая из бывших профессиональных революционеров, и низовой партийный актив. Но природа этой мобильности была разная. Как правило, бывшие профессиональные революционеры состояли на учете или находились в распоряжении ЦК РСДРП(б). По его заданию в порядке партийной дисциплины в качестве агентов, агитаторов или уполномоченных ЦК они выезжали в провинцию для оказания помощи местным большевистским организациям и нередко брали на себя руководство ими [15, с. 187–188, 201–202, 206]. Высокая мобильность низового партийного актива являлась следствием того, что комитеты организаций РСДРП(б) по установившейся традиции через два–три месяца переизбирались, и это приводило к их обновлению. Например, с марта по ноябрь 1917 г. состав Петербургского комитета, численность которого колебалась от 30 до 66 человек, изменялся четыре раза [6, с. 18–19].

Таким образом, со времени выхода из подполья и до VII партконференции численность РСДРП(б) увеличилась с 15,2 тыс. до 70,0 тыс. членов; к VI съезду она составила 177,0 тыс.; к концу октября 1917 г. до-

стигла 350 тыс. членов. Со времени выхода из подполья численность РСДРП(б), т.е. ее объем в качестве социального лифта, вырос в 23 раза. Это свидетельствует, с одной стороны, об усилении его значения в социальной динамике России, а с другой – о весьма скромной роли, принимая во внимание численность населения страны.

Однако оценивать РСДРП(б) как социальный лифт, ориентируясь исключительно на статистические показатели, было бы неверно. Для объективной оценки этого феномена нужно принять во внимание то обстоятельство, что в межреволюционный период 1917 г. традиционные социальные лифты (например, государственный аппарат, армия) быстро саморазрушались, а их влияние на мобильность и стратификацию соответственно ослабевало. В то же время в России шел процесс формирования новой системы социальных лифтов, в качестве которых выступали Советы, профсоюзы, солдатские комитеты и т.п. В этой системе роль РСДРП(б) за восемь революционных месяцев стремительно выросла. В ней РСДРП(б) стала играть роль своеобразного трамплина, с помощью которого большевики мгновенно занимали высокие позиции в новых социальных структурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Струмилин С. Состав Российской коммунистической партии // Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Состав РКП(б-ов) по итогам предварительной разработки. М., 1923. Вып. 4. С. 1–40.
2. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2. 776 с.
3. Миллер В.И. К вопросу о сравнительной численности партий большевиков и меньшевиков в 1917 г. // Вопросы истории КПСС. М., 1988. № 12. С. 109–118.
4. Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Сб. мат. и протоколов заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) и его исполнительный комитет за 1917 г. с речами В.И. Ленина. М.; Л., 1927. 408 с.
5. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. 401 с.
6. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. 686 с.
7. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б); одобрен ЦК ВКП(б), 1938 г. М., 1946. 351 с.
8. Шестой съезд РСДРП(большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. 487 с.
9. К проверке, пересмотру и очистке партии. [М., 1921.] 20 с.
10. Бубнов А. Основные моменты в развитии РКП. М., 1921. 46 с.
11. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 31. 671 с.
12. Голуб П.А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. 320 с.
13. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3, кн. 1. 607 с.
14. Протоколы Центрального комитета РСДРП(б): Август 1917 – февраль 1918. М., 1958. Т. VIII, 307 с.
15. Заорская И.Ю., Обичкин О.Г. От подполья до победы Октября. Очерки истории строительства РСДРП(б). Февраль – октябрь 1917 года. М., 1987. 272 с.

REFERENCES

1. *Strumilin S.* The composition of the Russian Communist Party // Vserossiyskaya perepis chlenov RKP 1922 goda. Sostav RKP(b-ov) po itogam predvaritel'noy razrabotki, Moscow, 1923, vyp. 4. pp. 1–40 (In Russ.)
2. History of the Communist Party of the Soviet Union. Moscow, 1966, vol. 2, 776 p. (In Russ.)
3. *Miller V.I.* On the question of the relative size of the parties of Bolsheviks and Mensheviks in 1917. *Voprosy istorii KPSS*. Moscow, 1988, no. 12 (In Russ.)
4. The first legal Petersburg Committee of the Bolsheviks in 1917. The collection of materials and minutes of the meetings of the St. Petersburg Committee of the RSDLP(b) and its Executive Commission in 1917 with speeches of V.I. Lenin. Moscow; Leningrad, 1927, 408 p. (In Russ.)
5. The Seventh (April) All-Russian conference of the RSDLP (Bolshevik). Minutes. Moscow, 1958, 401 p. (In Russ.)
6. The Petersburg Committee of the RSDLP (Bolshevik) in 1917: minutes and proceedings. Saint Petersburg, 2003, 686 p. (In Russ.)
7. The history of the All-Union Communist party (Bolsheviks). The short course. Ed. by Commission of the Central Committee of the AUCP(b); approved by the CC of the AUCP(b), 1938. Moscow, 1946, 351 p. (In Russ.)
8. The Sixth Congress of the RSDLP(Bolsheviks). August 1917. Minutes. Moscow, 1958, 487 p. (In Russ.)
9. On checking, revising and cleaning the party. [Moscow, 1921.] 20 p. (In Russ.)
10. *Bubnov A.* Highlights in the RCP development. Moscow, 1921. 46 p. (In Russ.)
11. *Lenin V.I.* Complete Collection of Works. Moscow, 1969, vol. 31, XXIV, 671 p. (In Russ.)
12. *Golub P.A.* The Bolsheviks and the Army in Three Revolutions. Moscow, 1977, 320 p. (In Russ.)
13. History of the Communist Party of the Soviet Union. Moscow, 1967, vol. 3, book 1, 607 p. (In Russ.)
14. Minutes of the Central Committee of the RSDLP(b). August 1917 – February 1918, Moscow, 1958, VIII, 307 p. (In Russ.)
15. *Zaorskaya I.Ju, Obichkin O.G.* From the Underground to the Victory of the October Revolution. Essays on the history of construction of the RSDLP(b). February – October 1917. Moscow, 1987, 272 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 10.10.2016*

DOI: 10.15372/HSS20160407
УДК 91(470) "1918/1936"

А.И. САВИН

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РСФСР КАК ЛИФТ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ (1918–1936 гг.)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье исследуются функционирование института высшего образования в РСФСР в 1918–1936 гг. в качестве лифта социальной мобильности. Главное внимание уделяется политике «пролетаризации» студенчества, целью которой являлось ускорение социальных перемещений выходцев из рабочего класса и беднейшего крестьянства. Анализируются практики предоставления преимущественных прав и привилегий «трудящимся», а также «фильтры» и «барьеры», затруднявшие попадание в вузы «непролетарских элементов». Делается вывод о крайней противоречивости результатов реализации этой политики. С одной стороны, она действительно способствовала резкому увеличению численности специалистов – выходцев из рабочих и крестьян. С другой стороны, стремление радикально изменить социальное лицо студенчества в максимально сжатые сроки фактически подрывало основы самого существования института высшего образования. Лишь отказ от революционного экспериментирования и устранение институциональных дефектов позволили к концу 1930-х гг. превратить институт высшего образования в действенный лифт социальной мобильности.

Ключевые слова: высшее образование, РСФСР, социальная мобильность, пролетаризация, студенчество, привилегии, квоты, барьеры.

A.I. SAVIN

HIGHER EDUCATION IN THE RSFSR AS AN ELEVATOR OF SOCIAL MOBILITY (1918–1936)

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

This article describes higher education in RSFSR in 1918–1936 as an elevator of social mobility. The main focus of this article is on the policy of students “proletarianization”. This policy was aimed at acceleration of social advancement for the descendants of working class and poorest peasantry, and also at the lower social mobility for the representatives of the former propertied classes and the “bourgeois” intellectuals. The author analyzes practices that provided preemptive rights and privileges for the “workers”, as well as “filters” and “barriers” used by the Bolsheviks to prevent the “unproletarian elements” from entering colleges. The conclusion is made, that the results of the students “proletarianization” policy were highly controversial. On the one hand, it contributed to the sharp increase in the number of specialists, who came from the working class and the peasantry. Education became an effective elevator of social mobility for hundreds of thousands of Soviet citizens. On the other hand, an intention to radically change the social image of students as soon as possible effectively undermined the foundations of the very existence of higher education institution. It was not by chance that both attempts to break higher education system coincided with two peaks of inspiration of workers’ educational mobility, and normalization periods were characterized by cancellation of this policy. The growing awareness of the defects of the revolutionary transformation of educational sector led to abolition of the most radical laws, experimental institutes and forms of education in the second half of the 1930s, and to relative “normalization” of education system in terms of its institutions and access to education for discriminated groups.

Key words: higher education, RSFSR, social mobility, proletarianization, students, privileges, quotas, barriers.

Институт высшего образования – традиционный важнейший лифт социальной мобильности, история которого насчитывала в России к 1917 г. более двух-

сот лет, – испытал радикальную трансформацию в первые два десятилетия существования советской власти. Эта трансформация задавалась наряду с объ-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Андрей Иванович Савин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: a_savin_2004@mail.ru
Andrey I. Savin – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

активными потребностями модернизации советской экономики и общества марксистским пониманием образования как эффективного инструмента классово-борьбы и классового господства. В полном соответствии с такой трактовкой большевики после своего прихода к власти стали проводить политику, направленную на ускорение мобильности в сфере высшего образования одних социальных групп и торможение других. Политика предоставления преимущественных прав и привилегий выходцам из рабочего класса и беднейшего крестьянства фигурировала в большевистском дискурсе как политика «пролетаризации» студенчества. Обратной стороной этой политики было стремление резко ограничить, а в идеале – полностью закрыть доступ к высшему образованию для представителей бывших имущих классов и «буржуазной» интеллигенции.

Вопрос о катализаторах и особенно ингибиторах образовательной мобильности в первые два десятилетия советской власти, несмотря на огромную литературу, посвященную истории высшего образования в Советской России и СССР, нуждается в дальнейшем изучении, так как только такой исследовательский ракурс позволяет воссоздать объективную картину социальных перемещений ленинско-сталинской эпохи, а также выявить специфику советского образовательного ландшафта.

В настоящей статье автор пытается с опорой на предшествующую историографию, а также на опубликованные и неопубликованные документальные источники дать подробные ответы на вопросы о том, как функционировала система привилегий для «трудящихся», какие «фильтры» и «барьеры» использовали большевики, чтобы затруднить попадание в вузы «непролетарских элементов». Это позволит, в свою очередь, сделать выводы о влиянии политики «пролетаризации» студенчества на социальную мобильность различных групп населения, а также на функционирование системы высшего образования. Хронологические рамки статьи – 1918–1936 гг. – охватывают весь период политики «пролетаризации» студенчества.

Высшая школа являлась главной «командной высотой» в сфере народного образования, призванной обеспечить народное хозяйство кадрами специалистов, лояльными большевистскому режиму, а также стать источником рекрутирования советских функциональных элит. В результате уже первые мероприятия большевиков в отношении высшей школы открывали максимально широкий доступ в вузы рабочим и крестьянам. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» отменялись плата за обучение и все вступительные экзамены. Эти нововведения, по замыслу большевистского руководства, должны были устранить все барьеры в сфере образования, препятствовавшие ранее выходцам из социальных низов получать высшее образование. В проекте декрета содержался пункт, согласно которому «на первое место, безусловно, должны быть приняты лица из среды пролетариата

и беднейшего крестьянства» [1, с. 495]. И хотя данное положение не вошло в окончательный текст декрета, идея «растворить» выходцев из «бывших» и интеллигенции в огромной массе студентов-«пролетариев» доминировала в действиях большевиков в годы военного коммунизма.

Безоглядная реализация политики «пролетаризации» студенчества фактически парализовала учебный процесс, поскольку массовый наплыв неподготовленных слушателей многократно превышал возможности как самих вузов, так и профессорско-преподавательского состава. Если в начале 1918 г. численность студентов только университетов составляла в РСФСР около 60 тыс., то осенью 1919 г. она выросла уже до 117 тыс. Стремительно росло и количество самих вузов: к концу 1920 г. в республике насчитывалось 59 вузов, 46 вузов, в том числе 23 университета, а также 57 педагогических институтов и академий народного образования [2, с. 51–55].

Относительная нормализация численности студенчества в 1920 г. парадоксальным образом стала следствием тяжелейших экономических условий, вынудивших большую часть новоиспеченных студентов оставить стены вузов в поисках источников существования. Этому не смогло помешать даже введенное в 1918 г. социальное обеспечение для студентов «из недостаточных классов, детей рабочих и крестьян», быстро утратившее какое-либо значение в условиях галопирующей инфляции. К началу 1920 г. в стенах вузов (без вузов и пединститутов) оставалось около 35 тыс. студентов. Средством, позволившем удержать систему высшей школы «на плаву» и даже добиться увеличения численности студенчества, стала «милитаризация» медицинских, технических и части педагогических вузов [2, с. 52].

В 1921/22 учебном году в РСФСР насчитывалось 225 высших учебных заведений и 171 тыс. студентов. По признанию Наркомпроса, эти высшие школы в подавляющем большинстве не имели ни «надлежащего оборудования», ни «пригодного персонала». Новые экономические реалии диктовали необходимость существенного сокращения численности как самих вузов, так и студенчества. Судя по общесоюзным данным, этот процесс продолжался вплоть до 1925 г. Если в 1923/24 учебном году в 248 вузах в СССР училось около 217 тыс. студентов, то в 1925/26 учебном году численность вузов и студентов достигла абсолютного минимума за годы нэпа – 145 вузов и 167 тыс. студентов [3, с. 273]. В РСФСР на 1 января 1925 г. насчитывалось 86 вузов и 113 тыс. студентов [4, с. 185–186]. Вплоть до 1929 г. численность вузов и студенчества оставалась примерно на этом же уровне: в 1927/28 г. в ведении Наркомпроса РСФСР находилось 70 вузов с общим количеством около 105 тыс. студентов [5, с. 343]. Таким образом, объемы образовательной мобильности в 1920-е гг. лимитировались состоянием института высшей школы и народного хозяйства РСФСР в целом. Тем большее значение в этой ситуации стали приобретать политические и идеологические факторы.

В годы нэпа политика «пролетаризации» студенчества была продолжена, однако теперь ее главным инструментом стало введение преимущественных прав на поступление в вузы для представителей рабочего класса и крестьянства. В соответствии с Положением о высших учебных заведениях РСФСР от 2 сентября 1921 г., право на поступление имели все граждане РСФСР, достигшие 16-летнего возраста и «удовлетворяющие правилам приема, установленным Народным Комиссариатом Просвещения». Однако, несмотря на декларирование принципа равенства, преимущественным правом пользовались выходцы из рабочих и крестьян, а также демобилизованные красноармейцы в случае, если они имели «командировки» – направления на учебу от партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, а также от командования Красной Армии. С 1923/24 учебного года право командировать абитуриентов получили также губернские отделы народного образования [6, с. 35]. Остальные принимались по остаточному принципу. Важной привилегией студентов, зачисленных в вузы по «командировкам», стала, начиная с 1922 г., выплата им стипендии.

Тем не менее, условия нэпа привели к коррекции классовых принципов формирования студенчества. Все командированные должны были иметь уровень подготовки, предъявляемый к выпускникам школ 2-й ступени или рабочих факультетов. В противном случае предписывалось отказывать в приеме слабо подготовленным абитуриентам. Кроме того, уже осенью 1921 г. произошло расширение привилегированной группы студентов-рабочих за счет детей так называемых спецов, инженерно-технических работников. Это свидетельствовало, с одной стороны, о желании интегрировать «буржуазных спецов» в советскую систему, а с другой – о попытке задействовать в интересах высшей школы учебный потенциал одной из наиболее образованных социальных групп советского общества.

Несмотря на стремление большевиков превратить право на поступление в вузы в «классовую привилегию», в 1923/24 учебном году доля выходцев из непролетарских слоев населения составляла среди студентов вузов 62,2 %, в то время как доля студентов из рабочих – 15,3, из крестьян – 22,5 % [6, с. 35]. На ситуацию не смогли кардинальным образом повлиять даже массовые «чистки» студенческого состава 1923 г. и мая–июня 1924 г. При этом необходимо отметить, что задача чистки 1924 г. не сводилась исключительно к увеличению «пролетарского ядра» студенчества: из вузов исключали не только за принадлежность к непролетарской среде и отсутствие рабочего стажа, но и за академическую неуспеваемость, в том числе студентов из «пролетариата». При этом чистке не подлежали студенты последних курсов [1, с. 514]. Роль «ограничителя» здесь также сыграли прагматические мотивы. Так, в июле 1924 г. Ф.Э. Дзержинский, совмещавший посты председателя ВСНХ и ОГПУ, лично предпринял шаги, направленные на восстановление исключенных студентов из числа «детей инженеров и спецов ВСНХ и наших органов». Еще ранее,

в середине мая 1924 г., наряду с мерами по усилению агентурной работы среди студенчества Ф.Э. Дзержинский отдал распоряжение В.Р. Менжинскому «рассмотреть целесообразность смягчения чистки» [7, с. 549–550, 562]. В литературе приводятся разные цифры «вычищенных». По официальным данным Наркомпроса, было «вычищено» 18 тыс. студентов [1, с. 514], часть из них была позднее восстановлена.

По результатам чистки руководство Наркомпроса заявило в 1924 г. о завершении «пролетаризации» вузов. При этом исследователи отмечают, что речь шла не столько о превалировании «рабочего ядра», сколько о преодолении нравов дореволюционного студенчества [1, с. 499]. Можно предположить, что именно эти декларативные заявления о завершении «пролетаризации» высшей школы, широко тиражированные советской прессой, позволили снять остроту вопроса о социальном лице советского студенчества и расширить квоту «непролетарских элементов».

В 1924 г. в результате вновь введенных вступительных экзаменов были существенно повышены требования к абитуриентам, в том числе к лицам, направляемым в вузы командирующими организациями. Исключение составляли выпускники рабочих факультетов, которые зачислились в вузы в первую очередь и без экзаменов. Д.А. Андреев пишет о тенденции ограничения классового принципа комплектования вузов в середине 1920-х гг., ссылаясь на динамику изменения распределения мест между командирующими организациями в РСФСР. Наиболее существенным здесь было резкое снижение доли лиц, командирующих ВЦСПС, с 55 % в 1922/23 учебном году до 15 % в 1925/26 учебном году, а также рост доли «особо талантливых» выпускников школ 2-й ступени, опытно-показательных школ и профессионально-технических учебных заведений, командирующих губернскими отделами народного образования, с 2 % в 1923/24 учебном году до 25 % в 1925/26 учебном году. Кроме того, в 1925/26 учебном году профсоюзы получили квоту в 10 % для выходцев из «трудовой интеллигенции» [1, с. 500–501]. По данным Наркомпроса РСФСР на 1 января 1925 г., из 113 тыс. студентов по «командировкам» поступили 62,6 %, без направлений соответственно – 37,4 % [4, с. 185–186].

Следующий учебный год отличался еще более либеральными правилами поступления в вузы. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 19 марта 1926 г. «Об основных положениях приема в высшие учебные заведения РСФСР в 1926 г.» для лиц, желающих самостоятельно поступать в вузы, оставлялось до 45 % мест. Преимущественным правом пользовались дети рабочих и крестьян (10 % мест), а также рабфаковцы (35 % мест) при условии успешной сдачи ими приемных экзаменов, еще 8 % мест бронировалось за представителями национальных меньшинств и 2 % – за лицами, командированными народными комиссариатами и командованием Красной Армии [1, с. 502]. 10 июля 1926 г. было принято постановление СНК РСФСР «О приравнивании детей специалистов,

работающих в государственных учреждениях и предприятиях, в отношении поступления в вузы к детям рабочих», в соответствии с которым дети «спецов» (инженеров, педагогов, врачей и т.п.) также относились к группе лиц, пользовавшихся «преимущественным правом» [8, с. 394–395]. В ходе вступительных экзаменов 1927 г. квоты были сохранены только за рабфаковцами, «школьными» фельдшерами¹, представителями «культурно-отсталых национальностей», а также за лицами, командированными СНК союзных республик [9, с. 109].

Либерализация условий приема способствовала тому, что доля рабочих в составе студенчества росла в 1925–1928 гг. крайне медленно, а доля крестьян фактически оставалась на одном уровне. По данным на 1 января 1925 г., выходцы из рабочих составляли в РСФСР 21,8 % студентов, из крестьян – 25,8 % [4, с. 185–186]. К 1927/28 учебному году доля рабочих выросла только до 27,0 %, доля крестьян даже уменьшилась до 24,5 %. Зато доля служащих увеличилась с 38,4 % в январе 1925 г. до 39,5 % в 1927/28 учебном году². Тенденцию к сокращению демонстрировала только социальная группа «прочих», к которой советская статистика относила «лиц интеллигентного труда», а также «нетрудовой элемент» и тех, чью социальную принадлежность установить не удалось. В 1925 г. выходцы из интеллигенции составляли 10,8 % студентов, «нетрудовой элемент» – 2,3, остальные – 0,9 %. В 1927/28 учебном году доля «лиц разных профессий» равнялась 9 %, «нетрудовых элементов» – 1 %. Об ограничении классового принципа рекрутирования студенчества свидетельствует также падение доли бывших рабфаковцев среди выпускников вузов. Если в 1924/25 учебном году она равнялась 43,3 %, то на следующий год – только 28,3 % [1, с. 511] и демонстрировала тенденцию к дальнейшему снижению – на 1 января 1925 г. бывшие рабфаковцы составляли в РСФСР только 15,7 % студентов [4, с. 185–186].

Политика «пролетаризации» студенчества была реанимирована ЦК ВКП(б) в 1928 г. Принятое июльским 1928 г. пленумом ЦК ВКП(б) постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов» предписывало обеспечить «дальнейшее повышение рабочего ядра во вузах и техникумах» с тем, чтобы в 1928 г. рабочие составляли «не менее 65 % общего приема во вузы». Для этого следовало организовать для них при вузах специальные подготовительные курсы, а также в течение ближайших двух лет увеличить численность слушателей дневных и вечерних рабфаков [10, с. 117]. Весомый вклад в дело «пролетаризации» студенчества должны были внести также коммунисты: предполагалось отправлять на учебу еже-

годно во вузы в течение нескольких ближайших лет по тысяче коммунистов.

В 1928–1929 гг. вновь была проведена чистка студенчества. Активное участие в чистке, наборе новых студентов и комплектовании аспирантуры принимали вузовские партийные ячейки, состоявшие преимущественно из студентов-коммунистов. В интересах «орабочения» студенчества в апреле 1929 г. были также отменены вступительные экзамены в вузы для выпускников техникумов [11, с. 535]. За попытки противодействовать отчислению из вузов «социально чуждых» элементов своей должностью поплатился А.В. Луначарский, вместо него в июле 1929 г. на должность народного комиссара просвещения был назначен бывший начальник Политуправления Красной Армии А.С. Бубнов [11, с. 533].

Политическую линию на резкое «улучшение» социального состава студенчества подтвердил ноябрьский 1929 г. пленум ЦК ВКП(б). Теперь была поставлена задача – «довести процент рабочего ядра» в ближайшие годы во вузах до 70 %, а в сельскохозяйственных вузах рабочие, батраки, бедняки, колхозники и их дети должны были составить не менее 75 %. Одновременно ставилась задача очищения вузов от «враждебных элементов», причем не в рамках очередной кампании, а в порядке «систематического изучения состава студенчества» [10, с. 340]. Кроме того, был признан успешным опыт отправки во вузы на учебу тысячи коммунистов. Свой вклад в улучшение социального состава вузов были также призваны внести Красная Армия, профсоюзы и комсомол, для которых выделялись специальные квоты. В результате доля рабочих достигла в вузах в РСФСР в 1928/29 учебном году 27,7 % – максимально высокого показателя, начиная с 1923 г. При этом в технических вузах он был еще выше – 34,4 %, партийная прослойка выросла в них до 42,3 %. Соответственно доля «прочих» снизилась в вузах с 27,8% в 1923/24 учебном году до 6,8% в 1928/29 учебном году [12, с. 34].

Стремительное «улучшение» классового лица студенчества являлось органической частью процесса ломки всей системы высшего образования в условиях сталинской «революции сверху». Совпадение прагматических и идеологических интересов государства привело к сильнейшей трансформации высшей школы. Идея революционеров от образования была примитивно проста. Упрощенные формы обучения, так называемая «технизация» («втузирование») высшей школы и ее трансформация по отраслевому принципу («отраслирование»), новые учебно-производственные планы, которые «увязывали» теоретическое обучение с непрерывной производственной практикой, сокращенные сроки учебы и отказ от университетской системы, с одной стороны, позволяли существенно увеличить выпуск специалистов, а с другой – сделали высшую школу доступной для широкой массы выходцев из «трудящихся» с их невысоким уровнем образования и обеспечили, по выражению А.Я. Вышинского, подготовку «про-

¹ Возможно, речь идет о фельдшерах, подготовленных школами 2-й ступени.

² В разных источниках имеют место разночтения в статистике, тем не менее приведенные данные верно отражают тенденции развития.

летарских специалистов-массовиков» [13, с. 25]. Фактически же речь шла о приспособлении высшего образования к нуждам промышленности, где основную массу «новых кадров специалистов» должны были составить «рабочие на производстве, рабочие в совхозах, колхозники», которых следовало готовить без отрыва от производственного процесса. Планировалось «перенести» на предприятия не только факультеты, но и целые вузы. К началу 1931 г. уже около 100 тыс. студентов были переведены в РСФСР на непрерывную производственную практику [13, с. 27].

К этому же времени была в целом закончена институциональная перестройка вузов и втузов, начатая в конце 1929 г. Ее основное содержание сводилось к созданию на базе факультетов университетов и политехнических институтов мелких узкоспециализированных учебных заведений, главной задачей которых была максимально ускоренная и упрощенная подготовка специалистов. Так, только на базе университетов в 1930–1931 гг. в СССР было создано около 45 втузов и вузов. Многие из свежеспеченных вузов насчитывали лишь несколько сотен или даже десятков студентов, а также испытывали резкую нехватку преподавателей, учебных материалов и оборудования [14].

По аналогии с периодом военного коммунизма, революционные преобразования в сфере высшего образования и «орабочение» высшей школы сопровождались стремительным, отчасти «нездоровым», ростом численности студенчества: если в 1929/30 учебном году в СССР насчитывалось около 204 тыс. студентов, то в 1931/32 г. – уже около 406 тыс., а в 1932/33 г. – около 504 тыс. [14, с. 18; 15, с. 22–23]. Соответственно увеличивалось число студентов, принятых в СССР на первые курсы вузов: в 1929 г. – 56,2 тыс., в 1930 г. – 144,2 тыс., в 1931 г. – 184,9 тыс., в 1932 г. – 245,8 тыс. [14, с. 12].

«Орабочение» высшей школы опиралось на авторитет И.В. Сталина, который 23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников подвел под него «теоретическую базу», заявив, что «рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интеллигенцию, способную отстаивать его интересы в производстве как интересы господствующего класса» [16, с. 595]. В 1930/31 учебном году выходцы из рабочих составляли в РСФСР уже 46,6 % от общей численности студенчества, из крестьян – 33,4 % и из служащих – 20 %. И даже в составе студентов, принятых в художественные учебные заведения, доля рабочих превышала 50 % [17, с. 40]. Что же касается технической школы, то здесь доля учащихся пролетарского происхождения к концу 1931 г. увеличилась до 70,4 % [18, с. 751].

Однако далеко не все вузы поддавались пролетаризации так успешно, как хотелось бы большевикам. Особенно власть тревожила ситуация в педагогических вузах, где в РСФСР в 1929/30 учебном году из 18 868 тыс. студентов выходцы из рабочих составляли 23,3 %, из колхозников – 0,2, из крестьян-единоличников – 26,6, из служащих – 43,6, из «прочих» – 6,3 %

[19, с. 88–89]. Главным методом «пролетаризации» педвузов стало создание при них рабфаков в 1930/31 учебном году [17, с. 40–41].

Тем не менее объективные потребности народного хозяйства, как и в годы нэпа, приводили к прагматическим исключениям в политике «пролетаризации». Чистка 1929 г. не переросла в массовую кампанию отчислений только благодаря вмешательству ЦК ВКП(б) [11, с. 536]. Власть также была вынуждена время от времени открывать шлюзы, обеспечивавшие доступ к высшему образованию для наиболее подготовленных групп населения. В июле 1931 г. решением Политбюро ЦК дети ИТР вновь были уравнены в праве на поступление в вузы с детьми промышленных рабочих [20, с. 55; 8, с. 174–175].

1932 г. знаменовался прекращением революционной ломки системы высшего образования и реабилитацией университетов, что было вызвано резким падением квалификации выпускаемых специалистов [11]. Изменение политического курса привело к уменьшению численности вузов и студентов. Отказ от революционных экспериментов в сфере образования также неминуемо означал постепенное сворачивание политики «пролетаризации» студенчества.

Первым признаком перемен стало изменение правил поступления в вузы, введенных в июле 1932 г.: абитуриенты пролетарского происхождения пользовались преимуществом, только если выдерживали вступительные испытания, в противном случае студентами становились их конкуренты из непролетарской среды [18, с. 754]. Тем не менее, вплоть до конца 1935 г. отбор абитуриентов осуществлялся преимущественно по классовому принципу, что вновь ожидаемо приводило к исключениям из правила. Так, 6 апреля 1935 г. приказом Наркомпроса РСФСР «О приеме детей врачей в учебные заведения» дети медицинских работников уравнивались в правах с детьми рабочих [21, с. 313; 6, с. 39].

Еще одним следствием отказа от инспирирования мобильности пролетариата стало стремительное сокращение численности рабфаков. Если в 1933/34 учебном году в СССР все еще насчитывался 831 рабочий факультет и около 271 тыс. рабфаковцев, то в 1938/39 учебном году количество рабфаков сократилось вдвое, а их слушателей – в 2,5 раза. В последние предвоенные годы были упразднены все рабфаки [21, с. 192].

В конце 1935 г. политика пролетаризация студенчества фактически была свернута. Об этом сигнализировал отказ от дискриминации в сфере высшего образования в отношении детей «бывших» и «лишенцев». В рамках подготовки новой конституции, которая должна была восстановить в правах изгоев советского общества, были предприняты «вполне конкретные акции по “умиротворению” общества, реально облегчавшие положение миллионов людей» [20, с. 148]. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О школах в трудпоселках» от 15 декабря 1935 г. детей трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, теперь разрешалось принимать на общих осно-

ваниях как в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения, а окончивших среднюю школу – соответственно в высшие учебные заведения³. В развитие этого постановления 23 декабря 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР одобрили циркуляр об использовании на работе по специальности лиц, высланных и сосланных в административном порядке, и приеме в учебные заведения «по месту ссылки или высылки» их детей [20, с. 152–153].

Формальный конец политики «пролетаризации» студенчества ознаменовало постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы», утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б) 29 декабря 1935 г. Этим постановлением отменялся запрет на поступление в вузы и техникумы детей «нетрудящихся и лиц, лишенных избирательных прав». В соответствии с постановлением при поступлении в вузы равными правами обладали все граждане СССР обоюбого пола в возрасте 17–35 лет, имевшие аттестат о получении среднего образования и выдержавшие вступительные экзамены. Все ограничения при приеме, «связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей», отменялись.

Спустя полгода, 24 июня 1936 г., в газете «Правда» было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», которое подтверждало и развивало основные принципы постановления от 29 декабря 1935 г. Преимущественным правом поступления в вузы теперь пользовались лица, получившие в ходе вступительных экзаменов наивысшие отметки. В результате, по данным В.В. Рыжковского, к 1937 г. основной контингент поступающих в вузы формировался уже из детей интеллигентов – выпускников десятилеток [18, с. 758].

То, что с широкомасштабной политикой «пролетаризации» в сфере высшей школы было покончено, продемонстрировал Большой террор. 10 ноября 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, запрещавшее «огульное» увольнение из вузов и снятие стипендий по мотивам родственных связей студентов с репрессированными. Предписывалось решать такого рода вопросы «строго персонально», после рассмотрения «общественно-политического лица и поведения самого студента» [22, с. 390].

Результаты реализации политики «пролетаризации» студенчества в РСФСР в 1918–1936 гг. были крайне противоречивы. С одной стороны, она действительно способствовала резкому увеличению численности специалистов – выходцев из рабочих и крестьян. Количественные достижения этой политики неоспоримы. Высшее образование стало эффективным лифтом социальной мобильности для сотен тысяч граждан советской страны.

С другой стороны, задача «орачования» студенчества диктовала необходимость трансформаций традиционной системы высшей школы. Неслучайно обе попытки революционной ломки института высшего образования совпали с двумя пиками инспирирования образовательной мобильности «трудящихся», а периоды нормализации характеризовались сворачиванием этой политики. Фактическая отмена привилегий, которыми выходцы из рабочих и беднейших крестьян пользовались в образовательной сфере, привела к тому, что во второй половине 1930-х гг. место инспирированной мобильности заняла социальная мобильность, основанная преимущественно на реальных знаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Д.А. Пролетаризация высшей школы: «новый студент» как инструмент образовательной политики // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 494–522.
2. Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь 1920 (краткий отчет). Госиздат, 1920. 112 с.
3. Народное образование в СССР. М., 1967. 544 с.
4. Народное образование в РСФСР за 1923–24 год. М., 1925. 336 с.
5. Малая Советская энциклопедия. М., 1929. Т. 2. 960 с.
6. Смирнова Т.М. «В происхождении своем никто не повинен...»? Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28–42.
7. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. 872 с.
8. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920 – 1930-е годы). Новосибирск, 2004. 450 с.
9. Народное просвещение в РСФСР к 1927/28 учебному году. Отчет Наркомпроса РСФСР за 1926/27 учебный год. М.; Л., 1928. 211 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). М., 1970. 583 с. Т. 4 (1927–1931).
11. Дэвид-Фокс М. Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома (1928–1932 годы) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 523–563.
12. Народное просвещение в СССР за 1928/29 год. М.; Л., 1930. 132 с.
13. Вышинский А.Я. Социалистическое строительство и борьба за качество кадров // Коммунистическое просвещение. 1931. № 2. С. 25–30.
14. Лапко А.Ф. Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток // Успехи математических наук. 1972. Т. 27, вып. 6 (168). С. 5–23.
15. Бубнов А.С. Основные вопросы перестройки высшего образования // Коммунистическое просвещение. 1931. № 2. С. 16–23.
16. Сталин И. Вопросы ленинизма. Л., 1932. 618 с.
17. Алексинский М.А. Культурная революция и педкадры // Коммунистическое просвещение. 1931. № 2. С. 38–41.
18. Рыжковский В.В. Генеалогия «спеца»: высшая специальная школа и техническая наука в условиях социальных мобилизаций // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 682–774.
19. Народное просвещение в РСФСР в основных показателях. Статистический сборник (1927/28 – 1930/31 гг. со включением некоторых данных за 1931/32 г.). М.; Л., 1932. 184 с.

³ Российский государственный архив новейшей истории (РГА-НИ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 39. Л. 172–172 об.

20. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. 304 с.

21. Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973. 472 с.

22. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. 479 с.

REFERENCES

1. Andreyev D.A. Proletarianization of Higher Education: "New student" as an instrument of educational policy. *Raspisaniye peremen. Ocherki istorii obrazovatelnoy i nauchnoy politiki v Rossyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. Moscow, 2012. pp. 494–522. (In Russ.)
2. People's Commissariat for Education. 1917 – October, 1920 (abridged report). Gosizdat, 1920, 112 p. (In Russ.)
3. Education in USSR Moscow, 1967, 544 p. (In Russ.)
4. Education in RSFSR in 1923–1924. Moscow, 1925, 336 p. (In Russ.)
5. Small Soviet Encyclopedia. M., 1929, vol. 2, 960 p. (In Russ.)
6. Smirnova T.M. «No one is guilty of his own origin...»? Problems of integration of children of «socially alien elements» in the post-revolutionary Russian society. *Otechestvennaya istoriya*. 2003, no. 4, pp. 28–42 (In Russ.)
7. Felix Dzerzhinsky – Chairman of Cheka-OGPU. Moscow, 2007, 872 p. (In Russ.)
8. The Marginal in Society. The Marginal as society. Siberia (1920–1930s). Novosibirsk, 2004, 450 p. (In Russ.)
9. People's education in RSFSR by 1927/28 academic year. Report of the People's Commissariat for Education for 1926/27 academic year. M.; L., 1928. 211 p. (In Russ.)
10. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of Central Committee (1898 – 1970). Vol. 4 (1927 – 1931). M., 1970. 583 p. (In Russ.)
11. David-Fox M. The Attack on the Universities and the Dynamics of the Stalinist Great Break (1928 – 1932). *Raspisaniye peremen. Ocherki istorii obrazovatelnoy i nauchnoy politiki v Rossyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. M., 2012, pp. 523–563 (In Russ.)
12. Education in the USSR in 1928/29. M.; L., 1930. 132 p. (In Russ.)
13. Vyshinsky A.Ya. The Socialist construction and the fight for the quality of the personnel. *Kommunisticheskoye prosveshcheniye*. 1931, no. 2, pp. 25–30 (In Russ.)
14. Lapko A.F. The evolution of Higher Education in USSR during the first three five-year plans. *Uspekhi matematicheskikh nauk*. 1972, vol. 27, issue 6 (168), pp. 5–23 (In Russ.)
15. Bubnov A.S. Main questions of restructuring higher education. *Kommunisticheskoye prosveshcheniye*. 1931, no. 2, pp. 16–23 (In Russ.)
16. Stalin I. Questions of Leninism. Leningrad, 1932, 618 p. (In Russ.)
17. Aleksinsky M.A. The Cultural Revolution and Teaching Staff. *Kommunisticheskoye prosveshcheniye*. 1931, no. 2, pp. 38–41 (In Russ.)
18. Ryzhkovsky V.V. Genealogy of a «specialist»: Higher specialized education and technical science during social mobilizations. *Raspisaniye peremen. Ocherki istorii obrazovatelnoy i nauchnoy politiki v Rossyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. M., 2012, pp. 682–774 (In Russ.)
19. Narodnoe prosveshchenie v RSFSR v osnovnykh pokazatel'nykh. Statisticheskij sbornik (1927/28 – 1930/31 gg. so vkljucheniem nekotorykh dannykh za 1931/32 g.). M.; L., 1932. 184 с.
20. Khlevnyuk O.V. Political Bureau. The mechanisms of political power during 1930s. Moscow, 1996. 304 p. (In Russ.)
21. Chanbarisov Sh.Kh. Formation of the Soviet university system (1917–1938). Ufa, 1973, 472 p. (In Russ.)
22. Khlevnyuk O.V. The Master. Stalin and consolidation of Stalin's dictatorship. Moscow, 2010, 479 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 06.10.2016

DOI: 10.15372/HSS20160408
УДК 271-9(470.5)“1923”(044)

С.Г. ПЕТРОВ

**ПОСЛАНИЕ 1923 г. АРХИМАНДРИТА
ВЕРХОТУРСКОГО НИКОЛАЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ
ПАТРИАРХУ ТИХОНУ***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

В статье публикуется один из ключевых источников по истории крупнейшей мужской монашеской обители на востоке России в первой половине 1920-х гг. – послание настоятеля Верхотурского Николаевского монастыря патриарху Тихону. Рассматривается история создания этого документа в контексте сложной общецерковной ситуации того времени. Уделяется внимание перипетиям непростой биографии автора послания – последнего настоятеля монастыря архимандрита Ксенофонта (Медведева). Анализируются особенности острейшего конфликта в монастыре, вспыхнувшего по поводу введения нового календарного стиля, для разрешения которого архимандрит Ксенофонт обратился к патриарху Тихону. Делается вывод о том, что поводом для составления послания стало резкое недовольство иноков и паломников переносом под давлением обновленцев на новый стиль празднования дня памяти перенесения мощей праведного Симеона Верхотурского, находившихся в одном из соборов монастыря.

Ключевые слова: Русская православная церковь, патриарх Тихон, Верхотурский Николаевский монастырь, архимандрит Ксенофонт (Медведев), обновленчество, новый календарный стиль.

S.G. PETROV

**LETTER OF 1923 OF ARCHIMANDRITE
OF THE ST. NIKOLAY MONASTERY OF VERKHOTURYE
TO PATRIARCH TIKHON**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The study focuses on the history of the Russian Orthodox Church in the first half of the 1920s. It considers the specific regional features of the Church Renovated Schism, introduced by the Bolsheviks, and its consequences for various religious institutions. Its central focus is on the St. Nicholas Monastery in Verkhoturys, the largest monastery in the eastern part of Russia, and its last Father Superior, Archimandrite Xenophon (Medvedev). The aim of the study is to investigate and publish the Letter of 1923 of Archimandrite Xenophon to Patriarch Tikhon, which is one of the key sources on the history of the monastery of Verkhoturys. The paper considers the history of creating this document against the background of a complex situation facing the Church during the period under consideration. Attention is given to the ups and downs of the troubled biography of the author of the Letter both in pre-revolutionary and soviet periods. The author analyzes peculiarities of the acute conflict in the St. Nicholas monastery of Verkhoturys concerning the introduction of the new calendar style. In order to resolve this conflict Archimandrite Xenophon addressed to Patriarch Tikhon. It is concluded that the letter was compiled due to the extreme dissatisfaction of monks and pilgrims with the fact that advocates of the Renovated Church shifted to another date celebration of the day of the Holy Simeon of Verkhoturys whose relics were kept in one of the monastery's cathedrals.

The Letter of Archimandrite Xenophon to Patriarch Tikhon is published in accordance with academic standards of archeography, i.e. supplied with the academic title, lineal translation of the text, archeographic legend and preserving all the original characteristics of the text of the published source.

Key words: Russian Orthodox Church, Patriarch Tikhon, St. Nikolay Monastery of Verkhoturys, Archimandrite Xenophon (Medvedev), Renovationism, new calendar style.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности» Комплексной программы Сибирского отделения РАН II.2П.

Станислав Геннадьевич Петров – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: petrov_istochnik@mail.ru.
Stanislav G. Petrov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of History SB RAS.

Верхотурский Свято-Николаевский монастырь – крупнейшая на востоке России мужская монашеская обитель, имевшая неофициальное название «Сибирская лавра»¹. Своего расцвета монастырь достиг в годы царствования последнего российского императора, который, как и другие высочайшие особы из Дома Романовых, опекал этот монастырь, оказывал знаки внимания и делал ценные вклады. Представители царствующей династии совершали паломнические поездки в Верхотурье к хранившимся здесь мощам святого праведного Симеона Верхотурского. Закрыт монастырь был в первые годы советской власти, после окончательного ее установления на Урале. Расцвет монастыря и ликвидация его большевиками выпали на время, когда во главе братии находился архимандрит Ксенофонт (1871–1933?), в миру – Константин Петрович Медведев.

В данной статье внимание фокусируется на трагической странице в истории монастыря – постепенной (после закрытия) ликвидации его в первой половине 1920-х гг., когда Русскую православную церковь сотрясал насаждаемый властью обновленческий раскол. Рассматривается и публикуется покаянное послание архимандрита Ксенофонта патриарху Тихону от 20 сентября / 3 октября 1923 г. о состоянии дел в монастыре в условиях этого раскола².

В литературе приводятся сведения о следующих документах, отправленных из Верхотурского Николаевского монастыря в адрес патриарха Тихона: о названном уже послании его настоятеля и выписке из протокола общего собрания братии от 28 апреля/11 мая 1924 г., к которой приложено сопроводительное письмо архимандрита Ксенофонта. Два последних документа были посвящены вопросу о подчинении монастыря патриаршему епархиальному совету в Нижнем Тагиле, созданному епископом Львом (Л.В. Черепановым). Они достаточно подробно изучены и опубликованы, один из них – даже факсимильно (не полностью)³ [1, с. 297]. А о послании архимандрита Ксенофонта до недавнего времени можно было говорить только на основе свидетельств позднейших источников – судебно-следственной документации по выдуманному чекистами делу «Церковного союза» начала 1930-х гг.⁴

Послание верхотурского архимандрита после его ввода в научный оборот неоднократно было рассмотрено мной [2; 3, с. 253–259.]. Однако до сих пор это послание не опубликовано. В одной из студенческих работ, выполненных в Петербургской духовной академии и размещенных в Интернете, этот документ был приведен в кратком пересказе

с воспроизведением небольшого фрагмента текста. Но такой подход к источнику не дает полноценного представления о нем и вряд ли может быть признан удовлетворительным⁵.

Автору публикуемого ниже послания посвящено несколько добротных работ уральских исследователей⁶ [4; 5, с. 90–101]. Согласно этим работам, будущий настоятель Верхотурского Николаевского монастыря родился в религиозной рабочей семье в поселке Северский завод Пермской губернии. В двадцать с небольшим лет он пришел в Верхотурский Николаевский монастырь, стал послушником, трудился пономарем и делопроизводителем. В тридцать лет принял монашеский постриг, был поставлен в иеродиакона, а затем – в иеромонаха, занял место монастырского казначея. Чуть больше года исполнял временно обязанности настоятеля Далматовского Успенского монастыря. Однако вынужден был вернуться в Верхотурский Николаевский монастырь, где стал помощником тяжело заболевшего настоятеля. Вскоре иеромонах Ксенофонт был избран братией на должность настоятеля обители. В 1909 г. он уже игумен, а через четыре года – архимандрит. Новый настоятель, благодаря недюжинной хозяйственной смекалке, организаторским способностям и знаниям в финансовой сфере, сумел завершить строительство Крестовоздвиженского собора – одного из крупнейших в России. При нем монастырь достиг пика в своем развитии, став в ряд с другими знаменитыми обителями русского православия.

После падения монархии, в начавшейся Гражданской войне Ксенофонт поддержал противостоящий большевикам и их политическим союзникам лагерь. По мере продвижения Красной Армии на восток России он пытался вместе с монахами и ракой из-под мощей святого Симеона Верхотурского эвакуироваться, но вынужден был вернуться в монастырь.

После установления советской власти архимандрит, несмотря на признание им большевиков, несколько раз арестовывался, подвергался судебному и внесудебному преследованию, отбывал разные сроки наказания. Впервые в 1920 г. – по обвинению в оказании сопротивления вскрытию мощей праведного Симеона Верхотурского. Потом в 1925 г. – по делу монахов Верхотурского Николаевского монастыря, за хранение и распространение «контрреволюционного» письма обновленческого епископа-авантюриста

⁵ URL: http://korolev.msk.ru/books/dc/Rpc22y_1913289.txt (дата обращения: 12.09.2011).

⁶ Пуль Е.В. Судьба последнего настоятеля Свято-Николаевского монастыря // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С. 87–92. URL: <http://www.verhoturie.com/?page=sudbaposlednego-nastojatelja-svjato-nikolaevskogo-monastyrgja> (дата обращения: 17.12.2013); Нечаева М.Ю. Верхотурские монастыри в XX веке // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: материалы 1999 г. М., 1999. С. 332–349. URL: <http://atlasch.narod.ru/works/verhoturskiemonast.htm> (дата обращения: 09.02.2010); Эндебера В. Последний настоятель: из истории Верхотурского Свято-Николаевского монастыря // Урал. 1999. № 11. С. 141–151. URL: http://art.uralinfo.ru/LITERAT/URAL/Ural_11_99/Ural_11_99_09.htm (дата обращения: 09.02.2010); Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви XX века: Ксенофонт (Медведев Константин Петрович). URL: <http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/docum/cnt/ans/newmfr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2...> (дата обращения: 09.02.2010); и др.

¹ В настоящее время в соответствии с современным административно-территориальным делением этот монастырь стали называть «Уральской лаврой».

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 32–33.

³ Нечаева М.Ю. Верхотурские монастыри в XX веке // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 1999 г. М., 1999. С. 337–338. URL: <http://atlasch.narod.ru/works/verhoturskiemonast.htm> (дата обращения: 09.02.2010).

⁴ Исторические страницы Русской Православной Церкви в Верхотурье. Малоактагский скит / публ. Е.В. Вертилецкой, Е.Ю. Ребриной // Архивы Урала. 2006. № 9–10. С. 70–85. URL: http://uralarchives.ru/docs/publishing/au/au9_10.pdf (дата обращения: 09.02.2010).

Николая Соловейчика, в котором он разоблачал зависимость раскольничьей церкви от чекистов⁷.

С отбытием наказания по первому делу Ксенофонт вернулся в Верхотурье не сразу, а в 1922 г., когда монастырь официально уже не существовал. Он приложил немалые усилия для адаптации оставшейся при монастырских храмах братии к советским условиям жизни. По окончании срока по второму приговору Ксенофонта отправили в ссылку в Казань, отбыв которую, он поселился в Свердловске. В Верхотурье он уже больше не вернулся.

В третий раз Ксенофонт был арестован чекистами в 1931 г. в Нижнем Тагиле. Завербовав его в осведомителя, чекисты выпустили вскоре его на свободу. Однако бывший верхотурский архимандрит отказался информировать ОГПУ и сообщил обо всем произошедшем с ним в покаянном письме пермскому архиепископу Иринарху (И.Д. Синеокову-Андреевскому), назначившему его своим личным секретарем⁸. В последний раз архимандрит был арестован в том же году в Перми по обвинению в разглашении секретных сведений о сотрудничестве с чекистским ведомством. Особым сощещанием при коллегии ОГПУ архимандрита Ксенофонта осудили по делу выдуманной чекистами «контрреволюционной» организации «Церковный союз» и отправили на три года в Белбалтлаг.

В марте 1933 г. коллегия ОГПУ постановила досрочно освободить его по состоянию здоровья и выслать в Северный край. Точные данные о дальнейшей судьбе Ксенофонта до сих пор не выявлены. Считается, что в январе того же года, находясь еще в Белбалтлаге, верхотурский архимандрит скончался. В литературе, правда, встречаются и другие версии событий, связанных с последними годами жизни Ксенофонта. Например, говорится, что в 1942 г. он, находясь в ссылке в Казахстане, жил под присмотром бывших монахинь Верхотурского Покровского монастыря в Петропавловске, где через некоторое время умер⁹ [6, с. 68; 7, с. 199].

Публикуемое ниже послание патриарху Тихону было написано во время его нахождения в Верхотурье, после первого ареста и досрочного освобождения. Кошунственное вскрытие мощей Симеона Верхотурского и приговор Екатеринбургской губчека оказали сильнейшее воздействие на сознание архимандрита Ксенофонта. Об обрушившихся на него репрессиях он даже написал в своем послании, отправленном патриарху.

В самом начале этого текста Ксенофонт считал необходимым кратко рассказать освободившемуся в июне 1923 г.

из Лубянской тюрьмы первосвятителю о состоянии вверенной ему обители. Однако не это было причиной написания послания, а острая конфликтная ситуация, связанная с переходом монастыря на новый календарный стиль.

Устранив в мае 1922 г. патриарха Тихона от церковного управления, большевики осуществили раскол Русской православной церкви и насадили во всех епархиях лояльных власти обновленцев. Для дальнейшего углубления раскола было решено ввести в церковный обиход григорианское летосчисление [3, с. 136–161]. Обновленческий Поместный собор в мае 1923 г. принял решение о переходе Русской православной церкви на новый стиль в июне того же года¹⁰. От находившего в неволе патриарха Тихона, в качестве одного из условий его освобождения из-под ареста, большевикам также удалось добиться согласия на проведение календарной реформы [3, с. 112–136].

Как следует из послания, под давлением обновленцев и в Верхотурском Николаевском монастыре в конце июня 1923 г. приняли сходное решение. Последствия этого недуманного шага не заставили ждать долго. Уже в сентябре, в день памяти преподобного Симеона Верхотурского, находившаяся на грани выживания обитель понесла ощутимые материальные потери из-за перехода на новый стиль. Основная масса паломников, съезжавшихся со всей России к раке с мощами святого, прибыла в монастырь, когда этот день уже был отмечен верхотурскими чернецами по григорианскому календарю. Протестные настроения, охватившие верующих и братию, нанесли существенный урон авторитету настоятеля.

В сложившейся ситуации он считал необходимым обратиться к главе Русской православной церкви, чтобы решить вопрос о календаре на самом высоком уровне. Ожидая ответа, он покинул Верхотурье и уехал на три месяца в монастырскую заимку «Кривое озеро» (в декабре праздновался день прославления Симеона Верхотурского в лике святых, что грозило новым всплеском полемики о календарном стиле). Патриарх же, получив послание из Верхотурья, представил на нем следующую резолюцию: «24 Ок[тября] 1923. Благословляется праздновать по новому грегорианскому стилю, кромѣ Св[ятой] Пасхи, которая вмѣстѣ съ В[еликимъ] Постомъ остается прежняя. Патр[иархъ] Тихон»¹¹. Как видим, первосвятитель поддержал архимандрита Ксенофонта. Правда, уже в ноябре 1923 г. патриарх отменил общеобязательное и повсеместное введение нового календарного стиля¹².

Получив ответ, Ксенофонт возвратился в январе 1924 г. в монастырь, однако, согласно его показаниям на следствии

⁷ Об этом более подробно см.: *Чевардин В.В.* Дело епископа Льва Черепанова // *Низвергнутый мир: книга памяти.* Екатеринбург, 2003. Ч. 1. С. 247–255. URL: http://historyntagil.ru/books/11_14_10.htm (дата обращения: 01.06.2016).

⁸ Публикацию покаянного письма архимандрита Ксенофонта см.: *Исторические страницы Русской Православной Церкви в Верхотурье. Малоактагйский скит / публ. Е.В. Вертилецкой, Е.Ю. Ребриной // Архивы Урала.* 2006. № 9–10. С. 70–72. URL: http://uralarchives.ru/docs/publishing/au/au9_10.pdf (дата обращения 09.02.2010); *Иванова О.* Покаяние архимандрита Ксенофонта // *КИФА.* 2014. Декабрь. № 15 (185). URL: <http://gazetakifa.ru/content/view/51118/> (дата обращения: 01.06.2016).

⁹ *Степанова А.Л.* Православное свидетельство в советский период. Екатеринбургская епархия. URL: <http://pandia.ru/text/78/504/94444-4.php> (дата обращения: 01.06.2016).

¹⁰ Известия ВЦИК. 1923. 6 мая (№ 99); Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 177. Л. 34; Государственный архив Российской Федерации. Ф. А353. Оп. 3. Д. 730. Л. 41 об.; Архив Государственного музея истории религии. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Деяния II Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. М., 1923. С. 12; Поместный Собор Российской Православной Церкви 1923 г. (Бюллетени). М., 1923. С. 18–19.

¹¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 32.

¹² Там же. Л. 36, 37, 38 об.; Следственное дело патриарха Тихона: сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ / гл. ред. протоиерей В.Н. Воробьев; отв. сост. Н.А. Кривова. М., 2000. С. 362–363.

в 1932 г., согласиться с присланным из Москвы патриаршим предписанием он уже не мог¹³. Поддержали его в этом и верхотурские монахи. В монастыре окончательно отказались от нового стиля и вплоть до разгона обители в 1925 г. придерживались в богослужениях юлианского летосчисления.

Публикуемое послание написано фиолетовыми чернилами рукой автора на двух листах линованной бумаги, пер-

вый лист с оборотом. Соблюдение норм дореволюционной орфографии для церковных документов того времени было важным показателем принадлежности к патриаршей Церкви. Чтобы не утратить эту отличительную характеристику текста, документ издается с сохранением орфографии источника. Пропущенные буквы, знаки препинания, сокращенные слова восстанавливаются в квадратных скобках.

**ПИСЬМО НАСТОЯТЕЛЯ ВЕРХОТУРСКОГО НИКОЛАЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ
АРХИМАНДРИТА КСЕНОФОНТА (К.П. МЕДВЕДЕВА) ПАТРИАРХУ МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РОССИИ
ТИХОНУ (В.И. БЕЛЛАВИНУ) О ПРИЗНАНИИ НОВОГО КАЛЕНДАРНОГО СТИЛЯ**

3 октября (20 сентября) 1923 г.

(Л. 32) Его Святейшеству

Святѣйшему Тихону, Патриарху Московскому и всея Россіи

Настоятеля Верхотурскаго Николаевскаго
монастыря, Екатеринбургской Епархіи,
Архимандрита Ксенофонта

Ввѣренный мнѣ Верхотурскій Николаевскій монастырь во все время революціи, при всѣхъ трудныхъ переживаніяхъ, твердо стоялъ въ своихъ монашескихъ завѣтахъ и, до сего времени, не смотря на то, что уже нарушено все хозяйство и заняты: одинъ изъ храмовъ подъ клубъ и всѣ жилия помѣщенія подъ Государственныя учрежденія, около одного Храма ютятся свыше 50 человекъ братіи, трудами своими приобретающихъ средства пропитанія и совершая непрерывно-ежедневную службу Божию, и молитвенно окормляя притекающихъ къ ракъ Святыхъ мощей Праведнаго Симеона Верхотурскаго Чудотворца, – богомольцевъ. Нынѣ же наше душевное спокойствіе нарушилось – мы сдѣлали большую ошибку легкомысленно согласившись на переходъ служенія по новому стилю, не вникнувъ внимательно въ глубину последствий[.] вытекающихъ отъ этого перехода, но безпрекословно согласившись со всѣми городскими церквами. И такимъ образомъ всѣ праздники съ конца Іюня совершаются на тринадцать дней ранѣе. И вотъ въ результатѣ сего, нѣкоторые изъ приходящихъ богомольцевъ, отказываются имѣть съ нами молитвенное общеніе. Скорбятъ объ этомъ все братство, но болѣе всего душевно страдаю я, потому что тяжесть совершенной нами ошибки естественно ложится болѣе всего на меня, какъ Настоятеля // (Л. 32 об.) монастыря. И я эту виновность глубоко сознаю, ибо дѣйствительно я не оказался на высотѣ своего служенія – стойкимъ и твердымъ защитникомъ Церковныхъ завѣтовъ[.] установленныхъ Св[ятими] Апостолами и Вселенскими соборами. Недостатокъ твердости позволяю себѣ объяснить – отсутствіемъ – авторитетнаго руководства и споры, наша Екатеринбургская Епархія, послѣ ареста Архіепископа Григорія[.] второй годъ находится безъ законнаго Епископа. Хотя въ моментъ перехода на новый стиль въ Нижнемъ Тагилѣ былъ Епископъ Левъ, принявшій хиротонію отъ Уфимскихъ Епископовъ, но связь съ нимъ еще не была установлена. Двухмесячное тюремное заключеніе и 13 мѣсяцевъ принудительныхъ работъ, а также мысль[.] что наше упорство якобы не въ столь важномъ вопросѣ – можетъ послужить причиной къ разгону братства и закрытію монастыря – тоже создали во мнѣ, – безъ твердой поддержки, – малодушіе, – но эти причины я не дерзаю ставить себѣ въ оправданіе – но всецѣло повергаю къ стопамъ Вашего Святѣйшества – свою полную виновность въ соблазнѣ для вѣрующихъ, произведенномъ по моему не серьезному и не внимательному отношенію къ этому важному вопросу, и глубоко, душевно скорбя объ этомъ, я дерзаю[.] умоляю Ваше Святейшество разъяснить мнѣ дѣйствительно ли вина моя такъ тяжела, что не смотря на нынѣшніе трудныя^a для Церкви Христовой условия жизни, не заслуживаю снисхожденія, но какъ врагъ Церкви уже немогу оставаться въ ней какъ священнослужитель, если это такъ, то я вполне подчиняюсь закону и рѣшенію Вашего Святѣйшества, сложу свои обязанности и смиренно понесу определенную мнѣ эпитимію, – дабы этимъ заслужить прощеніе отъ Господа и не погибнуть какъ еретикъ, вѣчной смертію. Если же заслуживаю хотя [бы] малое снисхожденіе – то нижайше дерзаю просить Ваше Святейшество указать мнѣ, какъ я долженъ поступать въ этомъ вопросѣ въ дальнѣйшемъ[.] и я безпрекословно въ точности все, съ помощію Божіею, буду исполнять. При чемъ // (Л. 33) долгомъ считаю присовокупить[.] что другихъ уклоненій въ обновленчество ни я[.] ни братія обители не допускали. Съ Епископомъ Никаноромъ я также ни какихъ Іерархическихъ отношеній не имѣлъ – а если я встрѣчался съ нимъ и онъ былъ у меня

¹³ Исторические страницы Русской Православной Церкви в Верхотурье. Малоактайский скит / Публ. Е.В. Вертилецкой, Е.Ю. Ребриной // Архивы Урала. 2006. № 9–10. С. 79. URL: http://uralarchives.ru/docs/publishing/au/au9_10.pdf (дата обращения: 09.02.2010).

^a Вписано теми же чернилами над строкой.

въ квартирѣ въ Екатеринбургѣ при Архіерейскомъ домѣ, гдѣ я въ Январѣ мѣсяцѣ былъ для леченія болѣзни, – то я смотрѣлъ на него какъ на давно извѣстнаго мнѣ хорошаго–заслуженнаго Протоіеря и знакомаго.

Условія жизни обители нашей и моего личнаго служенія въ ней, хорошо извѣстны Епископу Льву Нижне Тагильскому, нынѣ находящемуся въ Москвѣ и Епископу Владимиру, бывшему Епископу Екатеринбургскому, проживающему въ Москвѣ на Миусской площади – въ домѣ Новостроющагося Храма.

Отвѣтъ на мою мольбу[,] осмѣливаюсь просить Ваше Святѣшество – поручить послать почтой безъ марки (доплатнымъ) по адресу: г. Верхотурье, Екатеринбургской Епархіи, Николаевскій Монастырь Архимандриту Ксенофонту.

Испрашивая себѣ и братіи вѣреннаго мнѣ монастыря Благословенія и Святыхъ молитвъ Вашего Святѣшества[,] смиренно пребываю

Недостойнымъ послушникомъ Архимандрит Ксенофонт

20 сентября / 3 октября 1923 г.

г. Верхотурье

РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 192. Л. 32–33. Рукописный подлинник на листах линованной бумаги, автограф фиолетовыми чернилами. На л. 32 сверху фиолетовыми чернилами рукой патриарха Тихона резолюция: «24 Окт[ября] 1923. Благословляется праздновать по новому грегорианскому стилю, кромѣ Св[ятой] Пасхи, которая вмѣстѣ съ В[еликимъ] Постомъ остается прежняя. Патр[иархъ] Тихон». Слева от нее теми же чернилами рукописный делопроизводственный номер данной резолюции: «№ 365». На л. 33 внизу фиолетовыми чернилами помета: «Ответ за № 100, Окт[ября] 25 дня 1923 г.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихон (Затекин), игумен, Нечаева М.Ю. Уральская лавра. Екатеринбург, 2006. 480 с.
2. Петров С.Г. Верхотурский Николаевский монастырь в 1923 г. (по документам канцелярии патриарха Тихона) // Православие в судьбе Урала и России: История и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 158–162.
3. Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона (источниковедческое исследование). Новосибирск, 2013. 407 с.
4. Тихон (Затекин), игумен, Пантелеимон (Лаптев), иеромонах. Судьба Архимандрита: Рассказ о судьбе последнего настоятеля Верхотурского мужского Николаевского монастыря Архимандрита Ксенофонта на основании документов, до последнего времени считавшихся секретными. Березовский, 1998. 81 с.
5. Верхотурский Николаевский монастырь и его настоятели / авт.-сост. игумен Тихон Затекин. Березовский, 2000. 123 с.
6. Тихон (Затекин), архимандрит. Верхотурский Свято-Покровский женский монастырь. Нижний Новгород, 2008. 144 с.
7. Тихон (Затекин), архимандрит. Царское Верхотурье. Нижний Новгород, 2013. 320 с.

REFERENCES

1. Tikhon (Zatekin), Father Superior, Nechaeva M. Yu. Ural Laurel. Ekaterinburg, 2006, 480 p. (In Russ.)
2. Petrov S.G. St. Nikolay Monastery of Verkhoturye in 1923 (on the Documents of the office of Patriarch Tikhon). *Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: Istorija i sovremennost'. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* Ekaterinburg, 2010, pp. 158–162. (In Russ.)
3. Petrov S.G. Russian Orthodox Church at the time of Patriarch Tikhon (source-study). Novosibirsk, 2013, 407 p. (In Russ.)
4. Tikhon (Zatekin), Father Superior, Panteleimon (Laptev), priestmonk. The fate of Archimandrite: Story about the fate of the last Father Superior of the Monastery of St. Nikolay of Verkhoturye Archimandrite Xenophon on the basis of documents which until recently were considered confidential. Berезovsky, 1998, 81 p. (In Russ.)
5. Monastery of St. Nikolai of Verkhoturye and its priors / author-composer Tikhon Zatekin, Father Superior. Berезovsky, 2000, 123 p. (In Russ.)
6. Tikhon (Zatekin), Archimandrite. Verkhoturysky Holy Protection Nunnery. Nizhny Novgorod, 2008, 144 p. (In Russ.)
7. Tikhon (Zatekin), Archimandrite. Royal Verkhoturye. Nizhny Novgorod, 2013, 320 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 13.10.2016

DOI: 10.15372/HSS20160409
УДК 94(574)+ 323.37 "1920/1939"

Д.А. АМАНЖОЛОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЮРОКРАТИИ КАЗАХСКОЙ АССР В 1920–1930-е гг.*

Институт российской истории РАН,
117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Автор рассматривает некоторые аспекты истории социально-бытового обеспечения казахстанской бюрократии. Основное внимание уделяется историко-географической и этносоциальной специфике оплаты труда, снабжения и быта, становления системы льгот и привилегий партийно-советской номенклатуры в КазАССР в 1920–1930-е гг. в сравнении с общесоюзными и некоторыми региональными показателями. Обращается внимание на организационные и социально-культурные проблемы формирования номенклатуры, ее материального обеспечения, статуса и социального облика в связи с политикой коренизации кадров, а также созданием мобилизационной экономики и новой общественной иерархии. Приведены данные о динамике численности, изменениях в заработной плате, продуктовом снабжении и организации санаторно-курортного лечения бюрократии КазАССР.

Советская бюрократия, номенклатура, Казахстан, заработная плата, социальное положение, быт, досуг.

D. A. AMANZHOLOVA

FROM THE HISTORY OF SOCIAL SUPPORT OF THE BUREAUCRACY OF THE KAZAKH SSR IN THE 1920–1930s

Institute of Russian History RAS,
19, Dm. Ulyanova str., Moscow, 117036, Russian Federation

The regional nomenclature was an important political force in cementing the Soviet system. However, issues of its social amenities and developments in the standard of living, especially as exemplified by the national state entities, have not been addressed sufficiently. The motivation for strengthening the bureaucratic status largely developed owing to the opportunity to improve the financial situation. The objective conditions for the workplace arrangements were very difficult in Kazakhstan in the 1920s–1930s. The Kazakh officials combined administrative resources and traditional ethno-social ties to solve social problems. The informal administrative resource, unofficial communications and privileges increased the gap between officialdom and citizens. Administrators who knew the Kazakh language well received benefits in accordance with the decision of the CEC and the CPC KASSR of September 1, 1933. The new hierarchy of social relations opportunistically united administrators and managers. The widespread centralization and better methods of nomenclature formation enhanced the integrity of the system. At the same time due to the specifics of historical-geographical and ethno-social conditions the material and social status of the regional officials could differ substantially from that of the central authorities. Sophisticated hierarchical system of measures of material and social support for the officials provided an incentive for the strict observance of corporate discipline, unconditional fulfillment of duty, devotion to the official ideology.

Key words: the Soviet bureaucracy, Kazakhstan, salary, social status, everyday life, leisure.

Региональная номенклатура была важной политической силой в цементировании советской системы [1,2], но вопросы ее социально-бытового обеспечения и изменения уровня жизни, особенно в националь-

но-государственных образованиях, пока не получили достаточного освещения [3]. Укрепление позиций местных элит определялось их значением в конструировании «позитивной этничности» в регионах, что вы-

*Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-31-14001.

Дина Ахметжановна Аманжолова – д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: amanzholova19@mail.ru.

Dina A. Amanzholova – Doctor of Historical Sciences, professor, Leading Research Fellow of Institute of Russian History RAS.

ражалось в поддержке власти при сохранении собственной культуры и местных традиций. Мотивация к укреплению бюрократического статуса во многом формировалась благодаря возможности использовать его для улучшения материального положения. При монополии государства на распределение всех ресурсов именно чиновники получали наибольший доступ не только к дефицитным, но и повседневно необходимым предметам [3, с. 12]. В статье освещаются такие аспекты организации жизнеобеспечения бюрократии КазАССР в период ее становления и укрепления института номенклатуры, как зарплата, снабжение, становление системы льгот и привилегий. Казахская бюрократия имела интернациональный состав и включала в себя прежде всего партийных и советских работников, а также номенклатурных сотрудников органов управления, профсоюзов, комсомола и некоторых других общественных организаций республиканского и регионального уровней. Основное внимание автором уделяется перечисленным категориям управленцев. В определенных ситуациях проявлялся и этнокультурный контекст их социально-бытового обеспечения.

Объективные условия организации труда и быта в республике были весьма сложными. В 1921 г. в столице автономии – Оренбурге – с населением в 100 тыс. чел. из 69 госпредприятий работало 41. В 1922 г. 89 % населения Оренбургской губернии голодало, быстро росла безработица, прежде всего в городах [4, с. 161–165; 5, с. 114–116, 121]. Председатель ЦИК КазАССР С. Мендешев сообщал Сталину: «Продовольственное положение у нас катастрофическое. Рабочие и служащие, находящиеся на государственном снабжении, не получают пайков за неимением у продорганов продуктов...» [6, с. 350–351]. Парработники 10–20 % пайка отдавали голодающим. Киробком РКП(б), занимаясь «себяснабженчеством», с целью поддержки сотрудников организовал для них распределение продуктов, бесплатную медпомощь, обучение их детей в школе и льготы по оплате коммунальных услуг [7, с. 83–84].

Рост заявлений в партию нередко определялся стремлением сделать чиновничью карьеру и обеспечить семью. В последнем случае методы не ограничивались благами распределительной системы. Пребывание на так называемых освобожденных должностях открывало широкие возможности для извлечения коррупционных доходов: «Из 16 низовых работников 14 взяточники», – заявил в ноябре 1927 г. партийный лидер Ф. Голощекин. Он констатировал: «...Мы выбрали в партийный, советский, профессиональный и хозяйственный аппараты все грамотное и полуграмотное, что было и есть среди казаков (киргиз)»¹. Среди советских служащих случаев привлечения к ответственности за пьянство и нарушение коммунистической этики было почти в 2 раза больше, чем среди рабочих. Доля партийцев, привлеченных к ответственности за так называемые «болезненные явления», была выше, чем

в среднем по СССР. В 1926 г. рассматривалось 308 дел по растратам, взяткам и превышению власти в основном коммунистами. Число жалоб «по бюрократизму аппарата» возросло на 296 %².

Содержание растущей бюрократии становилось чувствительным для бюджета. В парторганизациях в 1920–1921 гг. было 7 руководителей губкомов, 44 уездных, 23 районных, 10 подрайонных городских и 50 волостных комитетов РКП(б) – 134 чел. В состав бюрократии входили также работники названных выше организаций и отраслевых ведомств. В 1927 г. госаппарат насчитывал 47130 чел., в том числе 53 % – административно-управленческий. На II пленуме Казкрайкома партии (1926 г.) Голощекин заявил: аппарат получает «много денег» и предложил «сыскать чисто общественные, партийные силы, которые бы работали не за деньги»³. 25 тыс. представителей аппарата стоили бюджету 27 649 тыс. руб. «...на зарплату управленческого аппарата, ... без учителей, агрономов, врачей и т.д., шло от 48 до 50 % всего бюджета, больше 20 милл. рублей», – говорил на конференции представитель контрольной комиссии И.Н. Морозов. «...Этот аппарат для тощего бюджета Казахстана дорогое», – считал он: ни в одной республике нет такого соотношения расходов на управленцев и на оперативную работу, а «у нас плохая копия с РСФСР и СССР»⁴.

Средняя зарплата служащих госучреждений к 1927 г. составила 52,22 руб., учителей – 41,09 руб., врачей – 112,5 руб.⁵ Ставка народного судьи в 1926–1927 гг. (57,5 % из них – казахи) в некоторых районах была 55 руб., в пяти областях достигала 71,5–75 руб. На канцелярские расходы судьи и следователи получали от 5 до 12 руб. в месяц, на путевые – от 8 до 12⁶. Глава сельсовета в Белоруссии получал 15,6 руб., в Ферганской области – 12,5, в Актюбинской – с большим опозданием 5 руб. До кампании по мобилизации кадров секретари райкомов партии получали 160 руб. в месяц, а после нее – 75, и многие стремились вернуться к прежней работе и лучшему уровню жизни⁷.

² Там же. Л. 139, 140 об, 143 об, 144 об-145. Ориентировочная смета на оплату труда в Кустанайском округе выглядела так: средний оклад секретаря РК (14 чел.) – 95 руб., группора (13 чел.) – 77, апорга (14 чел.) – 77 руб., женорга (14 чел.) – 45 руб., двух секретарей районных ячеек – 45 руб. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 435. Л. 1–9).

³ Там же. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 139 об., 143 об., 144 об.–145; Оп. 69. Д. 61. Л. 9–10.

⁴ Там же. Л. 145.

⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 25. Д. 7. Л. 70, 77. Среднемесячная зарплата рабочих с 1926/27 по 1927/28 г. в КазАССР выросла с 53,4 до 58,7 руб. (Отчет правительства Казахстана // Прииртышская правда. Семипалатинск. 1929. 28 марта; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 68 об.).

⁶ При этом на один судебный участок приходилось 22,9 тыс. чел. и территория 12 872 км², на один следственный участок – 37,1 тыс. чел. (20 808 км²). Большинство следователей не имели делопроизводителей, у части не было даже своих камер, не хватало самой простой мебели. (ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 4. Л. 22, 30).

⁷ За 1924 г. количество госслужащих в СССР было сокращено на 21 %, зарплата по госбюджету поднялась с 18 до 22 руб., по местному бюджету – с 13 до 22. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 184. Л. 30–52; Д. 188. Л. 73, 69; V Всеказахский (Всекиргизский) съезд Советов //

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 25. Д. 6. Л. 62 об., 49.

В мае 1926 г. средняя зарплата служащих г. Уральска (высшая за год) составляла по тарифной сетке 48,34 руб., вне ее – 93,93 руб. В сельских учреждениях губернии служащие получали в среднем «в червонных рублях» 31,25 руб., в бюджетных – 18,38⁸.

В период нэпа произошло не только определенное улучшение в экономике, но и рост цен. Были введены косвенные налоги на товары массового спроса – чай, сахар, табачные изделия и т.п. В Уральской губернии стоимость фунта простого мыла с 1913 по 1924 г. выросла с 0,1 руб. до 0,31 руб., аршина ситца – с 0,13 до 0,40 руб., сукна – с 0,95 до 5,99 руб. Пара мужских сапог в 1913 г. стоила 7 руб., в 1924 г. – 19,61 руб. В июле 1926 г. в госторговле она продавалась за 20 руб., в кооперативной – 19,25, в частной – 20 руб.⁹ Если зимой 1924/25 г. пуд пшеницы стоил 10 коп., аршин ситца – до 50 коп., то летом 1925 г. пуд пшеницы продавался за 1,5 руб. и выше, на промтовары цены снизились.

В 1926/27 г. в среднем доходы на душу населения по автономиям РСФСР составили 7,64 руб., в Казахстане – 4,64 (в Карельской АССР – 32,94 руб., в Крымской – 24,42, Калмыцкой АО – 16,11, Башкирии – 5,74). Потребность в жилье росла только в КазАССР, где душевая норма снизилась с 5,0 до 4,9 м², несмотря на прирост жилфонда за 1926/27 г. на 8,5 тыс. м² (55 %). При этом на стройках Риддера и Карсакая «масса рабочих продолжает вместе с семьями жить скученно в землянках-бараках. Между тем весь советский и другой общественный аппарат (РИК и пр. и их работники) занимают заводские помещения». Завоз дефицитных хлопчатобумажных тканей в КазАССР за 1925/26 г. составил 6,7 м на душу населения (в Башкирии – 6,4, в Крыму – 21,4, по РСФСР – 12,2). Кожевенных товаров в Казахстан поступило на душу населения – 0,31 руб., Башкирию – 0,38, Крым – 2,27 руб.¹⁰ В конце 1920-х гг. рыночные цены на овощи, мя-

Власть Советов. № 23–24. 1925. 14 июня. С. 25–26). В Джетысуйской области в 1924 г. аршин ситца стоил 80 коп., пуд пшеницы – 25 коп., но во время сдачи налога цена падала до 7–10 коп., тогда как корова стоила 18–20 руб., а 8 овец – 10 руб. В центральных губерниях СССР пуд пшеницы продавался за 1,1 руб. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 949. Л. 27.12). В октябре 1929 г. крайком решил довести зарплату председателей сельских и аулсоветов до 50 руб. в месяц (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 31. Л. 299 об.).

⁸ Статистический справочник по Уральской губернии. Уральск, 1928. Вып. III. С. 38–39, 43, 45, 49. В среднем по СССР зарплата застрахованных лиц наемного труда в 1926/27 г. составила 59,6 руб. В учреждениях, включая социально-культурные, она достигла 49,7 червонных рублей (Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927–1930 гг. М.: Гострудиндат, 1930, с. 5, 58). В связи с денежной реформой 1922 г. фактически параллельно с декабря 1922 по февраль 1924 г. действовали две системы цен — в бумажных деньгах и в золоте, связанные между собой через курс золотого рубля в «совзнаках».

⁹ Статистический справочник по Уральской губернии. Уральское губстатбюро. Уральск, 1925. Вып. I. С. 104, 108–109; Статистический справочник по Уральской губернии. Уральск, 1928. Вып. III. С. 94–95.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 164. Л. 101–102, 161, 209–210; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 433. Л. 12–13.

сомолочные продукты в бюджете рабочих и служащих отнимали до 35 % средств. Жилплощади в среднем приходилось по Карсакаю 2,58 м² на чел., по Джезказгану – 3,62, Байконуру – 2,76 м²¹¹.

В республиках система оплаты и снабжения номенклатуры строилась по аналогии с центром. В собственности номенклатура практически не имела ничего, что привязывало чиновника к обретенному статусу и должности, делало его зависимым и подконтрольным еще больше. При этом, в отличие от низовых работников, областные и республиканские кадры имели более благоприятные условия¹². Крайком партии в 1930 г. обнаружил, что выделенные для низового партаппарата средства использовались «для увеличения нужд окружного аппарата». Секретарям райкомов установленная крайкомом зарплата в 150 руб. в месяц была сокращена, а секретари партячеек Турксиба не получали зарплату в течение двух месяцев¹³. Свою роль сыграло общее ухудшение дел в условиях коллективизации и усилившегося голода. В 1932 г. в связи с «неправильным» расходованием продовольственного фонда в Алма-Ате секретариат Казкрайкома снизил дневную норму хлеба на 250–100 г разным категориям населения, снял с дополнительного снабжения сотрудников ПП ОГПУ, горотдела, милиции и других ведомств, а также сократил число льготников¹⁴.

Но это временное ухудшение только усилило стремление бюрократии к введению новых льгот. «Сейчас у нас идея закрытых распределителей играет крупнейшую роль», – заявил Голощекин на 2-м объединенном пленуме Казкрайкома и контрольной комиссии 3 февраля 1931 г.¹⁵ 16 января 1933 г. секретариат Казкрайкома партии установил натуральный бухучет по основным продуктам питания. Пропуски и карточки («заборные книжки») мог выдавать только директор закрытого распределителя. Отпуск дефицитных промтоваров составлял 50 руб. для внесенных в так называемый 1-й список, 35 руб. – во 2-й. Общее число снабжаемых с введением 3-й группы было увеличено на 200 чел. Первый магазин, где снабжались высшие руководители КазАССР, Наркомснаб должен был укрепить «наиболее проверенными, подготовленными коммунистами и комсомольцами». Что касается командировочных, то продукты выдавались не более 300 чел., остальные получали хлеб и сахар в центральном распределителе. Наркомснабу строго предписывалось ликвидировать отпуск продуктов кому-либо по запискам, включение в списки обслуживаемого краевого актива других лиц по заявлениям и т.п. НК РКИ и Наркомснаб раз в месяц проверяли распределители, особенно учет и расходование продуктов и промтоваров¹⁶.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 5451. Оп. 13. Д. 118. Л. 26–30.

¹² Там же. Ф. 17. Оп. 68. Д. 184. Л. 30, 46, 52; Оп. 67. Д. 97. Л. 4.

¹³ Там же. Оп. 25. Д. 78. Л. 52.

¹⁴ Там же. Д. 78. Л. 63.

¹⁵ Там же. Д. 58. Л. 6.

¹⁶ Там же. Д. 78. Л. 74 об.–75.

20 февраля 1933 г. секретариат Казкрайкома ВКП(б) утвердил литературные пайки: членам бюро – 30 руб. в месяц, заведующим отделами и их заместителям, ответственным инструкторам, заведующим секторами и членам крайкома комсомола – по 20, инструкторам – по 10 руб. Вскоре литературный паек в 10 руб. был установлен для помощников секретарей крайкома партии¹⁷. Дополнительное снабжение получал актив на «ударных» направлениях. В марте 1934 г. создается спецфонд для снабжения работников политотделов МТС: масло животное 1 кг в месяц (по возможности), мясо – 2 кг, печенье – 2 кг, «конфекты» – 1 кг на 1 работника¹⁸. Между тем в 1935 – первом квартале 1936 г. в ряде областей обнаружился «большой перерасход средств на содержание управленческого аппарата» – более 12 млн руб., при одновременном недофинансировании социально-культурных мероприятий на 17 200 тыс. руб.¹⁹

Управленцы, овладевшие казахским языком, по решению ЦИК и СНК КазАССР от 1 сентября 1933 г. получали надбавки к зарплате: за свободный разговор, чтение деловых бумаг и литературы на казахском языке 10 % к основному окладу, за полное владение (говорение, чтение, письмо на латинице) – 15 %. Знающие язык специалисты имели преимущество при устройстве на работу. Овладевшим языком специалистам предоставлялась научная командировка в пределах СССР или на курсы повышения квалификации на два-три месяца с сохранением содержания и возмещением расходов на поездку, а также предусматривалось закрепление квартиры и снабжение семьи на это время [8, с. 51–52]. В 1939 г. ставка первого секретаря Джамбулского обкома партии составляла 1400 руб., второго секретаря и двух секретарей обкома (по кадрам и пропаганде) – 1300 руб., заместителя заведующего организаторским отделом – 850, завсектором промышленных кадров – 800, завсекторами советских и совхозных кадров, инструкторов – по 775, заместителя заведующего отделом агитации и заведующего особым сектором – по 1200 руб. Технические секретари получали 350 руб., шоферы – от 350 до 420, завхоз и заведующий буфетом – по 400, машинистки – по 275 руб.²⁰

¹⁷ Литеры «А», «Б» и т.д. объединяли группы номенклатуры, имевшие разные уровни обеспечения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 78. Л. 138 об.–139, 155).

¹⁸ Руководству районов предписывалось снабжать их с семьями продуктами из децентрализованных заготовок наравне с партактивом; потребсоюзу – бумажной материей, трикотажем, туалетным мылом, папирозами, махоркой, галошами и т.д. Готовым платьем, тяжелыми тканями и шерстяными изделиями обеспечивали межрайбазы потребсоюза и закрытые распределители облпартактива, для работников политотдела устанавливался лимит в 100 руб. в месяц (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1297. Л. 184; Д. 1300. Л. 59).

¹⁹ По итогам проверки за нарушение финансовой дисциплины был понижен в должности председатель Южно-Казахстанского облсполкома, снят заведующий облфинотделом бывшей Карагандинской области, привлечены к партответственности наркомы земледелия и просвещения (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1296. Л. 17–18).

²⁰ Государственный архив Жамбылской области РК (ГАЖО). Ф. 282. Оп. 1. Д. 28. Л. 9–12.

В 1930-е гг. вслед за центром секретариат Казкрайкома несколько раз принимал решения об организации отдыха и санаторного лечения краевого партактива и работников среднего звена. В январе 1932 г. решено было «максимально использовать» отпуска районного партактива для организации их отдыха и политподготовки. Дома отдыха (Боровое, Щучье, Уральский дом отдыха и кумысолечебница, Медео) надлежало обеспечить принадлежностями спорта, бесперебойно работающими мощными радиоприемниками, кинопередвижками и лучшими современными кинофильмами, библиотечками с партийно-массовой, социально-экономической и художественной литературой. Там же предлагалось «проработать основные вопросы теории и практики социалистического строительства, особенно материалы XVI партсъезда, пленумов ЦК и крайкома, XVII Всесоюзной партконференции»²¹.

В марте 1934 г. было создано Сануправление ХОЗУ ЦИК и СНК КазАССР. При этом работавших в поликлинике сестер, завхоза, бухгалтера и других технических сотрудников из числа административно-ссылных бюро крайкома постановило уволить, несмотря на очевидный дефицит кадров²². Первая база отдыха под Алма-Атой в 1930 г. была рассчитана на 12–15 чел., к 1935 г., несмотря на разного рода трудности (когда курорт «Каменское плато» в 1935 г. решили переоборудовать для ответработников, выяснилось, что там имелось всего 48 изношенных кибиток, 30 из них на 80 чел. подлежали ремонту, продовольствия не хватало даже на месяц, обеспеченность мебелью составляла 50–80 %, бельем и халатами – 50 %) [7, с. 86–87], число домов отдыха и дач для партактива, как и отдыхающих, увеличилось. Так, в дом отдыха № 4 Казкрайком ВКП(б) вместо 60 чел. прикрепил 130 (58 семей руководящих работников). Начальник ХОЗУ Н. Куварзин жаловался на «нетактичное поведение» отдыхающих и предложил взимать с членов семей свыше 2 чел. плату по 10 руб. в сутки и штраф за порчу садов и насаждений.

В начале 1930-х гг. дома отдыха постепенно оборудовались радиоприемниками, спортивным инвентарем, кинопередвижками и библиотеками. В 1936 г. для номенклатуры работали четыре закрытых дома отдыха (в том числе с соляриями и биллиардом), но один из них был доведен активистами до «антикультурного состояния». В 1937 г. под Алма-Атой на партийные средства были открыты два дома отдыха для секретарей райкомов и облактивов. До 143 мест в год казахстанской номенклатуре выделяла лечебная комиссия ЦК ВКП(б) на курортах и в домах отдыха Кавминвод, Мацесты, Севастополя и др. С 1933 г. строятся дачи для ответработников КазАССР. Первые руководители имели каркасно-камышитовые усадьбы в девять комнат, крытые железом, общей площадью 164 м², с высотой потолков 4 м, с мебелью, постельными принадлежностями

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 69. Л. 6.

²² Там же. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1297. Л. 82.

и обслуживающим персоналом²³. По итогам 1939 г. по распоряжению ЦК КП(б) Казахстана ответственные партработники, не использовавшие очередной отпуск, получали денежную компенсацию, для технического персонала отпуск переносился на следующий год. Лечебное пособие выдавалось решением бюро обкомов партии по ставкам зарплаты, существовавшим на ноябрь 1939 г. [9, с. 530–532, 539, 118–119; 10, с. 71]²⁴. Для советско-партийного актива КазАССР к 1936 г. были открыты также больница, поликлиника, диетическая столовая, прачечная, аптека.

Постепенно развивалось транспортное обслуживание. В 1927 г. ответработники крайкома партии имели фаэтон на резиновом ходу с парой выездных лошадей, хотя Голощекин ходил на работу пешком. И в 1929 г. автомобиль был роскошью: по маршруту Павлодар – Акмолинск – Агбасар – Кустанай – Петропавловск руководители КазАССР ездили на «Фиате» с запасом бочки бензина и охранником из ГПУ, встречая в степном бездорожье десятки верховых на лошадях, впервые увидевших «шайтан-арбу» [7, с. 88–89]. В марте 1934 г. 37 автомобилей ГАЗ, выделенных Казахстану, бюро крайкома направило на места, в каждый район по одной машине. В 1935 г. КазЦИК и СНК имели 30 легковых и грузовых автомобилей 1933–1934 гг. выпуска (в том числе «линкольн», 3 «бьюик-лимузина», 2 «бьюик-торпедо», 2 «форда-лимузина»), 28 лошадей, 6 фаэтонов с кожаным и 3 с брезентовым верхом, 6 пролетов, 12 выездных и 11 грузовых саней. Машины выделялись для руководителей и ближайшего окружения совпартаппарата [7, с. 88–89].

Административный неформальный ресурс, кулуарные связи и привилегии усиливали разрыв между чиновничеством и рядовыми гражданами. Новая иерархия общественных отношений конъюнктурно объединяла управленцев, а повсеместное усиление централизации и шлифовка методов формирования номенклатуры укрепляли ее системную целостность. Вместе с тем специфика историко-географических и этносоциальных условий порой существенно отличала социально-бытовое положение регионального чиновничества от центрального. Четкая иерархическая система мер материальной и социальной поддержки чиновников служила важным стимулом к строгому соблюдению корпоративной дисциплины, безусловно исполнению служебных обязанностей, преданности официальной идеологии. Степень материального благополучия зависела от места во властной иерархии. Бюрократы пользовались всем лучшим на своем уровне. Самоснабжение из общих государственных фондов, выделяемых для конкретной местности, вело к ухудшению положения всего населения региона.

Но возможности его руководителей были ограниченными [3, с. 135], что показывает пример Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хлевнюк О. Система центр-регионы в 1930–1950-е годы // *Cahiers du monde russe*. 2003. № 44/2–3. С. 253–268.
2. Периферийность «центра» в современных национальных исторических нарративах // *Forum AI, Ab imperio*. 2012. № 1. С. 47–102.
3. Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
4. Рянгин И.В. Оренбург будущего // *Советская Киргизия*. 1924. № 5–6. С. 161–165.
5. *Футорянский Л.И.* История Оренбуржья. Оренбург, 1996. 183 с.
6. Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: сб. док. Караганды: КарГУ, 2005. 495 с.
7. Чиликова Е.В. Особенности быта партийных руководителей Казахстана в 20–30-е гг. XX столетия // *Политическая история Казахстана: первая половина XX века: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Алматы: Архив Президента РК, 2005. С. 80–90.
8. О коренизации. Сб. руководящих материалов / сост. Х.Ш. Амрин, Е.И. Князева. Алма-Ата; М.: Казкрайиздат, 1934. 54 с.
9. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. М.: РОССПЭН, 2009. Кн. 2. 1095 с.
10. *Мирзоян Л.И.* Ближайшие задачи Казакстанской парторганизации. Доклад Крайкома VIII Казакстанской конференции ВКП(б) 8–9 января 1934 г. Алма-Ата: Казпартиздат, 1934. 100 с.

REFERENCES

1. *Khlevnyuk O.* System Center – Regions in the 1930s–1950s. *Cahiers du monde russe*. 2003, no. 44/2–3, pp. 253–268. (In Russ.)
2. Peripherality of “center” in the modern national historical narratives. *Forum AI, Ab imperio*. 2012, no. 1, pp. 47–102. (In Russ.)
3. *Osokina E.* Behind the facade of “Stalin’s abundance”. The distribution and the market in supplying the population during the years of industrialization. 1927–1941. Moscow: ROSSPEN, 1999, 271 p. (In Russ.)
4. *Ryngin I.V.* The Future Orenburg. *Sovetskaya Kirgiziya*. 1924, no. 5–6, pp. 161–165. (In Russ.)
5. *Futoryanskiy L.I.* History of Orenburg. Orenburg, 1996, 183 p. (In Russ.)
6. Russia and Central Asia. 1905–1925. Collected documents. Karagandy: KarGU, 2005, 495 p. (In Russ.)
7. *Chilikova E.V.* Specifics of Everyday Life of the Party Leaders in Kazakhstan in the 1920s–1930s. *Politicheskaya istoriya Kazakhstana: pervaya polovina XX veka. Materialy Mezhdunar. nauchno-prakt.konf.* Almaty: Arkhiv Prezidenta RK, 2005, pp. 80–90. (In Russ.)
8. On Indigenization. Collected instructions / Comp. E.I. Knyazev. Alma-Ata; Moscow: Krayizdat, 1934, 54 p. (In Russ.)
9. CK ВКП(б) and National Issue. 1933–1945. Moscow: ROSSPEN, 2009, 1095 p. (In Russ.)
10. *Mirzoyan L.I.* The nearest tasks of the Kazakhstan Party Organization. Report of the Kraikom at the VIII Kazakhstan Conference of VКP(б), January, 8–9, 1934. Alma-Ata: Kazpartizdat, 1934, 100 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.09.2016

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 22. Л. 37–38.

²⁴ ГАЖО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 28. Л. 48.

DOI: 10.15372/HSS20160410
УДК 94(470.5) "1930/1939"

Г.Е. КОРНИЛОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА УРАЛЕ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

Институт истории и археологии УрО РАН,
РФ, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

В статье проанализировано влияние аграрного и продовольственного кризисов, вызванных неурожаем 1936 г. и заготовительной политикой властей, на демографические процессы на Урале в 1936 и 1937 гг. В этих условиях изменилось демографическое поведение населения: сократилось количество рождений и увеличилось число умерших. Ухудшение показателей воспроизводства фиксировалось среди как городского, так и сельского населения. Особенно резко выросла младенческая смертность, основной причиной смерти детей в возрасте до года были заразные инфекционные болезни. Автор рассчитал сверхсмертность среди городского и сельского населения Свердловской области в 1936 и 1937 гг.: она составила около 50 тыс. чел. Вывод автора о демографическом кризисе середины 1930-х гг. впервые основан на анализе архивных документов текущего учета населения.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографический кризис, демографическая катастрофа, рождаемость, смертность, сверхсмертность.

G.E. KORNILOV

DEMOGRAPHIC SITUATION IN URALS IN THE MID-1930S

Institute of History and Archaeology UB RAS.,
16, S. Kovalevskaya Str., Yekaterinburg, 620990, Russia

The agrarian crisis of the mid-1930s in the Soviet Union remains unstudied in the Russian and foreign historiography. The article attempts to identify the impact of agricultural and food crises, caused by 1936 crop failure and the official procurement policy on the demographic processes in the Urals. The demographic crisis in the Ural village took place against the background of political repressions.

During the fall of 1936 and the first half of 1937 the crisis changed the demographic behavior of the population: the number of births decreased, the number of deaths increased. Deterioration of reproduction indicators was recorded among both the urban and rural population. The growth of infant mortality was especially sharp and the main cause of death was contagious infectious diseases. The author calculated excessive mortality of the urban and rural populations in 1936 and 1937, it amounted to nearly 50 thousand residents of the Sverdlovsk region. Furthermore, there was a dramatic increase of rural population migration to the cities. This demographic situation proved to be extremely unfavorable. Food supply system, systems of medical services, trade, consumer cooperatives in the country were unable to cope with negative situation. Due to the lack of food supplies farmers faced a problem of survival, not all managed to escape from the village. State aid came too late, just before the spring sowing in 1937, but its recipients were only the farmers who participated in the field work.

For the first time in historiography the author's conclusions on the demographic crisis of the mid-1930s are based on the analysis of archival documents of current civil registration. The January 1937 census recorded a reduction of the rural population in Urals, in comparison with the 1926 census data. The reconstruction of reproductive processes on a monthly basis was only made possible by the use of materials held by registrar authorities. These materials showed that in September of 1937 in the Urals village death rate exceeded birth rate, while the mortality peak had already passed.

Key words: demographics, demographic crisis, the demographic catastrophe, fertility, mortality, supermortality.

Голод 1936–1937 гг. практически не стал специальной темой научных исследований, в исторической литературе упоминаются лишь продовольственные затруднения [1]. О голоде 1936–1937 гг. написаны

небольшие статьи и раздел в монографии, касающиеся населения Мордовии, Удмуртии и Кировской области [2; 3, с. 151–157; 4]. Различные аспекты демографических процессов в 1930-е гг. нашли отражение в иссле-

Геннадий Егорович Корнилов – д-р ист. наук, профессор, заведующий сектором, Институт истории и археологии УрО РАН, e-mail: genakorn@mail.ru

Gennady E. Kornilov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Sector, Institute of History and Archaeology UB RAS.

дованиях В.Б. Жиромской [5; 6; 7], В.А. Исупова [8; 9], Г.Е. Корнилова [10; 11] и др.

Неурожай 1936 г. охватил практически все районы Свердловской обл. (в административных границах 1934 – 1938 гг., когда в ее состав входила территория Пермской области, выделенной в самостоятельную в октябре 1938 г.). Летняя засуха 1936 г. привела к резкому сокращению урожая всех сельскохозяйственных культур, а затяжные дожди в августе и сентябре не позволили собрать полностью даже то, что выросло. Однако местные власти поставили задачу перед колхозами полного выполнения государственных планов. Весь партийный и советский аппарат был направлен на проведение продовольственных реквизиций в колхозах и совхозах. Несмотря на то, что план выполнить

не удалось, из деревни изъяли подавляющую часть урожая. В колхозах началась инфекционная эпидемия скота, приведшая к невиданному падежу. В итоге уже зимой 1936/37 г. разразился голод, который охватил сельское население и частично городское население.

В условиях голода изменилось поведение основных демографических показателей. В первом полугодии 1936 г. всего родилось по Свердловской области 88 642 чел. (рождаемость составила 44,4 на 1000 чел. населения), в первое полугодие 1937 г. – 103 865 чел. (или 49,4 ‰). Абсолютное увеличение числа родившихся составило 17,1 ‰, а общий коэффициент рождаемости вырос на 11,2 ‰.

Статистические сведения табл. 1 и рис. 1 показывают, что увеличение числа рождений в городской

Т а б л и ц а 1

Зарегистрированные рождения в Свердловской области в 1937 г. (помесячные)*

Месяц	Село	Город	Все поселения
Январь	9382	8838	28 320
Февраль	8878	9614	18 492
Март	8711	9861	18 572
Апрель	7586	9220	16 806
Май	7052	8620	15 672
Июнь	8069	8294	16 363
Июль	8716	8858	17 574
Август	8162	8590	16 752
Сентябрь	6536	7777	14 313
Октябрь	6285	7996	14 281
Ноябрь	5677	7147	12 824
Декабрь	6025	7931	13 956
И т о г о	91 079	102 846	193 925

* Составлено по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 45–47.

Т а б л и ц а 2

Зарегистрированные умершие в Свердловской области в 1937 г. (помесячные)*

Месяц	Село	Город	Все поселения
Январь	3845	4637	8482
Февраль	4230	5005	9235
Март	5137	6149	11 286
Апрель	5581	6269	11 850
Май	5836	6733	12 569
Июнь	5671	5595	11 266
Июль	5940	5304	11 244
Август	7131	4888	12 025
Сентябрь	6712	3892	10 604
Октябрь	5153	3810	8963
Ноябрь	4258	3612	7870
Декабрь	4399	3961	8360
И т о г о	63 899	59 855	123 754

* Составлено по источникам табл. 1.

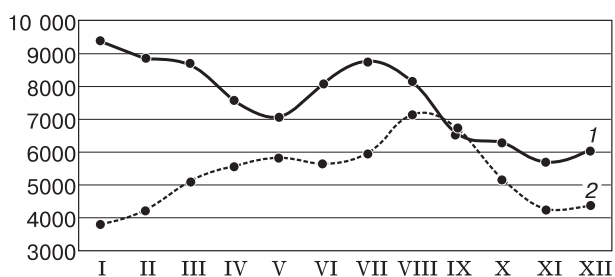

Рис. 1. Число рождений и смертей в сельской местности Свердловской области в 1937 г.

1 – родилось; 2 – умерло.

местности продолжалось до марта 1937 г., затем последовало сокращение до июня, в этот месяц число родившихся увеличилось, а до декабря снова уменьшалось. В сельской местности уменьшение числа родившихся фиксировалось до конца мая, в июне – июле отмечен некоторый рост, но в августе – ноябре вновь произошло интенсивное сокращение. Показатель рождений – инерционный, он свидетельствует о неблагоприятных условиях второй половины 1936 г. и первой половины 1937 г., когда число зачатий резко сократилось.

Однако при сокращении числа рождений по Свердловской области одновременно увеличилось количество умерших (табл. 2). В первом полугодии 1937 г. по сравнению с первым полугодием 1936 г. смертность выросла с 26,6 до 30,6 ‰ (на 15 %). Рост умерших в деревне происходил в течение восьми первых месяцев 1937 г., причем в августе умерло в 1,9 раза больше, чем в январе. Темп прироста смертей в феврале составил 10 %, в марте – 21,4, в апреле – 8,6, в мае – 4,6, в июне сократился на 2,8, в июле вновь произошел рост на 4,7 и в августе – на 20,2 %. Сокращение числа рождений и одновременное увеличение количества умерших (при этом число рождений все же было больше, чем смертей) свидетельствовало о наличии демографического кризиса (см. рисунок). В сентябре 1937 г. в сельской местности было зафиксировано превышение числа умерших (6712 чел.) над количеством родившихся (6536 чел.)¹.

Резкое повышение смертности отмечено у городского населения: если в первом полугодии 1936 г. общий коэффициент смертности составлял 22,0 ‰, то в первом полугодии 1937 г. он увеличился до 30,8 ‰ (рост на 40 %). Наибольшее повышение смертности дали города, указанные в табл. 3.

Резкий прирост умерших в первой половине 1937 г. по сравнению с первой половиной 1936 г. произошел в Перми – на 39,4 % (коэффициент смертности увеличился на 60 %), в Молотове – соответственно – на 39,4 % (смертность выросла на 39,6 %), в Лысьве – на 39,1 % (смертность – на 33,9 %), в Надеждинске (бывший Кабаковский) – на 37,5 % (смерт-

ность – на 33,9 %), в Нижнем Тагиле – на 33,0 % (смертность – на 24,1%), в Свердловск – на 30,5% (смертность – на 31,4 %). Безусловно, столь резкое увеличение числа умерших и общего коэффициента смертности свидетельствовало о крайне неблагоприятной демографической ситуации.

Смертность среди сельского населения находилась также на высоком уровне и составила в первой половине 1937 г. 30,2 ‰. Увеличение коэффициента смертности населения Свердловской области происходило в значительной степени за счет младенческой смертности. Младенцы в возрасте до одного года – входили в основную группу риска в условиях кризисов и катастроф. В первом полугодии 1936 г. на 1000 родившихся умерло детей до одного года по Свердловской области – 216,1, а в первом полугодии 1937 г. этот показатель поднялся до 232,4 ‰ (или на 7,5 %). Среди городского населения младенческая смертность в целом за 1936 г. была выше и составляла 237,2 ‰, а в 1937 г. – 252,1 ‰ (рост на 6,3 %), [12, с. 69] среди сельского населения – соответственно 199,5 ‰ и 208,9 ‰ (рост на 4,7 %).

Приведенные в табл. 4 данные показывают, что в Перми в первой половине 1937 г. умерло младенцев в 2 раза больше, чем в первой половине 1936 г., в Березниках, Молотове – в 1,6 раза, в Лысьве, Нижнем Тагиле и Надеждинске – в 1,3–1,4 раза. Общий коэффициент младенческой смертности в Перми на 32,2%, в Молотове – на 23,0 %. В целом по области количество умерших младенцев за 1937 г. увеличилось в 2,2 раза в сравнении с 1936 г. (с 23 134 до 52 369). Крайне неблагоприятная ситуация сложилась в сельской местности, где число умерших младенцев возросло в 2,5 раза (с 11 098 до 27 308)².

В сельской местности Свердловской области количество умерших младенцев в 1937 г. увеличивалось на протяжении девяти месяцев: январь – 1078 (100 %); февраль – 1267 (прирост 17,5 %); март – 1671 (прирост 31,9 %); апрель – 1938 (прирост 16 %); май – 1941 (прирост 0,2 %); июнь – 2353 (прирост 21,2 %); июль – 3175 (34,9 %); август – 4600 (прирост 44,9 %). Наибольший прирост произошел в марте 1937 г., затем в июле, а в августе было зафиксировано наибольшее количество умерших. С сентября наметился некоторый спад, когда умерло 3984 младенцев, но в октябре – уже 2496, в ноябре – 1514, в декабре – 1291³.

Младенцы занимали значительную долю среди умерших: в 1936 г. в целом по области 41 %, в городских поселениях – 38, в сельской местности – 44,9 %, в 1937 г. соответственно: 42,3; 41,8 и 42,8 %. Данные табл. 5 показывают, что до июля 1937 г. доля младенцев среди умерших в городах была больше, чем в сельской местности. В летние и осенние месяцы 1937 г. (июль, август, сентябрь и октябрь) доля умерших младенцев в сельской местности существенно превосходила городскую местность. На селе больше

¹ Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 45.

² ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 16; Д. 100. Л. 45–47.

³ Там же. Д. 100. Л. 45.

Т а б л и ц а 3

Смертность среди городского населения (в расчете на тыс. чел.)*

Город	Умерло за 1-е полугодие 1936 г.		Умерло за 1-е полугодие 1937 г.	
	Всего	На 1000 чел. населения	Всего	На 1000 чел. населения
Свердловск	3881	17,2	5063	26,6
Пермь	1506	17,0	2474	27,2
Березники	791	19,6	966	24,0
Молотово	728	23,2	1015	32,4
Лысьва	741	24,4	1031	34,3
Нижний Тагил	1820	22,8	2420	28,3
Наеждинск (Кабаковск)	809	21,8	1112	29,2

* Составлено по: Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 14. Л. 8, 8 об., 9; [12, с. 68].

Т а б л и ц а 4

Младенческая смертность в следующих городах*

Город	Умерло детей в возрасте до 1 года за 1-е полугодие 1936 г.		Умерло детей в возрасте до 1 года за 1-е полугодие 1937 г.	
	Всего	На 1000 родившихся	Всего	На 1000 родившихся
Пермь	411	179,3	863	237,0
Березники	276	237,1	427	237,2
Молотово	240	184,1	372	226,8
Лысьва	371	335,1	496	333,3
Нижний Тагил	748	256,8	1035	262,2
Наеждинск (Кабаковск)	319	256,6	443	250,5

* Составлено по: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 14. Л. 100; [12, с. 69].

Т а б л и ц а 5

Удельный вес умерших младенцев среди всех умерших в Свердловской области в 1937 г., %*

Месяц	Село	Город	В целом по области
Январь	28,0	34,9	31,8
Февраль	30,0	38,7	34,7
Март	32,5	41,8	37,6
Апрель	35,1	40,6	37,8
Май	33,3	41,3	37,6
Июнь	41,5	43,9	42,7
Июль	53,5	47,6	50,7
Август	64,5	48,1	57,8
Сентябрь	59,4	45,0	54,1
Октябрь	48,4	40,9	45,2
Ноябрь	35,6	39,7	37,5
Декабрь	29,3	38,6	33,7

* Составлено по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 100. Л. 45–47.

Смертность от инфекционных заболеваний в Свердловской области *

Причина смерти	Умерло за 1-е полугодие 1936 г.		Умерло за 1-е полугодие 1937 г.	
	Всего	В том числе детей до 1 года	Всего	В том числе детей до 1 года
Корь	2551	906	5600	2039
Коклюш	181	109	432	288
Дизентерия	133	41	429	134

* Составлено по ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 14. Л. 100; [12, с. 69].

половины умерших были дети в возрасте до одного года (65 % – в августе, 59,4 % – в сентябре). Это свидетельствовало о крайне неблагоприятной ситуации и резком ухудшении условий жизни. Уход за младенцами, а, следовательно, их выживаемость в регионе в 1937 г. были существенно хуже в сельской местности, чем в городах.

Повышение рождаемости и увеличение смертности привели к тому, что за первое полугодие 1937 г. естественный прирост населения по области составил 0,04 чел. на 1000 чел. населения.

Одной из главных причин увеличения смертей являлись экзогенные заболевания, вызванные неблагоприятной продовольственной ситуацией. Это были, в первую очередь, инфекционные заболевания. Эпидемии инфекционных заболеваний повлекли за собой увеличение общей смертности, особенно младенческой. Количество умерших от трех нижеуказанных заболеваний [12, с. 69] по области показано в табл. 6.

Столь резкое увеличение количества умерших в первом полугодии 1937 г. против первого полугодия 1936 г. объяснялось резким повышением смертности от указанных выше причин. Корью заболели в первом полугодии 1936 г. 17 439 чел., а в первом полугодии 1937 г. – 33 327 чел., или почти в 2 раза больше, а количество умерших от кори младенцев выросло почти в 2,5 раза. Коклюшем заболело в первом полугодии 1936 г. – 1793 чел., а в первом полугодии 1937 г. заболеваемость увеличилась до 5058 чел., или почти в 3 раза, а число умерших – в 2,5 раза. Дизентерией в первом полугодии 1936 г. заболело 600 чел., а в первом полугодии 1937 г. заболеваемость составила 3571 случай, или увеличилась почти в 6 раз, причем число умерших от этой болезни выросло почти в 3 раза.

Рост заболеваемости дизентерией, корью, коклюшем повлек за собой и увеличение числа умерших от этих причин. Система прививок не смогла сработать в условиях кризиса. Тем более противодизентерийные прививки совершенно не проводились в 23 районах области и 5 районах Коми-Пермяцкого национального округа⁴.

Обеспеченность населения Свердловской области лечебными учреждениями и медицинскими кадрами

за годы второй пятилетки существенно повысилась. Сеть врачебных учреждений внебольничной помощи (амбулатории, поликлиники, диспансеры) увеличилась с 419 на начало 1933 г. до 582 на начало 1938 г. (т.е. в 1,4 раза). Быстрыми темпами в годы второй пятилетки росла врачебная сеть на селе: со 123 до 215 амбулаторий. Еще быстрее увеличивалась сеть фельдшерских амбулаторий и пунктов, фельдшерско-акушерских и акушерских пунктов в сельской местности: с 393 до 691 (рост в 1,8 раза) (в городах эта сеть сократилась с 96 до 73). Относительный рост учреждений внебольничной помощи в сельской местности был выше, чем в городах. Но эти показатели не позволяют сделать заключение о степени обеспеченности населения учреждениями внебольничной помощи. На 215 врачебных амбулаторий на селе имелось 107 врачей, которые обслуживали еще и стационар. Кроме того, если на одну специализированную амбулаторию и поликлинику в конце 1937 г. приходилось 26,2 тыс. горожан, то в сельской местности – 316,7 тыс. чел. За годы второй пятилетки увеличилось количество больниц: по области с 232 до 310 (рост в 1,3 раза), их увеличение в сельской местности было еще более быстрым. На селе появились 11 родильных домов, количество родильных коек увеличилось в 2,3 раза. В 2,5 раза возросла врачебная помощь на дому в городах, а в сельской местности, наоборот, упала в 2,6 раза (с 37,5 тыс. в 1932 г. до 14,4 тыс. в 1937 г.). В 1937 г. в 82 врачебных здравпунктах имелось только 25 постоянных врачей. В сельской медицинской системе Свердловской области в 1932 г. было 82 врача, в 1937 г. – 107, в то время как в городах – соответственно 1656 и 2080. Средний медицинский персонал также был сосредоточен в большей степени в городской местности (4555 в 1932 г. и 8225 чел. в 1937 г.), но и на селе отмечен его существенный рост (1372 в 1932 г. и 2408 в 1937 г.), однако здесь на них приходилась большая нагрузка⁵. Особенно это касалось родовспоможения. Акушерки на селе в 1937 г. приняли 3403 родов в стационаре и 6087 – на дому (64,1 %)⁶.

По области в целом, особенно в сельскохозяйственных районах, ощущалась нехватка врачебных

⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 14. Л. 101.

⁵ Рассчитано по: ГАСО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1303. Л. 1–8.

⁶ Там же. Д. 1303. Л. 12.

кадров, недостаток коечной детской помощи и медицинской помощи яслям. Неприспособленность помещений, амбулаторий, поликлиник, а значит – неготовность к организации детских приемов, приводила к распространению инфекций через амбулаторно-поликлинические приемы детей. Органы здравоохранения в ряде случаев были простыми регистраторами фактов развивавшихся заболеваний и смертей. Справиться с разразившейся катастрофой созданная система здравоохранения не смогла.

Голландский историк Х. Кесслер в своей диссертации приводит следующие статистические данные: в 1935 г в городах Свердловской области умерло 36,8 тыс. чел., в 1936 г. – 51,7 тыс. (прирост на 40,4 %), в 1937 г. – 58,1 тыс. чел. (прирост на 12,4 %) [13, Table A-8]. По сравнению с 1935 г. в 1937 г. количество умерших в городах увеличилось на 57,9 %. Остановить этот прирост удалось только в 1938 г. В сельской местности рост умерших произошел в 1936 г. на 17,1 тыс. чел. (с 50,9 тыс. в 1935 г. до 68,0 тыс. в 1936 г.), или на 33,6 % больше, чем в 1935 г. В 1937 г. умерло 65,4 тыс. чел., это было меньше, чем в 1936 г., но больше, чем в 1935 г., на 14,5 тыс. Таким образом, если увеличение смертей в городах области продолжалось три года, то в деревне оно произошло только в 1936 г. Сокращения рождений в городах не наблюдалось. Только в сельской местности в 1937 г. произошло снижение числа родившихся на 2 %.

Ежегодные данные об умерших за 1934 – 1938 гг. по Свердловской области позволяют сопоставить количество смертей в достаточно стабильные, или «обычные» годы до голода с числом умерших в 1936 – 1937 гг.⁷ Это сопоставление позволяет рассчитать избыточное количество смертей за 1936 – 1937 гг. В указанное время территориальных изменений в Свердловской области не проводилось. Статистика загсов показывает, что среднее число умирающих в целом по области за 1934 – 1935 гг. составляло ежегодно 97,4 тыс. чел., в 1936 – 1937 гг. – 121,7 тыс., следовательно, в среднем за год в 1936 и 1937 гг. умирало на 24,2 тыс. чел. больше, чем в среднем за два предшествующих года. За 1936 и 1937 гг. избыточное число умерших по области составило 48,4 тыс. чел.

В городах Свердловской области среднее ежегодное количество умерших в 1934 – 1935 гг. достигало 41,8 тыс. чел., за 1936 и 1937 гг. – 54,9 тыс. чел., следовательно, избыточное число умерших составляло в среднем за год 13,1 тыс. чел., а за два года – 26,2 тыс. В сельской местности среднее число умерших за 1934 и 1935 гг. составляло 55,6 тыс. чел., за 1936 и 1937 гг. – 66,7 тыс., среднее избыточное число умерших было 11,1 тыс. человек, а за два года – 22,2 тыс. чел. При этом необходимо отметить, что до начала зимних месяцев 1936 г. люди еще как-то справлялись со все ухудшавшимся продовольственным положением, но затем эта беда превратилась в катастрофу. Голод охватил прак-

тически все районы области, в самых крайних формах. Дефицит продуктов особенно острым был в крупных индустриальных центрах области. Недоедание, скрытая, латентная форма голода, отмечалась практически на всей территории Свердловской области. Главными продуктами питания была картошка и низкокачественный хлеб: и то в недостаточных количествах, что не обеспечивало физиологического минимума потребления.

Таким образом, разразившийся в 1936-1937 гг. аграрный и продовольственный кризисы в Свердловской области повлияли и на поведение населения, вызвав демографический кризис, который проявился в росте количества умерших и сокращении прироста рождений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М.: РОССПЭН, 1999. 271 с.
2. *Леконтцев О.Н.* Голод 1936 г. в Кировской области и Удмуртской АССР // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Т. 12, № 3 (23). С. 21–27.
3. *Надькин Т.Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.
4. *Солдаткин А.* Затерянный голод тридцать седьмого // Родина. 2008. № 6. С. 102–106.
5. *Жиромская В.Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Куличиково поле, 2012. 320 с.
6. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
7. *Население России в XX веке. Исторические очерки.* М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1900–1939. 462 с.
8. *Исупов А.В.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в.: историко-демографические очерки. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
9. *Исупов В.А.* Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 36–42.
10. *Корнилов Г.Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80–89.
11. *Население Урала XX в. История демографического развития / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов и др.* Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. 212 с.
12. *Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953 / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов.* М.: РОССПЭН, 2006. 911 с.
13. *Kessler G.* The Peasant and Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–40. PhD-thesis. European University Institute, Florence, 2001. Vol. 2. 127 p.

REFERENCES

1. *Osokina E.A.* Behind the facade of «Stalin's abundance»: distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941. Moscow.: ROSSPEN, 1999. 271 p. (In Russ.)
2. *Lekontsev O.N.* Hunger of 1936 in the Kirov Region and the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki.* Vol. 12, no 3 (23), pp. 21–27. (In Russ.)
3. *Nadkin T.D.* Stalin's agricultural policy and peasants of Mordovia. Moscow: ROSSPEN, 2010, 311 p. (In Russ.)
4. *Soldatkin A.* Lost Famine of 1937. *Rodina.* 2008, no. 6, pp. 102 – 106. (In Russ.)

⁷ Рассчитано по: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 10–24; Д. 100. Л. 5–25.

5. *Zhiromskaya V.B.* Basic demographic trends of Russia's development in the twentieth century. Moscow: Kulichkovo pole, 2012, 320 p. (In Russ.)
6. *Zhiromskaya V.B.* Demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown. M.: ROSSPEN, 2001, 280 p. (In Russ.)
7. The population of Russia in the XX century. Historical essays. Vol. 1. 1900–1939. Moscow: ROSSPEN, 2000, 462 p. (In Russ.)
8. *Isupov A.V.* Demographic catastrophe and crisis in Russia in the first half of the XX century: historical and demographic essays. Novosibirsk: Sibirskiy khronograph, 2000, 244 p. (In Russ.)
9. *Isupov V.A.* Western Siberia in the context of demographic modernization: the first half of the XX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2013, no. 2, pp. 36–42. (In Russ.)
10. Kornilov G.E. Evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the twentieth century. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. 2014, no. 3 (44), pp. 80–89. (In Russ.)
11. The population of Urals in the XX century. The history of demographic development /A.I. Kuzmin, A.G. Orudzhieva, G.E. Kornilov a. o. Ekaterinburg: Isdatelstvo «Yekaterinburg», 1996, 212 p. (In Russ.)
12. Collective farm life in the Urals. 1935–1953 / Comp. H. Kessler, G.E. Kornilov. Moscow: ROSSPEN, 2006, 911 p. (In Russ.)
13. *Kessler G.* The Peasant and Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929 – 40. PhD-thesis. European University Institute, Florence, 2001, vol. 2, 127 p.

*Статья принята
редакцией 29.09.2016*

DOI: 10.15372/HSS20160411
УДК 94(47+57).084.8/084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

**«ЦЕЛИННЫЙ ПРОЕКТ» И ПЕРЕСТРОЙКА
ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ АГРАРНОГО СЕКТОРА
ЭКОНОМИКИ СССР В СЕРЕДИНЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются мотивы, особенности разработки и реализации программы по освоению целинных и залежных земель восточных районов СССР в 1954–1960 гг., рассматривается влияние данной хозяйственно-политической акции на развитие организационно-производственной структуры сельского хозяйства страны. Показан механизм определения верховной властью приоритетных хозяйственных форм в аграрном секторе в ходе подготовки и проведения целинной кампании. Автор обосновывает тезис о том, что благодаря освоению новых земель стала осуществляться «совхозизация» аграрного сектора экономики: расширялась сеть совхозов, внедрялись элементы совхозной формы организации производства в сельскохозяйственные артели, проводилась реорганизация машинно-тракторных станций. «Совхозизация» ускорила процессы огосударствления, укрупнения, централизации хозяйственных структур, механизации производственных процессов и «орабочивания» крестьянства.

Ключевые слова: освоение целинных и залежных земель, колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции, сельское хозяйство, Н.С. Хрущев.

S.N. ANDREENKOV

**«VIRGIN LANDS PROJECT» AND RESTRUCTURING THE ORGANIZATIONAL
AND ECONOMIC STRUCTURE OF THE AGRICULTURAL SECTOR
OF THE SOVIET ECONOMY IN THE MID-1950S – EARLY 1960S**

Institute of history SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

One of the symbols of N.S. Khrushchev's rule was the virgin lands campaign carried out in the eastern areas of the USSR and aimed at producing large amounts of cheap grain within a short period of time. It had significant economic, socio-demographic and environmental implications reflected in numerous publications. However one of these implications has been neglected by the researchers - the campaign's impact on the production and organizational structure of agriculture. The article addresses this problem.

After I.V. Stalin's death the Head of the Soviet government G.M. Malenkov advocated for using material incentives in the agricultural sector, development of kolkhozes and machine-tractor stations, intensifying agricultural production in the old-arable areas of the country. This strategy was opposed by the virgin lands project of N.S. Khrushchev. Growth in grain production was achieved by means of cultivation of the undeveloped lands based on the urban dwellers' labour enthusiasm and industrial forms of economic activities. Mass construction of the state agricultural enterprises was launched on the new lands. After the XX Congress of the CPSU (1956) sovkhoses were also established in the old-arable areas of the USSR on the basis of economically weak agricultural artels. Kolkhozes were enlarged and their work was reorganized in accordance with the sovkhos model. In 1958 machine-tractor stations were abolished and their machinery was sold to these kolkhozes. Nevertheless the economic and financial performance of the large part of kolkhozes and sovkhoses was below the expected level. Labor productivity of agricultural workers was low. In the early 1960s crop yields of the virgin lands significantly decreased. The growth rate in the agriculture slowed down significantly. Extensive factors of the production growth reached their limits. Analysis of reconstruction of the production and organizational structure of agricultural sector allowed to conclude that its major implication was acceleration of depeasantization of the Soviet village.

Key words: development of virgin and fallow lands, kolkhozes, sovkhoses, machine-tractor stations, agriculture, N.S. Khrushchev.

Сергей Николаевич Андреевков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru

Sergey N. Andreenkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of history SB RAS.

Одним из ярких событий советской истории являлась кампания по массовой распахке целинных и залежных земель Казахской ССР, Урала, Сибири и Дальнего Востока с целью увеличения посева зерновых культур, также во второй половине 1950-х гг. крайне обострилась зерновая проблема. Интерес к данной теме в последнее время возрастает. Появляются публикации, в которых на новом материале исследуются механизм разработки, ход, а также социально-экономические, демографические и экологические последствия реализации целинной программы. Однако такой аспект проблемы, как влияние кампании на развитие организационно-хозяйственной структуры аграрного сектора экономики, все еще обстоятельно не изучался. В настоящей статье рассматриваются сюжеты, связанные с определением верховной властью приоритетных хозяйственных форм в связи с разработкой программы по освоению целинных и залежных земель и ее реализации.

В конце 1920-х гг. руководство СССР приступило к социалистической модернизации сельского хозяйства, результатом которой должна была стать замена мелкотоварных крестьянских хозяйств высокотоварными сельхозпредприятиями. Для крестьян обязательным этапом перехода к социалистическому хозяйству являлось вступление в колхоз. Важная роль в преобразовании аграрной экономики отводилась крупным специализированным сельхозпредприятиям – совхозам. Планы радикальных аграрных реформ не предусматривали существования личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и создания постоянно действующих машинно-тракторных станций (МТС).

Сформированный в процессе форсированной коллективизации аграрный строй существенно отличался от принятых к реализации теоретических конструкций. Его организационной основой оказались колхозы, а также МТС, осуществлявшие их производственно-техническое обслуживание. Неотъемлемой составляющей аграрной системы были ЛПХ. Совхозы не стали ведущим типом сельхозпредприятий, а фактически превратились во вспомогательный придаток колхозной экономики. В начале 1950-х гг. совхозы оказались под угрозой ликвидации. По свидетельству Н.С. Хрущева, И.В. Сталин, когда узнал об убыточности государственных сельхозпредприятий, «предложил распустить совхозы, а землю передать колхозам. <...> Все мы заволновались тогда, – вспоминал Н.С. Хрущев, – говорили, что нельзя этого делать, что дело не в совхозах как форме хозяйства, а в ценах на их продукцию. <...> С большим трудом удалось убедить тогда Сталина и сохранить совхозы» [1, с. 467].

После смерти И.В. Сталина глава правительства Г.М. Маленков выступил за ослабление мобилизационного режима, сокращение административного аппарата, развитие сферы потребления. На пленуме ЦК КПСС 7 сентября 1953 г., утвердившем первую пост-сталинскую программу развития сельского хозяйства, отставание отрасли предлагалось преодолеть за счет повышения материальной заинтересованности колхозников и механизаторов, повышения качества руко-

водства хозяйствами и дальнейшей механизации производственных процессов.

Организационно-производственная структура сельского хозяйства не менялась. Как и прежде, ставка делалась на колхозы и машинно-тракторные станции. Потенциал последних планировалось усилить, обеспечив приток квалифицированных кадров из промышленности, а штат агрономов и зоотехников – пополнить за счет выпускников аграрных вузов и специалистов из упраздненных районных управлений сельского хозяйства, контингент механизаторов – с помощью зачисления в штат колхозников, трудившихся на тракторах и комбайнах в качестве сезонных рабочих. В 1954 г. в МТС должно было начаться масштабное строительство жилья, объектов соцкультбыта, производственных зданий. Машинный парк станций предполагалось существенно обновить. В первую очередь поднимать намеревались хозяйства старопахотных районов страны [2, с. 46–52].

Н.С. Хрущев соглашался с новой программой по сельскому хозяйству, по всей видимости, из-за обещания Г.М. Маленкова поддержать его кандидатуру на пост первого секретаря ЦК КПСС. После получения этой должности Н.С. Хрущев стал активно продвигать идею об освоении целинных и залежных земель на востоке страны, которая казалась своевременным и эффективным проектом, поскольку предусматривала немедленное решение обострявшейся зерновой проблемы. В 1953 г. в государственные фонды хлеба поступило только 91 % от уровня 1950 г. При этом расход зерна относительно этого года составил 120 %¹. Дефицитными оказались зернофуражные культуры. Скоту приходилось скармливать пшеницу, поэтому ее запасы сократились. Нормальная торговля хлебопродуктами, особенно высших сортов, оказывалась невозможной, ограничивались и экспортные операции по хлебу.

Целинная программа директивно была оформлена в постановлении февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г. В документе отдельно рассматривались вопросы о текущем состоянии и перспективах развития совхозов. Говорилось, в частности, о необходимости превращения государственных сельхозпредприятий в образцовые, высокотоварные хозяйства, которые «должны сыграть большую роль в увеличении производства зерна путем освоения залежных и целинных земель <...>, а также путем всемерного повышения урожайности зерновых культур. <...> Являясь крупными высокомеханизированными хозяйствами, совхозы имеют все возможности производить зерно с наименьшими затратами труда и давать стране наиболее дешевый хлеб» [2, с. 185].

Из 13 млн га целинных и залежных земель, отведенных под распахку в 1954–1955 гг., государственным хозяйствам предстояло освоить 4,3 млн га. Из них 2,3 млн га должны были поднять существующие совхозы и 2 млн га новые совхозы, созданные на свободных

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 24. Д. 538. Л. 7.

от зерновых посевов участках Госземфонда в Казахской ССР, на Урале и в Сибири [2, с. 186].

В 1954 г. в целинных районах страны появилось 124 зерновых совхоза, из них 87 – в Казахской ССР и 37 – в РСФСР [3, с. 184–185]. Они имели относительно небольшие посевные площади (231,6 тыс. га), предназначенные для выращивания семян. В целом в этом году план распашки целины и залежи был существенно перевыполнен. В СССР было поднято около 19 млн га новых земель. В Казахской ССР в первый год кампании хозяйства освоили 8,5 млн га целины, в том числе совхозы – 3,6 млн, МТС – 4,9 млн га, в РСФСР – соответственно 10, 3,2 и 6,8 млн га. Таким образом, на данном этапе в колхозном секторе сельской экономики было вспахано больше целинных и залежных земель, чем в совхозном (в РСФСР – более чем в 2 раза)². МТС целинных районов востока СССР получили материальные ресурсы, которые по плану должны были поступить на станции старопахотных регионов РСФСР.

На январском пленуме ЦК КПСС 1955 г. Н.С. Хрущев добился смещения Г.М. Маленкова с поста председателя правительства и увеличения масштабов совхозного строительства на целине. Партийный лидер предложил создать на новых землях еще 280–300 государственных зерновых хозяйств [4, с. 467]. В итоге в 1955 г. появился 301 целинный совхоз (250 – в Казахской ССР и 51 – в РСФСР), их общее число достигло 425 [3, с. 184–185]. Новые совхозы создавались не только на пустовавших земельных массивах Госземфонда, но и на неиспользуемых для производства зерна целинных и залежных землях колхозов. К государственным сельхозпредприятиям, созданным на пустом месте, часто прирезали участки соседних многоземельных хозяйств.

В 1955 г. в СССР было распашано еще 14 млн га целинных и залежных земель. На Казахскую ССР приходилось 9,4 млн га, в том числе на совхозы – 5,4 млн, на МТС и колхозы – 4 млн га. В РСФСР в этом году освоили 4,1 млн га новых земельных массивов, из них совхозами – 1,3 млн, МТС и колхозами – 2,8 млн га³. Таким образом, с 1955 г. в Казахской ССР совхозы превратились в главную движущую силу целинной кампании. В РСФСР в подъеме целины и залежи весомую роль по-прежнему играл колхозный сектор. Всего за 1954–1960 гг. колхозами и совхозами было распашано 41,8 млн га целинных и залежных земель, из них в Казахской ССР – 25,5 млн, в РСФСР – 16,3 млн, в том числе в Сибири – 10,3 млн га⁴.

Государственные капиталовложения в сельское хозяйство существенно возросли. Если в 1953 г. отрасль получила из госбюджета 8,8 млрд руб., то в 1954 г. – 15,4, в 1955 г. – 19,9, в 1956 г. – 21,2, в 1957 г. – 23,4 млрд руб. На необжитых территориях разворачивалось

строительство хозяйственных и социально-бытовых объектов. Увеличилось производство зерна. В Казахской ССР в 1954–1958 гг. среднегодовой валовой сбор хлеба вырос относительно 1949–1953 гг. более чем в 3 раза, в Сибири – в 2 раза, в РСФСР и СССР – на 40 %. В 1954–1958 гг. целинные районы давали в среднем годовом исчислении 40 % всего зерна, в том числе казахстанские – 12 %, сибирские и дальневосточные – 16 %⁵. Уровень материального благосостояния населения повышался.

Строительство практически с нуля большого количества совхозов делало освоение новых земель затратным мероприятием. Н.С. Хрущев надеялся на то, что расходы на его проведение удастся быстро компенсировать благодаря немедленному получению большого количества дешевого зерна. «Изучение имеющихся данных показывает, – говорил он на XX съезде партии в феврале 1956 г., – что даже при периодических засухах ведение зернового хозяйства в Казахстане, Сибири и на Урале выгодно и экономически оправдано. Если из пяти лет мы будем иметь только два хороших по урожайности года, один средний и два неурожайных, то при тех сравнительно небольших затратах, которые требуются для выращивания зерновых культур, в данных условиях можно вести зерновое хозяйство с большой выгодой и получать дешевый хлеб» [5, с. 195].

В 1954–1957 гг. производство хлеба в совхозах, созданных на новых землях, могло окупиться при средней урожайности зерновых культур в 14–15 ц/га, но в этот период с каждого гектара пашни данных хозяйств в среднем было получено только 7,5 ц зерна. Целинные совхозы смогли вернуть лишь 34 % израсходованных на выращивание зерна средств. В Казахской ССР средняя урожайность в новых госхозах составила 6,4 ц/га, затраты были восполнены на 17%, в РСФСР – 8,6 ц/га и 52% соответственно. В целинных совхозах Сибири данные показатели оказались сравнительно высокими: в Омской области – 6,1 ц/га и 59 %, Новосибирская область – 8,6 ц/га и 85 %, Алтайском крае – 8,8 ц/га и 105 %, Красноярском крае – 8,3 ц/га и 56 %⁶. Правда, сибирские совхозы сдавали зерно государству по более высоким ценам, чем казахстанские.

В начале целинной кампании руководство страны при определении расценок на совхозный хлеб исходило из того, что в Сибири урожайность целинной пашни будет ниже, чем в Казахской ССР, поэтому сдаточную цену для сибирских хозяйств целесообразно повысить. Но получилось наоборот.

Невысокий уровень производительности целинных зерносовхозов не мешал Н.С. Хрущеву делать оптимистические прогнозы их дальнейшего развития. Глава партии был уверен в том, что государственные сельхозпредприятия, организованные на новых землях, способны быстро наращивать зерновое производ-

² Народное хозяйство СССР в 1956 г.: стат. сб. М., 1956. С. 117; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 45.

³ Народное хозяйство СССР в 1956 г. М., 1956. С. 117.

⁴ Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: стат. ежегодник. М., 1961. С. 195.

⁵ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 210–211, 226, 387.

⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 21. Д. 378. Л. 46.

ство. Главными факторами его роста считались неисчерпаемое естественное плодородие целинных земель, мощный трудовой энтузиазм целинников и индустриальная основа хозяйствования.

После XX съезда партии, на котором Н.С. Хрущев благодаря критике деятельности И.В. Сталина добился права самостоятельно определять хозяйственную политику государства, «совхозизация» вышла за пределы целинных районов. Государственные хозяйства создавались уже на обжитых, в том числе пригородных, территориях с использованием инфраструктуры и мощностей колхозов и старых госхозов. Вновь организуемые сельхозпредприятия специализировались на производстве мяса, молока, яиц, картофеля и овощей с целью улучшения продовольственного снабжения горожан и должны были вытеснить с городских рынков частного сельхозпроизводителя. Использование ресурсов сельхозартелей при строительстве совхозов позволяло государству экономить на капиталовложениях, чего нельзя было добиться при организации сельхозпредприятий на целине.

После XX съезда КПСС по сельскому хозяйству прокатились две волны «совхозизации»: 1957 и 1960–1961 гг. Они совпали с постановкой партийным лидером двух масштабных хозяйственно-политических задач: догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения и обеспечить в СССР самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой капиталистической страной. С 1956 по 1964 г. сеть совхозов выросла в СССР с 5098 до 10 078 хозяйств, или почти вдвое⁷.

Трансформировалась колхозная система. В нее активно имплантировались элементы совхозной формы организации производства. Увеличение размеров сельхозартелей достигалось с помощью их объединения. С 1956 по 1964 г. вследствие укрупнения хозяйств, а также перехода значительной их части в государственный сектор аграрной экономики колхозная сеть СССР сократилась более чем в 2 раза (с 83 021 до 37 616 хозяйств)⁸. Централизацию управления колхозами обеспечили тридцатитысячники⁹. Многие сельхозартели отказывались от труднейшей и переходили к гарантированной оплате труда. В 1958 г. правительство демонтировало механизм натуральных налоговых заготовок сельхозпродукции и ввело систему государственных закупок, а также продало технику МТС колхозам. МТС при этом ликвидировались.

⁷ Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 43; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 585.

⁸ Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 51; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 487.

⁹ Тридцатитысячники – 30-тысячный отряд работников промышленности и других отраслей народного хозяйства, партийного и советского аппарата, преимущественно коммунистов, который в 1955–1957 гг. был направлен КПСС в деревню для руководства экономически слабыми колхозами. Организаторская деятельность тридцатитысячников должна была обеспечить повышение трудовой отдачи колхозников и выполнение ими спускаемых сверху директив.

Судьба машинно-тракторных станций, по сути дела, была решена уже в 1955 г. С этого года объемы ассигнований на развитие МТС стали сокращаться. В августе 1955 г. правительство приняло решение о переводе агрономов и зоотехников МТС на баланс колхозов, а в августе 1956 г. – о сокращении бюджетных расходов на зарплату механизаторам и передаче сельхозартелям полномочий по оплате их труда. Уменьшилось финансирование строительства в МТС социальных и производственных объектов. В 1956 г. начался перевод этих предприятий на хозрасчет. МТС активно укрупнялись. Многие машинно-тракторные станции были ликвидированы, а их ресурсы переданы совхозам.

Н.С. Хрущев добивался именно ускоренной реорганизации МТС. Выкуп машинного парка станций не стал добровольной и долгосрочной акцией, как изначально планировалось, а превратился в обязательную скоротечную операцию, вогнавшую сельхозартели в долги. Колхозы так и не смогли должным образом распорядиться полученными от МТС техническими и кадровыми резервами, значительная их часть была потеряна.

Существовали и альтернативные варианты реорганизации МТС. В 1955–1957 гг. рассматривались проекты создания соцхозов и госкоопхозов – крупных сельхозпредприятий индустриального типа, представляющих собой объединение колхозов и МТС [6, с. 99–102]. Образование кооперативно-государственных хозяйств, по сути дела, являлось усовершенствованием организационной структуры сталинского аграрного строя, в рамках которого сохранялся в определенном виде, поддерживался и эксплуатировался крестьянский уклад жизни. Но Н.С. Хрущев решил вернуть процесс социалистической модернизации сельского хозяйства в русло, определенное марксистскими теоретиками начала 1920-х гг. Расширение совхозного сектора и «осовхозивание» колхозов являлись мерами, которые привели к ликвидации крестьянского начала в аграрной экономике. Ее двигателем должен был стать рабочий класс, отличавшийся более высокой трудовой дисциплиной.

Представление о том, что совхозы способны поднять сельское хозяйство на уровень, позволяющий догнать агропром США, оказалась утопическим. В начале 1960-х гг. темпы роста сельского хозяйства замедлились. Если за 1954–1958 гг. в стране в целом валовое производство сельхозпродукции увеличилось на 51%, то за 1961–1965 гг. – только на 12%. Спад в отрасли во многом являлся следствием кризиса земледелия в районах освоения целинных и залежных земель. Естественное плодородие целины оказалось вполне исчерпываемым ресурсом. Объемы зернового производства существенно сократились. Казахская ССР и Сибирь вошли в число регионов с самыми высокими показателями их падения. В 1961–1965 гг. сбор хлеба снизился здесь относительно уровня 1956–1960 гг. на 34 и 33 % соответственно. В СССР (+4) и РСФСР (+7) в целом рецес-

сии не наблюдалось¹⁰. Снижение продуктивности пашни на целине объяснялось также несоблюдением основ почвозащитной агротехники, в частности, игнорированием чистых паров, посевов трав, поверхностной обработки почвы, а также экспериментами с кукурузой и пропашной системой земледелия. Все эти ошибки провоцировали распространение вредоносной флоры и фауны, а также появление «черных бурь», уничтожавших миллионы гектаров посевов.

Трудовой энтузиазм работников целинных совхозов, их готовность к жизни в аскетических условиях быстро сменились желанием проживать в комфортабельных социально-бытовых условиях, которые верховная власть здесь вопреки обещаниям так и не создала. Строительство жилья и объектов соцкультбыта на целине финансировалось недостаточно и осуществлялось крайне медленно. Отток населения с вновь осваиваемых земель превосходил все прогнозы. Уже в 1957 г. в новых зерносовхозах из числа первоцелинников, прибывших в хозяйства в 1954–1955 гг., почти никого не осталось. Кадровый контингент целинных сельхозпредприятий в конце 1950-х – начале 1960-х гг. отличался невысокой трудовой дисциплиной. Не самой лучшей была и организация труда. Из-за нарушений правил эксплуатации, а также нехватки гаражей и ремонтных мастерских техника быстро выходила из строя.

В совхозах старопашотных районов, созданных на базе колхозов, были схожие проблемы. Уровень оплаты труда колхозников, ставших совхозными рабочими, существенно повысился, что, однако, к соответствующему росту их производственной дисциплины не привело. Многие постройки, принятые у колхозов, не соответствовали условиям организации совхозного производства из-за небольших размеров и нуждались в реконструкции. Кроме того, значительная часть объектов хозяйственного, а также социального назначения бывших сельхозартелей находилась на стадии строительства и не могла эксплуатироваться в полном объеме. Для их достройки требовались дополнительные вложения.

Государственные сельхозпредприятия отличались низкой рентабельностью. В 1964 г. в РСФСР доля экономически слабых совхозов составила 22,1 % от общего числа. Не лучше обстояли дела в колхозном секторе. Удельный вес убыточных и малопродуктивных сельхозартелей в республике равнялся в этом году 23,4 %¹¹.

Таким образом, освоение целинных и залежных земель являлось чрезвычайной мобилизационной хозяйственно-политической акцией, рассчитанной на быстрый результат, на немедленное получение большого количества дешевого зерна. Если в краткосрочном плане кампания была успешной, то в среднесрочной перспективе она не обеспечила бескризисного развития сельхозпроизводства. В ходе освоения новых земель началось огосударствление («осовхозивание») сельского хозяйства, которое являлось решающим шагом на пути раскрестьянивания и индустриализации деревни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 8: Май 1963 года – март 1964 года. 559 с.
2. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957). М.: Госполитиздат, 1958. Т. 4. 864 с.
3. Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: краткий исторический очерк. М.: Политиздат, 1976. 279 с.
4. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1: Сентябрь 1953 года – январь 1955 года. 495 с.
5. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 2: Февраль 1955 года – январь 1958 года. 534 с.
6. Андреенков С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.

REFERENCES

1. Khrushchev N.S. Building Communism in the USSR and Development of Agriculture. Moscow: Gospolitizdat, 1964, vol. 8: May, 1963 – March, 1964. 559 p. (In Russ.)
2. Directives of the CPSU and Soviet Government on Economic Issues (1917–1957). Moscow: Gospolitizdat, 1958, vol.4, 864 p. (In Russ.)
3. Bogdenko M.L., Zelenin I.E. Sovkhozes of the USSR: Brief Historical Essay. Moscow: Politizdat, 1976, 279 p. (In Russ.)
4. Khrushchev N.S. Building Communism in the USSR and Development of Agriculture. Moscow: Gospolitizdat, 1962, vol. 1: September, 1953 – January, 1955, 495 p. (In Russ.)
5. Khrushchev N.S. Building Communism in the USSR and Development of Agriculture. Moscow: Gospolitizdat, 1962, vol. 2: February, 1955 – January, 1958, 534 p. (In Russ.)
6. Andreenkov S.N. Kolkhoz-sovkhoz System of Siberia in 1946–1964: Functioning and Reforming. Novosibirsk: Sibprint, 2016, 256 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 27.09.2016

¹⁰ Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 35, 154–155; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 21, 210–211.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 490. Л. 11–13.

DOI: 10.15372/HSS20160412
УДК 94(47).084.9

Е.В. ЧЕРНЕНКО

ОБ АВТОРАХ И АВТОРСТВЕ В ЖУРНАЛЕ «КОММУНИСТ» СЕРЕДИНЫ 1950-х гг.

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, наб. Тухачевского 14

В статье рассматривается проблема авторства на примере журнала «Коммунист», а также цели и задачи партийной прессы, в условиях завершения процессов восстановления советского общества после Великой Отечественной войны, обновления политической элиты после смерти И.В. Сталина. Показано, что партийные журналы играли главную роль в политике индоктринации в 1950-е гг. Детерминированность деятельности партийных журналов принципом партийности определяла специфические механизмы подготовки и редактирования идеологических статей, порождала самоцензуру и стремление авторов к коллективной ответственности за публикуемые материалы. «Коллективный» автор выступал гарантией безопасности как для конкретного автора, снижая степень его личной ответственности за возможные идеологические «огрехи», так и для редакции журнала, выпускающей материал, соответствующий «генеральной линии партии».

Ключевые слова: средства массовой информации и пропаганды, журнал «Коммунист», принцип партийности, принцип идеологичности, идеологический дискурс, коллективный автор, самоцензура.

YE.V. CHERNENKO

ON THE AUTHORS AND AUTHORSHIP IN THE JOURNAL «COMMUNIST» IN THE MID-1950S

Omsk State Pedagogical University
14, Tuhachevskogo embankment, Omsk, 644099, Russian Federation

The purpose of the article is to identify the factors that forced the party leadership to actively develop the Communist party press in the 1950s, as well as to determine the particular mechanism of preparing the ideological texts. The focus is on the analysis of the activities of editorial boards and authors of ideological magazines. The research methodology included discourse and content analysis of the proceedings of the meetings of editorial boards and articles published in the party magazines. As a result, it was concluded that the idea of building communism required the indoctrination and ideological mobilization of both the party and society as a whole. In its turn it determined the need of the Communist party and its leaders for an institution performing not only teleological and mobilization functions but also functions of Marxist-Leninist-Stalinist exegesis and conceptualization. Party magazines became such institutions. The circle of authors of the party's periodicals in the 1950s was carefully selected on the basis of principles of partisanship and ideological competence, their ability to self-censor and to develop creatively the ideas of Marxism-Leninism while remaining within rigid boundaries of the existing logical-semantic matrix of ideological articles. Complicated procedure of approvals, discussions and editing of texts led to the emergence of a «collective» author, who ensured the high quality of ideological articles, in terms of performing a function of political exegesis. At the same time, such a «collective» author guaranteed personal security both for a particular author, reducing the degree of his personal responsibility for the possible ideological «flaws» and for the Editorial board that published articles corresponding to «the party line».

Key words: media, media propaganda, magazine «Communist», the principle of party spirit, principle of ideology, ideological discourse, the collective author, self-censorship.

Средства массовой информации занимали исключительное положение в политической системе советского общества. Политическая элита осознавала

значимость «четвертой власти» для осуществления контроля над обществом, как средства индоктринации и мобилизации. В связи с этим политика в отношении

Елена Викторовна Черненко – канд. ист. наук, доцент Омского государственного педагогического университета, e-mail: chernenko68@mail.ru.

Elena V. Chernenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Omsk State Pedagogical University.

средств массовой информации и пропаганды являлась одним из центральных направлений в деятельности партии, что актуализирует изучение партийной журнальной прессы советского периода [1; 2]. К сожалению, объектом самостоятельного исследования современной исторической науки она до сих пор не стала. Даже обращение к партийным журналам как к историческому источнику является редкостью. Содержанием журнальной прессы активно интересуются в основном филологи и политологи в плане изучения тоталитарного дискурса [3; 4; 5].

Между тем изучение партийной журнальной прессы 1950-х гг. ставит перед исследователями широкий круг проблем, начиная с создания и механизмов деятельности до изучения тематики, эволюции позиций и взглядов. К их числу относится и вопрос авторов и авторства как фактора развития дискурсивных практик советского периода. А это предполагает выявление принципов отбора авторов, раскрытие механизмов подготовки и редактирования программно-идеологических текстов, определение специфических характеристик авторства в партийных журналах середины XX в.

Сектор партийной журнальной периодики формируется еще в 1920-е гг. и развивается в течение всего советского периода, но именно на 1950-е гг. приходятся значительные изменения и новации в этой системе. В течение 1952–1957 гг. было начато или возобновлено издание ряда партийных журналов, таких как «Партийная жизнь» (1954 г.), «Агитатор» (1956 г.), «В помощь политическому самообразованию» / «Политическое самообразование» (1957 г.). В ноябре 1923 г. решением Оргбюро ЦК РКП (б) был создан журнал «Большевик». В 1952 г. после XIX съезда партии, в связи с переименованием партии, журнал поменял название на «Коммунист» и как орган ЦК ВКП(б)/КПСС просуществовал до 1991 г.¹ В результате усилий партийного руководства в этот период сектор партийной журнальной периодики обретает системность, где каждое издание имеет свои задачи и ориентируется на определенный круг читателей.

Какие факторы заставили партийное руководство столь активно заниматься проблемами развития партийной журнальной прессы именно в 1950-е гг.? К концу 1940-х – началу 1950-х гг. были устранены наиболее тяжелые и разрушительные последствия Великой Отечественной войны. Был сделан вывод о восстановлении советской экономики, что позволило советскому обществу продолжить движение по «магистральному пути человечества» – от социализма к коммунизму. Идея строительства коммунизма требовала соответствующей индоктринации и идеологической мобилизации как партии, так и общества в целом.

Не последнюю роль в процессе актуализации партийной прессы в политической жизни советского го-

сударства сыграл фактор «обновления элиты». Ситуация в высшем партийном руководстве после смерти И.В. Сталина, попытки реализовать вариант коллективного руководства страной сопровождались не только борьбой за власть, но и выбором альтернатив общественного развития.

Все эти обстоятельства определили потребность партии и ее руководителей в институте, который должен был выполнять как телеологическую и мобилизационную функции, так и функции марксистско-ленинско-сталинской экзегетики (т.е. функция истолкования и разъяснения основных положений) и концептуализации (т.е. осмысления поступающей информации и формулирования на ее основе концептов, концептуальных систем). С такими задачами способна была справиться только продуманная система партийной прессы, где особое место занимают партийные журналы.

В документах ВКП(б)/КПСС задачи деятельности определялись неоднократно в течение всего советского периода как для всех средств массовой информации, так и для отдельных периодических изданий. В частности, в задачи «Коммуниста» входили пропаганда и творческое развитие марксистско-ленинского учения, борьба за претворение в жизнь генеральной линии партии, за построение в СССР коммунистического общества, разработка ленинского теоретического наследия.

Редакционная коллегия журнала ставила перед авторским коллективом более широкие задачи, чем просто трансляция и пропаганда партийных решений. Например, в выступлении А.С. Кравченко на заседании редакционной коллегии цель журнала определялась следующим образом: «журнал должен... убедить»², а в рассуждениях А.Д. Никонова по поводу передовой статьи «Коммуниста» мы наблюдаем более детальную ее характеристику: «...была большая трудность – написать передовую по развернутому постановлению, где дан большой анализ. В том виде, как сейчас есть, статья по существу очень удачно излагает постановление. Это ее положительная сторона и отрицательная... Сейчас она выполняет чисто пропагандистскую задачу... Для нашего журнала только одной этой функцией ограничиваться не стоит, тем более в такой ответственной статье»³. Эти рассуждения демонстрируют стремление редакции и ее авторского коллектива занять позицию теоретиков, развивающих идеологические конструкции партии постановкой проблем, «которые... назревают»⁴, но в то же время задача авторского коллектива – не создавать принципиально новые идеологические концепты, а «предвосхищать» развитие «генеральной линии» на основе толкования ее базовых постулатов.

В связи с этим встает вопрос об адресате материалов «Коммуниста». Авторский коллектив отдавал себе

¹ «Коммунист» [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/97361/Коммунист> (дата обращения: 2.05.2012).

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 599. Оп. 1. Д. 53. Л. 78.

³ Там же. Л. 94–95.

⁴ Там же. Л. 117.

отчет в том, что круг читателей этого издания довольно специфичен и представлен «научными кругами», «работниками издательств» и «общественности»⁵. По существу, материалы журнала задавали тональность, содержание, стилистику и форму не только информации, доносимой широким кругам советских граждан через средства массовой информации. Они определяли идеологические рамки научных исследований и содержание идеологического компонента образования (диалектический материализм, научный коммунизм, атеизм, история советского общества). Статьи, комментарии и факты «Коммуниста» перепечатывались и тиражировались на всех уровнях средств массовой информации и пропаганды, использовались в системе политического просвещения, в школьном образовании.

Оценивая в полной мере значимость публикуемых материалов, редакционная коллегия крайне ответственно подходила к формированию штатного состава авторов⁶. Рекрутирование сотрудников осуществлялось из числа руководящих деятелей КПСС, преподавательского состава вузов и научных работников, высококвалифицированных журналистов. Одним из обязательных условий работы в журнале являлось членство в КПСС. В тех случаях, когда требовалось аргументированно обосновать сложные или принципиально важные идеологические позиции, редакционная коллегия привлекала признанных профессионалов в конкретной области марксистского знания. Например, для написания статьи по проблеме недостатков в освещении истории советского общества привлекались сотрудники Института истории⁷. Привлечение консультантов происходило и тогда, когда необходимо было пресечь отклонения от «генеральной линии» партии в идеологических вопросах, например, в случае с критикой позиции Колганова по вопросу собственности⁸. «Спор по поводу цитат» потребовал от редакции обратиться к профессионалам, «привлечь в качестве консультантов философов, экономистов и историков и, опираясь на силу коллектива, доработать ответ редакции...»⁹.

В иных случаях журнал справлялся собственными силами, не подвергая сомнению компетентность своих сотрудников. При этом авторы-сотрудники журнала могли писать на разнообразные темы. Например, в течение 1953–1954 гг. на страницах журнала мы встречаем несколько статей П. Федосеева. Автор одинаково успешно справлялся как с проблемами советского патриотизма и демократии, так и с проблемами соотношения производительных сил и производственных отношений при социализме [6; 7; 8].

Интересен и тот факт, что одна и та же проблема разрабатывалась разными авторами. Одной из цен-

тральных тем публикаций «Коммуниста» середины 1950-х гг. была проблема сущности основного экономического закона социализма. Причина столь внимательного отношения к этой проблеме была связана с необходимостью обоснования идеи бесконфликтного, нереволуционного перехода от социализма к коммунизму. Она неоднократно поднималась в авторских статьях И. Дорошева, М. Глазермана, П. Юдина, М. Розенталя, П. Федосеева [9; 10; 11; 12; 13]

Круг авторов был достаточно широк, но смысл содержания статей одинаков, о чем свидетельствует дискурсивный анализ текстов. Во всех статьях, независимо от авторства, выявляются повторяющиеся смысловые единицы:

- значимость идей Сталина для развития теории социализма и коммунизма встречается во всех статьях. Содержание этой единицы подвергается коррекции в начале 1954 г. в направлении отказа от массового цитирования, к единичному упоминанию вклада И.В. Сталина в развитие коммунистических идей;
- положения Маркса, Энгельса, Ленина как обоснование верности теоретических положений;
- критика отклонений от «генеральной линии»;
- доктринальные положения, подлежащие обоснованию;
- противопоставление социализма и капитализма с целью продемонстрировать преимущество социализма;
- аргументация через решения партийных форумов (съезды, пленумы, совещания);
- роль партии в развитии и использовании доктринальных положений.

В качестве факультативных смысловых единиц текста в этих статьях использовались критика буржуазной идеологии и обращение к опыту строительства социализма в советском обществе как доказательству верности избранного пути.

Единая содержательная матрица статей подкрепляется и единой структурной матрицей текста. В ней мы наблюдаем сочетание базовых единиц в определенной логически-смысловой последовательности. Выработанные матрицы текстов, с одной стороны, значительно облегчали работу над содержанием статьи и позволяли авторам быть универсальными в выборе тематики, что сами руководящие партийные работники характеризовали как «цитатничество и начетничество».

С другой стороны, недостаточно было просто владеть технологией написания идеологического текста. Без досконального знания трудов классиков марксизма-ленинизма выполнять функцию экзегетики было невозможно. Творческая работа авторов начиналась тогда, когда возникала необходимость истолковать, объяснить положения «творческого развития марксизма-ленинизма», которые выходили за рамки традиционно принятых доктринальных положений, объяснить идеологические коллизии, возникающие в результате развития советского общества. В подобной ситуации оказались редакции и авторы партийных журналов

⁵ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 53. Л. 117.

⁶ Там же. Л. 118.

⁷ Там же. Л. 117.

⁸ Там же. Л. 117–118.

⁹ Там же.

в конце 1940–1950-х гг., когда перед ними была поставлена задача обосновать идею перехода к коммунизму. И хотя эта идея не являлась чем-то принципиально новым в идеологии партии, тем не менее ее обоснование столкнулось с рядом теоретических сложностей. Например, необходимо было растолковать, что будет с советским государством и партией при коммунизме.

В этой ситуации публикации такого журнала, как «Коммунист», имели принципиальное значение для формирования «правильных» политических установок, в первую очередь в партийных кругах. В связи с этим актуализируется и вопрос об авторстве базовых идеологических материалов, публиковавшихся в журнале: передовых и программных статей. Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В. Кружков отдавал себе отчет в том, что в результате редакторской правки и рецензирования «статья автора теряет свою самостоятельность, оригинальность, свежие мысли и новые вопросы». Он видел причины этого явления в «перестраховке и теоретической робости» как авторов, так и редакционных коллегий [14, с. 30], что довольно точно, пусть и поверхностно, отражает суть явления.

Анализ протоколов заседаний редакционной коллегии журнала «Коммунист» показывает, что редакционные и авторские статьи проходили многоступенчатое обсуждение. Заказ на подготовку статьи направляли в соответствующий отдел журнала, где и определялся ее автор. Начиная с первого этапа подготовки материала в отделе, мы наблюдаем тенденцию отказа авторов от персональной ответственности за ее содержание, о чем свидетельствуют откровенные реплики авторов из протоколов заседаний редакционной коллегии: «Практика показывает, что трудно готовить статью одному человеку. Если я сам готовлю статью, то некоторую доработку делает т. Егоров и наоборот...», – заявлял М.Д. Каммари, руководитель отдел философии журнала «Коммунист»¹⁰.

Далее текст подготовленной статьи по рассылке направлялся в отделы, которые вносили свои правки. Архивные материалы показывают, что подобные рассылки могли быть неоднократными¹¹, и это происходило до тех пор, пока не принималось решение о вынесении статьи на обсуждение редакционной коллегии. За это время статья утрачивала первоначальный вид и содержание. Активные правки уже на этом этапе придают статье коллективный характер. В результате при обсуждении на редакционной коллегии авторы указывали на то, что от их варианта «мало что... осталось». Например, так произошло со статьей П. Колоницкого «Критика и самокритика – движущая сила развития социалистического общества»: «Дело в том, что мне трудно защищать эту статью... – указывает автор. – Я ее дважды дорабатывал и чем дальше, тем меньше она мне нравится. Правда, первый мой вариант, который я представлял, он больше страдал отсутствием политического повседневного материала.

В этом варианте его вполне хватает. Но статья на этой почве пострадала в стройности, вся перемешалась»¹². И как показывают материалы протоколов заседаний редакционной коллегии «Коммуниста», это не единичные явления.

Более того, выявляется закономерность: чем более ответственным с идеологической позиции был материал, тем более детальным и длительным было его обсуждение. К числу таких относились проблемы социализма и перехода к коммунизму¹³, проблемы развития социалистического лагеря¹⁴, проблемы истории советского общества и Коммунистической партии. Так, например, статья М. Ким и С. Голикова «Устранить недостатки в освещении истории советского общества» (протокол № 5 от 23 марта 1954 г.) обсуждалась неоднократно. По ходу обсуждения выясняется, что работа над этой статьей велась более года, и в течение этого срока статья неоднократно правилась редакцией, несмотря на то, что ее автор являлся представителем Института истории и подходил к решению поставленной задачи профессионально. Протокол ее третьего обсуждения содержит 21 страницу печатного текста¹⁵.

Обсуждение статей дает нам возможность увидеть механизмы внутренней цензуры материалов. При обсуждении статьи М. Кима член редакционной коллегии И.А. Дорошев так сформулировал суть претензий к автору: «Я немного удивлен, что так слабо использованы идеи и мысли, которые высказаны на совещании... я хотел бы подчеркнуть, что т. Ким несет ответственность за этот участок работы, он выступает на страницах центрального органа партии не только как автор. Тов. Ким, вы можете потерять авторитет, выступая со статьей недостаточно обоснованной. Вы – руководитель важного сектора Института истории и вы отвечаете за это дело»¹⁶. Из этого следует вывод, что внутренняя цензура деятельности авторского коллектива журнала «Коммунист» осуществлялась на основании партийных документов, которые, с одной стороны, выступали в качестве виртуального заказчика, а с другой – определяли границы содержания публикуемых материалов. В то же время авторы часто сами просили коллегию четко «... зафиксировать определенные установки или требования – что давать в статье, иначе я не совсем ориентируюсь, что нужно делать. ...Конкретно, что нужно учесть из того, что там (на совещании. – Е.Ч.) говорилось?»¹⁷. Подобные высказывания свидетельствуют о действии авторской самоцензуры. И внутренняя цензура, и самоцензура авторов достаточно жестко ограничивала творчество авторов, в конечном итоге делая абсолютно излишней цензуру внешнюю.

Таким образом, в конце 1940–1950-х гг. актуализация задачи перехода к коммунизму советского общества потребовала авторов, способных творчески раз-

¹² РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 53. Л. 120.

¹³ Там же. Л. 230–256.

¹⁴ Там же. Л. 101–117.

¹⁵ Там же. Л. 100–121.

¹⁶ Там же. Л. 109.

¹⁷ Там же. Л. 113.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 53. Л. 258.

¹¹ Там же. Л. 120.

вывать идеи марксизма-ленинизма, оставаясь при этом в жестких границах сложившейся логически-смысловой матрицы идеологических статей. Сложная процедура согласований, обсуждений и редактирования на этапе подготовки текстов приводила к появлению «коллективного» автора, который гарантировал высокое качество идеологической статьи, в плане ее способности выполнять функцию политической экзегетики. В то же время «коллективный» автор выступал гарантией безопасности как для конкретного автора, снижая степень его личной ответственности за возможные идеологические «огрехи», так и для редакции журнала, выпускающей материал, соответствующий «генеральной линии партии».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Средства массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1984. 352 с.
2. О периодической печати: циркуляр ЦК РКП(б) 20 февраля 1922 г. // КПСС о средствах массовой информации и пропаганды. М.: Политиздат, 1987. С. 194–195.
3. Фельдман Д.М. Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 486 с.
4. Стровский Д.Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода (1917 – 1985 гг.): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2002. 27 с.
5. Богданов В. Первый читатель // Газета, опередившая время. М.: Русская новь, 2003. С. 7–9.
6. Федосеев П. Социализм и патриотизм // Коммунист. 1953. № 9. С. 12–28.
7. Федосеев П. Советская демократия и ее роль в строительстве коммунизма // Коммунист. 1954. № 3. С. 10–25.
8. Федосеев П. Развитие производительных сил и производственных отношений при социализме // Коммунист. 1954. № 11. С. 9–24.
9. Дорошев И. Основной экономический закон социализма // Коммунист. 1953. № 1. С. 14–34.
10. Глазerman Г. Закон обязательного соответствия производительных отношений характеру производительных сил // Коммунист. 1953. № 2. С. 35–53.
11. Юдин П. Труд И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» – основа дальнейшего развития общественных наук // Коммунист. 1953. № 3. С. 43–63.
12. Розенталь М. Об общих и специфических законах развития // Коммунист. 1954. № 9. С. 28–44.
13. Федосеев П. Развитие производительных сил и производственных отношений при социализме // Коммунист. 1954. № 11. С. 9–24.
14. Кружков В. Некоторые вопросы идеологической работы партийных организаций // Партийная жизнь. 1954. № 1. С. 24–32.

REFERENCES

1. The media and propaganda. Moscow, 1984, 352 p. (In Russ.)
2. On periodical press: circular of the Central Committee of the RCP(b) on February 20, 1922. *KPSS o sredstvax massovoy informatsyi i propagandy*. Moscow, 1987, pp. 194–195. (In Russ.)
3. Feldman D. M. Terminology of power: Soviet political terms in historical-cultural context. Moscow, 2006, 486 p. (In Russ.)
4. Strovsky D. L. Domestic political traditions in journalism of the Soviet period (1917–1985): dissertation for the degree of doctor of political sciences. Ekaterinburg, 2002, 27 p. (In Russ.)
5. Bogdanov V. First reader. *Gazeta, operedivshaya vremya*. Moscow, 2007, pp. 7–9. (In Russ.)
6. Fedoseev P. Socialism and patriotism. *Kommunist*. 1953, no. 9, pp. 12–28. (In Russ.)
7. Fedoseev P. Soviet democracy and its role in building communism. *Kommunist*. 1953, no. 3, pp. 10–25. (In Russ.)
8. Fedoseev P. The development of the productive forces and production relations under socialism. *Kommunist*. 1954, no. 11, pp. 9–24. (In Russ.)
9. Doroshev I. Basic economic law of socialism. *Kommunist*. 1953, no. 1, pp. 14–34. (In Russ.)
10. Glazerman G. Law of mandatory compliance of the productive relations with the character of the productive forces. *Kommunist*. 1953, no. 2, pp. 35–53. (In Russ.)
11. Yudin P. Work by I.V. Stalin “Economic problems of socialism in the USSR” – the Foundation for the Further Development of the Social Sciences. *Kommunist*. 1953, no. 3, pp. 43–63. (In Russ.)
12. Rosenthal M. On the General and Specific laws of Development. *Kommunist*. 1954, no. 9, pp. 28–44. (In Russ.)
13. Fedoseev P. The development of productive forces and production relations under socialism. *Kommunist*. 1954, no. 11, pp. 9–24. (In Russ.)
14. Kruzhkov V. Some questions of the ideological work of party organizations. *Partynaya zhizn*. 1954, no. 1, pp. 24–32. (In Russ.)

Статья принята редакцией 10.10.2016

DOI: 10.15372/HSS20160413
УДК 002.2(571.1/5).084.9

Н.С. ЛISOVСКАЯ

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ СИБИРИ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Научно-исследовательский институт физиологии и фундаментальной медицины,
РФ, 630117, г. Новосибирск, ул. Тимакова, 4

В статье рассматривается история организации журналов Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) как элемента социального пространства организующейся академической структуры и новосибирского Академгородка. Прослежена эволюция количества и качества изданий, показана связь этих характеристик с ростом объема и уровня научных исследований. Выявлены характерные особенности ряда основных конкретных изданий и факторы, способствовавшие их формированию. На основе полученных результатов сделан вывод о том, что научные журналы Сибирского отделения, являясь одним из «инструментов» распространения научной информации, внесли свой вклад в становление и развитие Сибирского отделения Академии наук. Настоящее исследование базируется на архивных документах, исторических работах о деятельности СО РАН, материалах академической печати и анализе самих научных журналов.

Ключевые слова: Сибирское отделение Российской академии наук, академические журналы, «Известия Сибирского отделения Академии наук СССР», издательская деятельность, Академия наук СССР.

N.S. LISOVSKAYA

ACADEMIC JOURNALS IN SIBERIA: HISTORY OF DEVELOPMENT

Scientific Research Institute of Physiology and Basic Medicine,
4, Timakova str., Novosibirsk, 630117, Russian Federation

Scientific journals of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS) play a notable role in the scientific communication system. They appear to be both a “regional research product” and a significant part of the whole system of academic journals. However, they have not yet been studied by researchers as an independent object. The reform of Russian science is currently under way. Modern methods of scientific research and criteria for staff performance evaluation are discussed. Therefore, it is useful to consider the experience of creation of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SBRAS) and one of its aspects – publication of scientific journals. Historical research on the activities of SBRAS served as the basis and helped to understand the special conditions under which the construction of the Siberian Scientific Center began. Organization of SBRAS was intended to accelerate the development of regional natural resources.

The archival documents and materials of the academic press helped better understand the complete picture of circumstances under which a unique scientific Akademgorodok environment was formed. Analysis of the SB RAS scientific journals has given the material to describe their characteristics. Bibliographic indices and library catalogs allowed making up a “family tree” of Siberian academic journals. The paper identifies specific features of the Siberian journals, traces the quantitative and qualitative evolution of journals, and shows how these characteristics promoted the development of scientific research in SB RAS. Therefore the author has achieved the goal of reconstructing the history of the Siberian academic journals, identifying their specific features and factors that contributed to their formation.

Key words: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS), academic journals, «Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences», publishing activities, Academy of Sciences of the USSR.

Научные журналы СО РАН – заметное явление в системе научной академической коммуникации. С одной стороны, это «региональный научный продукт», а с другой – весомая и достойная составляющая общей системы журналов РАН. «История деятельно-

сти СО РАН изучается едва ли не с первых лет его существования» [1], однако научные журналы, как самостоятельный объект изучения, еще не попадали в поле зрения исследователей [2]. Сегодня, когда реформируется российская наука, идут споры и поиски новых

Наталья Сергеевна Лисовская – заведующая библиотекой Научно-исследовательского института физиологии и фундаментальной медицины, e-mail: linaseveda@mail.ru.

Natalya S. Lisovskaya – Head of Library of Scientific Research Institute of Physiology and Basic Medicine.

способов и путей организации научных исследований и критериев оценки труда научных коллективов, среди которых одним из важных является «рейтинговость» публикаций, полезно рассмотреть опыт строительства СО РАН и «проработать отдельную сторону его деятельности» – издание научных журналов [1].

В принятом в 1956 г. очередном пятилетнем плане развития экономики СССР предусматривалось преимущественное развитие тяжелой промышленности, непрерывный технический прогресс, который выдвигался решающим условием дальнейшего развития народного хозяйства, особенно прогрессивных его отраслей. В рамках выполнения этой программы в феврале 1957 г. был утвержден переход к территориальному принципу управления промышленностью и строительством, что позволяло ликвидировать имевшиеся диспропорции в народном хозяйстве [3, с. 679–686]. Принятые решения создавали условия для форсированного освоения восточных районов СССР, расширения масштабов вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока; улучшения географического размещения промышленных предприятий, приближения их к источникам сырья и топлива. Для решения этих задач требовалось серьезное научно-техническое обеспечение. Наука в Сибири и на Дальнем Востоке к этому времени достигла определенной зрелости и располагала весьма значительным научным потенциалом, но в контексте новых задач имевшиеся здесь научные силы были явно недостаточными, в связи с чем возникла необходимость в перестройке существующей сети научных учреждений [1, 4].

Понимание путей хозяйственного развития страны и закономерностей развития самой науки, прежде всего принципа комплексности, привело академика М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича, С.Л. Соболева к осознанию необходимости внести принципиальные изменения в организацию научных исследований и обусловило их известный почин. Предложение о создании крупного научного центра в Сибири они представили в ЦК КПСС и Советское правительство [5, с. 27–32]. В итоге в мае 1957 г. Советом Министров СССР было принято постановление о создании СО АН СССР [6, с. 131]. Таким образом был реализован «революционный сценарий развития сибирской науки, когда в сжатые сроки, при мощной поддержке государства, была решена проблема организации на востоке страны научно-исследовательского комплекса нового типа» [7, с. 23].

Работы, проведенные в первые годы организации СО АН СССР, имели не только колоссальные объемы, но и основополагающее значение для создания уникального социального пространства, в котором научная составляющая являлась определяющей и формировалась на трех базовых принципах, сформулированных М.А. Лаврентьевым:

1. Сибирское отделение должно было стать крупным комплексным научным центром, объединяющим и организационно, и территориально институты, работающие по различным направлениям фундаментальной науки;

2. Максимально требовалось приблизить науку к решению проблем народного хозяйства Сибири, наладить четкую систему быстрой передачи в практику новых научных идей и разработок;

3. Особое внимание обращалось на проблему кадров как одну из главных составляющих научного потенциала. Активно проводимая политика «формирования института под директора» преследовала конкретную цель: «обладающим уже достаточной известностью ученым была предоставлена уникальная возможность сформировать из учеников и единомышленников исследовательские коллективы, поскольку за Урал переезжали не одиночки, а ученые, объединенные научной тематикой исследований, общими идеями и замыслами» [6, 7, 8].

Налаживание работы научного комплекса, обеспечение координации исследований в регионе, информационный обмен и повышение статуса СО АН в научном сообществе невозможно без организации издательской деятельности, включавшей создание издательства, типографии, выпуск научных изданий и в первую очередь журналов, как наиболее оперативной формы представления полученных результатов.

Надо отметить, что в 1940–1960-е гг. Президиум, Редакционно-издательский совет и Издательство АН СССР проводили большую работу по совершенствованию издательской деятельности академических структур. Главное внимание было направлено на повышение качества и эффективности академических изданий: совершенствование видов и типов изданий; расширение сети научных журналов; рациональное сокращение объемов изданий без ущерба для их научного содержания; ускорение сроков выпуска изданий и повышение издательской культуры [9]. Так, Постановлением № 317 Президиума АН СССР (май 1958 г.) было утверждено Положение о журналах Академии наук СССР¹. В документе излагались цели и задачи научной печати; приводилось типовое деление журналов; определялись органы, наблюдающие за состоянием и работой журналов, а также за обеспечением всего объема издательской деятельности АН СССР; устанавливались права и обязанности редакционных коллегий журналов; порядок рассмотрения, утверждения и отклонения статей; уточнялись возможности филиалов и отделений в выборе типа журналов. Положение сыграло роль одного из механизмов формирования общей системы академических журналов, поскольку регламентировало редакционно-издательский процесс и выдвигало комплекс единых требований, предъявляемых к журналам, к существовавшим и организуемым академическим структурам.

В таких условиях начинается работа по организации в Новосибирске издательства, полиграфической базы СО АН СССР и созданию журналов². Выходивший ранее журнал «Известия восточных филиалов АН

¹ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 47. Л. 68–74.

² НАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 158.

СССР» [10] был преобразован в «Известия Сибирского отделения АН СССР». В декабре 1957 г. Ученый совет СО АН СССР назначил академика С.Л. Соболева главным редактором этого журнала и утвердил новый состав редакционной коллегии [6, с. 159; 8, с. 19]. С одной стороны, в редколлегии произошло сужение «территориального представительства», а с другой – были привлечены сложившиеся и известные ученые, значительно «усилившие тематические разделы». Например, генетик мирового уровня – член-корреспондент Н.Н. Дубинин, признанные мировым сообществом математик – академик С.Л. Соболев, физик – д-р физ.-мат. наук Ю.Б. Румер, геолог – член-корреспондент А.А. Трофимук и другие высококвалифицированные специалисты – такие, как д-р физ.-мат. наук Л.В. Киренский, д-р техн. наук А.А. Новиков, д-ра хим. наук В.Т. Быков и А.А. Николаев, д-р геол.-мин. наук И.С. Рожков.

В первых номерах «Известий СО АН...» за 1958 г. выдерживается заданное ранее деление на пять тематических разделов. Начиная с седьмого номера, внимание концентрируется на трех направлениях: «Химия», «Биология», «Технические и физико-математические науки» и вводится новый раздел для оперативного информирования – «Краткие сообщения». Журнал, являясь официальным органом Президиума СО АН, в разделе «Хроника» помещал информацию о деятельности Отделения, о проводимых научных мероприятиях. Авторами статей выступали сотрудники НИУ СО АН СССР. Изучение номеров журнала позволило получить данные по количеству опубликованных статей (табл. 1), проанализировать «географию авторства», сопоставить публикационную активность научных и образовательных учреждений, представленных на страницах журнала.

Можно утверждать, что «Известия СО АН...» обеспечивали возможность скорейшей публикации результатов работ сибирских научных коллективов. Явными лидерами в достижении научных результатов являлись академические институты СО АН СССР.

Если в 1958 г. авторы статей представляли 5 научных организаций, то к 1962 г. их список расширился до 29. Наиболее активно в разделе «Техника и физико-математические науки» публиковались сотрудники Транспортно-энергетического института: в 1959 г. – 18 работ, в 1960 г. – 17, в 1961 г. – 18, в 1962 г. – 18; а также ученые «молодого» Института горного дела: в 1959 г. – 10 работ, в 1960 г. – 8, в 1961 г. – 6, в 1962 г. – 8. В «Химии» первенствовал Институт неорганической химии: в 1959 г. – 10 работ, в 1960 г. – 20, в 1961 г. – 32, в 1962 г. – 33. В разделе «Биология» активно издавался Биологический институт: в 1959 г. – 11 работ, в 1960 г. – 9, в 1961 г. – 9, в 1962 г. – 8 работ, а также Институт цитологии и генетики: в 1960 г. – 4 статьи, в 1961 г. – 7, в 1962 г. – 8 работ.

На страницах «Известий СО АН...» росло представительство сибирских вузов (в 1958 г. – 7, в 1962 г. – 17 статей), отражалась специализация по отраслям знаний. С 1958 по 1962 г. Томский государственный университет направил в раздел «Биология» 17 статей; Томский политехнический институт сосредоточился на «Химии» и «Технике» – 3 и 10 работ соответственно. Сотрудники Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта поместили 8 статей в разделе «Техника», а Иркутский государственный университет опубликовал 5 работ по «Химии» и 3 по «Биологии».

Количество работ сотрудников академических институтов и специалистов различных ведомств из других регионов страны в среднем составляло 20, ежегодно. Постоянными авторами материалов по химии были ученые Уральского филиала АН СССР: 1958 г. – 17, 1959 г. – 13, 1960 г. – 13, 1961 г. – 8, 1962 г. – 11 статей. Иногда размещались работы зарубежных ученых, например: Института нефти Академии наук Китайской Народной Республики (1958, № 10; 1959, № 2); Лаборатории углей АН КНР (1959, № 2). Статьи представлялись на русском языке.

Таким образом, журнал ставил цель ознакомления научной общественности страны с достигнутыми результатами и стимулирования развития исследова-

Т а б л и ц а 1

Количество статей, опубликованных в «Известиях СО АН...» (1958–1962 гг.)

Разделы журнала	Всего опубликованных статей по разделам, в том числе НИУ СО АН СССР									
	1958		1959		1960		1961		1962	
	Всего	НИУ	Всего	НИУ	Всего	НИУ	Всего	НИУ	Всего	НИУ
Экономика	14	4	1	-	4	-	7	1	10	8
Геология	24	18	-	-	-	-	-	-	-	-
Химия	47	21	56	34	52	24	63	52	61	40
Технические и физико-математические науки	61	33	63	53	55	39	48	35	49	37
Гидрология							3	1		
Биология	46	34	56	31	51	38	45	34	38	30
Краткие сообщения	10	-	20	14	33	27	40	30	65	
Хроника		9		9		19		27		15

«Генеалогическое древо» «Известий СО АН СССР»*

Известия Восточных филиалов АН СССР. 1957					
Известия Сибирского отделения АН СССР, 1958–1962					
Известия СО АН СССР. Геология и геофизика. 1958–Вып.1; 1959–Вып.2.	Известия СО АН СССР. Сер: Биолого-медицинских наук 1963–1968	Известия СО АН СССР. Сер.: Общественных наук 1963–1983		Известия СО АН СССР. Сер.: Технические наук 1963–1990	Известия СО АН СССР. Сер.: Химическая 1963–1990
	Известия СО АН СССР. Сер: Биологических наук 1969–1990	Известия СО АН СССР. Сер.: История, филология и философия 1985–1993	Известия СО АН СССР. Сер.: Экономики и прикладной социологии 1984–1991		
	Сибирский биологический журнал 1991–1993			Сибирский физико-технический журнал 1991–1993	Сибирский химический журнал 1991–1993
		Гуманитарные науки в Сибири 1994–...	Регион: Экономика и социология 1992–....	Теплофизика и аэромеханика 1994–...	

* Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Сибири и Дальнего Востока 1789–1980 гг. Новосибирск, 1989. 640 с. [п. 737–743].

ний ключевых проблем науки. Высокий уровень требований к новизне и значимости публикуемых результатов, заданный в журнале, придал ему всесоюзный, а не провинциальный статус. С развитием исследований редакционный портфель наполнялся достаточно активно, и сроки рассмотрения статей увеличивались. Так, в разделе «Техника и физико-математические науки» в 1959 г. лист ожидания составлял в среднем 4–6 месяцев, а в 1962 г. – уже 10–11 месяцев.

О развитии журнала и его востребованности свидетельствует его «перестройка»: выделение самостоятельных серий, а в дальнейшем «рождение» новых журналов (табл. 2).

Усиление научных коллективов, широта разрабатываемых научных направлений и их дальнейшее развитие требовали организации новых журналов, о чем впервые были подняты вопросы в 1958 г. На заседании Президиума СО АН СССР (17 мая 1958 г.), заслушав доклад заведующего издательством А.И. Кудашева, Президиум постановил:

«1. Считать необходимым, начиная с января 1959 г. организовать издание новых журналов по следующим отраслям: математика – 1 журнал; прикладная физика и механика – 1 журнал; цитология и генетика – 1 журнал; биология – 1 журнал; геология и геофизика – 1 журнал; экономика – 1 журнал; химия – 2 журнала; журнал «Доклады СО АН СССР»;

2. Поручить Ученым советам по наукам: уточнить название журналов, определить их профиль, объем и периодичность; наметить состав редколлегии и главных редакторов...»³.

19 июня 1958 г. на заседании Ученого Совета по Химии СО АН СССР⁴ среди других рассматривался вопрос «Об издании химических журналов Сибирского отделения»⁵. Данный документ передает атмосферу обсуждения и позволяет понять меру ответственности, возлагаемую сибирскими учеными на журналы. Предложение А.В. Николаева об издании журнала «Кинетика и катализ» было принято собравшимися единогласно. Полемика развернулась по поводу целесообразности второго журнала. Г.К. Боресков и Л.В. Таусон считали, что новый журнал должен освещать принципиальные направления, неорганическую и органическую химию, геохимию. Н.Н. Ворожцов высказывал опасение, что «журнал будет пестрым и качественно неровным, трудно будет найти подписчиков на подобный журнал». А.И. Горбанев подчеркивал: «Он должен быть общесибирским и помещать статьи работников вузов». «Необходимо учитывать перспективу развития журнала, его профиль в дальнейшем, после пуска институ-

³ НАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 8. Л. 119–123.

⁴ Там же. Д. 51. Л. 8.

⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–28.

тов», – обращал внимание А.В. Николаев. В.В. Птицын настаивал: «Необходимо строго следить за качеством публикуемого материала, чтобы избежать «провинциальной окраски». Окончательно было решено: «Издавать с 1959 г. журнал «Кинетика и катализ», главный редактор – Г.К. Боресков. В «Известиях СО АН...» выделить серию «Химическая», для освещения основных направлений химической науки Сибири; главный редактор – А.В. Николаев. Предусмотреть возможность преобразования «Известий СО АН...», «Химия» в журнал более строго выраженного профиля после начала работ институтов по химии в научном городке».

Хотя процесс организации журналов был достаточно долгим и сложным [11], с 1960 г. СО АН СССР издает пять новых журналов: «Геология и геофизика», «Журнал структурной химии», «Журнал прикладной механики и технической физики»⁶, «Кинетика и катализ», «Сибирский математический журнал».

«Журнал структурной химии» адресовался специалистам в области квантовой химии, физических методов исследования, кристаллохимии, строения жидкостей, изучения электронного и пространственного строения химических соединений. «Кинетика и катализ» публиковал результаты по теории катализа, научным основам приготовления катализаторов, разработке и усовершенствованию промышленных каталитических процессов и др. И сегодня это единственное российское периодическое издание, публикующее результаты теоретических и экспериментальных исследований в области гомогенной и гетерогенной кинетики и катализа.

«Сибирский математический журнал» – замечательное явление в сибирской науке, где до создания Института математики работал всего один профессор математики⁷. Программа журнала предусматривала публикации ученых по наиболее важным направлениям работы института «в процессе непрерывной достройки монументального здания математики».

Журнал «Геология и геофизика» освещал проблемы региональной геологии и геофизики, главным образом Сибири и сопредельных стран Азии, а также результаты исследований по общим вопросам наук о Земле. Тематика публикаций определялась как накопленными ранее сибирскими геологами опытом и знаниями о регионе, так и спектром научных задач, решаемых Институтом геологии и геофизики СО АН СССР.

«Журнал прикладной механики и технической физики» знакомил ученых страны с обширным комплексом проблем, решаемых Институтом гидродинамики, Институтом теоретической и прикладной механики и Институтом теплофизики. Все перечисленные журналы, за исключением «Геологии и геофизики», печатались в Москве⁸.

Дальнейшее развитие и усиление научных коллективов СО АН СССР дали возможность уже к середине 1960-х гг. значительно расширить диапазон разрабатываемых приоритетных направлений, в связи с чем было создано еще 4 журнала. С 1962 г. выходит журнал «Алгебра и логика». Издание основано академиком А.И. Мальцевым, имевшим к тому времени большую научную школу в математической логике и алгебре. Эта школа стала стержнем одного из сильнейших отделений в институте и «потребовала выхода» в научное сообщество посредством создания журнала.

В 1965 г. появляются журналы «Автометрия», «Физика горения и взрыва», «Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых». «Автометрия» представляла результаты исследований по актуальным проблемам создания автоматических измерительных приборов и систем, предназначенных для сбора и обработки информации. «Физика горения и взрыва» – второй в мире, после «Combustion and Flame» (1957)⁹ специализированный журнал в этой области исследований, до сих пор являющийся одним из немногих в мире. «Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых» – до настоящего времени единственное международное издание, освещающее весь спектр теоретических и прикладных исследований в горном деле. В редакционные коллегии всех сибирских журналов входили ученые с мировым именем, лидеры и представители ведущих научных школ, а также лучшие специалисты из отраслевых учреждений страны, академических институтов и вузов страны: А.И. Мальцев, С.Л. Соболев, М.А. Лаврентьев, Ю.И. Работнов, С.А. Христианович, Г.Б. Бокий, Г.К. Боресков, В.В. Воеводский, А.А. Ковальский, А.А. Трофимук, А.Л. Яншин и др. Среди авторов публикаций присутствовали представители различных организаций всех регионов страны. Журналы печатались в Новосибирске¹⁰.

Особенность перечисленных выше изданий заключалась в том, что они представляли прежде всего «региональный научный продукт» и знакомили в основном с результатами исследований научных коллективов Сибири и Дальнего Востока. Однако работа по приоритетным направлениям науки и техники, комплексный подход к решению сложных задач, новизна и оригинальность идей, а также высокое качество публикуемого материала, заданные редакционными коллежиями, вводили эти журналы на уровень всесоюзного значения, включали в систему академических журналов, делая заметным явлением в научной коммуникации.

Четко сформулированные цели и поставленные государством задачи, мощная поддержка всех государственных и академических структур стали необходимыми условиями и посылом, которые позволили активизировать интеллектуальные силы страны и соз-

⁶ В 1991 г. переименован в «Прикладную механику и техническую физику».

⁷ Профессор П.П. Куфарев, Томск.

⁸ Издательство АН СССР, 2-я типография, Москва, Шубинский переулок, 1.

⁹ Издавался Combustion Institute (1954).

¹⁰ Редакционно-издательский отдел СО АН СССР. Новосибирск. Советская, 20; типография № 1, Новосибирск, Красный проспект, 22.

дать уникальный научный центр – Сибирское отделение АН СССР. Использование принципа комплексности в решении сложных научных задач, концентрация на главнейших, перспективных направлениях науки и техники, грамотная проводимая кадровая политика стали факторами, позволившими за довольно короткий срок вывести сибирскую науку на всесоюзный и мировой уровень. Научные журналы СОАН, являясь одним из «инструментов» распространения научной информации, внесли свой вклад в становление и развитие Сибирского отделения АН СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артемов Е.Т., Соскин В.Л.* Сибирское отделение АН СССР: принципы и этапы организации и деятельности // Вопросы истории естествознания и техники. 1982. № 4. С. 40–53.
2. *Лютов С.Н., Тарасова М.В.* Научные журналы как объект книговедческого исследования // Девятые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (Барнаул, 15–16 мая 2012 г.). Новосибирск. 2012. С. 30–34.
3. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: 1917–1957 гг.: сб. док. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 4 : 1953–1957 гг. 864 с.
4. *Артемов Е.Т.* Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1990. 189 с.
5. *Лаврентьев М.А.* Развитие науки в Сибири и на Дальнем Востоке: сокращ. текст докл. // Российская академия наук. Сибирское отделение: стратегия лидеров / сост. В.Д. Ермиков, Н.А. Притвиц, О.В. Подойницына. Новосибирск: Наука, 2007. 542 с.
6. Российская академия наук. Сибирское отделение: исторический очерк. Новосибирск: Наука, 2007. 508 с.
7. *Куперштох Н.А.* Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.) / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: СО РАН, 1999. 150 с.
8. Академия наук СССР. Сибирское отделение: хроника, 1957–1982 гг. / сост. В.Л. Соскин и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. 337 с.
9. *Лисовская Н.С.* Деятельность Академии наук по формированию системы академических журналов // Берковские чтения – 2015. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы III Междунар. науч. конф. (Минск, 26–27 мая 2015 г.). Минск, 2015. С. 270–275.
10. *Лисовская Н.С.* Научные издания сибирских филиалов Академии наук СССР (1946–1950-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 3. С. 49–54.
11. *Лютов С.Н., Лисовская Н.С.* Научные журналы Сибирского отделения РАН: проблемы формирования и современные тенденции // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития: науч.-практ. и теор. сб. Киев, 2014. Вып. 12. С. 311–320.

REFERENCES

1. *Artemov E.G., Soskin V.L.* Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The Principles and Stages of organization. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1982, no. 4, pp. 40–53. (In Russ.)
2. *Lyutov S. N., Tarasova M.V.* Scientific journals as an object of bibliographic research. *Devyatyye Makushinskiye chteniya: Materialy nauchnoy konferentsii (Barnaul, 15-16 maya 2012 g.)*. Novosibirsk, 2012, pp. 30–34. (In Russ.)
3. Further improvement of the organization of management in industry and construction. *Directivy KPSS i sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam: 1917–1957: sb. dok.* Moscow: Gospolitizdat, 1958, vol. 4: 1953–1957, 854 p. (In Russ.)
4. *Artyomov E.T.* Formation and Development of Academic System of Scientific institutions in Siberia (1944–1980). Novosibirsk: Science, 1990, 189 p. (In Russ.)
5. *Lavrent'ev M.A.* The Development of Science in Siberia and the Far East. The Abridged Text of Report. *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoye otdeleniye: strategiya liderov/ Sost. V.D. Yermikov, N.A. Prityts, O.V. Podoynitsyna*. Novosibirsk: Science, 2007, 542 p. (In Russ.)
6. Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Historical Review. Novosibirsk: Science, 2007, 508 p. (In Russ.)
7. *Kupershtokh N. A.* Personnel of Academic Science of Siberia (the Middle of the 1950s – 1960s.). Novosibirsk: SB RAS, 1999, 150 p. (In Russ.)
8. The USSR Academy of Sciences. Siberian Branch: Chronicle, 1957–1982. Novosibirsk: Science. SB, 1982, 337 p. (In Russ.)
9. *Lisovskaya, N.S.* The Academy of Sciences Activities To Develop the System of Academic Journals. *Berkovskiy chteniya – 2015. Knizhnaya kultura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (Minsk, 26–27 maya 2015)*. Minsk, 2015, pp. 270–275. (In Russ.)
10. *Lisovskaya, N.S.* The Scientific Publications of the Siberian Branches of Academy of Sciences (1946–1950s). *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2015, vol. 22, no. 3, pp. 49–54. (In Russ.)
12. *Lyutov S.N., Lisovskaya, N.S.* Scientific journals of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: the problems of formation and current trends. *Biblioteki nacional'nykh akademiy nauk: problemy funktsionirovaniya, tendentsii razvitiya: Nauch.-prakt. i teor. sb.* Kiev, 2014, is. 12, pp. 311–320. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.09.2016

DOI: 10.15372/HSS20160414
УДК 002.2(470)(091)

А.Л. ПОСАДСКОВ

**ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ И ГОРИЗОНТАЛИ ИНТЕРЕСОВ:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕФОРМ 1920–1930-х и 1990–2000-х гг.
В КНИЖНОМ ДЕЛЕ РОССИИ**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
630200, Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье сравниваются реформы книжного дела России 1920–1930-х гг., приведшие к установлению жестко централизованной «вертикали» власти в управлении книжной отраслью, с реформами 1990–2000-х гг., которые, наоборот, сформировали в обществе «горизонтальную» схему взаимодействия книжных предприятий в форме общероссийского и локальных сообществ издателей, книготорговцев, полиграфистов. Издательская реформа 1928–1930 гг. лишила местные издательства какой-либо самостоятельности, сделав их придатками единой монопольной структуры книгоиздания – краевыми отделениями Объединения государственных издательств РСФСР (ОГИЗа), ставшими в 1950-е гг. краевыми и областными издательствами под руководством Госкомиздата СССР. Реформация издательской сферы России в 1990-е – начале 2000-х гг. вернула местным издательствам роль территориальных очагов книжного дела, чья ценность определяется вкладом в общественное и культурное развитие регионов. Отмечается, что современная система взаимоотношений позволяет оптимально решать задачи по удовлетворению дифференцирующихся потребностей общества в печатной информации.

Ключевые слова: книжное дело, книгоиздание, книжная торговля, Сибирь, Дальний Восток, реформы, Сибкрайиздат, Акционерное общество «Книжное дело».

A.L. POSADSKOV

**VERTICALS OF POWER AND HORIZONTALS OF INTERESTS:
COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF REFORMS OF THE BOOK-BUSINESS
IN RUSSIA IN THE 1920–1930s AND THE 1990–2000s**

State Public Scientific Technological Library of the SB RAS,
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russia

The article is devoted to comparative analysis of reforms in the book business in Russia during the Soviet and post-Soviet eras. The author proves that reforms of the 1920–1930s were undertaken in order to form and strengthen a “vertical” (centralized) system of state management for the book publishing and book trade. Partial transfer of power from the government to the regional level during the period of the “new economic policy” was a retreat from the mainstream. Along with the structures of Gosizdat of RSFSR which had a monopoly on book business, state-run co-operative societies appeared in the province – the joint-stock association “Sibkrayizdat” in Siberia and the joint-stock company “Knizhnoye delo” in the Russian Far-East. They represented a regional “vertical of power” and contained some elements of “horizontal” system of developing the country’s book culture, oriented towards the creation of territorial societies of publishers and bibliophiles. However, the next reform of 1930–1931 swept away all attempts to weaken the “vertical”, having established rigid centralization in the Russian book business. Territorial systems of book business were transformed into local branches of a single monopolistic structure – Union of State Publishing Houses of RSFSR (OGIZ) and its book trading division (KOGIZ). Further on they transformed into regional publishing houses and book trading units of the USSR Goskomizdat system.

Reforms of the 1990–2000s, on the contrary, destroyed the “vertical of power” in the Russian book business, having determined as a priority the “horizontal” ties between book traders whose motley mosaic build up today territorial societies of members of book industry. “Horizontal” scheme of book business development is aimed at better satisfying growing and increasingly varied demands of modern society in the regions of Russia. Rudiments of the “vertical” system that remained in a form of provincial and territorial state publishing houses in the 1990s–2000s suffered a breakup one by one.

Key words: book business, book production, book trade, Siberia, Far East, reforms, Sibkrayizdat, joint-stock company “Knizhnoye delo”.

Александр Леонидович Посадсков – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Alexander L. Posadskov – Doctor of historical Sciences, Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library of the SB RAS.

В начале 1990-х гг., на заре «рыночных» реформ, автор настоящей статьи в работе [1] отметил, что общая суть преобразований дореволюционного книжного дела России в советское состояла в «перетекании» книжного дела из сферы действия общественных сил страны в сферу деятельности государства [1, с. 15, 38]. Подразумевалось, что обратный процесс возврата к нормальному состоянию приведет в конечном счете к противоположному результату: книжное дело России опять станет, по образцу всех развитых стран, частью общественного ландшафта, а не государственного устройства.

Сегодня, спустя четверть века, можно констатировать, что прогноз вполне оправдался. Государство радикально покинуло сферу книжного дела – настолько, что вослед ему до сих пор несутся призывы вернуться, взять под свое крыло затухающую издательскую активность в регионах, обеспечить государственным деньгами выпуск некоммерческой литературы провинциальных авторов, ввести налоговые преференции для издателей и книготорговцев. Но мольбы напрасны. Государственные органы в лице федеральных и региональных чиновников больше не считают выпуск книг своей задачей, а книгу уже не воспринимают как обязательный инструмент руководства обществом. Закон Российской Федерации о средствах массовой информации (1991) и развивающие его положения другие нормативные акты первой половины 1990-х гг. сняли с государства ответственность за состояние книжной отрасли и утвердили в качестве движущих сил этой сферы экономики и культуры издательские, книготорговые и полиграфические предприятия – как юридические лица, отвечающие за все последствия своей деловой самостоятельности. В течение первого постсоветского десятилетия у государства оставался последний – символический – рычаг воздействия на издательскую среду: лицензирование издательской деятельности. Предприниматель или учреждение, желающие заниматься издательской деятельностью, обязаны были получить от государства лицензию на право осуществлять таковую. В 2002 г. лицензирование издательской деятельности было законодательно отменено, и сегодня все «поле» российского книгоиздания принадлежит исключительно самим издателям. По словам О. П. Ткача, вице-президента Российского книжного союза и учредителя Издательства «ОЛМА Медиа Групп», «по большому счету, сегодня можно издавать что хочешь, как хочешь, когда хочешь. И это уже стимул для того, чтобы эффективно развиваться» [2].

Книжное дело России вернулось, таким образом, в русло традиционного культурного саморазвития, став одним из выразителей общества, областью реализации общественных потребностей, взаимодействия общественных сил. Но общественная стезя и государственный механизм основаны на совершенно разных принципах существования. В основу концепции государственности положена так называемая «вертикаль власти» – принцип подчинения нижестоящих звеньев системы вышестоящим. Суть развития

общества состоит в расширении, усложнении и совершенствовании взаимоотношений «горизонтального» пространства равноправных партнеров – субъектов общественного процесса. И с этой точки зрения книжное дело России в XX в. вызывает чрезвычайный интерес как объект воплощения двух разных состояний: «вертикальной» государственной структуры в советское время и «горизонтального» переплетения общественных интересов в периоды «нормальной» гражданской истории – дореволюционной и постсоветской. И в том, и в другом случае переход к новому состоянию осуществлялся через тотальные реформации, в данном случае это были, с одной стороны, полоса реформ 1928/1931 гг. в книжном деле СССР, а с другой – растянувшиеся на десятилетие эволюционные реформы 1991/2002 гг. в книжной отрасли постсоветской России.

Историка всегда интересует конкретная картина происходивших событий. Какими способами, с помощью каких радикальных приемов менялся статус изучаемого объекта, насколько успешно шла работа по осуществлению этих преобразований, как преодолевался хаос, неизбежно возникавший в ходе масштабных перемен, какими оказались общие итоги перехода книжного дела страны от «горизонтального» к «вертикальному» способу существования и обратно. На некоторые из этих вопросов призвана ответить настоящая статья. Отметим, что географический охват публикации ограничен рамками Сибири и Дальнего Востока, на примере которых отслеживаются все зигзаги структурных реформаций книжного мира провинциальной России.

Придя к власти, большевики немедленно занялись выстраиванием «вертикали» своей диктатуры. В книжном деле это выразилось в создании единого для всей страны государственного аппарата книгоиздания – Госиздата РСФСР, имевшего свои отделения во всех крупных административных центрах России. В Сибири действовало Сибирское отделение Государственного издательства (Сибгосиздат), которое, в свою очередь, возглавляло целую сеть подчиненных ему филиалов в губернских городах – Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Якутске. «Вертикаль» не предполагала какой-либо финансовой или организационной самостоятельности филиалов, но последние пользовались свободой тематического подбора своей издательской продукции: они сами определяли, какую книгу, когда и каким тиражом выпускать.

Другая «вертикаль» была создана в области государственного распространения литературы: в столице существовало Центральное агентство по распространению печати РСФСР (Центропечать), а на местах – в областях, губерниях, уездах была организована целая сеть его представительств: Сибирское отделение Центропечати руководило губернскими отделениями, а те, в свою очередь, уездными. Эта структура также была монопольной и безальтернативной для всей страны.

Существовавшие ранее другие издательские и книготорговые предприятия – частные, кооператив-

ные, ведомственные и общественные – были либо ликвидированы в административном порядке, либо влиты в систему Госиздата и Центропечати.

Экономическая неэффективность этой жестко централизованной схемы обслуживания книгой российских регионов выявилась уже на подходе нэпа. В начале 1921 г. «вертикали» исчерпали все внутренние резервы регионов, поскольку задача возобновления сырьевых (бумага, полиграфические материалы) и технологических (типографии) ресурсов, а также вопросы подбора и удержания квалифицированных кадров в локальных учреждениях системы не входили в число приоритетов центрального аппарата. Выпускавшаяся печатная продукция никак не была связана с «горизонтальными» нуждами населения регионов: выходили почти исключительно политико-агитационные и пропагандистские издания, одинаковые по содержанию на всех территориях, где действовала централизованная система обеспечения граждан печатным словом. Книг с «местной» тематикой было крайне мало, все они так или иначе увязывались с политическими задачами, которые ставила перед обществом большевистская партия.

С развитием в регионах РСФСР новой экономической политики система руководства книжным делом страны из одного политико-организационного центра была отодвинута на второй план. Госиздат сохранил позиции ведущего издательства с многочисленными местными филиалами, но на первые роли в крупных административно-территориальных пространствах страны, таких как Сибирский и Дальневосточный края, вышли территориальные системы книжного дела, основанные на принципах правовой и экономической самостоятельности. Для Сибири это было Пяевое товарищество «Сибирское краевое издательство и книготорговля» (Сибкрайиздат), начавшее действовать 26 сентября 1924 г.¹, для Дальнего Востока – Акционерное общество «Книжное дело», созданное 2 октября 1923 г.² Предприятия действовали в границах Сибирского и Дальневосточного краев соответственно, объединив в своем составе как издательскую часть, так и региональную книжную торговлю. В окружных городах своего края они имели филиалы, выполнявшие издательские и книготорговые функции. Средства, заработанные с помощью книжной торговли, полностью (за исключением налогов) шли в бюджет самих издательско-книготорговых объединений, т. е. направлялись на их внутреннее развитие. Это позволило Сибкрайиздату и «Книжному делу» всего за пять–шесть лет поднять книгоиздание и книжную торговлю в своих регионах на уровень, вполне адекватный экономической и социокультурной ситуации нэповской России. Эти два региональных объединения вместе выпускали в 1925–1930 гг. от 200 до 300 и бо-

лее названий книг ежегодно, совокупные тиражи данной литературы не опускались ниже 1 млн экз. в год. Резко поднялись показатели книжной торговли, оборот которой в отдельные годы превышал 4 млн руб. (в ценах 1926 г.). Сибкрайиздат с помощью создаваемых им на местах «пяевых книжных товариществ» смог сформировать книготорговую сеть, доходившую до всех районных центров и крупных сел. Число магазинов «Книжного дела» увеличилось за 1923–1929 гг. с 6 до 23 [3, с. 238–284].

Следует отметить, что отмена государственной монополии на издательскую и книготорговую деятельность привела в 1920-е гг. к общей диверсификации этой деятельности в российской провинции. В Сибири и на Дальнем Востоке, кроме крупных игроков регионального книжного рынка, появились локальные издательские и книготорговые предприятия кооперативных и общественных организаций, частных лиц. Их было совсем немного, но сама тенденция создания негосударственных очагов книжного дела свидетельствовала о векторе культурной политики властей.

Итак, вместо одной «вертикали» в книжной индустрии страны появилось множество региональных «вертикалек». Но верно ли считать, что крупные территориальные издательско-книготорговые объединения 1920-х гг. в полной мере воплощали в себе идею развития «горизонтального» сообщества культурных граждан на востоке России? Ответ может быть лишь отчасти утвердительным, а точнее, половинчатым. Для правильного понимания ситуации необходимо обратить внимание на состав выпущенной литературы.

Репертуар Сибкрайиздата и «Книжного дела» заметно отличался от убогой тематики бывших отделений Госиздата. Издавалось большое количество так называемых «краевых» учебников, предназначенных для школ своего края и содержавших материал по его географии, этнографии, истории, литературе и т.д. Вышло значительное количество научной литературы, подготовленной региональными учеными, многие из этих книг содержали краеведческие сюжеты. Появилось немало литературно-художественных изданий местных прозаиков и поэтов, некоторые из них спустя годы вошли в классику региональной литературы. Выходили также альбомы по искусству, воплощавшие творчество местных мастеров кисти и резца. Вершиной издательских достижений регионов стала подготовка местных многотомных энциклопедических изданий – Сибирской советской энциклопедии в Сибкрайиздате и Энциклопедии Дальневосточного края в «Книжном деле» (хотя последняя так и не вышла в свет). «Регионализация» книжного репертуара, его ориентация на культурные запросы читателей свидетельствуют, безусловно, о продвижении издателей в сторону общественных интересов, по пути развития регионального гражданского сообщества.

Но при этом необходимо помнить, что самая важная «вертикаль власти» – система идеологического контроля и руководства культурой из «штаба» большевистской партии – никуда не исчезла из практи-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1292. Л. 2–2 об., 7; Д. 1219. Л. 1–2.

² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 18. Л. 132; Д. 2. Л. 13.

ки региональных издательств. Да и сами «пайщики» и «акционеры» региональных книжных кооперативов представляли собой государственные органы, ведомства и этатизированную советскую кооперацию: в обоих случаях главными вкладчиками капиталов были краевые исполкомы, отделы народного образования и союзы кооперативов, некоторые учреждения. Книжный репертуар издательств, несмотря на его идеологическое размягчение, включал большое количество партийно-политической литературы ВКП(б), директивные материалы советских органов и весь тот шлейф изданий, который сопровождал каждую политико-пропагандистскую кампанию государства. Поэтому говорить о перемещении издателей в плоскость «горизонтальных» связей региональной общности можно лишь в относительном смысле, в сравнении с предыдущим периодом. Вполне очевидная «вертикаль» управления отраслью осталась неизменной.

Однако даже такой паллиатив общественной «горизонтальности» не устраивал новую генерацию сталинистов, входившую во власть с конца 1920-х гг. В книжном деле, как важном участке «идеологического фронта», им нужна была совершенно четкая иерархия партийного руководства. В 1927 г. начинается подготовка, а с 1928 г. осуществляется масштабная реформа всего комплекса советских книгоиздания и книготорговли.

Первым шагом к новому установлению всеобъемлющего диктата Коммунистической партии в книжном деле СССР стала так называемая «пятилетка печати», объявленная в начале 1928 г. Все издательства страны, независимо от их статуса (даже карликовые) должны были в принудительном порядке представить в Комитет по делам печати СССР свои производственные планы на первую пятилетку. 28 декабря 1928 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об обслуживании книгой массового читателя», главным посылом которого выступала мысль о партийном руководстве в деле формирования нужного ВКП(б) и советскому государству книжного репертуара издательств [3, с. 338–339].

Чертой, за которой для книжного дела страны начиналась новая эпоха, стало постановление ЦК ВКП(б) от 30 июля 1930 г. «О работе Госиздата РСФСР и объединении издательств» [4, с. 38–58]. Постановление ликвидировало всякую самостоятельность большинства издательств РСФСР, выпускавших литературу для массового читателя. Все они, как в центре, так и в регионах, были слиты в единый аппарат – Объединение государственных издательств РСФСР (ОГИЗ). Вся книжная торговля страны, в свою очередь, соединялась в Книгоцентр ОГИЗа (через год он будет преобразован в Книготорговое объединение государственных издательств РСФСР – КОГИЗ). Существовавшие в регионах издательско-книготорговые объединения, такие как Сибкрайиздат и дальневосточное «Книжное дело», превратились в краевые отделения ОГИЗа и КОГИЗа. 22 октября 1930 г. Сибкрайиздат, по решению пайщиков, прекратил свою деятельность, передав

имущество и магазинную сеть Западно-Сибирскому краевому отделению ОГИЗа и Книгоцентра³. Весной 1931 г. Дальневосточный крайисполком утвердил ликвидационный баланс АО «Книжное дело», все наследие которого передавалось Дальневосточному краевому отделению ОГИЗа и Книгоцентра. Так в книжном деле России на шесть десятилетий утвердилась неколебимая вертикаль однопартийной власти, категорически исключавшая в первые годы своего существования всякий учет интересов гражданской «горизонтальности».

Реформаторы 1930-х гг. пошли еще дальше своих предшественников из эпохи «военного коммунизма»: если последние в 1920–1921 гг. не брали на себя централизованное регулирование книжного репертуара местных отделений Госиздата, то система ОГИЗа и сменивший ее в 1950-е гг. механизм Госкомиздата СССР с сетью краевых и областных издательств не оставлял местным издательским работникам даже такого права. Все издательские планы филиалов ОГИЗа (областных и краевых издательств) утверждались коллегией ОГИЗа (Госкомиздата). Столичные руководители решали за своих местных подчиненных, какую книгу, под каким названием и каким тиражом они (подчиненные) могут издавать. Феодальная сущность такой культурной «вертикали» привела в конечном итоге к тому, что местные издательства превратились в некие необязательные «довески» к издательской системе Советского Союза. Их роль в культурной жизни регионов являлась весьма ограниченной, а продукция в 1970–1980-е гг., за редким исключением (Восточно-Сибирское и Хабаровское издательства) не пользовалась интересом общественности и никак не коррелировала с ее культурными запросами. Так продолжалось вплоть до начала 1990-х гг.

Смена парадигмы развития книжного дела России в 1990-е – начале 2000-х гг., как уже отмечалось, привела к уходу книжной отрасли из сферы прямых интересов государства и обращению ее в достояние российского общества. Критерием ценности региональных учреждений и предприятий книжного дела с этого времени является их вписанность в «горизонтальные» процессы жизни общественно-культурной среды, степень вклада в развитие местной общественной мысли, участие в решении насущных проблем территории, в повышении ее интеллектуального рейтинга.

Перемена целевых установок и сущностных характеристик книжного дела повлекла за собой формирование совершенно новой структуры издательских и книготорговых предприятий в российской провинции. Главной «скрипкой» среди местных издателей являются сейчас не универсальные по своему книжному репертуару, не претендующие на всеобщий охват читателей в своем регионе, безликие по своим творческим пристрастиям крупные издательства (как было еще недавно), а небольшие издающие фирмы, ориентированные на определенную тематику или жанр,

³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 264. Л. 126, 276, 277; Оп. 3. Д. 34. Л. 334.

имеющие свой круг читателей (и активно создающие его) – как говорят современные социологи, обладающие своим «полем» деятельности или «нишей» на книжном рынке. Именно эта категория издателей находится в зоне повышенного внимания творческой общественности в регионах, о них пишет пресса, спорят профессионалы. Они вносят наибольший вклад в интеллектуальный потенциал «горизонтальных» структур гражданского общества на своих территориях.

В начале 2010-х гг. возникло движение за объединение усилий самостоятельных издателей и книготорговцев российской провинции, имеющих свое творческое «лицо» и определенный профиль деятельности. 2 декабря 2011 г. было объявлено о создании Альянса независимых издателей и книготорговцев России. В число участников Альянса вошло несколько известных представителей Сибири и Дальнего Востока. Мотивируя необходимость соединения сил, один из инициаторов создания Альянса, издатель А. Иванов отмечал, что современная книжная «провинция держится на независимых издателях» и что «ситуация такова, что ощутима потребность в новых горизонтальных связях в объединении разных людей на разных площадках»⁴.

Напротив, доставшиеся от прошлой эпохи краевые и областные издательства, универсальные по книжному репертуару, накопившие большой опыт работы, обладавшие солидным кадровым потенциалом и немалой материальной базой, за истекшее двадцатилетие все как один потерпели крах. Казалось бы, они находились в лучших условиях, чем начинающие с нуля частные независимые издатели: они имели небольшое финансирование от Министерства печати России и бюджетов своих краев (областей), в их руках находились связи с региональными книготоргующими организациями, с администрациями всех уровней. Не было лишь одного: полной свободы действий. Вопреки изменившейся эпохе система краевых и областных издательств по-прежнему основывалась на принципе «вертикального» управления. Вышестоящие звенья системы выдавали лишь целевые средства на издание строго плановой, так называемой «социально значимой» литературы – и неукоснительно требовали отчета (с 1996 г. – ежемесячного) об использовании этих средств точно по назначению. В распоряжении региональных государственных издательств, таким образом, находились только «связанные» деньги. Возможности заняться инициативными (и прибыльными) издательскими проектами препятствовали также традиционные обязательства перед местными властями,

в том числе обязанность поддерживать региональные писательские организации и выпускать заведомо убыточные произведения местных авторов – зачастую без адекватной компенсации из региональных и муниципальных бюджетов. В конкретных случаях причинами банкротства региональных издательств системы Мининформпечати России становились экономическая безграмотность (Томское издательство, 1993 г.) и волонтаризм руководителей (Алтайское издательство, 1998 г.), закредитованность издательств и захват их более мощным региональным конкурентом. Но суммируя все причины краха «старых» издательств, можно прийти лишь к одному выводу: их погубил «вертикальный» принцип руководства и распределения ресурсов.

Чем дальше уходит время, тем сложнее становится картина издательской и книготорговой деятельности в восточных регионах постсоветской России. Вполне возможно, что действительность опровергнет те рассуждения, которые читатель найдет на страницах данной статьи. Но современники обязаны отслеживать тенденции, пробивающие путь в региональном книжном деле, и пытаться давать им интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Посадсков А.Л. Книжное дело Сибири в условиях формирования советского общественного строя (1917– июнь 1941 гг.): автореф. дис. в форме науч. докл. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 44 с.
2. Ткач О.П. На пороге перемен: [Интервью с членом Совета Федерации, вице-президентом Российского книжного союза О.П. Ткачом; вела С. Зорина] // Книжная индустрия. М., 2011. № 10. С.20–25.
3. Очерки истории книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004. Т. 3: 1917–1930 гг. 436 с.
4. Очерки истории книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2002. Т. 4: 1931–1962 гг. 500 с.

REFERENCES

1. Posadskov A.L. Book business of Siberia under the conditions of forming Soviet social system (1917– June, 1941): author's abstract of dissertation in the form of report. Moscow, 1993, 44 p. (in Russ.)
2. Tkach O.P. On the threshold of changes: Interview. *Knizhnaya Industriya*. Moscow, 2011, no. 10, pp. 20–25. (In Russ.)
3. Essays on History of Book Culture in Siberia and Far East. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2002, vol. 3: 1917–1930, 436p. (In Russ.)
4. Essays on History of Book Culture in Siberia and Far East. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, 2004, vol. 4: 1931–1962, 500 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.09.2016

⁴ Создатели Альянса независимых книгоиздателей рекомендуют книги читателям FURFUR: URL: www.furfurmag.ru/furfur/all/culture/157905_literature (дата обращения: 12.01.2012).

DOI: 10.15372/HSS20160415
УДК 655.418.3(571)

Е.Н. САВЕНКО

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ САМИЗДАТ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье рассмотрены основные тенденции развития современной самодеятельной прессы. Определены причины востребованности самиздата в постсоветском бесцензурном обществе. Установлено, что современная любительская периодика компенсирует информационные пробелы, образовавшиеся в результате коммерциализации издательской деятельности и ориентации официальных СМИ на ценности массовой, рыночной культуры. Охарактеризованы функции «самоиздания» в новом тысячелетии. Определены жанровые и тематические особенности периодического самиздата Сибирско-Дальневосточного региона, раскрыты содержательные характеристики любительских изданий. Выявлено, что в XXI в. политизированный самиздат утратил доминирующие позиции. Современная самодеятельная пресса является прежде всего формой художественного творчества.

Ключевые слова: самиздат, незарегистрированная периодика, альтернативные средства информации, самоиницированное издание, субкультурная пресса, любительская печать, самодеятельный журнал, фанзин.

E.N. SAVENKO

MODERN PERIODIC SAMIZDAT IN SIBERIA AND THE FAR EAST

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The article analyzes trends of development of independent press in the Siberian – Far Eastern region in the XXI century. The author formulates definition of modern samizdat – unregistered, self-initiated, noncommercial editions of small circulation issued by authors or at their expense; identifies reasons for which Samizdat remains in demand in the Post-Soviet uncensored society. It has been determined that the main reason for preserving “self-publishing” under new political conditions is dissatisfaction with the existing mass media. Modern samizdat is an alternative to the professional press. The unregistered amateur periodical press compensates information gaps resulting from commercialization of publishing business and official mass media’s focus on the values of popular and market culture. The new millennium witnessed transformation of the amateur press thematic range and substantial characteristics of amateur editions. The modern unregistered press remains a means of expressing oppositional opinions. The independent periodical press of various ideological orientations exists due to the lack of steady national political identity. However in the XXI century the politicized samizdat lost its dominant position. The modern amateur press is, first of all, a form of alternative culture making activities. The main function of the independent periodical press is to embody creative self-realization of Siberians and Far Easterners. In the XXI century the literary samizdat is in most demand, as its area of distribution in the region is very wide. The main forms of the Siberian – Far Eastern independent literary periodical press are author’s magazines and anthologies of amateur literary associations. Subcultural editions elucidating new directions of the underground – fan and art-zines have gained wide popularity. Samizdat technology has been improved, the modern amateur press is distributed by means of computer and typographical equipment.

Key words: samizdat, the unregistered periodical press, alternative media, the self-initiated edition, the subcultural press, the amateur press, the amateur magazine, a fanzine.

Елена Нальевна Савенко – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки ГПНТБ СО РАН, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru.

Elena N. Savenko – Candidate of Historical Sciences, leading researcher of State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Реформы начала 1990-х гг. коренным образом изменили издательское дело России. Государственная монополия на средства информации была ликвидирована. Началось активное разгосударствление отечественного книгоиздания. Но, несмотря на расширение информационного пространства за счет независимой прессы, в постсоветской России по-прежнему существует самиздат – незарегистрированная, самоиницированная, некоммерческая, малотиражная периодика.

Причина сохранения «самоиздания» – неудовлетворенность официальными средствами информации. Освободившись от идеологических преград, печать столкнулась с непредвиденными трудностями, характерными для рыночных отношений. На смену идеологическим барьерам пришли экономические. Издательский процесс – затратная деятельность. Выжить в новых условиях удастся лишь издательским структурам, имеющим финансовую поддержку. Но экономическая зависимость значительно ограничивает свободу информационной деятельности. То, что не приносит прибыль или не вписывается в интересы групп, владеющих экономическими рычагами воздействия на общество, вытесняется за пределы официального информационного поля.

Заполнить образовавшиеся информационные лакуны пытается самодеятельная пресса. В отличие от своего предшественника, самиздат XXI в. не является массовым, общественно значимым явлением и ориентируется на локальный круг читателей.

Сокращение читательской аудитории не привело к сужению тематического спектра самодеятельной печати. Продолжает циркулировать политический самиздат, идейный диапазон которого разнообразен. Одной из важнейших социальных проблем современной России, по оценке политологов, является «отсутствие устойчивой общенациональной политической идентичности» [1, с. 157]. Политическую культуру российского общества XXI в., представляющую собой «синтез разнородных политических ценностей, установок и стандартов политической деятельности», отражает самодеятельная пресса [2, с. 19].

Активными создателями современного политического самиздата являются анархисты. Каталог анархистского самиздата, составленный иркутским исследователем В. Скращукон, содержит справки о 140 вышедших с 1991 по 2014 г. на территории бывшего СССР периодических изданиях. Этот перечень, по словам его составителя, не полон [3, с. 36].

Популярность получили также идеи анархо-синдикализма в Азиатской России. В постсоветские годы здесь издано 20 названий анархистских газет и журналов. Ареал бытования прессы анархистов в Сибирско-Дальневосточном регионе включает 12 городов. Наиболее активны иркутские анархисты, имеющие опыт самиздатской деятельности. В 2000-е гг. в Иркутске издавались «боевой листок» «Активист» (2005), газеты «Прямая речь» (2001) и «Вольная Сибирь» (2005–2012) [3, с. 33]. Региональный анархо-самиздат XXI в. представлен также изданиями «Alerta!» (Барна-

ул, 2009), «Моя территория!» (Хабаровск, 2001), «Рассада» (Благовещенск, 2009–2012) «Удар» (Владивосток, 2007–2008), «Шелеховский рабочий» (Шелехов, 2005), «Че Бурашка» (Братск, 2006–2008).

Занимаются самиздатом и молодежные коммунистические организации, исповедующие леворадикальные взгляды. Члены Читинского отделения Революционного коммунистического союза молодежи (большевиков) совместно с анархистами выпускали в 2011 г. газету «Новый день». Новосибирское отделение Авангарда красной молодежи издает газету «Наша родина – СССР» (с 2010 г.) и бюллетень «Контрольный выстрел» (с 2011 г.).

Всплеск национализма, произошедший в 1990-е гг. вследствие идейного вакуума в обществе после распада СССР, вызвал «бум подпольной национал-патриотической прессы»¹. Сохраняется самиздат ультраправых организаций и в XXI в. Одно из свидетельств тому – газета национально-патриотических сил «Сибирский рубеж», выходящая в Красноярске в 2010–2013 гг. Незарегистрированную прессу выпускали и отделения запрещенной законодательно Национально-большевистской партии (НБП), программные положения которой представляют симбиоз ультралевых и ультраправых идей. В Иркутске выходили газеты НБП «Действие» (2004–2011) и «Жесть» (2009)². Активисты отделения партии «Другая Россия» Комсомольска-на-Амуре, ранее входившие в НБП, издавали в 2008–2011 гг. газету «Высшая мера», а новосибирские национал-большевики – газету «Накануне».

Эпизодически появляются в регионе незарегистрированные издания националистического толка, выпускаемые местными группами монархических организаций. Осенью 2008 г. в Хабаровске проходил судебный процесс по делу лидеров отделения «Союз русского народа». Среди предьявленных подсудимым обвинений – издание самиздатских газет «Русский дальневосточник» и «Черносотенная газета», выраженного экстремистского характера³.

Печатается в регионе и самиздатская периодика демократической направленности. Появление такого рода прессы, прежде всего, обусловлено постепенным «выдавливанием» малых партий за рамки представительных органов власти. Как правило, активизация издательской деятельности внесистемной демократической оппозиции происходит в период предвыборных кампаний. Накануне президентских выборов 2008 г. в Иркутске выходила газета «Другое мнение», позиционировавшаяся издателями как орган Восточно-Сибирской оппозиции, а в Республике Алтай – газета отделения Российского Народного Демократического Союза «Другой взгляд». В Барнауле в преддверии выборов 2012 г. самиздатом выпускалась газета «За честные выборы».

¹ Суетнов А. Бессмертный самиздат. URL: http://www.ng.ru/style/2001-07-27/8_samizdat.html (дата обращения 5.06.2015).

² Самиздат // Иркипедия – портал Иркутской области. URL: <http://irkipedia.ru/content/samizdat> (дата обращения 11.08.2015).

³ В Хабаровске судят экстремистов. URL: <http://vostokmedia.com/n26469.html> (дата обращения 6.02.2014).

Однако в целом в XXI в. политический самиздат утратил доминирующие позиции.

Наиболее востребован в новом тысячелетии литературный самиздат. Произошедшие в стране перемены, по словам специалистов, слабо отразились на литературной жизни. В литературе по-прежнему существуют «свои номенклатурные издания (и авторы) и свой самиздат»⁴. К «самоизданию» литераторов побуждает потребность в творческом самовыражении, которую не удается удовлетворить посредством официальной печати. В итоге сокращения в 1990-е гг. профессиональной литературно-художественной прессы в стране (особенно на периферии) самоиницированные журналы стали творческой площадкой как для начинающих авторов, так и для многих уже известных писателей.

Ареал распространения незарегистрированной периодики в регионе чрезвычайно широк. Продолжается практика литературного самиздата в Новосибирске. В 2001–2006 гг. выходила самиздатом газета «Темная лошадка» (ред. Д. Бочаров), которая была «настоящим литературным «гласом» молодежной аудитории Новосибирска» [4]. В 2001 г. усилиями представителя новосибирского поэтического андеграунда О. Волова издавался альманах «Архив». За два года вышло пять номеров издания. На страницах альманаха наряду с сибиряками публиковались поэты из других регионов России. В 2002 г. в Новосибирске появился литературный журнал «Кто Zdes?», создателями которого были И. Лоцилов, В. Прусаков и А. Щетников. Журнал выходил раз в полгода тиражом 300 экз. На его страницах было широко представлено творчество не только сибирских авторов, но и литераторов со всего мира. Всего увидело свет 4 выпуска издания. Литературно-художественный уровень «Кто Zdes?» был высоко оценен критиками [5].

Динамично развивается литературный самиздат Омска. В начале 2000-х гг. в городе печатались литературные газеты «Палата №» и «Рыж». В 2005 г. был создан народный художественно-публицистический журнал «Виктория», в котором публиковались произведения начинающих литераторов. Журнал издавался на средства авторов и просуществовал шесть лет. В марте 2006 г. в Омске возник литературный журнал «Ноктюрн», целью которого была публикация авторов, создающих нестандартную, непопулярную, немассовую литературу. Всего было издано 8 номеров. В 2008 г. омская литературная периодика пополнилась альманахом независимой литературы «Вольный лист» (ред. И. Таран), который его создатели позиционировали как альтернативу не только официальной литературе, но и «бездуховному новаторству постмодернистов»⁵. За семь лет вышло 13 номеров

альманаха. С 2013 г. в Омске выходит журнал «Литературный Ковчег». Издается он представителями омского литературного сообщества вскладчину и характеризуется как «клубное издание для своих авторов по интересам»⁶.

В Барнауле продолжает выпускаться альманах «Ликбез». Это «динозавр» сибирского самиздата, созданный еще в 1989 г. В настоящее время альманах является одним из авторитетнейших литературных изданий России, на его страницах публикуются произведения русскоязычных авторов из многих стран мира.

Сохраняются традиции литературного самиздата и в других городах региона. В Красноярске в 2000–2004 гг. выходил рукописный журнал андеграундного творчества «Краснодырск». По определению основателя издания И. Орловского, это был журнал графоманов и для графоманов. Первоначально «Краснодырск» тиражировался на ксероксе в количестве 5–10 экз. По мере роста его популярности тираж достиг 25–50 экз. Существовали и другие самиздатские проекты И. Орловского: журнал «Красный острог» и приложение к нему «Красноострожская литература», созданное для публикации больших по объему произведений.

Летом 2008 г. любительский литературно-художественный журнал «Северомуйские огни» появился в рабочем поселке Бурятии. Его создателем стал бывший строитель БАМа, в настоящее время частный предприниматель В. Кузнецов⁷. Появление издания было вызвано желанием молодого поэта-любителя поддержать земляков, пробующих свои силы в литературе. Вначале журнал печатался на цветном принтере тиражом 10 экз., а с пятого номера стал издаваться на средства редколлегии типографским способом тиражом 300 экз. «Северомуйские огни» выходили на протяжении шести лет и пользовались популярностью как у местных начинающих литераторов и читателей, так и у членов различных литобъединений Сибири.

В 2013 г. увидел свет первый номер литературного журнала «Иркутский писатель». Спонсором и шеф-редактором издания стал известный околочультурный деятель Иркутска, поэт и меценат В. Бронштейн. Авторский коллектив издания состоит как из начинающих, так и из известных иркутских литераторов. Из-за отсутствия сведений о регистрации, ISSN и тираже иркутское культурное сообщество окрестило издание «подпольным Колоколом» и «новым иркутским самиздатом»⁸.

Литературный самиздат Хабаровска XXI в. представлен двумя любительскими изданиями: журналами

⁶ Качуровский Д. Триптих о журнале «Литературный ковчег» // Изба-Читальня: лит-худ. портал. URL: <http://www.chitalnya.ru/work/1143250> (дата обращения 19.11.2015).

⁷ Монахов В. Предприниматель издает литературный журнал. URL: <http://www.stihi.ru/2010/12/18/1495> (дата обращения: 21.12.2015).

⁸ Виктор Бронштейн ошарашил культурную часть Иркутска новым литературным журналом. – URL: <http://newsbabr.com/?IDE=120272> (дата обращения: 2.10.2015).

⁴ Степанов Е. Современная поэзия: тенденции начала XXI века // Дети Ра. 2008. № 9(47). URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2008/9/st20.html> (дата обращения 24.03.2016).

⁵ Горошкина О. Мир самиздата // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2010/11/22/347> (дата обращения 19.11.2015).

«Анион» (2002–2003) и «Чернильница» (2007–2012, ред. Б. Поляков) [6, с. 644].

Бытует литературный самиздат в других дальневосточных городах. В Арсеньеве Приморского края с 1996 г. на деньги редколлегии и авторов-подписчиков издается народный литературно-музыкальный ежемесячник «Лукоморье» (с 2008 г. – «Литературный меридиан»). Газета является открытой трибуной для поэтов, прозаиков, композиторов, критиков, литературоведов. На ее страницах публикуются авторы как Дальнего Востока, так и других регионов России, а также ближнего и дальнего Зарубежья⁹.

В Комсомольске-на-Амуре в 1999–2004 гг. супруги Луконины выпускали газету «Первый пилот», являвшуюся своеобразным центром молодежных субкультур. В 2004–2008 гг. там же выходила самиздатская поэтическая газета «Взгляд» (ред. А. С. Черномаз). Газета печаталась на цветном принтере тиражом от 30 до 500 экз. Свет увидело 13 выпусков, каждый из них представлял собой сборник стихотворений авторов из различных городов.

Распространенным явлением стали альманахи любительских литературных объединений, деятельность которых, по мнению специалистов, «отражает степень коммуникативной активности и интереса к литературе» в современном обществе¹⁰. Литобъединение, созданное при Центральной библиотеке Алейска Алтайского края, публикует альманах «Алейские самоцветы». На его страницах помещаются произведения местных поэтов-любителей [7, с. 96]. В 2015 г. издан 12-й выпуск этого самодеятельного издания. Литературная студия «Полифон» Междуреченска с 2000 г. выпускает альманах с тем же названием. Объединение молодых поэтов Владивостока «Серая Лошадь» издает одноименный литературный альманах. Литературный клуб «Менестрель», созданный в Омске в 2012 г., выпускает методом самиздата альманахи «Точка зрения» (ред. А.В. Козырев), «Тарские ворота» (ред. И.В. Егоров) и «Чаша» (ред. Н.А. Арзамасцева)¹¹. Примеров подобной самодеятельной прессы в регионе множество.

Усилиями энтузиастов в регионе эпизодически создаются любительские журналы фантастики. Но в целом количество такого рода самиздата в 2000-е гг. заметно сократилось, что обусловлено ростом популярности Интернет-ресурсов. Ярким образцом современного печатного «фэнзина» является журнал «Замок Иглихон», выходивший в Хабаровске с 2005 по 2010 г. [6, с. 449]. На его страницах молодые авторы обсуждали историко-культурологические темы, описывали фантастические миры, создавали мифических героев, а иногда сами становились ими. Материалы каж-

дого номера представлены в виде отдельной истории, связанной с обитателями и гостями волшебного замка. Разделы журнала также вписывались в сюжет повествования. Имена литераторов заменялись псевдонимами или фантастическими образами: эльф, менестрель и т.д.

Современный любительский самиздат – это в значительной степени субкультурное явление, альтернатива средствам массовой информации, популяризирующим ценности ориентированной на рынок культуры. В 2000-е гг. в регионе появились несколько универсальных журналов, освещающих новаторские направления в художественной культуре. В 1999–2009 гг. в Иркутске выходил журнал «Сибирский тракт», тираж которого составлял 100 экз. Главным редактором печатного органа иркутских неформалов был В. Скращук. На страницах журнала публиковались рецензии на альтернативную прессу, статьи о театре, афиши панк- и рок-концертов, обзоры рок-альбомов, произведения литературный андеграунда [8, 141–142].

Еще один пример такого рода самиздата – омский журнал «Патефон Сквер», выходивший в 2000–2010 гг. Журнал издавался на средства редколлегии под руководством поэта и арт-менеджера К. Кизитова. На страницах журнала публиковались материалы о новых направлениях в искусстве, о современных субкультурах, о событиях неформальной культурной жизни города. Издание акцентировало внимание на андеграунде Сибири, но пользовалось популярностью и за пределами региона. В 2003 г. журнал распространялся в 15 стран мира и более 30 городах РФ¹².

Возникали в регионе и другие самиздат-проекты, ориентированные на объединение представителей различных направлений андеграунда. Большинство из них не выдерживало испытания временем. В Хабаровске в 2012 г. вышел в свет первый номер журнала «ДикоDANCE»¹³. Издание возникло под влиянием авангардного и контркультурного искусства, а также экзистенциальной и абсурдистской прозы, дадаизма и футуризма. В нем были опубликованы кафкианские рассказы, дадаистские стихи, интервью с группами альтернативной музыки. Однако второго номера не последовало.

Развивается в регионе и музыкальный самиздат. Современная официальная музыкальная пресса в основном посвящена рекламе популярных «звезд». Альтернативой СМИ, популяризирующим ценности ориентированной на рынок культуры, выступает любительская периодика. В 2000-е гг. в регионе появилось много изданий, для которых андеграунд является принципиальной позицией. Иркутские приверженцы панк-культуры выпускали фэнзины «Tommy's» (с 2001), «Фак-Food» (с 2004), «Тундра» (с 2012), газету «Грабли». В Чите в 2007 г. выходил панк – зин

⁹ Литературные журналы Приморья // Писатели Приморья. URL: <http://primwriter.chat.ru/1jur.html> (дата обращения: 2.10.2015).

¹⁰ Сид И., Ермакова И. Литературные клубы и объединения постсоветской России // Энциклопедия кругосвет. URL: <http://www.krugosvet.ru/node/36191?3&page=0> (дата обращения: 20.11.2015).

¹¹ Клуб «Менестрель» – союз талантливых и неравнодушных // Изба-читальня: лит.-худ портал. URL: <http://www.chitalnya.ru/work/560717> (дата обращения 20.07.2014).

¹² Патефон Сквер. О проекте. URL: <http://www.patefonskver.ru/about> (дата обращения: 22.03.2016).

¹³ Дико DANCE // Дай зин. URL: <http://diy-zine.com/zines/dikodance-1> (дата обращения: 22.11.2015).

«Двигатель». В Барнауле в 2008 г. издавался хардкор-панк фанзин «Goodbye My Cruel World». В Новосибирске в 2011 г. увидел свет первый номер рок-журнала «Тетьа-Мотья», который знакомил фанатов рок-музыки с новыми группами и освещал различные околomuзыкальные темы. Представленный перечень региональной музыкальной любительской периодики 2000-х гг. далеко не полон.

Самодельная пресса XXI в. активно осваивает новую проблематику. Получили популярность арт-зины – журналы-коллажи, издаваемые молодыми художниками, фотографами, дизайнерами. Омский художник А. Гудков выпустил в 2014 г. мини фото-фэнзин «С.Ulture». Члены новосибирского творческого объединения «FUTURE» А. Раствлер и В. Петунина создали комикс «Пробуждение». Новосибирский дизайнер Т. Зима в 2013–14 гг. издал при помощи домашнего черно-белого принтера тематические фотозины «Fuerza», «Violence zine» и журнал «ОВАЛ», в котором прослеживаются современные тренды графического дизайна.

Распространенное явление нового тысячелетия – персональные «зины», отражающие внутренний мир создателей. Такие журналы содержат только авторские материалы и предназначены друзьям-единомышленникам. Красноярский «зинодел», панк, кришнаит, сельский учитель под псевдонимом Бен Шерман выпускал в 2006–2007 гг. языческий наци-хардлайн вестник «Калоши Перуна» и «богоугодный альманах о жизни в селе» «Сельпокор»¹⁴. В Томске в 2007 г. выходил журнал «SxЕма», автором которого был один из приверженцев стрэйт-эйдж субкультуры.

В заключение можно констатировать, что в новом тысячелетии периодический самиздат по-прежнему востребован и является альтернативой официальным печатным СМИ. Современная незарегистрированная пресса – это средство выражения оппозиционных мнений. Но главная функция самодельной периодики XXI в. – творческая самореализация сибиряков и дальневосточников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вилков А.А.* Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как пример политического анализа: сб. ст. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 157–162.
2. *Никлаус А.* Особенности современной политической культуры России // Власть. 2010. № 11. С. 19–21.
3. *Скрашук В.В.* Периодические издания анархистских организаций бывшего СССР (1987–2014 гг.): учеб.-метод. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 117 с.
4. *Володкович А., Кузьмичева И.* Темная лошадка // Журналистская энциклопедия Новосибирской области. Новосибирск, 2008. С. 375.
5. *Ермошина Г.* С точки зрения маятника // Знамя. 2003. № 6. С. 237–239.
6. *Забегайлова А.С.* Хабаровский самиздат конца 20 – начала 21 века // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4, № 4. С. 637–657.
7. *Кудлай Т.В.* Творческие объединения при общедоступных библиотеках // Информационные ресурсы региона: сб. ст. Барнаул, 2010. С. 95–99.
8. *Скрашук В.* Иркутский самиздат в XXI веке: между анархистами и православными // Acta samizdatica. Записки о самиздате. М., 2013. Вып. 1. С. 135–146.

REFERENCES

1. *Vilkov A.A.* Ideological factor in the formation of the Russian political identity. *Identichnost kak primer politicheskogo analiza*: Sat. Art. Moscow: IMEMO RAS, 2011, pp. 157–162. (In Russ.)
2. *Nicklaus A.* Features of modern Russian political culture // *Vlast'*. 2010, no. 11, pp. 19–21. (In Russ.)
3. *Skraschuk V.V.* Periodical publications of anarchist organizations of the former USSR (1987–2014): a handbook. Irkutsk: Izd-vo IrkGU, 2014, 117 p. (In Russ.)
4. *Volodkovich A., Kuzmicheva I.* A Dark Horse. *Zhurnalistskaya entsiklopediya Novosibirskoy oblasti*. Novosibirsk, 2008, p. 375. (In Russ.)
5. *Yermoshina G.* From the viewpoint of the pendulum. *Znanya*. 2003, no. 6, pp. 237–239. (In Russ.)
6. *Zabegaylova A.S.* Khabarovsk samizdat in the late XX – early XXI century. *Uchyonyye zametki TOGU*. 2013, vol. 4, no. 4, pp. 637–657. (In Russ.)
7. *Kudlay T.* Creative associations at public libraries. *Informatsionnyye resursy regiona: sb.st.* Barnaul, 2010, pp. 95–99. (In Russ.)
8. *Skraschuk V.* Irkutsk samizdat in the XXI century: between the anarchists and the Orthodox. *Acta samizdatica. Zapiski o samizdате*. Moscow, 2013. vol. 1, pp. 135–146. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 3.10.2016

¹⁴ *Калоши Перуна* // Дай зин. URL: <http://diy-zine.com/zines/kaloshi-peruna> (дата обращения: 29.11.2015); *Сельпокор* // Дай зин. URL: <http://diy-zine.com/zines/selpokor> (дата обращения: 28.11.2015).

DOI: 10.15372/HSS20160416
УДК 070.3 (470+571) "1991/2016"

И.В. ЛИЗУНОВА

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ И ЧТЕНИЕ: МОДЕРНИЗАЦИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье выявляются различные дефиниции медиапотребления: толкование как использование информационного продукта, активность человека, стиль жизни, социально-коммуникационное явление. На основе анализа результатов общероссийских и местных социологических исследований и данных статистики показаны динамика и особенности изменений медиапространства, представлены тенденции медийной активности и предпочтений современников. Аргументируются преобразования медийных предпочтений современников за последнюю четверть века. Рассматриваются особенности трансформаций чтения в структуре медиапотребления россиян на рубеже XX–XXI вв. Анализируются различные точки зрения на роль чтения как вида культурных практик населения, его места в современном медийном пространстве. Даются прогнозы дальнейшего развития традиционной печатной и аудиовизуальной составляющей медиапространства, модификации чтения и медиапотребления.

Ключевые слова: медиа, чтение, медиапотребление, медиапространство, структура, насыщенность, динамизм, продолжительность, модификации.

I.V. LIZUNOVA

MEDIA CONSUMPTION AND READING: THE MODERNIZATION AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod Str., Novosibirsk, 630200, Russia

The article studies the features of the Russian media preferences, the place and role of reading in their structure, causes of transformations of contemporary social practices over the past quarter of the century. The use of formal logic and comparative-historical methods of research helped to identify cause-and-effect chains in studying the changes in attitudes toward the book and reading in correlation with logic and specificity of processes of radical modification of the Russian media consumption at the turn of the XX–XXI centuries. Technological transformation of the means for transferring information contributed to forming digital communications' segment of the expanding media space, influenced the media interactions of contemporaries. The article provides a brief categorial analysis of the concept "media consumption", considers different interpretations of this definition as the use of information products, type of human activities, lifestyle, social and communication phenomenon. Based on the analysis of the results of all-Russian and local case studies as well as statistical data the author shows dynamics and peculiarities of media space changes, trends of media activity and contemporaries' preferences; determines differences in media consumption of urban and rural residents; explains transformations of media preferences of contemporaries in the last quarter of the century. The article shows the role of media consumption in the life of a man and society, changes in its essential characteristics over the last quarter of the century (duration, intensity, dynamism); investigates the individual / group involvement in the process of selection and mastering media platforms and content. The author examines peculiarities of modifications of reading in the structure of media consumption of the Russians at the turn of the XX–XXI centuries; analyzes different viewpoints on the role of reading as a form of cultural activity of the population, its place in the modern media landscape. Reasons for decline of reading the traditional printed media and involvement of the population into electronic social practices are revealed. Forecasts of further development of traditional printed and audiovisual component of media space, reading and media consumption modifications are given on the basis of the assessment of recent trends in media consumption.

Key words: media, reading, media consumption, media space, structure, intensity, dynamism, duration, modification.

Ирина Владимировна Лизунова – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

Irina V. Lizunova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Понятие «медиапотребление» вошло в научное употребление относительно недавно, но уже имеет множество семантических оттенков, став предметом различных толкований.

Дефиниционный анализ следует начать с интерпретации явления медиапотребления как использования информационного продукта (сообщения/медиа). Обозначенный подход восходит к пониманию медиа М. Маклюэном [1] и к более поздней рецепции медиапродукции Ж. Бодрийяром [2]. В соответствии с данными толкованиями медиапотребление сводится к потреблению системы кодов, знаков, посланий, порождаясь медиумом/медиапродуктом. В таком обозначении медиа и медиапродукты тождественны, понимаются как некая синергетическая целостность, обладающая собственной концепцией. Исходя из этого, процесс медиапотребления представляется как рецепция медиапродукции, декорирование концепции, а медиапотребитель выступает как активный, грамотный, компетентный потребитель медиа¹.

Возникшие впоследствии контекстуальные употребления понятия подразумевали:

- использование информационных и развлекательных средств массовой информации одним человеком или широкой аудиторией [3];
- применение значительного спектра информационных платформ, выбор контента [4];
- деятельность, социальная практика, активность человека [5, с. 61];
- «погруженность в мир товаров и услуг», социальная норма, стиль жизни [6];
- социально-коммуникационное явление, существующее в различных интеракциях с медиа [7].

Основываясь на приведенных выше рецепциях, обобщаем собственное понимание концепта: медиапотребление – это деятельность, связанная с использованием медиа, вовлеченностью индивида/групп в процесс выбора и освоением медиаплатформ и контента, интеракция в медиaprостранстве.

Современное медийное пространство характеризуется динамичностью, насыщенностью, многомерностью, всеохватностью, востребованностью, разноразличной степенью влияния как на отдельного человека, так и на различные группы населения.

Расширяющееся медиaprостранство в России транслируется разными каналами и в том числе посредством видоизменяющегося медиапотребления современников. Изучая модификации сущностных характеристик медиапотребления (таких как структура активности; продолжительность интеракции; комбинации взаимодействия с медиа; предпочтения; глубина восприятия медиапродукции; динамизм; избирательные проявления вовлеченности), сделаем особый акцент на определении роли и места чтения в структуре медиапотребления современников. Чтение является

исторически одним из первых его составляющих. Тем не менее, именно в XX в. и особенно на его рубеже роль и место чтения в медийных интеракциях стало стремительно меняться.

В настоящий момент по поводу социальных практик медиапотребления и чтения существуют две противоположные точки зрения. Согласно первой, аудиовизуальная составляющая вытесняет из медиaprостранства традиционную печатную продукцию – книги, журналы, газеты. Это ведет к снижению роли чтения как вида культурной активности населения. Последователи второй точки зрения считают, что доминирование электронных технологий не является показателем вытеснения чтения и книжной культуры из современного медиaprостранства [8, с. 5].

Прежде чем дать собственную оценку, проанализируем факты с тем, чтобы либо согласиться с одной из них, либо опровергнуть обе и представить собственное видение происходящих процессов трансформирования медиапотребления и чтения в его структуре.

В советский период чтение книг, газет и журналов входило в число приоритетных занятий россиян. Это подтверждают в первую очередь данные статистики 1970–1980-х гг.: постоянно росли показатели выпуска книг, газет и журналов центральными и региональными издательствами, расширялась сеть книгораспространения по стране, увеличивалось количество читателей в различных библиотеках. Эти же тенденции отмечены в специальных исследованиях использования бюджета времени населением страны. Так, опрос о выборе селян Новосибирской области в использовании свободного времени в 1975 г. показал, что в приоритетах у подавляющего большинства была именно печатная продукция: 72 % выписывали и читали газеты и журналы, а у 45,7 % в числе любимых занятий названо чтение книг. При этом у деревенских жителей росла популярность телевидения (на тот момент еще нового медиа, доступного немногим). Телесмотрению уделяли внимание 53 %, слушали радио – 16 %, просмотру кинофильмов отдавали предпочтение 15 % опрошенных [9, с. 67].

Исследование медиапотребления (как и употребление самого термина) в России профессионально началось только в 1990-е гг. По данным специалистов, в конце XX – начале XXI в. произошли серьезные изменения в бюджете времени населения. Снижение временных затрат на ведение домашнего хозяйства способствовало высвобождению времени россиян: жителей сел, малых и больших городов для досуга и отдыха [10]. Оказалось, что среднестатистический россиянин проводит свой досуг, преимущественно используя различные медиа и потребляя медийный контент – 87 % от всего объема времени, отводимого на отдых и развлечения в целом, или 95 % от времени домашнего отдыха [11, с. 112]. Опрос 2007 г. подтвердило общий рост продолжительности временного объема медиапотребления в сутки и резкую смену медийных предпочтений россиян. Так, из всего суммарного времени, затрачиваемого на пользование все-

¹ Медленные медиа. Манифест (10.07.2010) / Бенедикт Келлер, Сабрия Дэвид, Йорг Блумтритт. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2010/2618> (дата обращения: 30.04.2014).

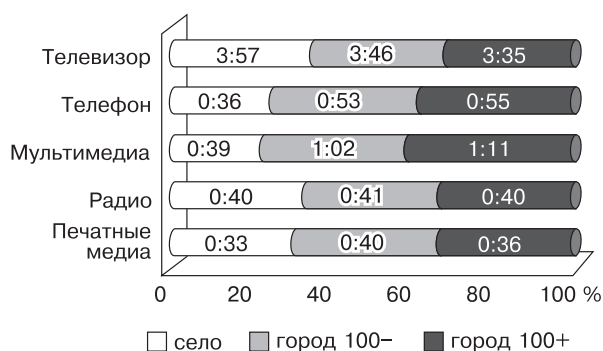

Рис. 1. Медиাপотребление городских и сельских жителей в 2009 г., ч в сут.

ми видами медиа (в 2007 г. – 6 ч 51 мин) большую его часть 54 % россияне уделяли телевидению, 10 % – радио, 8 % – компьютеру, 7 % – мобильному телефону, 5 % – стационарному телефону, 5 % – DVD/VHS, 4 % – книгам, 3 % – Интернету, 3 % – газетам и 1 % – журналам [12, с. 258]. Значительную долю свободного времени у городских и сельских жителей стало занимать телесмотрение (3 ч 35 мин – 3 ч 57 мин соответственно), а самую малую – чтение книг, газет и журналов. По сравнению с горожанами селяне значительно больше досугового времени уделяли телевизору (3 ч 57 мин), и напротив, существенно меньше – всем остальным средствам информации – радио (40 мин), мультимедиа (компьютеру, видео, интернету; 39 мин), телефону (36 мин), печатным медиа (33 мин) [11, с. 119]. Всего же сельские жители на интеракции с медиа тратили 6 ч 25 мин, жители небольших российских городов примерно столько же – 6 ч 22 мин, а жители крупных городов почти 7 ч (6 ч 57 мин) в сутки (рис. 1) [11, с. 112].

Средний совокупный суточный объем освоения медиаплатформ и контента россиян в 2009 г. достиг 6 ч 55 мин. Продолжился рост времени (+60 мин), затрачиваемого на просмотр телепрограмм (4 ч 32 мин),

Таблица 1
Совокупный объем медиাপотребления соотечественников в 2009 г.

Медиа	Время	%
Телевидение	04:32	66
Радио	01:10	16,3
Газеты	00:14	2,2
Журналы	00:09	1,5
Книги	00:11	2
Видео	00:07	1
Аудио, MP3	00:15	4
Интернет	00:57	7
Все медиাপотребление	06:55	100

на прослушивание радио (+30 мин) (1 ч 10 мин), на навигацию по интернету (57 мин). Почти неизменным остался временной объем, затрачиваемый на чтение книг, газет и журналов (34 мин) (табл. 1) [11, с. 117].

На рубеже XX–XXI вв. в силу географических, экономических и технических факторов, трансформировавших доступность медиауслуг, усилился тренд кардинальной смены медиापредпочтений соотечественников. Чтение по разным причинам, прежде всего экономико-финансовым (резкое снижение уровня жизни большинства населения), технолого-коммуникационным (обострение конкуренции книги с другими медиа, позволяющими получать информацию быстро, легко, визуально, избирательно, развлекательно), стало сдавать позиции, уступив место телесмотрению, радиослушанию, интернет-навигации. Об этом свидетельствуют цифры исследовательских программ (рис. 1, 2).

Уже один из первых социологических опросов, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1996 г., позволил выявить, что к числу стабильных читателей себя относили 80 % опрошиваемых. Треть респондентов (31 %) считали себя активными читателями, почти половина (49 %) – пассивными, а пятая часть участ-

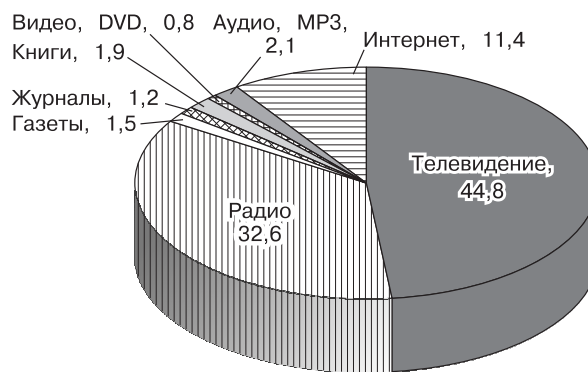
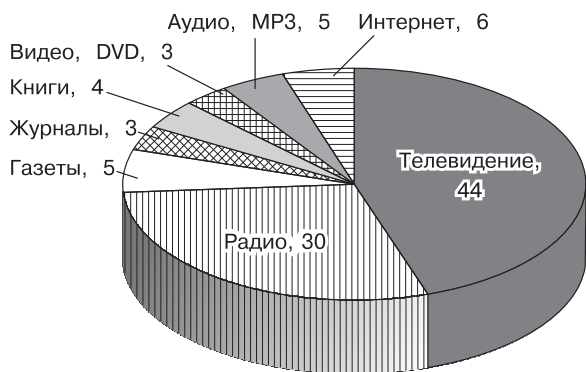

Рис. 2. Структура медиापотребления россиян, % (слева – 2008 г.; справа – 2013 г.)

ников опроса книг не читала либо обращалась к ним крайне редко (20 %)².

По данным другой исследовательской компании «TNS Россия», к 2013 г. доля времени среднестатистического россиянина на чтение всех видов печатных источников информации продолжила снижение. Одновременно возросла доля телевидения, радио и Интернета. В итоге на чтение книг в 2013 г. в общем объеме медиапотребления 8,5 ч в сутки современниками отводилось около 10 мин. (1,9 %), на чтение газет – около 8 мин (1,5 %), а журналов – около 6 мин (1,2 %) (см. рис. 2) [13, с. 69].

Казалось бы, приведенные исследовательские данные подтверждают правоту тех, кто утверждает, что аудиовизуальная составляющая вытесняет традиционную печатную продукцию (книги, газеты, журналы), а чтение как вид культурной активности отходит на второй план. Верно, но на фоне сокращения потенциальной аудитории любителей печатной прессы и книг необходимо отметить одновременную тенденцию роста количества читателей, использующих для чтения различные электронные гаджеты и в том числе возможности Интернета.

Согласно исследованиям компании Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), уровень проникновения Интернета в России колеблется в пределах 55–60 %, а темпы роста превышают возможности европейских стран. Активная суточная аудитория интернет-пользователей в 2013 г. достигла 58,4 млн чел., увеличившись за 7 лет в 3,6 раза³.

Использование Интернета во втором десятилетии XXI в. стало более насыщенным и динамичным. По данным ФОМ за три года – с 2011 по 2013 г. – стремительно возросли интеракции в сети. Поиск нужной информации увеличился с 34 до 47 %, новостей – с 21 до 29 %, общение в социальных сетях – с 25 до 37 %, развлечение – с 17 до 27 %, покупка товаров, оплата услуг – с 9 до 18 %. Помимо перечисленных инновационных возможностей медиапотребления, интернет вобрал в себя и существующие традиционные виды социальной активности. Так, просмотр фильмов и телепередач увеличился с 15 до 28 %, прослушивание музыки (с 15 до 26 %). Причем, возросли также поиск и чтение книг в виртуальном пространстве – с 8 до 14 % [13, с. 70].

За десятилетия изменились не только активность, вовлеченность, продолжительность и предпочтения медиапотребления, но и его насыщенность. Последняя оказалась зависима от развитости медиасреды.

Буквально за два-полтора десятка лет привычными и жизненно необходимыми медиа, помимо традиционных – домашней библиотеки и аудиовизуальной техники (телевизора и радио), стали мультимедийные

(видео, DVD, аудио, MP3, компьютер) и мобильные устройства. Но особенно впечатляющим стало распространение домашнего Интернета, подключение к которому за исследуемый период рекордно умножилось – в 20 раз (с 5 до 100 %)⁴ (рис. 3).

Доступность для населения электронных медиа изменила медианасыщенность конкретной семьи, отдельного человека. Наряду со сменой приоритетов в предпочтении выбора медиаплатформ и контента, стало модифицироваться и само медиапотребление, его существенные характеристики.

Дигитализация сделала медийный контент доступным на разных платформах и устройствах. Конвергенция медиа привела, в свою очередь, к сближению, заимствованию и интеграции многих технологий, взаимодействию, слиянию прежде различных и разобщенных медиа, увеличила возможности потребления контента – текстового, аудиовизуального, мультимедийного. Формируемая многомерность медиaprостранства превратила социальные практики населения, связанные с использованием медиа, в более избирательные, динамичные, новаторские.

Кардинально преобразились и другие существенные характеристики медиапотребления, в первую очередь их структура и продолжительность. Так, результаты опросов свидетельствуют, что за десятилетия изменилось времяпрепровождение населения с участием различных медиа. Если в 1996 г. среднестатистический россиянин тратил около 5 ч на телевидение, радио, Интернет, чтение книг, газет и журналов, то уже через пять лет, в начале нового века, время медиапотребления выросло на 30–60 мин в сутки. За пятнадцать лет нового столетия время медийных интеракций еще увеличилось. Продолжительность совокупного объема среднесуточного медиапотребления в России постоянно возрастала. По данным исследования ТВ Индекс (ТНС Гэллэп Медиа), время интеракций с медиа в 2007 г. соотечественниками составило 6 ч 51 мин, в 2009 г. – 6 ч 55 мин в сутки. Согласно подсчетам компании «TNS Россия», российские граждане в 2012 г. проводили в контактах с медиа около 8 ч в сутки, в 2013 г. – 8 ч 30 мин, а в 2014 г. – 8 ч 36 мин, а в 2015 г. – около 9 ч (табл. 1)⁵.

Тренд возрастающей медийной активности россиян подтверждают данные еще одной исследовательской организации – консалтинговой компании «Делойт»: с 2012 по 2015 г. количество времени, затрачиваемое на использование медиа, прежде всего электронных носителей, выросло на 8 %⁶.

⁴ См. данные социологических исследований – «Структура медиапотребления современников», которые проводились аналитическим центром СГУГиТ в 2002–2015 гг., под руководством автора.

⁵ Измерения медиа- и потребительских предпочтений россиян // TNS. Медиа-исследования. URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/preferences-of-russians/> (дата обращения: 10.02.2016).

⁶ Изменение медиапотребления в России с 2012 по 2015 год // Коммерсант.ru. Новости. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2890922>. (дата обращения: 16.05.2016).

² ВЦИОМ: читающая Россия // Архангельский некоммерческий фонд общественных инициатив «Перспектива». URL: www.arhperspectiva.ru (дата обращения: 22.01.2010).

³ Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2013. ФОМ. URL: <http://runet.fom.ru/Proniknovenieinternet/10950> (дата обращения 11.06.2013).

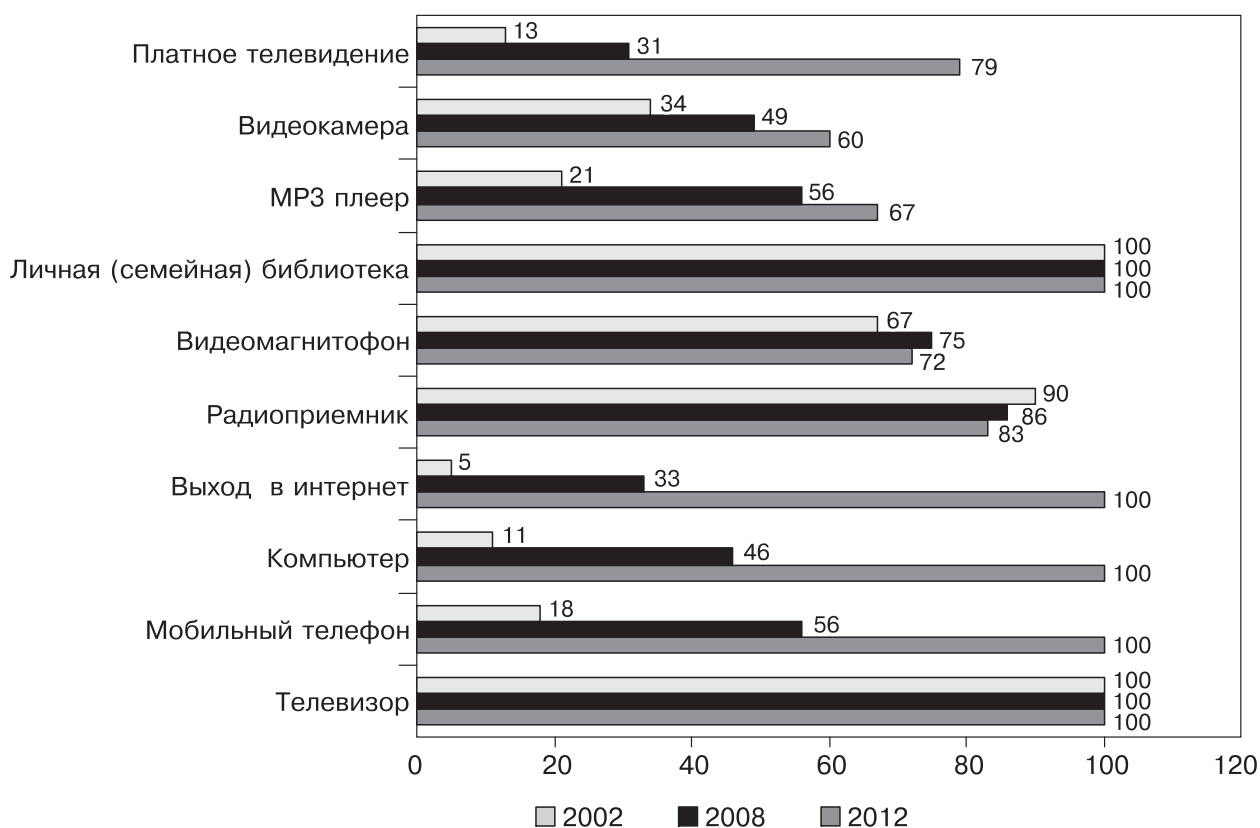

Рис. 3. Наличие медиа в опрашиваемых семьях (на примерах Новосибирска, %).

Наряду с изменением структуры медиапотребления модифицировались и медийные предпочтения россиян. Продолжает снижаться использование традиционных медиа: книг, газет, журналов, радио и телевизора. Так, по подсчетам компании «Делойт», количество читателей печатной продукции уменьшилось на 17 %, из которых 9 % пришлось на любителей бумажных книг. Число радиослушателей убавилось на 7 %, а телезрителей – на 5 %. При этом возросла доля желающих посещать кинотеатры – на 7 %, театры и концерты – на 3 %. Современники стали чаще играть в видеоигры (на 10 %), проводить время в интернете (на 61 %) и, что важно, больше читать электронные книги (на 31 %) ⁷. Тенденция изменения медиапотребления в России с 2012 по 2015 г. может быть представлена следующими данными: Интернет – +61 %, электронные книги – +31, видеоигры – +10, кино – +7, театры и концерты – +3, телевидение – -5, радио – -7, печатные книги – -9, газеты и журналы – -17, общий рост медиапотребления составил 8 %.

Итак, на фоне роста продолжительности обращения к медиа, насыщенности и комбинированно-

сти социальных констелляций, расширения электронных мультимедийных коммуникаций уместен вопрос: что же происходит с традиционной составляющей медиапотребления? Кто прав в сегодняшнем споре о будущем чтения в медийных интеракциях?

Как это не парадоксально, но доля истины содержится в обеих противоречивых точках зрения. Правы те, кто утверждает, что чтение как культурная норма, стиль жизни, традиционная социальная практика человека постепенно исчезает из его медиапотребления. О снижении времяпрепровождения за книгой, журналом и газетой соотечественниками свидетельствуют все без исключения социологические исследования. Правы и те, кто доказывает, что электронная составляющая не вытесняет книгу из многомерной и динамичной медиасреды. Напротив, современные технологии, обличив печатную продукцию в мультимедийную, цифровую форму, сохраняют ее для будущих поколений, способствуют проникновению и дальнейшей интеграции книги и книжной индустрии в глобальное виртуальное пространство, усиливают вовлеченность человека/социума в процесс выбора и освоение медиaplatform и контента, делая безграничными возможности для чтения.

Продолжающаяся технологическая модернизация – внедрение технических инноваций, мобильных, электронных мультимедийных средств коммуникации,

⁷ Медиапотребление в России: ключевые тенденции // Deloitte. URL: http://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/ru_media_consumption_in_Russia_2015_ru.pdf. (дата обращения 16.05.2016).

дигитализация контента и медиа, конвергенция технологических устройств – стремительно трансформирует российское медиапространство. Динамичное развитие медиапространства рубежа XX–XXI вв., его многомерность и концентрированность означают для современников расширение возможностей доступа к медиаконтенту, усложнение и насыщенность, избирательность и комбинированность, традиционность и инновационность медиапотребления. Появление новых медиа и новых неизвестных ранее практик их использования делает реальным одновременное взаимодействие с различными медиа, расширяет возможности медиапотребления, его содержания и социальных констелляций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007. 464 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
3. Балувев Д.Г., Каминченко Д.И. Новые средства массовой информации как феномен современного общества: проблемы теоретического осмысления // Информационное общество. 2014. № 1. С. 31–39.
4. Красноярова О.В. Новые медиаплатформы: принципы функционирования и классификация видов // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 1. С. 45–57.
5. Коломиец В.П. Медиа среда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 58–66.
6. Троянская С.Л., Петрова М.А. Проблемы формирования культуры и стиля медиапотребления у студентов в процессе обучения // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 22 (313). Филология. Искусствоведение, вып. 81. С. 205–209.
7. Крайникова Т.С. Медиапотребление: обзор рецепций явления // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2013. №2. С. 167–170.
8. Орлова Э.А. Рекомендации по работе со средствами массовой информации в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения. М: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. 72 с.
9. Василевская Э.В. Очерки истории развития телевидения в Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. 76 с.
10. Патрушев В.Д. Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением // Социологические исследования. 2005. №8. С. 48–50.
11. Телевидение глазами телезрителей / Аналитический центр «Видео Интернешнл»; под ред. И.А. Полуэхтовой. М.: «НИПКЦ Восход-А», 2012. 364 с.
12. Полуэхтова И.А. Социокультурная динамика российской аудитории телевидения. М.: Видео Интернешнл, 2010. 303 с.
13. Книжный рынок в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / под общ. ред. В.В. Григорьева. М.: Фед. агентство по печати и массовым коммуникациям, 2014. 92 с.

REFERENCES

1. Maklyuen M. Understanding of Media: External expansions of a Man. Moscow, 2007. 464 p. (In Russ.)
2. Baudrillard J. Consumer society. Its myths and structures. Moscow, 2006, 269 p. (In Russ.)
3. Baluyev D.G., Kaminchenko D.I. New mass media as phenomenon of modern society: problems of theoretical judgment. *Informatsionnoe obshchestvo*. 2014, no. 1, pp. 31–39 (In Russ.)
4. Krasnoyarova O.V. New media platforms: principles of functioning and classification of types. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2016, vol. 5, no. 1, pp. 45–57 (In Russ.)
5. Kolomiyets V.P. Mediaenvironment and media consumption in modern Russian society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2010, no. 1, pp. 58–66 (In Russ.)
6. Trojanskaya S.L., Petrova M.A. Problems of formation of culture and style of media consumption among the students in the course of training. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013, no. 22 (313), vol. 81, pp. 205–209 (In Russ.)
7. Kraynikova T.S. Media consumption: review of receptions of the phenomenon. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Jurnalistika*. 2013, no. 2, pp. 167–170 (In Russ.)
8. Orlova E.A. Recommendations for work with mass media within the National program of support and development of reading. Moscow, 2008, 72 p. (In Russ.)
9. Vasilevskaya E.V. Sketches of history of development of television in Western Siberia. Moscow, 1978, 76 p. (In Russ.)
10. Patrushev V.D. Dynamics of use of budgets of time by the urban and rural population. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2005, no. 8, pp. 48–50 (In Russ.)
11. Television in the eyes of TV viewers. Moscow, 2012, 364 p. (In Russ.)
12. Poluekhova I.A. Sociocultural dynamics of the Russian audience of television. Moscow, 2010, 303 p. (In Russ.)
13. The book market in Russia. State, tendencies and prospects of development. The industry report. Moscow, 2014, 92 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 29.09.2016

DOI: 10.15372/HSS20160417
УДК 947.1./9(571.52)

З.Ю. ДОРЖУ, О.Н. ОНДАР

ИСТОРИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУВЫ И ЕГО ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА В НАЧАЛЕ XXI в.

Тувинский государственный университет
РФ, 667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36

В статье рассматриваются вопросы государственной охраны исторического и культурного наследия Республики Тыва, актуальность которых обусловлена в первую очередь социально-экономическими изменениями, созданием в регионе инвестиционных площадок в горнодобывающей промышленности, активным освоением земель под строительство промышленных объектов, развитием жилищного строительства. Основным видом исторического наследия в Тыве являются памятники археологии, памятники архитектуры и монументального искусства (в основном – XX в.). Освещена деятельность Комитета по охране памятников истории и культуры, в Республике Тыва он был создан в 1992 г., как подведомственное учреждение Министерства культуры Республики Тыва, а в 2008 г. – как орган исполнительной власти.

Ключевые слова: Республика Тыва, государственная охрана, памятники истории и культуры, археология, экспедиции, законодательные акты.

Z.Y. DORŽU, O.N. ONDAR

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF TUVA AND ITS STATE PROTECTION AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Tuvan State University
36, Lenina str., Kyzyl, Republic of Tyva, 667000, Russian Federation

The article examines the national system of historical and cultural heritage protection in the Republic of Tyva. The relevance of the topic is due to the changes taking place at the present stage. These changes are caused by the creation of regional investment platforms in the mining industry, intensive development of land for the construction of industrial facilities and residential buildings. Due to the fact that the territory of Tyva historically belonged to the world of nomadic civilization, the main type of historical heritage include the archaeological sites, buildings and monuments of monumental art mainly of the XX century. The author provides historical data about the legal regulation of the state protection of monuments of history and culture, as well as the objects of archaeological heritage of Tyva. The State body, Committee for the Protection of Monuments of History and Culture in the Republic of Tyva, was established in 1992 as an institution subordinate to the Ministry of Culture of the Republic of Tyva, and as an executive body in 2008. In the first decade of the XXI century, the system of the State Protection of Cultural Heritage Objects (CHO) was meant to be a single system of executive bodies throughout the territory of the Russian Federation and the Republic of Tyva. This system was supposed to include the federal body for CHO protection, authorized bodies in the field of CHO protection, executive authorities of the Republic of Tyva, as well as municipal administration. Nowadays it is necessary to solve the problems inherited from the Soviet period concerning the historical and cultural heritage preservation, primarily archaeological objects due to the active and extensive economic development of the Republic. As of January 1, 2016 there are 955 objects of cultural heritage in the Republic of Tyva. Much of work on CHO registration was conducted during the numerous scientific expeditions organized by the academic institutions of the Soviet Union. In the late XX and early XXI centuries, two archaeological expeditions from St. Petersburg (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Hermitage) were held. Monuments of history and culture are represented by the buildings and monuments created in the first half of the XX century, given the history of Tyva, its traditional type of farming and nomadic herding. Nevertheless, modern Tuvians preserved their traditions and ancestor worship, respectful attitude to the past, which leaves space for hope that cultural heritage in the territory of Tyva will persist for years to come.

Key words: state protection, historical and cultural heritage, Republic of Tyva, the monument of archeology, the public authority.

Зоя Юрьевна Доржу – д-р ист. наук, профессор Тувинского государственного университета, e-mail: zoyadorzhu@yandex.ru.

Омак Николаевич Ондар – аспирант Тувинского государственного университета, e-mail: oma-ondar@yandex.ru.

Zoya Yu. Doržu – Doctor of Historical Sciences, Professor of Tuvan State University.

Omak N. Ondar – postgraduate student of of Tuvan State University.

Сохранение историко-культурного наследия является одной из функций современного государства, это одно из направлений его политики в сфере культуры. Основные объекты для охраны из памятников истории и культуры на территории Тувы определены рядом постановлений, принятых Советом министров Тувинской АССР: «О мерах охраны памятников истории и культуры Тувинской АССР» «О создании при Министерстве культуры Тувинской АССР производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры и утверждению списка памятников истории и культуры местного значения» (1984 г.)¹, а также постановлением Правительства Республики Тыва «О внесении дополнений в Государственный список памятников истории и культуры Республики Тыва», «Об утверждении перечня объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Республики Тыва» с последующими изменениями и дополнениями².

Долгое время подзаконные нормативно-правовые акты, касающиеся памятников истории и культуры, на федеральном уровне отсутствовали, что повлиало на их сохранность. Рыночные условия потребовали переосмысления и перестройки работы в данной сфере. 25 июня 2002 г. был принят и вступил в силу Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон). Закон «Об охране и использовании историко-культурного наследия народов Республики Тыва» от 19.10.1999 г. являлся основой для государственной охраны историко-культурных памятников вплоть до 2013 г. (18.01.2013 г. был принят одноименный закон Республики Тыва).

В первое десятилетие XXI в. система государственной охраны объектов культурного наследия (ОКН) на всей территории Российской Федерации и в Республике Тыва должна была представлять собой единую систему органов исполнительной власти: федеральный орган охраны ОКН, уполномоченные

в области охраны ОКН, органы исполнительной власти Республики Тыва, а также органы муниципального управления.

В федеральных округах были созданы управления Министерства культуры Российской Федерации с контрольно-надзорными функциями, а в субъектах, в том числе в Республике Тыва, появились специально уполномоченные специалисты – в региональных госорганах в области охраны и сохранения ОКН (по исполнению переданных полномочий в отношении памятников *федерального значения*). Что касается региональных памятников, то полномочия продолжили исполнять органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Такая система позволяет осуществлять контроль за соблюдением законодательства в данной сфере, оперативно взаимодействовать с международными организациями, с органами местного самоуправления, общественными и религиозными организациями, иными физическими и юридическими лицами и, кроме того, учитывать национальные и географические особенности регионов, включая Республику Тыва.

В настоящее время приходится решать и доставшиеся от советского периода развития государства проблемы, касающиеся сохранения историко-культурного наследия. В первую очередь это касается археологических памятников, что связано с активным и экстенсивным хозяйственным освоением территории республики. В 1950-е гг. в рамках решений февральско-мартовского Пленума ЦК партии «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и освоении целинных и залежных земель» (1954) началась широкомасштабная распашка земель в Туве, в ходе которой были разрушены ценнейшие памятники археологии. Курганные камни и памятники наскального искусства использовались при строительстве хозяйственных построек, для подсыпки полотен дорог и т.п. Множество объектов культурного наследия было уничтожено в ходе строительства Саяно-Шушенского водохранилища. На территории Тувы оказалась затоплена значительная часть Улуг-Хемского и Чаа-Хольского кожуунов, в результате чего исчезли многочисленные памятники древней истории [1, с. 8].

Работы по обследованию территории, проведенные Саяно-Тувинской экспедицией в 1964–1984 гг., позволили изучить погребальный инвентарь десятков памятников археологии, а также вывезти большое количество ценных образцов наскальной живописи и памятников с древними письменами. В этом немалая заслуга Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ, ныне ТИГПИ) под руководством его директора Ю.Л. Аранчына. Ученым удалось снять на киноплёнку Мугур-Саргольский комплекс петроглифов и эвакуировать лишь малую часть уникального памятника древнейшей культуры Тувы накануне затопления территории для Саяно-Шушенского водохранилища. В настоящее время спасенные фрагменты Мугур-Саргольского святилища и древнетюркские стелы хранятся под откры-

¹ Постановление Совета министров Тувинской АССР от 5 апреля 1977 г., № 152 «О мерах охраны памятников истории и культуры Тувинской АССР», постановление Совета министров Тувинской АССР от 6 марта 1984 г., № 93 «О создании при Министерстве культуры Тувинской АССР производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры и утверждению списка памятников истории и культуры местного значения» (из материалов Службы по охране объектов культурного наследия Республики Тыва).

² Постановление Правительства Республики Тыва от 29 октября 2004 г., № 968, от 21 июля 1998 г. № 447 «О внесении дополнений в Государственный список памятников истории и культуры Республики Тыва», а также постановление Правительства Республики Тыва «Об утверждении перечня объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Республики Тыва» от 22 января 2010 г. № 12 (в редакции от 23.08.2011 г. № 51; от 23.01.2013 г. № 10; от 13.12.2012 г. № 691; от 28.08.2013 г. № 531; от 31.12.2013 г. № 772; от 18.08.2014 г. № 404 и от 02.02.2015 г. № 157.) // Тувинская правда. 2010. 26 февр.; Шын. 2010. 4 марта.

тым небом на территории стелария Национального музея Республики Тыва [2, с. 57].

С 2000 г. при поддержке Министерства культуры РФ Тувинская археологическая экспедиция Института истории и материальной культуры (ИИМК РАН) под руководством В.А. Семенова проводит ежегодный мониторинг памятников древней истории и культуры в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Членами экспедиции были сняты планы могильников Алды-Бель, Куйлуг-Хем, Чинге, Суме-Беш (отмечены памятники, подвергающиеся разрушению), проведены спасательные раскопки шести объектов эпохи бронзы и скифского времени. В 2005 г. проводились археологические разведки в зоне водохранилища по левому берегу от устья р. Чаа-Холь до ур. Суме-Беш и по правому берегу в районе впадения р. Чинге.

Начиная с 2006 г. отдельный отряд Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН проводил исследования на могильнике Терезин, расположенном на южном берегу Саяно-Шушенского водохранилища. Здесь в период наибольшего подъема уровня воды, вероятно с конца 1980-х гг., разрушается береговая полоса. Местонахождение могильника впервые было обследовано в 2006 г. благодаря помощи жителей с. Чаа-Холь: зафиксированы скелеты древних людей, обломки каменных плит и фрагменты керамики. Выявлено, что в результате размыва водой разрушаются и вскрываются курганы скифского, гунно-сарматского и тюркского периодов (могильник Суме-Беш-1). На поверхности земли появляются костные останки (череп и другие части) древних людей и подъемный материал: бронза, дерево, кость и уникальные образцы керамики, относящиеся к культуре, не характерной для Тувы.

В связи с разрушением археологических памятников на берегах водохранилища целесообразно проводить их мониторинг дважды в год (в конце апреля – начале мая и в августе, после подъема воды в водохранилище). До сих пор обнаруживаются еще не изученные археологические объекты, размываемые водой. Для предотвращения безвозвратной утери памятников археологии требуется скорейшее принятие конкретной программы по мониторингу и проведению аварийно-спасательных раскопок.

В 2008 г. Правительством Республики Тыва была создана Служба по охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Республики Тыва. Главные ее функции – сохранение, использование, популяризация и государственная охрана ОКН народов Российской Федерации.

Специалисты и эксперты Службы в соответствии с федеральными и республиканскими законодательными актами³ с 2009 по 2015 г. провели инвентаризацию

объектов культурного наследия во всех 17 районах (кожуунах) и в столице республики г. Кызыле. Такая работа ранее не проводилась, поэтому за основу был взят Государственный список памятников истории и культуры Республики Тыва, согласно которому на территории республики в 2010 г. имелось 803 объекта культурного наследия.

Основными задачами инвентаризации являлись оценка технического состояния памятников историко-культурного наследия, подвергающихся воздействию антропогенных и естественных факторов риска, формирование достоверной базы данных, включающей полный перечень ОКН на территории Тывы (с оценкой их текущего технического состояния, фотографиями), а также выявление объектов, не состоящих на государственной охране. Причем полная инвентаризация объектов археологического наследия (ОАН) была осложнена рядом обстоятельств. Так, вследствие того, что ранее проводились глазомерные съемки расположения археологических памятников, настоящее их месторасположение не совпадало с координатами, обозначенными в прежнем паспорте памятника. Кроме того, поиск памятников был сопряжен с большими трудностями, связанными с неблагоприятными погодными, климатическими условиями, особенностями ландшафта. Из-за высокого уровня рек и размытых дождем дорог не всегда удавалось добраться до археологических объектов. В целом результаты инвентаризации состояния археологических объектов были признаны удовлетворительными. Итоги инвентаризации используются для регистрации ОКН в автоматизированной системе Единого государственного реестра объектов культурного наследия, как выявленных объектов, так и находящихся в региональном государственном списке.

С 2010 по 2015 г. перечень ОКН, поставленных на государственный учет, пополнился 155 памятниками истории и культуры. Паспортизацией новых объектов, составлением первичной учетной документации занимается группа специалистов – историков, архитекторов, картографов, фотографов и краеведов. Они определяют территорию памятника, создают топографические планы, указывают координаты его местонахождения, осуществляют фотофиксацию объекта, архитектурных деталей; кроме того, устанавливается правовой режим использования, определяется предмет охраны. Для составления полного комплекта учетных документов к паспорту прилагаются данные о собственнике памятника, сведения его кадастрового учета. Все это требует существенных временных, интеллектуальных и финансовых ресурсов.

На 1 января 2016 г. в Республике Тыва на государственной охране состояло 955 объектов культурного наследия, из них 73 памятника истории и культуры, требующих изучения и охраны. В основном это памятники, связанные с историко-революционными событиями

³ Постановление Правительства Республики Тыва от 4 апреля 2011 г., № 233 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Республики Тыва»; Федеральный закон от 25.06.2002 г., № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; Закон Республики Тыва от 18.01.2013 г., № 1772-ВХ «Об охране и использовании исто-

рико-культурного наследия народов Республики Тыва» // Тувинская правда. 2011. 7 июня, прил. 21.

ями в Туве, историей образования Тувинской АССР, участием Тувинской Народной Республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В г. Кызыле имеется 8 объектов монументального искусства – памятники В.И. Ленину, жертвам политических репрессий «Непокоренный», Павшим воинам-землякам в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., «Братские могилы красных партизан», памятник аратам-животноводам «Кадарчы», находящийся на 9-м км трассы Кызыл–Эрзин, а также бюсты Героев Советского Союза Х.Н. Чургуй-оола, М.А. Бухтуева, Т.Б. Кечил-оола, Н.Н. Макаренко, бюст С. К. Тока в сквере Муздрамтеатра им. В. Кок-оола и обелиск «Центр Азии».

В Кызыле выделено 19 исторических зданий. Ограничимся их краткой характеристикой, в том числе степенью их включенности в современную историко-культурную среду республиканской столицы. 1) Здание первой электрической станции, построенное советским правительством в дар тувинскому народу (1925 г.), здесь находится отдел литературы и искусства Национальной библиотеки им. А.С. Пушкина. 2) Дом, в котором проходил I съезд Тувинского революционного Союза молодежи (20–25 декабря 1925 г.), объединявшего более 700 юношей и девушек, представляет определенный интерес, так как в нем проводилась многогранная организационно-массовая, политико-воспитательная и культурно-просветительная работа. Комсомольцы занимались самообразованием, активно участвовали в ликвидации неграмотности взрослого населения, изучали тувинский язык на основе национального алфавита (алфавит был создан одновременно с возникновением национальной государственности при активной помощи со стороны ученых из Советского Союза), внедряли физкультуру и спорт, следили за охраной труда молодых рабочих на производстве⁴. Вполне закономерно, что в этом историко-культурном объекте сейчас функционирует ООО «Тывапечатъ». 3) Административное здание Великого Хурала (парламента) Республики Тыва, построенное советскими рабочими и переданное правительством СССР в дар тувинскому народу в 1942 г. 4) Здание первой русской школы в столице Тувинской Народной Республики (ул. Щетинкина-Кравченко, д. 54), в котором теперь находится средняя школа № 1/5) Бывшее здание Дворца культуры Русской самоуправляющейся трудовой колонии (1922–1925 гг.) в Туве, ныне – Центр традиционной тувинской культуры. 6) Здание Тувинской государственной филармонии, где 20 мая 1943 г. состоялись торжественные проводы тувинских добровольцев-танкистов, а 2 сентября того же года – добровольческого кавалерийского эскадрона. В результате землетрясения в 2012–2013 гг. ОКН находится в аварийном состоянии. Выделенных финансовых средств недостаточно для восстановления памятника. Министерство культуры Российской Федерации, ссылаясь

⁴ Хаславская В.Е. Паспорт объекта культурного наследия, индекс 3.2-1.67.1. 1998 г.

на то, что памятник имеет региональное значение, отказало в финансировании ремонтно-реставрационных работ. Актуальным в этой связи является вопрос о необходимости финансирования работ по сохранению данного ОКН в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» для высокодотационных регионов, каковым является Республика Тыва.

Достопримечательностями Кызыла являются: Национальный парк культуры и отдыха, Площадь Арата, фонтан, территория, прилегающая к обелиску «Центр Азии». Монумент «Центр Азии» сооружен по эскизу художника В. Демина в 1964 г. к 20-летней годовщине добровольного вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР. Он символизирует центральное географическое положение Тувы, причем континенты на глобусе размещены так, что центр Азии визуально приходится на середину композиции. Высота монумента – 17 м, он установлен в старой части Кызыла, у места слияния рек Бий-Хема и Каа-Хема, от которого начинается свое течение Улуг-Хем – Енисей.

В г. Туране Пий-Хемского кожууна находится здание, в котором в 1922 г. проходил исторический I съезд Тувинской народно-революционной партии. В нем размещается Туранский историко-революционный музей. В с. Кочетово Тандынского кожууна в доме, где располагалась штаб-квартира командира партизанского отряда С.К. Кочетова, находится филиал Республиканского краеведческого музея им. 60 богатырей. Территория вокруг этого дома-памятника отнесена к достопримечательностям, так как здесь проходил I Всетувинский учредительный хурал, объявивший о создании Тувинской Аратской Республики, впоследствии – Тувинской Народной Республики⁵. В 1983 г. в с. Алдан-Маадыр Сут-Хольского кожууна сооружен монумент, посвященный 100-летию воювания 60 богатырей. В с. Берт-Даг Тес-Хемского кожууна находится могила Героя Советского Союза Ч.Н. Хомушку.

В период Октябрьской революции, Гражданской войны и иностранной интервенции (1917–1921 гг.) Кызыл был центром революционной борьбы в Туве. В городе немало улиц, названных в честь революционеров, борцов за установления советской власти (С.И. Беспалова и Н.Г. Крюкова), командиров Сибирской партизанской армии (А.Д. Кравченко, П.Е. Щетинкина), видных тувинских политиков, известных людей. Одна из центральных улиц столицы носит имя одного из основателей Тувинской народно-революционной партии Оюна Курседи, другая – названа именем Председателя Малого Хурала Тувинской Народной Республики Адыг-Тюлюша Чульдума.

Постановлением Совета министров Тувинской АССР № 93 от 6 марта 1984 г. взят на учет уникальный памятник буддийской культуры – главный храм (цок-

⁵ Постановление Правительства Республики Тыва от 23 августа 2011 г., № 511 «О внесении дополнения в Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Республики Тыва» // Тувинская правда. 2011. 30 авг., прил. 33; Шын. 2011. 8 сент.

чин) Верхне-Чадаанского хурээ. Устуу-Хурээ – букв. «верхний хурээ», представляет собой один из двух крупнейших храмовых комплексов, находившихся на территории Даа-кожууна. Монастырь являлся одним из самых богатых, но отнюдь не самым крупным. Это уникальное для России сооружение было построено в 1905–1907 гг. нойоном Хемчикского хошууна Хайдыпом по проекту специально приглашенного тибетского ламы Кунтана Эринбоочи. Строительство вели китайские мастера, они ориентировались на близкие им по своему архитектурно-планировочному, конструктивному и художественному решению памятники монгольской архитектуры начала XX в. Храм отличается от аналогичных образцов культового зодчества бурят и калмыков, также исповедующих буддизм. Похожие храмы строились только в Монголии и Тибете. Устуу-Хурээ стал вершиной буддийского строительства в Туве. Инициатором и главным архитектором, автором проекта реставрации уникального храма Устуу-хурээ является архитектор-реставратор Хаславская Вилла Емельяновна.

В Республике Тыва – более 100 тыс. археологических памятников, относящихся к разным историческим эпохам – от каменного века до курганов XVIII–XIX вв. Из 955 объектов культурного наследия, стоящих на государственной охране, 730 относятся к памятникам археологии. Древнеуйгурское городище Пор-Бажин VIII–IX вв. н.э., расположенное на острове оз. Тере-Хол в юго-восточной части Тувы, является объектом исторического и культурного наследия федерального значения⁶. Почти весь остров занимает глинобитная крепость длиной 211 м, шириной 158 м с высотой стен более 8 м. Городище представляет интерес как источник древней истории Центральной Азии, это один из уникальных объектов Тувы. В 2007–2008 гг. на данном памятнике под эгидой культурного фонда «Пор-Бажын» проводились научно-исследовательские работы, открывшие новые грани городища.

Самыми знаменитыми стали раскопки кургана Аржаан-2. Исследования кургана Аржаан-2 в Пий-Хемском кожууне начались в 1998 г. Центрально-Азиатской экспедицией Государственного Эрмитажа. В 2001–2002 гг. работы были продолжены совместно с группой специалистов из Евразийского отделения Германского института археологии. Курган Аржаан-2 расположен в Турано-Уюкской котловине, в 12 км от г. Туран и в 12 км от с. Аржаан. Погребение относится к VI в. до н.э. и принадлежит представителям скифской кочевой знати, о чем свидетельствует богатство сопроводительного инвентаря, украшенного золотыми пластинами. Здесь также найдены предметы художественной культуры, обладающие большой эстетической и исторической ценностью. Находки отданы

на реставрацию в Государственный Эрмитаж. Данный объект является единым погребально-поминальным комплексом и представляет собой важнейшую часть культурно-исторического ландшафта центральной части Евразии.

В степи, в окрестностях с. Аржаан, сосредоточены наиболее крупные курганы эпохи ранних кочевников. В отличие от других районов с курганами скифского времени, «Долина царей» является уникальной. На ее территории захоронена кочевая знать скифских племен, проживавших на Саяно-Алтайском нагорье. Большинство курганов на территории «Долины царей» относится к скифскому времени, некоторые курганные комплексы включают в себя и более поздние захоронения, другие – являлись ритуальными местами для проведения культовых обрядов. Два курганных комплекса – Аржаан-1 и Аржаан-2 – относятся к скифскому времени (IX–V вв. до н.э.), они уникальны по своей значимости как в научном, так и в культурном плане. Во-первых, это захоронения, по своим масштабам аналогичные причерноморским курганам, во-вторых, в этих комплексах захоронена скифская знать, включая царей и князей, в связи с чем долина называется «царской». В-третьих, курганы из «Долины царей» остались непотревоженными, они полностью сохранились и не были разграблены, а раскопки на поминально-погребальном комплексе Аржаан-2 дали богатый материал для изучения вооружения, одежды и утвари скифского времени [3, с. 6].

В настоящее время на территории республики реализуются крупные инвестиционные проекты компаний, деятельность которых направлена на освоение природных богатств Тувы и решение ее социально-экономических проблем. Главным событием в Туве является запуск проекта «Строительство железнодорожной линии Кызыл – Курагино в увязке с освоением минерально-сырьевой базы Республики Тыва» – одной из крупнейших в России. Строительство железной дороги Курагино-Кызыл-Усть-Элегест к Усть-Элегестинскому угольному месторождению потребовало проведения работ по выявлению ранее не известных памятников истории на территории строительных площадок и на участках добычи природных ископаемых. В 2011 г. работала Международная археолого-географическая экспедиция «Кызыл – Курагино» (один из наиболее крупных проектов Русского географического общества) с целью обеспечить сохранность ОКН (свыше 39 археологических памятников) в зоне строительства указанной дороги.

Значимым событием для тувинского общества стало издание сборника «Сокровища культуры Тувы»: более 40 авторов в 60 статьях дают представление о культурном наследии Тувы. Вызывают интерес такие тематические блоки, как «Родное кочевье», «Страна гор и рек», «Что сберегли века», «В поисках духовных устоев» и др. [4, с. 8]

Требуют изучения и охраны со стороны государства и населения также многочисленные петроглифы, изваяния, херексуры и орхоно-енисейские письмена,

⁶ Указ Президента РФ от 20 февраля 1995 г. N 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения» // Собрание законодательства РФ. 27.02.1995. N 9, ст. 734; Российская газета. 1995. 1, 15, 22, 29 марта.

являющиеся сокровищницей истории и культуры народов, населявших территорию Тувы.

Таким образом, состояние имеющихся под охраной памятников истории и культуры Тувы можно считать удовлетворительным. Традиции коренного населения, проявленные в бережном отношении к историческому наследию, в настоящее время сохраняются. Вместе с тем зафиксированы тревожные случаи нанесения порчи объектам наследия молодыми людьми, и это требует проведения просветительной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники на дне Тувинского моря. Санкт-Петербург, 2007. 198 с.
2. Сокровище культуры Тувы. М.: Науч.-информ. изд. центр, 2006. Вып. 7.
3. Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Золотые звери из долины царей // Открытия российско-германской археологической экспедиции в Туве. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004. 16 с.

4. Еремин Л.В. Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири (конец XX–начало XXI в.): автореф. дис. канд. ист. наук. Томск: ООО «Позитив-НБ», 2010. 23 с.

REFERENCES

1. Dlužnevskaya G.V., Savinov D.G. Monuments at the bottom of the Tuva sea. St. Petersburg, 2007, 198 p.
2. Treasure of culture of Tuva. Iss. 7. Moscow: Nauchno-informatsionnyy izdatelskiy tsentr, 2006.
3. Chugunov K.V., Partinger G., Nagler A. Gold animals from the Valley of the Kings. *Otkrytiya rossiysko-germanskoj arkheologicheskoy ekspeditsyi v Tuve*. SPb: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2004, 16 p.
4. Yerin L.V. Museumification of especially protected territories of historical and cultural value in the republics of Southern Siberia (late XX–early XXI century): author's abstracts of thesis of candidate of historical sciences. Tomsk: LLC Pozitiv-NB, 2010, 23 p.

Статья принята
редакцией 13.10.2016

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20160418
УДК 27-725(571.56) “185/192”

И.И. ЮРГАНОВА

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ ЯКУТИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Р.Ф, 677000, Республика Саха (Якутия) г. Якутск, ул. Петровского, 1

В статье рассматривается повседневная жизнь духовенства Якутского края в середине XIX – начале XX вв. Отмечена малочисленность духовного сословия Якутии, его замкнутость и династическая преемственность, в том числе и уроженцев Якутии среди духовных лиц. Рассмотрены возможности получения духовного образования, его уровень, показаны различия в материальном положении духовных лиц в зависимости от места служения и занимаемой должности. Выявлена региональная специфика повседневности представителей духовенства, зависящая от протяженности приходов, кочевого и полукочевого образа жизни прихожан, а также интеграционные особенности сельского приходского причта в условиях Якутии, более обеспеченное материальное положение городского клира.

Ключевые слова: духовенство, Якутская область, причт, церковные старосты, священник, псаломщик, епископ, духовное образование, якутские приходы, Якутск.

I.I. YURGANOVA

THE DAILY LIFE OF CLERGY IN YAKUTIA IN THE MID-XIX – EARLY XX CENTURIES

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
1, Petrovskogo St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677009, Russia

The article discusses the daily life of the representatives of the clergy in the diocesan period in the history of Orthodoxy in Yakutia. The purpose of this article is to identify the common and specific features in the everyday life of the clergy. The research methodology includes the principle of specificity, when the clergy's routine is studied taking into account definition of time and place; historicism, which considers the daily life of clergy in its development; consistency, which implies that the provincial clergy lived their lives in accordance with the spiritual laws of the Empire, and the principle of reliance upon historical sources. The latter principle implies the introduction into scientific circulation of unpublished archival documents and the historiographical tradition that takes into account the results of earlier scientific studies. In the course of the study the author points to a small number of the clergy of Yakutia; characterizes its age capacity and role in the history of Yakutia. Admission of locals to the clerical ranks, payment of wages from the state budget and local sources resulted in the dynastic succession of clergy that had emerged early in the XX century. Differences in financial situation depending on the place of service and position resulted from the opportunity to receive spiritual education and to increase its level. Specifics of the clergy's daily life arouse due to the wealthy life of townspeople and integrative role of the rural parish clergy in Yakutia. The study shows that standard of living of urban parishes corresponded to a general welfare of the wealthy urban residents whereas the priests of the rural churches lived in a relative poverty, although along with performing official duties they provided integration of rural population into the Russian civilization space.

Key words: clergy, Yakutsk region, clergy of the parish, church warden, priest, cantor, religious education, the Bishop, the parishes of the Yakut, Yakutsk.

Инна Игоревна Юрганова – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: inna.yurganova@mail.ru

Inna I. Yurganova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.

«История повседневности» (*everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne*) – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных контекстах, в том числе конфессиональном. Повседневность подразумевает публичное общение людей, их взаимодействие между собой. Она имеет всепроникающий характер, что выражается в том числе в национальных и сословно-классовых особенностях, мировоззренческих установках, традициях домостроительства и семейно-брачных отношениях, формах свободного времяпрепровождения и т.п. В сословной структуре имперского общества России духовенство представляло особое состояние (сословие), жизнедеятельность которого регулировалась как духовным, так и светским законодательством. Современные ученые, обращаясь к изучению повседневной жизни православного духовенства, рассматривают его как сословие с особой культурой и менталитетом [1, 2, 3].

Вместе с тем, особенности жизненного уклада священнослужителей Якутии еще не стали предметом отдельного исследования. Духовное сословие Якутии в условиях развития модернизационных общественных процессов в центральной части империи являлось частью провинциального общества, наиболее последовательно сохранявшей российские культурно-бытовые традиции.

В 1855 г. архиепископом Иннокентием (Вениаминовым)¹ было дано разрешение принимать в духовное ведомство представителей коренного населения Якутской области². К концу XIX в., когда в Якутской области проживало 254 494 чел., в том числе 250 488 (98,4 %) православных, общая численность духовного сословия составляла 650 чел. и, следовательно, доля представителей духовного сословия была невелика (0,02 %) [4, л. XXIV–XXV].

Возрастной состав духовенства Якутии в указанный период в основном включал лиц от 30 до 50 лет (60 %). Наиболее многочисленной группой среди духовенства являлись священники (46, 1 %) и псаломщики (41,6 %), т.е. представители «белого» духовенства. Средний срок службы священника на одном месте составлял 8–10 лет, псаломщика – 5 лет. Семейная преемственность священно- и церковнослужительских мест составляла два–три поколения [5, с. 183–192].

Демографическое поведение духовенства определялось нормами церковного права и традиционными взглядами на брак и семью. Большинство духовных лиц Якутской области состояло в браке (75–80 %). Были распространены ранние браки, так как они способствовали продвижению по службе. Основная часть браков заключалась в возрасте от 20 до 25 лет. К будущей супруге священнослужителя

предъявлялись определенные требования: девушка должна происходить из хорошей семьи, иметь безупречное поведение. Предпочтение обычно отдавалось невестам из духовного сословия (72 % браков).

Большое внимание уделялось религиозному воспитанию детей. Огромные пространства, удаленность приходов друг от друга приводили к тому, что дети церковного причта получали начальное образование дома и с детства помогали родителям обслуживать храмовое хозяйство. Многие представители молодого поколения из духовного сословия Якутии продолжили дело своих отцов. С XIX в. духовные лица получили возможность отдавать своих детей в духовные учебные заведения. Альтернатива получения светского образования существовала, но была минимальной. Кроме того, получение духовного образования гарантировало возможность занять место в приходе родителя. В связи с этим преодоление сословной замкнутости духовенства, существовавшее в масштабах империи, не получило широкого распространения в жизни духовного сословия Якутии.

Основной обязанностью духовенства было совершение богослужений, но в связи с небольшой численностью духовных лиц, их обязанности не ограничивались только управлением служб. Наиболее распространенными занятиями была преподавательская деятельность как в церковных, так и в светских учебных заведениях, членство в попечительствах, ревизионных комитетах и братствах, организация религиозно-нравственных чтений и бесед (последнее более характерно было для городского духовенства – так, в Якутске в середине XIX в. активно создаются различные общества, комитеты и комиссии, куда приглашались представители духовного сословия как наиболее образованной части местного общества).

Сельский приход в Якутии имел огромную территорию на сотни и тысячи верст, где разрозненно проживали прихожане. Многие из них не посещали храм, в связи с его отдаленностью и своей бедностью. Сельский клир, объезжая территорию прихода, посещал обычно каждый дом и юрту; причем, помимо исполнения служебных обязанностей (крещение, отпевание, требы и т.д.), священно-церковнослужители составляли прошения и ходатайства по просьбе прихожан, врачевали, разбирали мелкие споры и обиды, информировали прихожан о событиях в стране и мире. Систематический характер носили отношения населения с представителями гражданской власти только у проживавших в областном и окружных центрах. А для большинства населения Якутии приходской священник был «окном» в большой мир: первые зачатки грамоты дети инородцев получали в церковных школах, при храмах действовали библиотеки, приходской клир на церковной земле занимался земледелием или огородничеством (в зависимости от климатических условий), привлекая местное население в качестве помощников.

Уровень материальной обеспеченности духовных лиц был различным в зависимости от занимаемой должности. Они получали государственное содержание, объемы финансирования которого возрастали: в 1870 г. – 33 070, 85 руб. (в целом по епархии); 1886 г. – 37 892, 21; 1898 г. – 54 261, 61; 1908 г. – 65 592, 91; 1910 г. – 103 532, 45 руб. [6, с.57–58]. Рост финансирования происходил как с повышением окла-

¹ Иннокентий (Вениаминов) (И.В. Попов) (1797–1879) – миссионер Сибири, Дальнего Востока и Аляски, член Синода, ученый-лингвист и этнолог, почетный член Императорского Русского географического общества. С 1840 г. – епископ (архиепископ) Камчатский, Курильский и Алеутский. В 1853–1860 гг. проживал в г. Якутске. В 1868–1979 гг. – митрополит Московский и Коломенский.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 355, 406, 455, 507, 561, 613, 665, 718, 767, 822, 860, 915, 988, 1010, 1060, 1115, 1169, 1219, 1270, 1321, 1431, 1488, 1544, 1602, 1705, 1818, 1968, 2190, 2253, 2314, 2370.

дов жалования, так и в связи с увеличением количества храмов, образованием новых приходов и расширением территории (в 1901 г. в состав епархии был включен Охотский округ). В 1909 г. Синодом было принято решение об увеличении до высшего (по установленным нормам) жалования всем причтам Якутской епархии (священникам до – 600 руб. в год, диаконам до 300 руб., псаломщикам до 200 руб. в год)³. Доходы якутского духовенства пополнялись также ружным содержанием, пайковым довольствием и повышенными размерами пенсий.

Но принимая во внимание уровень цен в Якутске и разного рода трудности, препятствующие заняться каким-либо видом хозяйствования (в связи с климатическим условиями), можно сделать вывод о недостаточности указанных средств.

В 1854 г. по инициативе архиепископа Иннокентия (Вениаминова) было основано Якутское попечительство о бедных из духовного звания, основными задачами которого являлись опека и попечительство над заштатным духовенством, их вдовами и детьми, имуществом умерших лиц духовного звания. Практиковалась выдача постоянных и единовременных пособий [6, с. 42–43]. Средства Попечительства состояли из процентов от пожертвованного ружного сбора духовенства епархии (за 1861 и 1862 гг.); церковных сборов; средств, оставшихся от жалования духовенства (в связи с наличием вакантных мест); 1 % ежегодно от руги и др. Так, в 1869 г. пособия были выданы 55 вдовам и осиротевшим семьям духовенства, была оказана единовременная помощь «при выходе девиц духовного звания в замужество или к великим праздникам» [7, с. 78]. С 1909 г. при Попечительстве была открыта похоронная касса для выдачи пособий на погребение бедных священнослужителей.

Условия жизни духовного сословия Якутии определялись внутрисословной иерархией. Городское духовенство проживало в собственных домах, некоторые даже сдавались в аренду. Сельское духовенство получало жилье по месту служения. И хотя строительство жилья для клира было одним из условий открытия прихода, нередко семьи церковнослужителей вынуждены были ютиться в ветхих домах, юртах или арендовать жилье. Клировые ведомости церковей позволяют воссоздать представление об обеспеченности сельского духовенства Якутии в начале XX в.: 25 приходов Вилюйского округа были обеспечены жильем для проживания причта; из 9 приходов Верхоянья 8 имели дома для священников, 3 дома и 4 юрты для псаломщиков; в Булуномском приходе аренда жилья для псаломщика оплачивалась прихожанами [5, с. 30–43].

Материальное положение городских священников в изучаемый период было близко к уровню богатых мещан или мелких купцов, а в сельской местности соответствовало уровню среднего крестьянина. Материальное положение псаломщиков можно отнести к уровню бедности. Исследователи отмечают, что в Иркутской епархии «в наиболее глухих местностях в бедности жили даже священники», в Якутии к таким местностям можно было отнести большую часть ее

северо-востока [8, с. 15]. Жизненный уровень сельского духовенства определялся месторасположением прихода и регулярностью получения жалования.

Внутренняя обстановка жилищ также была различной. Так, в быту представителей духовенства Якутска, протоиереев и священников к началу XX в. присутствовали технические новинки: телефоны, патефоны и т.д., «многие... имели большие дома в городе и обзавелись хозяйством» [9, с. 79].

К началу XX в. большинство духовных лиц Якутии (более 77 %) являлись уроженцами области и свыше 36 % – якутами. Последнее обстоятельство особенно важно, так как меняет прежнее представление о том, что якуты принимали только внешние атрибуты (обрядность) православия, не вникая в его сущность [5, с. 188].

Повысился и образовательный уровень духовных лиц епархии. Еще в начале XIX в. иркутский епископ Михаил (Бурдуков)⁴ отмечал слабые знания духовенства Якутии, большинство представителей которого имело домашнее образование. Во второй половине XIX в. в области были открыты духовные учебные заведения как среднего, так и низшего звена, и уже к началу XX в. 74 % духовенства епархии получило образование в духовной семинарии и духовном училище. Более 12,5% духовных лиц Якутии окончили церковно-приходские школы и 6 % представителей якутского духовенства имели светское образование (среднее специальное) [5, с. 183–185].

Семейная жизнь якутского духовенства протекала в основном мирно, дети признавали авторитет родителей. Семьи духовенства были значительны по своему составу. Так, например, протоиерей И.В. Охлопков имел четверых сыновей, трое из которых служили священниками в Якутске, четвертый, окончив духовную семинарию, служил псаломщиком, затем, по личному прошению, перешел в военное звание. Общая численность семьи Охлопковых (с учетом внуков и правнуков) насчитывала 45 чел. [10, с. 137].

Взаимоотношения членов причтов складывались по-разному. Большинство приходов в начале XX в. были одноштатными (священник и псаломщик), между ними, как правило, устанавливались доброжелательные отношения. Но были случаи, когда священники, используя свое служебное положение, пренебрежительно относились к псаломщикам. Взаимную нелюбовь со стороны причта могла усиливать и финансовая составляющая, так как настоятель получал больше псаломщика.

По-разному складывались взаимоотношения в многоклирных приходах, столь характерных для Якутии в 1860–1880-х гг. Предметом раздоров был статус настоятеля храма. Решать этот вопрос, при существующих различиях (образовательный ценз, выслуга лет и т.д.), для епархиального начальства было не просто. На взаимоотношения иереев в многоклирном приходе влияла и смена его состава, так как в случае назначения нового священника на место выбывшего вносились коррективы в ранее существовавший иерархический порядок, и прежний настоятель вынужден

³ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 4781. Л. 361.

⁴ Епископ Михаил II (М.Г.Бурдуков) (1770 – 1830), уроженец Тобольской епархии, выпускник Тобольской семинарии. В 1814 г. возведен в сан епископа Иркутского, с 1826 г. – архиепископ. В 1826–1830 гг. – архиепископ Иркутский и Нерчинский.

был уступить настоятельство новому священнику, превосходящему его по образованию или заслугам.

Различным образом складывались отношения между клиром и церковными старостами, но в данном случае иерей был заинтересован в сотрудничестве, так как старосты являлись представителями наиболее уважаемой и зажиточной части прихожан. В Якутии церковные старосты переизбирались, как правило, на несколько сроков, а затем на эту должность избирались их совершеннолетние дети. Староста являлся и главным меценатом храма, приобретая церковную утварь, иконы. Учитывая же территориальную отдаленность проживания значительной части пастырей, староста выступал связующим звеном между причтом и прихожанами.

Духовенство города, особенно высшая его часть, принадлежало к интеллигенции и принимало активное участие в городских мероприятиях, были вхожи в дома местной знати. Отношения поддерживались, главным образом, на основе родства. Прожив более семи лет в Якутске, архиепископ Иннокентий (Вениаминов) отмечал: «здесь все и вокруг родня, и свой своему – поневоле друг» [9, с. 159]. Известными священническими династиями Якутии были Берденниковы, Винокуровы, Поповы, Охлопковы и др. Глава рода был моральным авторитетом не только для домочадцев, но и для родственников, и соседей.

В повседневной жизни городского духовенства особое значение имели православные праздники, сопровождавшиеся торжественностью и весельем. На Пасху и Рождество совершались традиционные визиты в гости, во время святочных дней «город маскировался» – надевал маски [9, с. 164]. Хозяйка накрывала обильные столы, над домом, где «принимали маски», вывешивался фонарь, дававший право войти каждому в маскарадном костюме. Шумно праздновалась масленица. В сельских приходах православные праздники отмечались скромнее, хотя на праздничный стол ставили все лучшее.

Торжественно отмечались юбилейные даты представителей духовенства. Инициатива «юбилейной кампании» исходила от самого юбиляра или от его родственников. В 1887 г. в Якутске отмечалось пятидесятилетие служения вышеупомянутого протоиерея И. В. Охлопкова: в кафедральном соборе состоялась литургия, дом юбиляра посетил епархиальный архиерей, юбиляру были преподнесены подарки [10, с. 138–144].

Очевидно, что жизнь городского духовенства была более насыщенной событиями и более обеспеченной по сравнению с повседневным бытом сельских священников. Неудивительно, что вакантных мест священников в городских храмах не было. Представители духовного сословия, используя родственные связи и знакомства, стремились перевести своих родственников на службу в Якутск.

Развитие начал самоуправления в среде якутского духовенства связано с организацией епархиальных съездов, рассматривающих широкий круг вопросов: о деятельности и содержании духовных учебных заведений, нуждах церкви и духовенства и др. Региональная специфика делала невозможными частые собрания, так как отдаленность благочиний и приходов приводила к тому, что постоянными делегатами стали только представители городского якутского духовенства и территориально близких приходов. Отдаленность при-

ходов, отсутствие транспорта, канонические запреты, не позволявшие священнику покидать пределы своего прихода, приводили к его оторванности от общественно-церковной жизни епархии.

Епископ Дионисий (Хитров)⁵ указывал, что «общих собраний духовенства не могло буквально состояться ... по отдаленности места жительства ... принуждать ... штрафами и угрозами значило бы прямо стеснять духовенство, зная вполне, что проехать триста верст на свои средства для бедного священника составляет невознагражденный расход». Архиерей предлагал отменить собрания, как «обременительные для якутского духовенства», а вопросы епархиальных съездов «вменить в обязанность» депутатам училищного съезда «по сопутности», что и было сделано в дальнейшем [11, с. 8].

Нестабильность в обществе, порождавшая революционные выступления, отражалась и на положении православия. В 1916 г. был подписан указ императора «О мероприятиях по введению в жизнь закона об устройстве православных приходов», предписывающий разъяснение задач приходской жизни, разработку программы действий для «оживления приходской жизни» с обязательной организацией пастырских собраний, что, по мнению власти, должно было привести к укреплению религиозности и нравственности. Обращает на себя внимание одно из положений указа о необходимости разрешения «недоразумений и пререканий в отношениях между прихожанами и пастырями», что свидетельствует о сложной обстановке в православных приходах империи⁶. Так, в документах Томской епархии имеются сведения об отказах прихожан содержать храмы, о непосещении ими церковных служб и т.д.⁷

Жалобы на приходское духовенство были неотъемлемым атрибутом приходской жизни и в условиях Якутии зависели не от политической обстановки, а, прежде всего, от личности священно-церковнослужителя. В начале XX в. приходской священник по-прежнему оставался одним из немногих грамотных и образованных людей прихода, к мнению которого прислушивались.

Таким образом, жизнедеятельность духовенства в якутском крае осуществлялась в рамках иерархической сословности и, вместе с тем, имела региональные особенности. Незначительное по численности духовное сословие якутской области к началу XX в. обладало необходимым образовательным уровнем, было обеспечено государственным жалованием и местными источниками содержания, имело династическую сословную преемственность и, будучи представителями местной интеллигенции, участвовало в работе различных комитетов и комиссий. Уровень жизни священно- и церковнослужителей Якутии был различным в зависимости от места служения и занимаемой должности: так, если положение городского священства соотносимо с зажиточностью, то причты сельских приходов северо-востока об-

⁵ Епископ Дионисий (Д.В. Хитров) (1818–1896) – миссионер, первый архиерей якутской епархии, в 1868 г. хиротонисан в епископа якутского и Вилюйского, в 1883 г. перемещен на Уфимскую кафедру.

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 8. Д. 755. Л. 1.

⁷ ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 313.

ласти нередко бедствовали. Территориальная отдаленность Якутии, протяженность приходов, кочевой и полукочевой образ жизни многих прихожан, определяли специфику повседневности духовенства Якутии. Как правило, городские причты вели привычный для духовного сословия образ жизни, а сельский клир выполнял помимо своих основных обязанностей и функции интегратора в российское цивилизационное пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пулькин М.В. Повседневность религиозности: конфликты духовенства и прихожан в XVIII в. (по материалам Олонетской епархии) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2003. № 2. С.13–19.
2. Калашиников Д.Н. Повседневная жизнь приходских священнослужителей в провинциальной России второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. 189 с.
3. Фот А.Г. Повседневный семейный быт оренбургского православного приходского духовенства во второй половине XIX века // Молодой ученый. 2014. №4. С. 772–775.
4. Памятная книжка по Якутской области за 1891 г. / изд. Якут. обл. стат. комитета под; ред А. И. Попова. Якутск: Обл. тип., 1891. XXXXV л.+215 с.
5. Юрганова И. И. Церкви Якутии (краткая история). Сергиев Посад: Тип-я Патриаршего подворья, 2010. 400 с.
6. Юрганова И. И. История Якутской епархии. 1870–1919 гг. (деятельность духовной консистории), 2-е изд. Якутск: ООО «Академия», 2007. 148 с.
7. Дионисий (Хитров), епископ. Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: в 6 т. Тверь: Булат, 2013. Т. 4: Отчеты о состоянии Якутской епархии за 1868–1872 гг. 392 с.
8. Иркутская епархия в XVIII – начале XX века: учеб. Пособие / А.В. Дулов [и др.]; науч. ред: А. В. Дулов, А. П. Санников. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 163 с.
9. Попов Г.А. Сочинения. Якутск: Якут. гос. ун-т, 2007. Т. 3: История города Якутска: 1632–1917: краткие очерки / сост. и отв. ред.: Л.Н. Жукова, В.Г. Скрипин, Е.П. Антонов. 312 с.
10. Пятидесятилетний юбилей в священном сане // Якутские епархиальные ведомости. 1887. № 9. 16 августа.
11. Дионисий (Хитров), епископ. Стопами миссионера. Труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: 6 т. Тверь: Булат, 2013. Т. 6: Отчеты о состоянии Якутской епархии за 1877–1883 гг. 352 с.

REFERENCE

1. Pulkin M.V. Situations of Conflict between the Clergy and the Parish in the XVIII Century (Based on Materials of the Olonets Diocese). Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii, 2003, no. 2, P. 13–19. (In Russ.)
2. Kalashnikov D.N. Daily life of the parish priests in provincial Russia in the second half of the XIX – early XX century, autoref. dis. ... Cand. Hist. Sciences. Kursk, 2011, 189 p. (In Russ.)
3. Fot A.G. Everyday family life of the Orenburg Orthodox parish clergy in the second half of the XIX century. Molodoy uchenyy, 2014, no. 4, pp.772–775. (In Russ.)
4. The memorial book of the Irkutsk region in 1891. Izd. Yakutskogo obl. stat. komiteta; pod red A.I. Popova. Yakutsk. Region printing House, 1891, XXXXV+215 p. (In Russ.)
5. Yurganova I.I. Church of Yakutia (brief history). Sergiev Posad: Tipografiya patriarshego podvorya, 2010, 400 p. (In Russ.)
6. Yurganova I.I. History of the Yakut Diocese. 1870–1919 (Activities of the Spiritual Consistory). 2nd ed. Yakutsk: OOO «Akademiya», 2007, 148 p. (In Russ.)
7. Dionysius (Khitrov), bishop. Following a missionary's footsteps: Works by Dionysius (Khitrov), Bishop of Yakutsk, Ufa and then as a missionary: In 6 Vols. Tver. Bulat, 2013, vol. 4: Accounts of the Yakut Diocese for 1868–1872, 392 p. (In Russ.)
8. Irkutsk Diocese in the XVIII – Early XX Century: Textbooks. A.V. Dulov [et al.]; Scien. Ed: A.V. Dulov, A.P. Sannikov. Irkutsk. Izdvo ISU, 2013, 163 p. (In Russ.)
9. Popov G.A. Works. Yakutsk: Yakut. gos. un-t, 2007, vol. 3: The history of the city of Yakutsk: 1632–1917. Short Essays. ed. and otv.red . L.N. Zhukova, V.G. Skripin, E.P. Antonov. 312 p. (In Russ.)
10. The 50th anniversary of service in the priestly office. Yakutskie eparhial'nye vedomostiakut. 1887, no. 9, 16 Aug. (In Russ.)
11. Dionysius (Khitrov), bishop. Following a missionary's footsteps. Works by Dionysius (Khitrov), Bishop of Yakutsk, Ufa and then as a missionary: In 6 Vols. Tver: Bulat, 2013, vol. 6. Accounts of the Yakut Diocese for 1877–1883. 392 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 13.10.2016

DOI: 10.15372/HSS20160419
УДК 94 (571.5) "1880/1917"

И.Н. МАМКИНА

**ВОСТОЧНОСИБИРСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО
В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Забайкальский государственный университет,
РФ, 672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Государственная служба в области народного просвещения на региональном уровне является малоизученной проблемой. Автор попыталась восполнить существующий пробел на примере учительства Восточной Сибири. На основе законодательства рассмотрены изменения условий государственной службы в Министерстве народного просвещения. В работе представлена система чиновничества, определена зависимость службы от образовательного ценза, освещены условия государственной службы в данном министерстве. Определены особенности государственной службы и чиновничества в Восточной Сибири, отмечена социальная незащищенность учителей начальной школы. Автор делает вывод о том, что государственная политика в области народного просвещения являлась избирательной и непоследовательной.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, государственная служба, чиновничество, просвещение, учителя, особенности, преимущества, льготы, гимназия, начальные училища.

I.N. MAMKINA

**THE EAST SIBERIAN TEACHERS
IN THE PUBLIC SERVICE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE
AT THE END OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Transbaikal State University,
30, Alexandro-Zavodskaya Str., Chita, 672039, Russia

The study of the public service is multidisciplinary in nature and includes works of legal specialists and historians. Legal studies mostly deal with a theoretical aspect of the problem, defining the public service as a legal category. Historical studies on the problem are fragmented with selected aspects being considered in the context of all-Russian system of power. It is relevant to study the public service in the sphere of national education taking into account the regional specificities in Asian Russia.

The legislative basis of the public service was created in the era of Peter I. The introduced regulations for promotion in rank were based on a principle of impeccable service to the state. At the beginning of the XIX century the public service became dependant on education. The growing number of schools and demand for educators led to a certain derogation from the public service rules in the Ministry of National Enlightenment which made them more democratic as compared to other ministries. To meet staffing needs, the authorities fixed service obligations for the education institutions graduates who had studied under full State care. In suburban areas special and greatest benefits, that set preferential service terms, were introduced.

Special benefits were established for the IX and upper ranks officials in Eastern Siberia that implied additional financial aid, high salary, and a long leave. The greatest privileges were envisaged for Yakutia and Turukhansk region. However this policy was meant to address only the secondary education. While providing favorable conditions for secondary school teachers, the authorities “forgot” about the elementary school teachers. The low living standard, social vulnerability, lack of professional growth possibilities put the teachers to the bottom of a social ladder. The government’s policy inconsistency in the field of social welfare of teachers led to the split of the teaching community in the revolution of 1917.

Key words: Eastern Siberia, public service, rank promotion, education, teachers, features, benefits, facilities, high school, elementary school.

Инна Николаевна Мамкина – канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой, Забайкальский государственный университет, e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Inna N. Mamkina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Transbaikal State University.

Образование в современных условиях является одним из приоритетных направлений развития общества. Однако наряду с модернизацией образования с 1990-х гг. статус учителя в России стремительно девальвируется. Проблема обеспечения школы профессиональными педагогическими кадрами, соответствующими современным требованиям, сегодня так же актуальна, как и сто лет назад. Не случайно при анализе государственной политики в области образования конца XIX в. можно наблюдать процесс создания особых условий службы для профессорско-преподавательского состава. Изучение исторического опыта способствует выявлению эффективных методов реализации государственной политики в области кадрового обеспечения учебных заведений, что может быть применено в современных условиях.

Изучением государственной службы в системе народного просвещения в основном занимаются юристы и историки. Дореволюционные работы российских правоведов рассматривали государственную службу с позиции юридических норм [1, 2]. По мнению автора, наиболее полное определение государственной службы дано О. Эйхельманом – как «исполнение лицом, по собственному его согласию и по назначению правительственной властью постоянной должности, по штату или сверх штата, с определенными обязанностями в учреждениях государственного управления и служебной ответственностью, соединенное с получением жалованья, выслугой чинов, знаков отличия и пенсии», что является наиболее соответствующим ее содержанию [3]. Некоторые теоретические вопросы организации и нормативного регулирования государственной службы нашли отражение в трудах известных государственных деятелей и государствоведов А.Д. Градовского и И.Е. Андруеевского [4, 5].

После октября 1917 г. теоретические проблемы государственной службы в отечественной научной литературе длительное время не обсуждались. В 1927–1929 гг. появились отдельные критические работы Г.А. Нефедова, С.И. Сырцова и других авторов, осуждавшие дореволюционную систему власти [6, 7]. Работы юристов второй половины XX в. освещают принципы и сущность советской государственной службы. По вполне понятным причинам в них отсутствует обращение к работам дореволюционного периода, что нарушало преемственность и связи научных школ.

Современные юридические исследования дают представление о государственной службе как явлении динамичном, подверженном влиянию различных факторов, которые в свою очередь определяли модель службы в различные периоды государственного развития [8, 9]. К сожалению, исторические исследования по данной теме весьма фрагментарны. Авторы рассматривали трансформацию системы власти в разные эпохи, анализируя причины и особенности изменений, степень преемственности систем. Одной из первых публикаций по этой теме стал очерк В.А. Евреинова [10].

В советский период государственный аппарат продолжали изучать, с учетом господствовавшей идеологии [11, 12]. В конце XX в. интерес к изучению государственной службы и госаппарата усилился. Ряд работ был посвящен организации управления Сибирью. Авторы реконструировали систему власти, определяли проблемы развития института губернаторства в условиях Азиатской России.

В постсоветский период с изменением политической ситуации в стране данная тема получила новое направление. Появились работы, затрагивающие положение государственных служащих различных ведомств [13, 14]. В частности, Т.И. Еремина предприняла детальный анализ законодательства, регулирующего государственную службу в системе народного просвещения. Однако региональные особенности остались вне ее поля зрения. Особый интерес представляет поэтому изучение истории государственной службы в сфере народного просвещения Азиатской России.

Законодательное оформление системы государственной службы в Российской империи началось в эпоху Петра I. Введенные правила чиновничества основывались на безупречном служении государству. Преобразования Александра I утвердили новые принципы, закрепив зависимость продвижения по службе от образования. Производство в чины и дальнейшее продвижение зависели от аттестата.

С развитием системы просвещения формируются некоторые ведомственные особенности в этой сфере государственной службы. Например, в Министерстве народного просвещения не действовал запрет на службу иностранцев и лиц бывшего податного сословия. Не соблюдалось соответствие должности и чина. Преподаватели гимназий, городских и уездных училищ производились «тремя чинами выше класса присвоенного должности»¹. Сокращались сроки выслуги последующего чина. Так, послужной список учителя городского четырехклассного училища в Троицкосавске П.С. Михно подтверждает отступление от общих правил в системе чиновничества. После окончания Глуховского учительского института в 1888 г. его назначили учителем в Троицкосавск. В 1898 г. он получил чин коллежского секретаря, в 1901 г. – титулярного советника, в 1902 г. коллежского асессора, а в 1903 г. надворного советника. С 1906 г. П.С. Михно уже инспектор Читинского и Акшинского уездов². Очевидно, что сроки получения десятого, девятого и восьмого чинов были нарушены, они не соответствовали трехлетнему периоду.

Вместе с тем, учителя приходских школ производились в чин после 12 лет усердной и беспорочной службы. Низкий уровень заработной платы, высокая степень контроля со стороны общества и государства, слабая правовая защищенность делали эту профессию малопривлекательной. Отработав положенный срок, учителя переводились в другие ведомства.

Получив назначение, будущие учителя и должностные лица имели право на «прогонные деньги на две лошади» и «третье, не в зачет жалование», т. е. им представлялся бесплатный проезд до места службы и назначалось пособие в размере трети годового оклада. Выпускники, получавшие образование за государственный счет, обязаны были установленный срок отработать на гражданской службе. Так, выпускник мужской гимназии обязан был прослужить шесть лет. Обязательства сохранялись и при отсутствии вакансий. В таком случае выпускники назначались в школы других гу-

¹ Свод Уставов по службе гражданской. СПб, 1898. Кн. 1, гл. 6, ст. 407.

² Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

берний. Выпускники учительских семинарий, завершив обучение, отрабатывали шесть лет в начальной школе. По истечении двух лет службы учитель имел право продолжить образование в учительском институте, при этом оставшиеся четыре года обязательной службы сохранялись. В случае отказа выпускника от «отработки», он должен был возместить государству полную стоимость обучения. Все же выпускник института освобождался от обязательств, если в течение шести месяцев он не получал назначения в городское училище³.

Такого рода обязательства способствовали решению кадровых проблем в системе образования. Большинство учителей и представителей учебной администрации Азиатской России являлись выпускниками учебных заведений ее европейской части. Например, в 1881 г. в системе управления учебными заведениями из 19 должностных лиц только двое были выпускниками Иркутской гимназии, а именно, штатные смотрители Троицкосавского и Нерчинского уездных училищ, коллежские асессоры И.А. Лалетин и И.П. Черепанов [15, С.214]. Спустя три десятилетия соотношение местных и приезжих учителей составляло 40 и 60 % соответственно. Увеличение численности местных учителей произошло благодаря деятельности семинарий, VIII педагогических классов женских гимназий и государственной поддержке служащих на окраинах империи.

В регионах со сложными климатическими условиями и особым географическим положением закреплялись особые и наибольшие преимущества по службе. В наибольшей степени преимуществами пользовались служащие Восточной Сибири, особенно Якутской области и Туруханского края Енисейской губернии.

Особые преимущества подразумевали: «...1) прогонные деньги в усиленном размере; 2) пособия на подъем и обзаведение; 3) прибавки к жалованию; 4) пособия по выслуге десятилетий; 5) пособия на воспитание детей; 6) отпуски на льготных основаниях; 7) преимущества пенсионные; 8) пособия семьям лиц, умерших на службе» [16, с. 754]. Служащим Верхоянского и Колымского округов Якутской области дополнительно полагался бесплатный продуктовый паек.

«Усиленный размер прогонных денег» выражался в получении полуторной стоимости проезда в отдаленные местности и двойной в области с наибольшим преимуществом. Пособие на «обзаведение» для женатых чиновников полагалось в размере годового оклада их будущего жалования, неженатым – 2/3 от предусмотренной суммы. Половина пособия выдавалась перед отъездом, оставшаяся часть – по прибытии. Чиновники, получившие проездные деньги и единовременное пособие, обязывались в течение трех лет проработать на новой должности, в противном случае возвращали эти деньги.

«Прибавки к жалованию» чиновники получали за добросовестную службу в течение пятилетия. В Якутии и Туруханском крае засчитывалось три, в Иркутском генерал-губернаторстве два года. За каждый указанный срок полагалась доплата из расчета 25 % от жалования. Прибавка начислялась по текущему максимальному жалованию, в случае его

увеличения во втором пятилетии пересчитывалась доплата первого, а в случае уменьшения – доплата за первое сохранялась в прежнем объеме. Аналогичный расчет действовал и при начислении третьей доплаты.

Для обучения детей сибирских чиновников государство учреждало специальные стипендии во всех типах учебных заведений. В случае отсутствия таких государство ежегодно выплачивало 360 руб. обучающемуся в университете, 240 руб. – в гимназии, 120 руб. – в училище. Выпускники сибирских гимназий дополнительно получали из казны 60 руб. Детям, получавшим домашнее образование, до 13 лет назначалось 100 руб., до 18 лет – 150 руб. в год. Чиновникам в Якутии и Туруханском крае оплачивался проезд каждого ребенка при поступлении в учебное заведение.

Продолжительность отпуска на льготных основаниях составляла 4 месяца. В 1913 г. преподаватель Читинской учительской семинарии В.В. Мезенев, в связи с необходимостью лечения жены, получил трехмесячный отпуск с сохранением жалования.⁴

В областях с предусмотренными льготами все госслужащие без исключения получали их, а в других областях – чиновники начиная с IX чина. Привилегии не распространялись на служащих, переведенных из смежных областей и районов, не признанных отдаленными, а также на лиц, прибывших по собственному желанию. Уроженцы отдаленной области без высшего образования теряли право на льготы. Лица, не имевшие на момент принятия закона о преимуществах 10-летнего стажа сибирской службы, особыми привилегиями не пользовались.

Таким образом, на протяжении XIX в. в Министерстве народного просвещения происходило законодательное закрепление и регулирование государственной службы и системы чиновничества. Зависимость службы от полученного образования придавала последнему определенный престиж. Служба в этом министерстве считалась государственной и имела некоторые особенности. Способствуя развитию просвещения в Восточной Сибири, государство закрепляло обязательства по службе и систему преференций, с целью привлечь квалифицированные кадры. Увеличенный размер жалования, довольно продолжительный отпуск, дополнительные льготы положительно сказались на общем уровне развития народного просвещения в регионе. Тем не менее проводимая государством политика касалась лишь среднего образования. Создавая условия для преподавателей средней школы, власти «забывали» о народном учителе. Низкий уровень жизни, социальная незащищенность, отсутствие возможности профессионального роста низводили учителя на самый низ социальной лестницы. Непоследовательность государственной политики в области социального обеспечения учителей привела к расколу преподавательского общества в годы революций 1917 г. и Гражданской войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нелидов Н.К.* Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль, 1874, 181с.
2. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1893. Т. 1: Введение и общая часть. 403с.

³ Свод уставов по службе гражданской. СПб., 1898. Кн. 1, гл. 3, ст. 23.

⁴ ГАЗК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 579. Л. 117.

3. Эйхельман О. Обзор центральных и местных учреждений управления в России и Устава о службе по определению от правительства. Киев, 1890. 83 с.

4. Андриевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб.: Тип. Э. Праца, 1864. 156с.

5. Градовский, А.Д. История местного управления в России. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. Т. 1. Введение. Уезд Московского государства. 529с.

6. Сырцов С.И. Бюрократия и бюрократизм. Новосибирск, 1927. 28с.

7. Неведов Г.А. Бюрократы и как бороться с ними. М.; Л., 1929. 64 с.

8. Атаманчук Г.В. Обеспечение рациональности государственного управления. М., 1990. 351с.

9. Бахрах Д.Н. Государственная служба: основные понятия, ее составляющие, содержание, принципы // Государство и право. 1996. № 12. С. 10–18.

10. Евреинов В.А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. 116 с.

11. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений до-революционной России. М.: Высш. шк., 1968. 368 с.

12. Зайончковский А.П. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

13. Еремина Т.И. Законодательное регулирование гражданского чиновничества учителей в XIX–начале XX вв. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 115–123.

14. Еремина Т.И. Законодательное регулирование гражданской службы преподавателей университетов Российской империи в XIX – начале XX в. // Науч. труды РАЮН. М.: Юрист, 2013. Вып. 13: в 2 т. Т. 2. С. 871–875;

15. Делеско Ю. Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа. Иркутск: Тип. Вост.-Сиб. воен. округа, 1881. 347 с.

16. Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Настольная книга по народному образованию. СПб.: «Знание», 1901. Т. 2. 1537с.

REFERENCES

1. Nelidov N.K. Legal and Political Foundations of Public Service. Jaroslavl', 1874, 181 p. (In Russ.)

2. Korkunov N.M. Russian state law. St. Petersburg, 1893, vol. 1: Introduction and General part. 403 p. (In Russ.)

3. Eyhelman O. Review of Central and Local Governance Institutions in Russia and the Service Charter As Defined by the Government. Kiev, 1890. 83 p. (In Russ.)

4. Andrievskiy I.E. On the Princely Deputies, Voivodes and Governors. St. Petersburg, 1864. 156 p. (In Russ.)

5. Gradovskiy A.D. The history of local governance in Russia. Vol. 1. Introduction. Uyezd of the Moscow State. St. Petersburg, 1868, 529 p. (In Russ.)

6. Syrtsov V.A. Bureaucracy and Red Tape. Novosibirsk, 1927, 28 p. (In Russ.)

7. Nefedov G.A. Bureaucrats and how to deal with them. Moscow; Leningrad, 1929, 64 p. (In Russ.)

8. Atamanchuk G.V. Ensuring the rationality of state administration. Moscow, 1990, 351 p. (In Russ.)

9. Bahrah D.N. Public service: basic concepts, components, content, principles // Gosudarstvo i pravo. 1996, no. 12, pp. 10–18. (In Russ.)

10. Evreinov V.A. Civil Rank Promotion in Russia. Historical essay. St. Petersburg, 1888, 116 p. (In Russ.)

11. Eroshkin N.P. The history of public institutions of pre-revolutionary Russia. Moscow, 1968, 368 p. (In Russ.)

12. Zyjonchkovskiy A.P. The Machinery of Government of Autocratic Russia in the XIX Century. Moscow, 1978, 288 p. (In Russ.)

13. Eremina T.I. Legislative Regulation of Civil Teachers Rank Promotion in the XIX– Early XX centuries. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2009, no. 87, pp. 115–123. (In Russ.)

14. Yeremina T.I. Legislative Regulation of Civil Service for the University Lecturers of the Russian Empire in XIX– Early XX century. *Scientific works of RUN*. Moscow, 2013, vol. 13: in 2 vols, vol. 2, pp. 871–875. (In Russ.)

15. Delesko Yu. The Memorable Book of the (Second) East-Siberian School District. Irkutsk, 1881, 347 p. (In Russ.)

16. Fal'bork G., Charnolusskiy V. Handbook on Public Education. St. Petersburg, 1901, vol. 2, 1537 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 03.10.2016

DOI: 10.15372/HSS20160420
УДК 94(571.5)"1917"

К.Л. ЗАХАРОВА

**ОКРУЖНОЕ БЮРО СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ
И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(АПРЕЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)**

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена истории Окружного бюро Советов Восточной Сибири. Изучены причины и порядок организации бюро, его состав, структура, направления и результаты деятельности, взаимоотношения с руководимыми им Советами и другими элементами постфевральской политической системы, а также причины утери политического лидерства в округе. Сделаны выводы о том, что создание Окружного бюро стало важным шагом к сплочению Советов всей Сибири. В качестве руководящего центра Бюро помогло обеспечить жизнеспособность местных Советов, позволив им удержаться на политической арене и сохранить за собой статус властной альтернативы.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Восточная Сибирь, политическая система, Окружное бюро, Советы депутатов.

K.L. ZAKHAROVA

**DISTRICT BUREAU OF SOVIETS OF WORKERS', SOLDIERS'
AND PEASANTS' DEPUTIES OF EASTERN SIBERIA
(APRIL – OCTOBER, 1917)**

Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

During the February revolution of 1917 Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies were brought to the political forefront of Russia and became an alternative to the Provisional Government. Spontaneously arisen Soviets created associations at the level of districts, provinces and regions, forming a single system within the country. Creation of District Bureau of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies of Eastern Siberia was driven by an objective need. Separate Soviets could not independently resolve critical political affairs put forward by revolution; they needed a governing body. The paper endeavors to address the issues of creation of the District Bureau's mechanism, its membership, structure, directions and results of work, relations with the subordinate Soviets and other elements of post-February political system. Under conditions of revolutionary time when the structure of old political system was destroyed, Bureau was forced to assume functions of both administrative authority and local government body. The Bureau's work made it possible to arrange a stable living situation in the district. However the Bureau being overwhelmed with minor executive matters could not always be responsive to changes in political climate in the district. This led to strong disagreement with the Soviets on a number of essential problems. The Bureau's political position was determined by its leadership where the leading role belonged to Mensheviks and Socialists Revolutionaries. On the eve of October Revolution of 1917 the Bureau considered the organization of elections to the Constituent Assembly as its main objective while the transfer of power to Soviets seemed unacceptable at that time. Being a governing body, the Bureau helped to ensure the viability of local Soviets, having allowed them to remain in the political arena and to retain the status of a power alternative. Creation of the District Bureau became an important step to consolidation of all Siberian Soviets.

Key words: February revolution of 1917, Eastern Siberia, political system, District bureau, Soviets of deputies.

В ходе Февральской революции 1917 г. на политическую арену России в качестве центра власти, альтернативного Временному правительству, выдвинулись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Стихийно

возникшие Советы создавали объединения на уровне уездов и губерний, формируя единую систему в рамках страны и выстраивая советскую вертикаль власти. В марте 1917 г. состоялся ряд областных конференций, совещаний и съездов

Ксения Леонидовна Захарова – стажер-исследователь Института истории СО РАН, e-mail: minienrique@gmail.com.
Kseniya L. Zakharova – research assistant of the Institute of History SB RAS.

Советов (Москва, Финляндия, Поволжье, Урал, Закавказье), на которых ставились и получали решение вопросы об организации областных советских объединений [1, с. 153–169]. Всероссийское совещание Советов, проходившее 29 марта – 3 апреля 1917 г., дало очередной импульс процессу консолидации, наметив создание крупных областных объединений Советов, в том числе и в Сибири [1, с. 169–171].

История областного звена советской системы изучена довольно слабо. Характеристика областных объединений кратко дается в общих исследованиях о борьбе за власть Советов. Ряд книг и статей посвящен конкретным объединениям Советов [2, 3, 4]. Отдельно следует выделить монографию З.Л. Серебряковой – единственное в своем роде исследование об областных объединениях Советов России [5]. Среди областных советских объединений Сибири наиболее полно изучена история ЦИК Советов Сибири (Центросибиря). Особого внимания заслуживают исследования В.Т. Агалакова, который значительное внимание уделил областным объединениям Советов, действовавшим до создания Центросибиря [6, 7].

Проблема областных советских объединений остается актуальной и нуждается в дальнейшем изучении. Настоящая статья посвящена Окружному бюро Советов Восточной Сибири, история которого в силу идеологических причин была освещена в научной литературе весьма тенденциозно.

С марта по июнь 1917 г. в Сибири был образован 141 Совет, а к концу октября, с учетом слияния части Советов, число их составило 157 [8, с. 133; 9, с. 102–103]. Руководство местных Советов осознавало, что острые политические вопросы, которые поставила революция, в том числе подготовка к выборам в Учредительное собрание, не могут быть разрешены отдельными Советами и требуют согласованных действий. Первыми сделали шаг к объединению Советы Восточной Сибири.

С 7 по 13 апреля 1917 г. в Иркутске состоялся Первый съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири, на котором вопрос о создании областного советского органа стал одним из ключевых в повестке дня. Съезд проходил под влиянием меньшевиков и эсеров, председательствовал на нем меньшевик А.А. Никольский. Присутствовало 132 делегата с правом решающего голоса от Советов Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области [10, с. 1, П]¹. Красноярск, в котором руководящая роль принадлежала большевикам, участия в съезде не принял.

В ходе дискуссий о создании областной советской организации было отвергнуто предложение Петрограда объединиться с Советами Дальнего Востока [10, с. 71]. Сформированное на съезде Окружное бюро должно было охватить своим влиянием Советы, находившиеся на территории Иркутского военного округа. Бюро подчиняло своему руководству Советы для «согласованных выступлений, для единства действий»². В его задачи как исполнительного органа, работавшего между съездами Советов Восточной Сибири, входило установление связи революционной демократии в лице

рабочих, солдат и крестьян в округе, подготовка к выборам в Учредительное собрание, налаживание издательского дела, агитационной и пропагандистской работы и т.п.

Бюро предполагалось сформировать из представителей рабочих, солдат и крестьян – по 15 чел. от каждой группы (этот проект реализован не был). Кандидаты от рабочих и солдат выдвигались секциями съезда, а затем утверждались на местах и при необходимости доизбирались. Представители от крестьян должны были войти в Бюро после создания крестьянской окружной организации³.

В состав Окружного бюро от Иркутска были избраны меньшевики Л.И. Гольдман, К.С. Гноев, И.В. Малозовский, эсер А.А. Брудерер и др. На начало мая в Бюро также были представлены Советы Березовки, Канска, Ачинска, Илана, Черемхово, Нижнеудинска, Читы, Сретенска – Даурии – Маньчжурии⁴. Состав Бюро постепенно пополнялся, достигнув 20–25 чел. [11, с. 111]. В политическом отношении Бюро было коалиционным: преобладали меньшевики и эсеры, часть его членов являлась большевиками (А.А. Ансон, А.С. Рыдзинский). Председателем Окружного бюро был избран меньшевик А.А. Никольский (председатель объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов Иркутска). В конце мая 1917 г. А.А. Никольский выбыл в Петроград, а на его место был избран меньшевик Л.И. Гольдман (председатель Совета рабочих депутатов Иркутска).

Свою структуру Окружное бюро унаследовало от Первого съезда Советов Восточной Сибири, сохранив разделение на военную, рабочую и крестьянскую секции. Фактически крестьянская организация вела работу самостоятельно, но сохраняла контакт с Бюро⁵. Рабочая секция Бюро в основном занималась улаживанием конфликтов, возникавших между рабочими и работодателями. Поскольку в Иркутске уже существовала секция труда при Комитете общественных организаций (КООРГе), некоторые вопросы Бюро перенаправляло именно туда. Вообще Окружное бюро поддерживало довольно тесную связь с КООРГом и согласовывало с ним свою деятельность [10, с. 100]⁶.

Большее внимание Бюро уделяло вопросам военного ведомства: вооружению и разоружению частей, назначению и переводу воинских чинов, разрешению разногласий между солдатами и их начальством, отправке солдат в отпуска и т. д. В связи с необходимостью решения большого комплекса задач были выделены самостоятельные секции – юридическая и железнодорожная. Юридическая секция занималась рассмотрением конфликтных ситуаций в среде военных и кадровыми перестановками в командном составе. Упорядочением движения на железных дорогах, нарушением массовой отправкой солдат в отпуска, ведала железнодорожная секция⁷.

Уклон в сторону решения проблем военного ведомства был связан, вероятно, с тем, что представители военных (причем некоторые из них к тому же являлись ответственными работниками штаба округа) составляли большую часть

³ Иркутская жизнь. 1917. 14 апр. С. 3.

⁴ Единение. 1917. 11 мая. С. 3.

⁵ Там же. 14 окт. С. 2.

⁶ Там же. 17 мая. С. 4.

⁷ Там же. 14 окт. С. 2.

¹ Вестник Иркутского Совета рабочих депутатов. 1917. 9 апр. С. 3.

² Единение (Иркутск). 1917. 30 апр. С. 1.

членов Бюро [11, с. 111]. Поэтому Окружное бюро поддерживало тесный контакт с командующим войсками Иркутского военного округа, приказы которого должны были издаваться в полном согласии с Бюро⁸.

Среди основных задач, для решения которых создавалось Окружное бюро, были подготовка к выборам в Учредительное собрание и сопутствующее этому политическое просвещение населения. Однако самостоятельная культурно-просветительная секция, ведавшая этими вопросами, оформилась при Бюро лишь к началу августа 1917 г. В ее задачи входило чтение лекций и проведение собеседований, устройство библиотек и снабжение населения книгами и периодическими изданиями, организация митингов, концертов, спектаклей⁹. Секция вошла в состав культурно-просветительной Лиги Советов Восточной Сибири, председателем которой был избран Г.И. Поршневу, а товарищем председателя – член Окружного бюро К.С. Гноев¹⁰.

Существовало Окружное бюро за счет средств, выделяемых Советами, а также отчислений из заработной платы рабочих и служащих¹¹. Часть денег поступала в кассу Бюро, часть – в литературный фонд при Бюро, что позволяло обеспечивать население политическими изданиями. В июле 1917 г. Бюро вынесло постановление об отчислении 25 % из хозяйственных и экономических сумм воинских частей в пользу Бюро и Советов, в которых эти части были представлены¹².

Для успешного руководства Советами округа Бюро необходимо было поддерживать с ними постоянный контакт. Подчиняясь принципу централизма, местные Советы представляли отчеты о своей деятельности, посылали протоколы заседаний, делегаты от Советов делали доклады в Бюро. Важную роль в информировании населения о политической жизни в округе, о работе Бюро и в получении обратной связи от Советов играла ежедневная газета «Единение» – орган, издаваемый Окружным бюро совместно с Иркутским объединенным Советом рабочих и солдатских депутатов. Публикация в газете материалов о деятельности Советов и Бюро была признана обязательной и происходила на постоянной основе. Для осуществления контроля за исполнением своих постановлений, для решения организационных и агитационных задач на местах Бюро также командировало своих полномочных представителей в Советы округа¹³.

Пределы компетенции Окружного бюро не были четко определены, и оно не ограничивало свою деятельность политическими вопросами. Связано это было во многом с тем, что после Февраля 1917 г. оказалась разрушена старая система местного управления, а формирование новой происходило непоследовательно и являлось результатом самодеятельного творчества общественности. Одновременно сосуществовали комиссары Временного правительства и их административный аппарат, Комитеты общественной безопасности, Советы, городские думы, которые не всегда могли разграничить свои функции. Поэтому Бюро в своей деятель-

ности сталкивалось с самыми разнообразными задачами: от снабжения солдат в Нижнеудинске постельными принадлежностями до предоставления хлебной помощи Якутску в целях преодоления там голода¹⁴.

Бюро либо самостоятельно занималось вынесенными на его рассмотрение вопросами, либо передавало дела в местные Советы, смешанные комиссии, профсоюзы и т. д. Их решения могли быть обжалованы в Бюро (обычно это касалось вопросов устранения от должностей)¹⁵. Президиум Бюро мог самостоятельно решать мелкие вопросы, обязательно сообщая о результатах общему собранию.

В целом Окружному бюро удавалось объединить работу Советов на местах, внести планомерность в их деятельность. Однако не обходилось без конфликтов, вызванных стремлением ряда организаций к самостоятельности. Так, в противоречии с постановлением Окружного бюро о нежелательности отпусков перед отправкой полков на фронт оказалось постановление Исполнительной военной комиссии Совета военных депутатов Иркутского гарнизона, предполагавшее увольнение солдат в отпуски¹⁶. Будучи лишь исполнительным органом отдельного Совета, Комиссия действовала в обход руководящего советского органа Восточной Сибири и стремилась распространить свое влияние на весь округ, подчинив себе вопросы военного ведомства. Данная ситуация свидетельствовала о том, что Окружное бюро как высшее советское звено в округе было признано скорее по молчаливому согласию, а не безусловно¹⁷.

Еще нагляднее этот факт демонстрировало взаимоотношения Окружного бюро и Красноярского Совета, так и не направившего своих представителей в Иркутск. Игнорируя распоряжения Бюро, в том числе по вопросу солдатских отпусков, Совет Красноярска отказывался признавать его руководящую роль. В свою очередь, обстановка в Красноярске, в частности, нехватка в городе продовольствия и производимые в связи с этим обыски и реквизиции, давала повод Бюро вмешиваться в дела Совета, обвинять его в неспособности обеспечить безопасность и стабильность жизни населения¹⁸. Кроме того, назрел конфликт с офицерами Красноярского гарнизона, не разделявшими линию поведения Совета¹⁹.

В августе из Иркутска в Красноярск выехали представители Окружного бюро, кроме того, на квартирование была переведена войсковая часть. Это было сделано под предлогом необходимости предотвращения беспорядков, которые могли произойти по возвращении солдат, отпущенных на полевые работы. В Красноярске эти действия восприняли как карательную экспедицию, направленную на подавление самостоятельности Совета. Однако конфликт разрешился мирно²⁰. Бюро удалось добиться своей цели – включить представителей Красноярского совета в свой состав²¹. Красноярцы признали за Окружным бюро роль руководителя Со-

¹⁴ Там же. 17 мая. С. 4; 28 июля. С. 3.

¹⁵ Там же. 1 июля. С. 3; 12 июля. С. 2.

¹⁶ Там же. 18 июня. С. 3.

¹⁷ Там же. 20 июня. С. 3.

¹⁸ Там же. 4 июля. С. 3.

¹⁹ Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 авг. С. 1.

²⁰ Единение. 1917. 19 авг. С. 2, 25 авг. С. 3, 29 авг. С. 3.

²¹ Там же. 27 авг. С. 2–3.

⁸ Единение. 1917. 14 окт. С. 2.

⁹ Там же. 5 авг. С. 3.

¹⁰ Там же. 9 авг. С. 2.

¹¹ Там же. 27 июня. С. 3.

¹² Там же. 11 июля. С. 3.

¹³ Там же. 27 мая. С. 2; 4 июля. С. 3.

ветов Восточной Сибири, обязались согласовывать с ним свои действия, особенно в военном вопросе, однако полное подчинение Бюро считали неприемлемым и оставили за собой «право свободной агитации по всем вопросам, выдвигаемым российской революцией»²².

Поводом для разногласий послужила политическая линия, которой придерживалось Окружное бюро. Так, на совместном заседании общественно-политических организаций Иркутска по поводу июльских событий в Петрограде была выражена полная поддержка Временному правительству, а вооруженное выступление против центральных органов власти было расценено как измена делу революции²³. Окружное бюро присоединилось к резолюции иркутской демократии. Однако не все Советы округа были солидарны с позицией Бюро. Особенно жаркие прения разгорелись в Советах Енисейской губернии, а Ачинск и Красноярск официально разделяли линию большевиков²⁴.

В начале августа в связи с отъездом председателя Бюро Л.И. Гольдмана в Петроград и отбытием секретаря Н.И. Герасимова к новому месту службы состоялись довыборы руководства Окружного бюро. Председателем был избран меньшевик А.Н. Черкунов, товарищем председателя оставался меньшевик-интернационалист П. Протопопов, первым секретарем – большевик А.А. Ансон, вторым секретарем был избран эсер М.Г. Молотковский²⁵. Бюро сохранило свой коалиционный состав, однако это не разрешило противоречий, возникавших в связи с обострением политического кризиса.

Корниловское выступление углубило раскол в отношениях между Бюро и Советами округа. Окружное бюро Советов Восточной Сибири в единении с краевым комиссаром подтвердило свою готовность оказывать поддержку Временному правительству и просило Советы воздержаться от выступлений против центральных органов власти²⁶. Однако на местах обнаружилось расхождение с политической линией Бюро – часть Советов выступила за взятие власти в свои руки. Кроме того, ставилась под сомнение способность Бюро исполнять руководящие функции. В Ачинске Совет рабочих и солдатских депутатов указал на то, что Окружное бюро «совершенно не удовлетворяет тем требованиям, которые к нему могут предъявлять Советы, объединившиеся вокруг него»²⁷. Он обвинил Бюро в нерешительности, канцелярской волоките, сокрытии своих протоколов, принятии постановлений, не соответствующих взглядам Советов округа, и поставил вопрос об отзыве своих делегатов из Бюро.

Тогда же произошло объединение Советов вокруг революционного Красноярска, политическое лидерство в котором принадлежало большевикам. С 6 по 10 сентября 1917 г. в Красноярске проходил Первый съезд Советов Средней Сибири. Съезд осудил политику соглашательства с буржуазией и заключил, что «вся полнота государственной власти должна теперь же перейти в организации революционной демократии» – в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [12, с. 200]. На съезде было избрано Бюро Советов

Средней Сибири. Руководящая роль Окружного бюро была оспорена, и часть Советов, в идейном отношении тяготевших к Красноярску, получила возможность выйти из-под контроля Бюро. О том, что Окружное бюро теряло политическое лидерство в округе, свидетельствует тот факт, что Бюро вообще не было осведомлено о проведении съезда Советов Средней Сибири²⁸.

На съезде красноярские большевики высказались за проведение Общесибирского съезда Советов. Но инициативу по созыву съезда было предложено взять на себя именно Окружному бюро, которое имело более солидный организаторский опыт и за время своего существования наладило связь с крупнейшими Советами Сибири²⁹. Несмотря на недостатки в своей работе, Окружное бюро было более подходящим кандидатом на роль организатора съезда, нежели недавно созданное Бюро Советов Средней Сибири. К тому же коалиционный состав Окружного бюро позволял привлечь Советы, стоявшие на разных политических платформах, сделать съезд более представительным и придать ему большую законную силу.

Руководство Окружного бюро осознавало, что в связи с усиливавшейся ролью большевиков расстановка сил на съезде может оказаться не в пользу Бюро, но отказаться от его созыва не могло – это означало бы потерю влияния в округе. Бюро выполнило возложенные на него обязательства: ознакомило Советы с постановлением о необходимости созыва съезда, разработало его программу и регламент работы, определило норму представительства³⁰. Однако проведение Общесибирского съезда Бюро откладывало, намереваясь лучше подготовиться и заручиться поддержкой Советов округа на предстоящем съезде Советов Восточной Сибири, открытие которого было назначено на 11 октября 1917 г.

Второй съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири стал своеобразной чертой, подводящей итоги деятельности Окружного бюро накануне Октября 1917 г. В отличие от Первого съезда, здесь сложилась влиятельная группа большевиков, которых поддерживали левые эсеры. Отчет Окружного бюро о проделанной им работе вызвал бурные прения. Бюро вынуждено было признать, что не всегда успешно справлялось со своими обязанностями и что многие руководимые им Советы, занявшись текущими делами, оторвались от политической жизни страны, отошли от масс, интересы которых должны были отстаивать. Бюро неоднократно предпринимало попытки наладить связь с Советами и активизировать их работу: составляло анкеты для выяснения результатов деятельности Советов, направляло в округ своих инструкторов, требовало принять меры для привлечения масс (без права решающего голоса) на заседания Советов и для пропаганды среди населения текущих политических задач, призывало создать агитаторские коллегии при Советах, проводить митинги, организовывать библиотеки-читальни, выписывать газеты³¹. Зачастую все это оставалось лишь рекомендациями на бумаге.

²² Единение. 1917. 26 авг. С. 3.

²³ Там же. 8 июля. С. 1.

²⁴ Знамя труда (Красноярск). 1917. 1 авг. С. 4.

²⁵ Единение. 1917. 12 авг. С. 2.

²⁶ Там же. 8 сент. С. 3.

²⁷ Там же. 30 сент. С. 3.

²⁸ Там же. 21 сент. С. 3.

²⁹ Иркутская жизнь. 1917. 21 сент. С. 4.

³⁰ Там же. 23 сент. С. 3.

³¹ Единение. 1917. 1 августа. С. 3.

На съезде меньшевики и эсеры обвинялись в том, что превратили Бюро в придаток Временного правительства: в телеграмме от 19 сентября 1917 г. товарищ министра С. Салтыков выразил надежду, что Бюро и впредь будет оставаться на «высоте своего положения» и сохранит порядок в округе [7, с. 72]. Руководство Округного бюро было вынуждено согласиться, что часто проявляло нерешительность, не вырабатывало самостоятельной политической линии. Большевики Б.З. Шумяцкий, А.И. Окулов, В.Н. Яковлев и др. категорически высказались за необходимость передачи всей полноты власти в руки Советов, что противоречило официальной позиции Бюро³².

Съезд Советов Восточной Сибири, вынужденный спешно прекратить свои заседания в связи с открытием Первого Общесибирского съезда Советов, продемонстрировал очевидное – авторитет Округного бюро был подорван. Состав Бюро оперативно пополнился левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами, а три места были закреплены за большевиками.

На Первом Общесибирском съезде Советов, открывшемся 16 октября, преобладали леворадикальные элементы. Из 184 делегатов 64 являлись большевиками, 35 – левыми эсерами, 10 – социал-демократами интернационалистами [11, с. 114]. Эсеро-меньшевистское руководство Округного бюро, хотя и являлось организатором съезда, но влияния на нем не имело, не сумев реабилитировать себя после неудачи на Втором съезде Советов Восточной Сибири.

Результаты съезда были не в пользу Округного бюро. Незначительным большинством голосов съезд принял предложенную левыми радикалами резолюцию о взятии власти Советами. Съезд избрал Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири (Центросибирь), руководящая роль в котором принадлежала большевикам и левым эсерам. Округное бюро было подчинено Центросибири как высшему советскому органу в крае. Это означало утерю меньшевиками и эсерами лидирующих позиций в Иркутске, где теперь располагалась Центросибирь, и позволило большевикам усилить свое влияние в округе.

Округное бюро Советов Восточной Сибири сыграло важную роль в организации стихийно возникших в ходе революции Советов в единую систему на подчиненной им территории. Местные Советы, контролируемые Бюро, были обеспечены моральной и ресурсной (в том числе и финансовой) поддержкой с его стороны. Однако Бюро, принявшее на себя функции и административного органа власти, и органа местного самоуправления, оказалось не способно чутко реагировать на изменение политического климата в округе. В условиях роста популярности леворадикального крыла революции эсеро-меньшевистскому руководству Бюро следовало разработать более гибкую стратегию поведения. С этой задачей Бюро не справилось и уступило руководящие позиции большевикам. Тем не менее, Округное бюро решило свою основную задачу – укрепить жизнеспособность Советов, позволив им удержаться на политической арене и сохранить за собой статус властной альтернативы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Организация и строительство Советов РД в 1917 году: сб. док. М., 1928. 477 с.
2. Берцинский С. Московская область в 1917–1918 гг. // Власть Советов. 1923. № 6–7. С. 54–69.
3. Ветошкин М. К. Революция и Гражданская война на Севере: очерки по истории борьбы за власть, организации советской власти и Коммунистической партии на Севере. Вологда, 1927. 214 с.
4. Ослоновский А. Д., Орлов А. Десять лет борьбы и строительства Советов на Урале (1917–1927). Свердловск, 1928. 147 с.
5. Сербрякова З. Л. Областные объединения Советов России: март 1917 – декабрь 1918. М., 1977. 231 с.
6. Агалаков В. Т. Подвиг Центросибири. Иркутск, 1968. 152 с.
7. Агалаков В. Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск, 1978. 255 с.
8. Зольников Д. М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969. 334 с.
9. Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. 156 с.
10. 1-й Съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири в г. Иркутске 7-го апреля 1917 года. Иркутск, 1917. С. 101, VI.
11. Абов А. Октябрь в Восточной Сибири // Сибирские огни. 1924. № 4. С. 107–121.
12. Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. (Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкомов и отделов): сб. док. Красноярск, 1960. 582 с.

REFERENCES

1. The organization and construction of Soviets of WD in 1917. Collected documents. Moscow, 1928. 477 p. (In Russ.)
2. Bertsinskiy S. The Moscow Region in 1917–1918. *Vlast' Sovetov*. 1923, no. 6–7, pp. 54–69. (In Russ.)
3. Vetoshkin M.K. Revolution and Civil War in North Russia: essays on history of fight for power, the organization of the Soviet power and Communist Party in North Russia. Vologda, 1927, 214 p. (In Russ.)
4. Oslonovskiy A.D., Orlov A. Ten years of fight and construction of Soviets in the Urals (1917–1927). Sverdlovsk, 1928, 147 p. (In Russ.)
5. Serebryakova Z.L. Regional associations of Soviets of Russia: March, 1917 – December, 1918. Moscow, 1977, 231 p. (In Russ.)
6. Agalakov V.T. The feat of Tsentrosibir. Irkutsk, 1968, 152 p. (In Russ.)
7. Agalakov V.T. Soviets in Siberia (1917–1918). Novosibirsk, 1978, 255 p. (In Russ.)
8. Zol'nikov D.M. Labor movement in Siberia in 1917. Novosibirsk, 1969, 334 p. (In Russ.)
9. Babikova E.N. Dual Power in Siberia. Tomsk, 1980, 156 p. (In Russ.)
10. The 1st Congress of Soviets of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies of Eastern Siberia in Irkutsk on April, 7, 1917. Irkutsk, 1917, p. 101, VI. (In Russ.)
11. Abov A. The October Revolution in Eastern Siberia. *Sibirskie ogni*. 1924, no. 4, pp. 107–121. (In Russ.)
12. Krasnoyarsk Soviet. March, 1917 – June, 1918. (Protocols and resolutions of congresses of Soviets, plenums, executive committees and departments). Collected documents. Krasnoyarsk, 1960, 582 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 13.10.2016

³² Там же. 14 окт. С. 2.

DOI: 10.15372/HSS20160421
УДК 94 (571.52) "1922/1932"

Н.М. МОЛЛЕРОВ

СОЗДАНИЕ ОЧАГОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ В СОВЕТСКОЙ КОЛОНИИ В ТУВЕ (1922–1932 гг.)

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований,
РФ, 667000, Кызыл, ул. Кочетова, 4

В статье прослеживаются создание и деятельность первых очагов промышленности в советской зарубежной колонии в Туве (артелей золотостарателей, промысловиков и кустарей, а также производственных мастерских разного профиля), организация и работа торгового отдела и кооперативной торговли в советской колонии, переход указанных хозяйственных организаций под юрисдикцию тувинского государства. Обращается внимание на политические, экономические, географические, этнические и другие особенности становления и развития этих организаций в начальный период осуществления социалистической модернизации в феодально-патриархальной Туве. Отмечается роль советских хозяйственных организаций в подготовке кадров тувинских специалистов, укреплении экономической самостоятельности Тувы, ее национальной государственности и развитии советско-тувинских отношений как между тувинцами и советскими колонистами, так и на межгосударственном уровне.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, советская зарубежная колония в Туве, старательские, промысловые и кустарные артели, государственная торговля и торговая кооперация, слияние советских хозяйственных организаций с тувинскими.

N.M. MOLLEROV

CREATION OF THE FIRST CENTERS OF INDUSTRY AND TRADE IN THE SOVIET FOREIGN COLONY IN TUVA (1922–1932)

Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics
4, Kochetova Str., Kyzyl, 667000, Russia

The goal of the present article is to study and throw light upon the activities of industrial enterprises and trade organizations of Soviet foreign colony in Tuva. With this goal in mind, the author used a systematic method to analyze the scarce publications of predecessors along with the new documentary and other sources. This allowed tracing the origin of industrial enterprises and trade organizations of Soviet colonists in Tuva (in all their specific manifestations and in synthesis of the general and the particular) and to define the main result of their activities.

At the beginning of 1922, the Soviet citizens in Tuva established a Russian Self-Administering Workers' Colony (RSWC). Living in a foreign environment and suffering from the lack of financial support from the USSR, the executive committee of the colony began its economic activities with the development of gold mining and creation of simple production workshops. At the early stage, these activities had a limited economic benefit: revenues from gold mining did not go to the budget of the colony and were not used for its development; the workshops were also unprofitable due to the lack of skilled workers, funds and technical facilities. The establishment of joint Soviet-Tuvan organization—Mining Department of Tuvan Bank— helped to make the gold mining cost effective. Industrial enterprises became the first business organizations of the RSWS to be transferred into the jurisdiction of the Tuvan People's Republic. The first and the following steps of handicraft and trading organizations were more successful and economically feasible. The study undertaken in this article showed that while addressing the economic issues the Soviet colonists strengthened Tuva's economy. These processes could have been more successful had they not been hampered by the priority of political sphere over the economy.

Key words: the Tuvan People's Republic, Soviet foreign colony in Tuva, cooperative syndicates of gold miners, hunters/fishermen and handicraftsmen, state-run trade and trade cooperatives, the merging of Soviet and Tuvan economic organizations.

На I съезде Советов представителей русского населения в Туве 10 февраля 1922 г. состоялось оформление Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК). Избранный

на нем исполкомом РСТК поставил перед постоянно проживавшими в Туве советскими гражданами задачу по укреплению экономического положения колонии. С этой целью

Николай Михайлович Моллеров – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, e-mail: igi@tuva.ru
Nikolay M. Mollerov – Doctor of Historical Sciences, Senior Academic, Officer of the Sector of History.

в течение февраля – апреля 1922 г. он заключил с тувинским правительством на арендных началах ряд договоров¹.

В области промышленного развития Советской колонии в Туве главные надежды связывались с возобновлением добычи золота. В дореволюционный период в Туве из-за выработки многих месторождений произошло сокращение объемов ее добычи. В период бурных военно-политических событий 1917–1921 гг. прекратилась деятельность ряда перспективных приисков в системе рек Каралых–Кем². Тогда же был разрушен крупный прииск Железнова–Сафьянова на Тапсе. Если в рабочем состоянии он оценивался в 400 тыс. руб., то в результате нанесенного урона его стоимость упала в 20 раз³. До 1921 г. действовал только прииск Одигитриевский на притоках р. Сыстыг-Хем.

Чтобы поставить добычу золота на стабильную основу, требовались немалые финансовые вложения в закупку и доставку оборудования, проведение разведывательных работ и наем специалистов и рабочих. Такими средствами исполком РСТК не располагал. Но по соглашению с тувинским правительством, заключенному в апреле 1922 г., ему удалось получить правовые гарантии для работы старательских артелей колонистов. Вырученные от добычи золота средства, как правило, использовались в целях подъема крестьянских хозяйств. В 1924 г. золотодобычей в Туве занимались 35 русских и 135 корейских старателей⁴.

Частный капитал в золотодобычу здесь даже в период нэпа не привлекался, о чем свидетельствует безуспешная попытка бывшего владельца прииска на Харале Тропина заключить с тувинским правительством договор на разработку одного из месторождений⁵. Напротив, исполком и тувинское правительство стремились взять добычу золота под свой полный контроль.

В 1924 г. исполком РСТК и Министерство финансов ТНР предприняли попытку организации государственных золотодобывающих предприятий. Снарядили четыре старательские артели. В связи с открытием новых богатых месторождений на Харале этот год, в сравнении с предшествующими, стал благодаря введению золотодобычи в правовые рамки более успешным в хозяйственном отношении. Однако достигнутый успех оказался кратковременным. Участки с богатым содержанием золота были быстро выработаны, уровень золотодобычи снова снизился. В 1925 г. организованная исполкомом РСТК артель к концу сезона добыла 3 пуд. золота. Зная, что в пользу ТНР в виде арендной платы взималось 15 % всей добычи, можно установить, что в 1925 г. на одного старателя в среднем за сезон приходилось 680 г золота. Почти таким же или несколько ниже был этот показатель в последующие годы⁶.

4 июля 1926 г. вступил в силу принятый правительством ТНР закон о горной промышленности. К добыче золота

в Туве, согласно закону, допускались старательские артели, состоящие из не менее 4 и не более 50 чел. и заключившие договоры с Минфином ТНР. Только с мая по июль 1926 г. такие договора заключили многие старательские артели, в том числе: «Беднота» (5 чел.), «Горняк» (8), «Пролетарий» (10), «Красная Звезда» (16), «Поликат» (4), «Колчедан» (4), «Красный старик» (5 чел.). В сезон 1926–1927 г. на Харале работало до 50 артелей. Подобные артели действовали по рекам Каа-Хем, Турген, Эйлиг-Хем, Бай-Сют, Серлиг и др.⁷

Принятие указанного закона свидетельствует, что тувинское правительство проводило курс на создание в сфере золотопромышленности исключительно коллективных (хотя их и называли частными) хозяйств в форме артелей. Численность старателей в артелях определялась, главным образом, размерами участков, отведенных для работ. Из вышеприведенных данных видно, что это были в основном малочисленные коллективы. Такой способ добычи в отсутствие разведанных крупных месторождений золота в Туве позволял осваивать мелкие речушки и ключи. Для этого не требовалось ни больших затрат, ни техники.

В соответствии с договором, заключенным между исполкомом РСТК и Министерством финансов 3 марта 1927 г., на Харале в местечке Богатый увал в течение года работала старательская артель исполкома. В отличие от других артелей, она имела неплохое техническое оснащение – гидравлику⁸ с четырьмя мониторами. Возглавляли артель опытные специалисты, ранее занимавшие ответственные должности на прииске Железнова–Сафьянова. По условиям договора исполкому принадлежала лишь половина всего добытого золота (другую половину получали 13 работников артели) Это не позволило даже окупить затраты, исполком понес убыток в 583 руб.⁹

В РСТК в небольших масштабах велась разработка каменного угля, лесозаготовка, действовали производственные мастерские. Исполкому принадлежала паровая мельница с дроворезкой и лесопилкой, которые приводились в действие общим двигателем. Дроворезка снабжала дровами служащих исполкома РСТК, а лесопилка поставляла строительный материал для учреждений РСТК и ТНР. Здание исполкома освещалось небольшой электростанцией. Все эти производства были необходимы, но оказались убыточны.

Следует отметить, что исполком РСТК не справился с задачей организации рентабельного производства, хотя прилагались немалые усилия: хозяйственно-экономический отдел и ряд мастерских были переведены на хозяйственный расчет; введен режим экономии, предпринимались попытки сдать убыточные предприятия в аренду. Однако недостаточная компетенция кадров в вопросах экономики и слабая техническая оснащенность негативно отражались на результатах работы. «Дежурным» оправданием неэффективности производств являлась ссылка на вынужденное использование в качестве «спецов» военнопленных из разбитого в 1921 г. в Туве отряда белого генерала А.С. Бакича.

¹ Центр архивной документации партий и общественных организаций Государственного архива Республики Тыва (ЦАДПОО ГАРТ). Ф. 32. Оп. 1. Д. 18. Л. 7–9; Государственный архив Республики Тыва (ГАРТ). Ф. 102. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

² ГАРТ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 108. Л. 11–15.

³ Там же. Д. 27. Л. 15.

⁴ ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37. ЛЛ. 109–110.

⁵ Там же. Д. 24. Л. 128.

⁶ Там же. Д. 79. Л. 67.

⁷ ГАРТ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–10; Д. 17. Л. 29.

⁸ Механизм для размельчения и промывки золотосодержащих пластов земли.

⁹ ГАРТ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 27. Л. 6; ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 101. Л. 23.

Кустарное производство в советской колонии, как правило, имело подсобный характер. В 1925 г. в РСТК насчитывалось 265 кустарей-одиночек, из них 21 кожевник, 20 кузнецов, 19 сапожников, 17 плотников, 13 мельников, 20 пимокатов, 9 овчинников, 6 дегтярей. Были также сплавщики леса, выгонщики извести, печники, маслобойщики, портные¹⁰. Русские охотники издавна сами выделяли меха, «причем настолько удачно, что шкурки местной выделки вполне годились к отправке на иностранные рынки» [1, с. 547]. Наиболее развитыми в РСТК были такие виды кустарного производства, как гончарный, мыловарный, дегте- и смолокуренный, овчинно-кожевенный, валяльно-пимокатный, сапожный, кузнечно-слесарный, бондарный, пошивочный, веревочный, столярный, кондитерский, колбасный и др.¹¹ В декабре 1927 г., поддерживая меры советского правительства, направленные на укрепление суверенитета и экономической независимости ТНР, исполком РСТК передал тувинскому правительству на льготных условиях свои кустарные предприятия¹².

Основой тувинской промышленности стали золотодобывающие предприятия. В 1928 г. при Тувинбанке был учрежден горный отдел, который ввел плановое начало во всей золотодобывающей промышленности ТНР. Все действующие прииски и месторождения золота взяли на учет государственные органы, запретили негосударственную добычу золота, стали создаваться новые старательские артели под управлением горного отдела, широко развернулась разведка новых месторождений. Принятые горным отделом меры в первый же год позволили при меньшей численности рабочих превзойти более чем на 60 % уровень золотодобычи 1914 г., а к концу 1931 г. он был превышен в 3,8 раза¹³.

В 1928–1931 гг. в золотопромышленности ТНР в качестве рабочих были заняты в основном колонисты РСТК. Летом 1930 г. правительство ТНР приняло постановление о вовлечении в горную промышленность аратов. На приисках стали создаваться смешанные русско-тувинские бригады. Так, на Харале тувинские рабочие успешно осваивали под руководством советских наставников профессии мониторищиков. На прииске Эйлиг-Хем большое внимание уделялось повышению квалификации тувинских рабочих, подготовке и выдвижению их на административно-хозяйственную работу (заведующими хозяйством, смотрителями и др.). С 1928 по 1932 г. число рабочих в золотопромышленности Тувы возросло с 600 до 1200 чел., причем 55 % из них составляли тувинцы¹⁴. В условиях социалистической модернизации рабочий класс Тувы постепенно становился активной общественной силой.

В горной промышленности ТНР использовался производственный опыт СССР. Благодаря организации соревнования и применения ударных методов труда удалось поднять производительность труда на приисках. Весной на прииске Харал насчитывалось 60 % ударников, причем 40 % русских рабочих приняли на себя обязательство остаться на произ-

водстве до конца пятилетки в СССР¹⁵. В этих условиях ярко проявлялась личная инициатива рабочих. Так, кузнец прииска Октябрьский Н. Кузнецов обязался ударно трудиться, беречь инструмент, работать без брака, дорожить рабочим временем, обучить своей профессии в течение 6–8 месяцев арата или колониста. Он вызвал на этих условиях на социальное соревнование всех кузнецов в ТНР¹⁶. Известно, что преувеличение моральных стимулов труда над материальными, ставка на трудовой энтузиазм позволяют добиваться кратковременных успехов, но не могут служить основой для долговременного поступательного развития. Однако в рассматриваемый период трудовой подъем рабочих кадров Тувы и РСТК был достаточно высок и давал ощутимые результаты.

С 1931 г. в ТНР начала бурно развиваться кустарно-промышленная кооперация. В организованный Кустпромсоюз ТНР вошли и артели советских граждан. В 1931 г. в системе кустарно-промышленной кооперации было 350 (из них 30 русских) охотничьих, 20 рыболовецких, 6 щепных, кузнечно-слесарная и пошивочная артели. Лучшие кустари советской колонии, владевшие тувинским языком, использовались в качестве мастеров и инструкторов, «долженствующих выковать кадры из аратов»¹⁷.

С 1932 г. на Тодже (Северо-Восточная Тува), являвшейся основным зверо- и рыбопромышленным районом, все промыслы вели два промколхоза, в которых работали 85 русских и 32 тувинских промысловика¹⁸. На оз. Азас была организована большая рыболовецкая артель «Интеграл» (90 чел.) под руководством П.С. Толпышева. За сезон она заготавливала и отправляла на плотах в Кызыл до 200 т рыбы. Артель имела свою бондарную мастерскую (10 чел.)¹⁹.

Советские граждане, проживавшие в ТНР, заключали с тувинскими организациями договора о заготовке дров, сдаче маральих рогов, доставке личных транспортных средствами различных грузов и почты²⁰. По данным переписи 1931 г. промыслом занималось 448, а извозом – 930 русских хозяйств. Тувинские артельщики осваивали мыловаренное, щепное, пищевое и другие производства²¹.

Кустарные артели в Туве в указанный период являлись, как правило, рентабельными. Во многом это объяснялось тем, что тувинский рынок оставался в значительной степени не освоенным и спрос на местную продукцию на нем поддерживался на высоком уровне.

До середины 1920-х гг. доминирующее положение на тувинском рынке занимали частные торговцы. В 1923 г. 75 % всех торговых операций в ТНР осуществляли 36 китайских фирм, имевших 70 отделений. Их товарооборот более чем в 2 раза превышал объем советской торговли в Туве. Кро-

¹⁵ Новый путь. 1931. 17 марта.

¹⁶ Там же. 24 марта.

¹⁷ ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 114. Л. 4, 6-9, 35-36.

¹⁸ ГАРТ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 198. Л. 338; Новый путь. 1931. 26 июня.

¹⁹ Воспоминания ветерана торговой кооперации в ТНР Б.В. Худяшева. Личный фонд Н.М. Моллерова.

²⁰ Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИГПИ). Д. 31. Л. 28.

²¹ РФ НМРТ. Д. 32. Л. 72.

¹⁰ Красный пахарь. 1926. 20 апр.; ГАРТ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

¹¹ Рукописный фонд Национального музея Республики Тыва (РФ НМРТ). Д. 32. Л. 72.

¹² ГАРТ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 50. Л. 215.

¹³ Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 5. Л. 67.

¹⁴ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

ме китайских, были еще корейские, монгольские и русские частные торговые заведения [2, с. 69; 3, с. 8].

В начале 1920-х гг. в РСТК создаются торговый отдел при исполкоме и потребительская кооперация. Через их сеть происходила реализация излишков продукции земледелия и животноводства, сбыт пушнины, маралых рогов и прочей продукции, осуществлялось снабжение крестьянских хозяйств орудиями земледелия, предметами первой необходимости и т.п. На 1923 г. объем товарооборота торгового отдела составлял около 60 тыс. руб., а кооперации – 40 тыс. руб. В 1925 г. эти организации вместе принесли РСТК чистого дохода 15,5 тыс. руб.²² Торговый отдел имел центральный магазин в Кызыле и ряд отделений в хошунах (районах). Он самостоятельно производил закупку продукции в Туве и ее сбыт в СССР.

Потребительская кооперация развернула свою торгово-заготовительную деятельность с сентября 1922 г., осуществляя свои операции по линии Центросоюза СССР и Сибгосторга. На первых порах между кооперацией РСТК и торговыми организациями СССР в Туве шла конкурентная борьба, что рассматривалось как серьезное препятствие для торговли в Туве.

6 марта 1924 г. на объединенном заседании членов правления и ревизионной комиссии Урянхайского союза кооперативов (затем Всеколонистское потребительское общество, или ВПО) было решено установить с отделением Центросоюза «единый фронт», а именно, достичь соглашения в ценах, распределить районы деятельности и т.п.²³ Дальнейшему укреплению русской кооперации способствовали: удешевление торгового аппарата, подбор компетентных руководителей, снижение паевого взноса и др. На 1926 г. кооперация РСТК имела местные потребительские общества в поселках, которые охватывали половину всех хозяйств РСТК²⁴.

16 декабря 1924 г. при содействии Центросоюза СССР, Сибгосторга, райбюро РКП (б) и исполкома РСТК был создан тувинский центральный кооператив (Тувинценкооп, ТЦК) и тем самым положено начало кооперированию тувинского населения в сфере торговли. Советские торговые организации в ТНР основывали свое сотрудничество с тувинской кооперацией на началах равноправия и оказывали тувинскому народу широкую помощь в экономическом и организационном укреплении кооперативной торговли [3, с. 11].

С середины 1920-х гг. господствующее положение на тувинском рынке заняло тувинское отделение Сибгосторга РСФСР. Одновременно набрали силу торговый отдел и кооперация РСТК. Объем их товарооборота в 1926 г. составил соответственно 300 и 360 тыс. руб., что дало увеличение, в сравнении с 1923 г., в 5 и 9 раз [3, с. 8]. Расширилась их торговая сеть. В конце 1920-х гг. торговый отдел исполкома РСТК имел 6, а кооперация – 9 торговых точек.

В 1928 г. исполком РСТК, осуществляя курс на свертывание функций самоуправления советских граждан в ТНР, ликвидировал торговый отдел, передав все его товарные ценности потребительской кооперации. В 1927/28 операцион-

ном году общий оборот Всеколонистского потребительского общества, включая реализацию товаров и заготовки, составил 440 тыс. руб., что в сравнении с 1923 г. дало рост в 12 раз. ВПО имело свой центральный склад в Кызыле, а также лавки в Туране, Уюке, Бояровке, Березовке, Шагаан-Арыге, Элегесте, Атамановке, Верхне-Никольском, Максимовке и Кызыле. На 1 октября 1928 г. членами потребительской кооперации РСТК состояло до 1900 пайщиков. Паевой капитал исчислялся суммой в 6,5 тыс. руб. Из 2200 хозяйств РСТК на это время было кооперировано 80 % или 11 650 чел.²⁵

В 1929 г. произошло слияние ВПО и ТЦК в центре и на местах. Тувинское население положительно отнеслось к объединению торговой кооперации РСТК и ТНР. По этому поводу газета «Красный пахарь» писала: «В Мало-Енисейском районе среди местных тувинцев зачастую можно услышать хорошие отзывы относительно слияния коопераций. Из таких разговоров видно, что население смотрит на этот шаг, как на хороший почин экономической мощи Тувы...»²⁶. Перед тувинско-русским по составу Тувинценкоопом были выдвинуты следующие задачи: стать массовой общественно-кооперативной организацией (до его создания в деятельности ТЦК превалировал государственный капитал) и в течение 1929 г. кооперировать тувинское население на 25 %, русское на 100 %, полностью удовлетворить нужды потребителей. В 1928/29 хозяйственном году удельный вес ТЦК в сбыте равнялся 65 %, а в заготовках – 40 %²⁷. В то же время удельный вес частного торгового капитала с 19,3 % в 1929 г. снизился до 1,28 % в 1930 г. и упал до нуля в 1931 г. [4, с. 178].

Не преуменьшая значения чисто экономических методов борьбы с частным капиталом (прежде всего за счет снижения цен на товары), следует отметить, что использовались и средства административного нажима. Так, с русскими частными торговцами в Туве «разобрались», выселив их в течение 1927–1929 гг. в СССР²⁸. Что касается иностранного, главным образом китайского, торгового капитала, то ему были созданы серьезные затруднения экономическим путем. Вытеснение частного торгового капитала обосновывалось задачами укрепления экономической независимости ТНР. Однако вряд ли следовало совершенно прекращать торговые связи с Китаем, тем более что его товары (чай, табак, ткани, предметы быта и др.) были лучше ориентированы на нужды аратского населения, чем советские. В целом с экономической точки зрения эта мера была невыгодной, хотя бы по причинам абсолютного устранения конкуренции.

Сибгосторг, решив основную задачу по обеспечению потребительских запросов тувинского и русского населения, созданию тувинской торговой сети, прекратил свою деятельность в ТНР. К тому времени ТЦК превратился в мощную торговую организацию с товарооборотом 6630 тыс. руб. Произошли положительные сдвиги и в ценообразовании: наценка на товары снизилась с 45 % в 1926 г. до 14 % в 1931 г.²⁹ На собрании уполномоченных ТЦК в августе 1929 г. был введен дифференцированный паевой взнос в зависимости

²² ГАРТ. Ф.102. Оп. 1. Д. 9. ЛЛ. 8 об.

²³ Там же. Д. 17. Л. 15.

²⁴ Красный пахарь. 1926. 25 марта; ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 90. Л. 70.

²⁵ Красный пахарь. 1929. 6 марта.

²⁶ Там же.

²⁷ РФ НМРТ. Д. 3. Л. 2 об.

²⁸ ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.

²⁹ Новый путь. 1931. 5 июн.

от имущественного положения и заработной платы членов кооператива в размере от 5 до 75 руб.³⁰ В результате слияния к 10 отделениям ТЦК присоединились еще 7 ранее принадлежавших ВПО³¹.

В Москве и Минусинске ТЦК имел свои торговые представительства. В г. Улан-Баторе (Монголия) функции торгового агентства ТЦК выполняло полномочное представительство ТНР. Закупку товаров ТЦК производил в СССР, Монголии, Китае и Германии. Заготовленные продукты земледелия, животноводства и пушнина сбывались в СССР и на мировом пушном рынке³².

В целом хозяйственные организации СССР и РСТК в Туве во многом способствовали укреплению экономической самостоятельности тувинского государства. А это, в свою очередь, приводило к развитию национальной государственности, повышению уровня жизни населения Тувы. Проводимый в Туве курс на огосударствление хозяйственных организаций и устранение конкуренции между ними способствовал стабилизации и усилению организующего начала на внутреннем рынке, но, вместе с тем, создавал серьезные барьеры для дальнейшего поступательного развития экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3, вып. 1. 414 с.
2. Очерки истории Тувинской организации КПСС. Кызыл, 1975. 405 с.
3. Ковалев А.Г. Создание социалистических форм торговли в Туве (1921–1944 гг.) // Уч. зап. Гос. пед. ин-та. Кызыл, 1961. С. 26–47.
4. Сердобов Н.А. Коминтерн и революционная Тува. Кызыл, 1985. 238 с.

REFERENCES

1. Grumm-Grzhimailo, G.E. Western Mongolia and the Urianghai Region. Leningrad, 1926, vol. 3, Iss. 1. 414 p. (In Russ.)
2. Essays on the History of the Tuvan Organization of the Communist Party of the Soviet Union. Kyzyl, 1975, 405 p. (In Russ.)
3. Kovalev A.G. Creation of Socialist Forms of Trade in Tuva (1921–1944). *Scholarly Transactions of State Teachers' Training Institute*. Kyzyl, 1961, pp. 26–47. (In Russ.)
4. Serdobov, N.A. Comintern and Revolutionary Tuva. Kyzyl, 1985. 238 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 06.10.2016*

³⁰ РФ НМРТ. Д. 3. Л. 1 об.

³¹ ГАРТ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об.

³² РФ НМРТ. Д. 3. Л. 2.

DOI: 10.15372/HSS20160422
УДК (571.16) "1933/1937"

Д.А. ОДИНЦОВ

ВОЕНИЗАЦИЯ ТОМСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1933–1937 гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается начальный этап милитаризации Томской железной дороги, перевод железнодорожников на положение состоящих в рядах РККА и перестройка структуры управления дорогой. Военизацию предложено понимать и как процесс перехода железнодорожников на новое правовое положение, и как правовой режим. Проанализированы нормативно-правовая база и сущность режима военизации дороги, реконструируются ее цель и задачи. Указанные меры коммунистическое руководство СССР предпринимало в первой половине 1930-х гг., пытаясь решить проблему снабжения советского Дальнего Востока. Анализируется политика ужесточения трудовой дисциплины, преодоления текучести кадров железнодорожников. Рассматривается роль военных трибуналов в обеспечении принудительных методов мотивации к труду.

Ключевые слова: Томская железная дорога, военизация железных дорог, политотделы железных дорог, трудовая дисциплина, военная дисциплина.

D.A. ODINTSOV

MILITARIZATION OF TOMSK RAILWAY (1933–1937)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article attempts to reconstruct the reasons of the militarization of Tomsk railway in 1933. The author analyzes the reconstitution of the railway management structure, caused by the militarization; studies criteria used by militarization commissions to select railwaymen for paramilitary duties. The study revealed that hostile class elements were first to be disqualified and not all railwaymen became paramilitary. Political Department ensured militarization by conducting purges on the railroad and in the administration expelling all undesirable elements. The author considers impact of militarization on labor discipline trying to reveal the real extent of the units' militarization. It is noted that the heads of production units were appointed commanders of divisions and units. Classes with personnel contained components of elementary military training. The article discusses the legal aspects of hiring and firing workers in connection with militarization. Workers, who left the service without the consent of direct supervisors were equated to deserters and were subject to a court martial. It is concluded that the trials of violators of discipline instead of strengthening the unity of command made the command staff less proactive. It is revealed that the influx of people from rural areas due to collectivization was one of the main reasons for deterioration of discipline among the railwaymen in the early 1930s. Adaptation of peasants to industrial work was slow; attempts to reduce the rate of accidents by methods could not give quick results.

Key words: Tomsk railway, militarization of railways, political departments on railways, labour discipline, military discipline

В начале 1930-х гг. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало режим военизации в качестве одного из наиболее эффективных способов улучшения работы дальневосточных железных дорог. В 1933 г. опыт военизации Уссурийской и Забайкальской железных дорог был распространен на Томскую железную дорогу. Причины и содержание процесса военизации железных дорог Сибири и Дальнего Востока в начале 1930-х гг. в историографии остаются малоизученными. Военизации Забайкальской и Уссурийской железных дорог,

посвящены статьи японского историка К. Тэраямы [1; 2]. Кроме того, некоторые аспекты, связанные с отношением рабочих дальневосточных дорог к военизации, рассматриваются в монографии Е.Н. Гнатовской [3]. Но и в указанных статьях такие вопросы, как выявление влияния военизации на трудовую дисциплину, перестройка структуры управления дорогами, выяснение степени реальной милитаризации подразделений, наконец, юридические аспекты найма и увольнения работников в связи с военизацией, практически

Данил Александрович Одинцов – аспирант Института истории СО РАН, e-mail: odintsovnv@yandex.ru
Danil A. Odintsov – postgraduate Institute of History SB RAS.

не затрагиваются. В настоящей статье предпринята попытка анализа перечисленных проблем на примере военизации Томской железной дороги.

На протяжении 1930-х гг. грузонапряженность сибирских железных дорог – Омской и Томской, игравших важную роль в транспортировке угля из Кузбасса и уральской железной руды на Кузнецкий металлургический комбинат, стремительно возрастала, а пропускная способность оставалась низкой. По-видимому, после маньчжурского инцидента (нападения Японии на Китай) проблема срыва графика воинских перевозок стала восприниматься правительством особенно остро [4]. Отставание от графика воинских перевозок достигло на Томской железной дороге угрожающих цифр на 10–16 ч.¹ Хроническая неспособность сибирских дорог справиться с перевозками мирного времени вызывала серьезные опасения у высшего руководства страны, указывая на то, что резко увеличившийся в условиях военной мобилизации трафик может привести к военной катастрофе на Дальнем Востоке. Поскольку Транссибирская магистраль, составной частью которой на значительном протяжении являлась Томская дорога, оставалась единственной сухопутной транспортной артерией для доставки войск на Дальний Восток, это создавало потенциальную угрозу срыва снабжения гипотетического театра военных действий. Не исключено, что советское высшее политическое руководство учло уроки не слишком удачного опыта снабжения Русской армии в Маньчжурии в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1937 г. на второй партийной конференции железнодорожников этой дороги ее начальник А.Л. Ваньян, обращаясь к делегатам, задавался риторическим вопросом: «Вы прекрасно знаете, что значит во время войны перерезать путь продвижения войск на 8–10 часов, что это значит?»². Помощник прокурора Томской железной дороги Климов в 1936 г. был исключен из партии за то, что в одном из выступлений среди красноармейцев, памятуя об узковости единственной линии снабжения дальневосточной армии, заявил, что «в случае войны Японии против СССР нам придется отступить до Байкала»³.

Падение объема грузоперевозок в первом квартале 1933 г. до 61 млн т против 67 млн т в первом квартале 1932 г. заставило СНК и ЦК ВКП(б) 3 июля 1933 г. принять совместное постановление «О работе железнодорожного транспорта». В нем высшее политическое руководство СССР констатировало, что «железнодорожный транспорт является наиболее централизованным из всех отраслей народного хозяйства Союза ССР, приближающимся по типу к военной организации». Это представление о руководстве военной организацией и организацией железнодорожного транспорта на основе четкого и слаженного выполнения команд и предопределило логику дальнейших действий Политбюро ЦК ВКП(б)⁴.

Из документа под названием «Обстановка с воинскими перевозками на Томской дороге», хранящегося в деле

за 1933 г., следует, что объемы воинских перевозок составляли до 50% всего транзита дороги, а погрузка дорогой грузов на восток осуществлялась в основном для нужд ОКДВА и обороностроительства. Погрузка заданий НКВМ выполнялась со срывом: так, апрельский план по воинским перевозкам был выполнен на 50%, майский – на 62, а июньский на – 65 %. Среди причин «безобразного выполнения» воинского движения назывались «неправильная и неэкономная регулировка, неисправность паровоза, плохой уход за вагоном и расхлябанность агентов»⁵.

Еще в 1931 г. парторганизатор Томской железной дороги Осипов отмечал, что «мы в июне... приняли на транспорт довольно большое количество рабочих... которые пришли из деревни, которые принесли деревенские настроения мелкобуржуазной стихии... с их... непролетарским отношением к труду и производству, с расхлябанным настроением... сельских хозяев». Всего за год до военизации значительное число рабочих-путейцев уходило во второй половине июля с транспорта на полевые работы⁶. Этот процесс продолжался и в последующие годы. Для массы бежавших на транспорт от коллективизации вчерашних единоличников, проникнутых крестьянской психологией с ее склонностью к анархии, жесткая производственная дисциплина армейского образца была непривычной и тягостной. Ломка привычного уклада сельской жизни, неграмотность и неспособность адаптироваться к жесткому трудовому графику и малопонятным Правилам технической эксплуатации железных дорог приводили к пьянству, прогулам, многочисленным происшествиям и авариям.

Решение о военизации Томской железной дороги было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 23 апреля 1933 г.⁷ 5 июля 1933 г. НКВМ и НКПС издаются два совместных приказа – «О реорганизации Томской железной дороги» и «О переводе в ряды РККА военнослужащих и военнообязанных рабочих и служащих Томской железной дороги». Согласно последнему приказу, на положение состоящих в рядах РККА должны были переводиться «состоящие в долгосрочном отпуску» военнослужащие переменного состава территориальных частей, «состоящие в отпуску» военнослужащие, проходящие службу вневойсковым порядком, военнообязанные, проходящие допризывную подготовку, и военнообязанные запаса. На лиц указанных категорий распространялись уставные положения РККА о дисциплинарных правах и обязанностях военных железнодорожников транспорта, подсудность военно-железнодорожным трибуналам и льготы для военнослужащих. В отношении работников учебных заведений и подсобных предприятий дороги перевод не предусматривался.

7 июля 1933 г. ЦИК и СНК СССР своим постановлением подтвердили приказ НКПС и НКВМ, дополнив его положением об организации военно-дорожных прокуратур⁸.

Разработка специальных актов, регламентирующих военизацию на Томской железной дороге, была возложена

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

² Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 194.

³ Там же. Оп. 2. Д. 28. Л. 130.

⁴ Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1933. 4 июля. №166.

⁵ ГАНО. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

⁶ Там же. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 56. Л. 11; Оп. 6. Д. 97. Л. 182.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 921. Л. 4.

⁸ ГАНО. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 30–31.

на ее руководителя Яковлева (который отныне именовался военным начальником). 15 июля бюро Запсибкрайкома приняло особое постановление, где подчеркивало, что «вся работа по проведению военизации должна иметь в центре своего внимания задачу очищения дороги от классово-чуждых и враждебных элементов». На дорогу сроком на 10 дней были посланы три бригады инструкторов крайкома, включавшие по одному представителю от ОГПУ. Кроме того, были запрошены у Политуправления СибВО шесть политработников⁹.

Для перевода на уровне эксплуатационного района были созданы комиссии в составе представителей от района, политотдела и ДТО ОГПУ¹⁰. Одной из главных задач, поставленных перед ними, была борьба с «засоренностью» железнодорожного персонала «антисоветскими элементами». В секретной «Инструкции районным комиссиям по военизации Томской железной дороги, по классовому и политико-моральному отбору железнодорожных рабочих и служащих, подлежащих зачислению на «Положение состоящих в рядах РККА»» указывалось на исторические предпосылки неблагонадежности значительной части железнодорожников: нахождение территории, занятой дорогой, под властью белых правительств в 1918–1920 гг. и близость мест ссылки кулаков и «нетрудовых элементов». Здесь же приводился длинный перечень подлежащих отводу работников: «а) социально чуждые и политически ненадежные лица..., б) железнодорожные агенты, отнесенные к тыловому ополчению, в) освобожденные от военной службы по религиозным убеждениям, г) состоящие под судом и следствием, д) разложившиеся в политико-моральном отношении лица: злостные прогульщики, спекулянты, срывающие производственный план, лодыри и пьяницы..., расхитители социалистической собственности воры и жулики».

Перевод на положение состоящих в рядах РККА должен был состояться с 25 июля по 10 августа. Фактически районные комиссии закончили свою работу к 15 августа¹¹. После завершения перевода борьба с чуждыми элементами была продолжена. Среди стигматизированных категорий, представители которых не допускались на транспорт, комиссиями по военизации в Кузбасском эксплуатационном районе, перечисляются: кулаки, высланные с других дорог, осужденные за проступки, колчаковцы и петлюровцы, попы, баптисты, офицеры, жандармы, пьяницы и дезорганизаторы¹².

Сопровождавшая военизацию чистка затронула и собственно военизированные структуры. 14 января 1934 г. за «добровольную службу в милиции Колчака» был исключен из партии и 10 февраля приказом по стрелковой охране НКПС уволен начальник военизированной стрелковой охраны Томской дороги П.П. Лукашук¹³. Кроме того, в декабре 1933 г. «по настоянию Политотдела» как «бывших активных колчаковцев, выгнанных из ДВКА [видимо, ОКДВА. –

Д.О.]», из стрелковой охраны уволили начальника штаба Печеных, начальника боевой подготовки Королева, инспектора пожарной части Хлудеева, начальника снабжения Ханова¹⁴. Политотдел также поставил вопрос о «немедленном освежении» аппарата военного отдела дороги, наметив к увольнению ряд кандидатур, скомпрометированных службой в колчаковской армии¹⁵.

В 1935 г. в ходе чистки в Управлении дороги из партии исключили заместителя начальника кадров по боевой подготовке К.С. Игнатовича и помощника начальника мобилизационного отдела дороги И.П. Поволоцкого: одного – за сокрытие социального происхождения и стрельбу по портрету Ворошилова, а другого – как «бывшего денкинца»¹⁶. Всего с начала военизации и до конца 1933 г., по данным ДТО ОГПУ, с дороги было уволено «классово-чуждых элементов» 2500 чел.¹⁷

Из общего числа 57 тыс. транспортников дороги было оформлено переводом в ряды РККА к 1 сентября 1933 г. 15 678 чел. (27,5%)¹⁸.

Из железнодорожников формировались учебно-строевые подразделения (линейные батальоны и роты), в основу построения которых был положен принцип воспроизведения структурных подразделений дороги (цех, бригада, смена). Командирами подразделений и частей назначались производственники. Им в помощь учреждались должности помощников по строевой части, которые из-за нехватки военных кадров занимали даже вневоисковики и допризывники. Все части по эксплуатационному району были сведены в один полк во главе с военным начальником района. Отмечалась чрезвычайная пестрота военной подготовки основной массы старшего и среднего начсостава, уволенной в запас из Красной Армии в 1921–1923 гг. Только 20 чел. из них проходили переподготовку в РККА. Разумеется, познания остальных в общевоисковых дисциплинах к 1933 г. если и не были утрачены, то существенно устарели. Поэтому предлагалось организовать переподготовку начсостава в форме учебных сборов без отрыва от производства. Указанные подразделения укомплектовывались политработниками из числа секретарей ячеек и членов партколлективов, в большинстве своем никогда не занимавших должностей армейских политруков.

Несмотря на принятые меры, нехватка начсостава и политработников по-прежнему оставалась острой¹⁹. Политотделом были намечены меры по материальному обеспечению военизации. Предполагалось установить единую форму обмундирования и просить Политуправление НКПС об отпуске Томской железной дороге 19 253 комплектов формы, 2500 учебных и 500 боевых трехлинейных винтовок и 50 тыс. боевых патронов, ввести институт освобожденных политруков отдельных рот и батальонов, усилить охрану мостов²⁰. Реализация всех этих мероприятий потребовала бы от наркомата значительных финансовых вливаний и вряд ли была осуществлена в полной мере. Тем не менее,

⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 445. Л. 76–77.

¹⁰ Там же. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 3. Первоначально планировалось включать в комиссии председателя – представителя от НКВМ. – Ср: Там же. Л. 19.

¹¹ ГАНО. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 26.

¹² Там же. Д. 22. Л. 105.

¹³ Там же. Ф. П-267. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; Ф. П-155. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

¹⁴ Там же. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

¹⁵ Там же. Д. 11. Л. 11.

¹⁶ Там же. Д. 108. Л. 14; Ф. П-155. Оп. 1. Д. 109. Л. 117, 204.

¹⁷ Там же. Ф. Р-229. Оп. 5. Д. 17. Л. 55.

¹⁸ Там же. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 3–4.

²⁰ Там же. Д. 13. Л. 5–9, 13–15.

занятия не ограничивались исключительно строевой подготовкой. В Тайгинском отделении дороги к середине 1934 г. имелось два тира с дистанцией стрельбы на 50 м на станциях Боготол и Ачинск-1, заканчивалось строительство 100-метрового тира в депо Тайга, были организованы кружки «по ликвидации противовоздушной неграмотности»²¹. В мае 1937 г. под руководством представителя штаба СибВО в лице начальника ВОСО (военных сообщений) округа майора Кузнецова должны были быть проведены учения по противовоздушной обороне на станциях Новосибирск-1, Барнаул, Бийск и Юрга-1 с использованием средств химической защиты²².

Была подвергнута реорганизации и организационно-штатная структура Управления дороги и эксплуатационных районов. Вместо упраздненных Управления военно-транспортной службы и военных комендантов районов внедрялась структура органов ВОСО²³. Назначение военного начальника дороги и его первого заместителя, назначение, перемещение и увольнение военных начальников эксплуатационных районов проводилось только по совместному приказу Наркома путей сообщения и Наркомвоенмора²⁴. Хотя военный начальник дороги был непосредственно подчинен наркому путей сообщения, по вопросам обеспечения воинских перевозок мирного времени, разработки планов воинских перевозок мирного и военного времени и мобилизационной подготовки дороги он подчинялся начальнику Третьего управления штаба РККА (Управления военных сообщений). Кроме того, на него была возложена ответственность за работу частей Особого корпуса железнодорожных войск, работавших на дороге, а в отношении начальствующего и рядового состава, состоявшего на службе на дороге, военный начальник наделялся правами командира корпуса РККА. В отделе эксплуатации Управления дороги была образована группа по воинским перевозкам, кроме того, в Управлении был создан военный отдел (а в эксплуатационных районах – районные военные отделы), в задачи начальника которого входило руководство строевой и технической подготовкой строевых подразделений²⁵.

Судя по косвенным данным, с помощью военнизации не удалось на первых порах решить поставленных задач. К концу 1933 г. на линии по-прежнему царили неразбериха и нерасторопность в отправлении воинских грузов. Так, отправленные 11 ноября 1933 г. из Новосибирска для томского гарнизона шинели 20 декабря все еще не прибыли в пункт назначения²⁶. Опоздания воинских поездов на Дальний Восток приняли систематический характер. Средний размер опозданий воинских поездов на Томской и Омской дорогах достиг в декабре 16-18 часов. Частыми были случаи подачи под погрузку для воинских перевозок неисправного подвижного состава, приводившие к массовым отцепкам вагонов в пути²⁷. По мнению членов комиссии по проводившейся в 1934 г. чистке первичной парторганизации

Управления Томской железной дороги, «военнизация должна была сыграть большую роль в укреплении трудовой дисциплины, по поднятию производительности труда и в перестройке работы всего нашего аппарата». Констатировалось, что несмотря на то, что «по этой линии у нас проводятся систематические занятия строевые, политические и другие... сказать, что военнизация у нас в Управлении дала бы результаты, никто не может». В качестве курьеза, порожденного манией военнизации, приводился пример издания приказа, регламентировавшего часы подъема и отбоя для работников Управления.²⁸

К каким же социальным последствиям привела военнизация? Е.Н. Гнатовская, изучавшая опыт милитаризации дальневосточных железных дорог, считает, что «военнизация обернулась для рабочих ростом арестов, штрафов и выговоров. Извращенное применение дисциплинарных мер превратило военнизацию в репрессивное средство» [3, с.21]. По прошествии года с начала введения режима военнизации на Томской железной дороге ее руководству так и не удалось добиться поднятия дисциплины путем ужесточения мер дисциплинарного взыскания. Показательным является пример крупной станции Эйхе: из более чем 400 работников станции лишь 11 работников не имели дисциплинарных взысканий. За вторую половину 1934 г. на станцию было принято на работу 227 чел., а уволен 251 (по комсоставу показатели достигли соотношения 15 к 14). Таким образом, текучесть рабочей силы составила почти 63 %; всего за полгода кадровый состав персонала станции сменился более чем наполовину²⁹. Военнизация не могла решить двух главных проблем, вызывавших текучесть кадров на дороге – относительно низкой заработной платы, по сравнению с ближайшими новостройками – Беловским цинковым заводом и Кузнецкстроем, и проблемы острого жилищного кризиса.

28 июля 1933 г. вместо расформированного линейного железнодорожного суда был образован Военный трибунал Томской железной дороги³⁰. Самовольно оставивших производство военнизированных железнодорожников приравнивали к дезертирам, их судили по ст. 193.7 УК РСФСР 1926 г. При отсутствии смягчающих обстоятельств обвиняемым назначалось наказание в виде лишения свободы сроком на два года. В октябре–ноябре 1934 г. по Томской железной дороге военными трибуналами за дезертирство к уголовной ответственности было привлечено 18 чел. Оставить службу на железной дороге стремились низкоквалифицированные рабочие, особенно многодетные, которым не хватало зарплаты, чтобы прокормить семью. Бегство железнодорожных рабочих с транспорта вынудило Президиум Западно-Сибирского краевого исполкома 3 июля 1935 г. принять постановление, обязывающее руководителей предприятий и учреждений не допускать приема на работу железнодорожников без предоставления справок об увольнении и отметки в воинском билете о снятии с учета на железной дороге (до этого при переводе на положение военнизированных военно-учетными бюро у них изымались паспорта)³¹. Разумеется, в об-

²¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 389. Л. 526.

²² Там же. Ф. Р-1694. Оп. 23. Д. 3. Л. 456.

²³ Там же. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

²⁴ Там же. Д. 2. Л. 5, 12.

²⁵ Там же. Л. 5, 8, 12, 21, 33.

²⁶ Там же. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 5. Л. 140.

²⁷ Там же. Д. 2. Л. 1.

²⁸ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 1018. Л. 8 об.

²⁹ Там же. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 288. Л. 9 об.

³⁰ Там же. Ф. Р-229. Оп. 5. Д. 17. Л. 5.

³¹ Там же. Ф. П-155. Оп. 1. Д. 118. Л. 305, 325, 332.

становке постоянной нехватки кадров железнодорожников начальство крайне редко шло им навстречу.

На Томской железной дороге за 5,5 месяцев с 1 июля по 15 декабря 1934 г. Военным Трибуналом дороги было проведено 234 процесса и осуждено 447 чел., в том числе за нарушения трудовой дисциплины – 70 человек³². Начальник политотдела дороги Р.А. Восканов в письме Сталину в 1934 г. жаловался, что «массовые аресты, суды и наказания... деморализуют комсостав. Он не работает, а готовится идти в суд, собирает документы для оправдания». Видевшееся в качестве одной из задач военизации укрепление единоначалия по образцу армейского достигнуто не было, а принявшее массовый характер привлечение к уголовной ответственности приводило к противоположным результатам – резко снизилась инициатива комсостава, руководители старались уклониться от взятия на себя единоличной ответственности, при принятии решений стремились заручиться поддержкой двух других участников т.н. «треугольника»³³.

Исходя из содержания рассмотренных документов, можно утверждать, что основной целью военизации Томской железной дороги являлось бесперебойное продвижение воинских эшелонов. Поэтому задача укрепления дисциплины железнодорожников имела первостепенное значение. Речь идет именно о дисциплинирующем воздействии, а не о стремлении превратить гражданских лиц в реальное воинское подразделение. Столкнувшись в начале второй пятилетки с ростом числа аварий на ряде дорог, правительство прибегло к испытанному Гражданской войной и периодом «военного коммунизма» методу наведения порядка на транспорте – введению дисциплины армейского образца с военными трибуналами. Таким образом, задолго до печально знаменитого указа «О переходе на восьмичасовой рабочий день...» часть служащих и рабочих дороги оказалась прикрепленной к рабочим местам, став еще одной категорией работников

принудительного труда. Режим чрезвычайных судебных мер в условиях адаптации к новым реалиям, требовавшей времени, привел к тому, что судимость железнодорожников за нарушения трудовой дисциплины резко выросла, но к заметному улучшению работы дороги это не привело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тэраяма К. Военизация (милитаризация) железных дорог на Дальнем Востоке СССР (1931–1934 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 35–39.
2. Тэраяма К. Советская политика по развитию сети железных дорог на Дальнем Востоке в 1930-е гг.: военизация, политотделы, строительство вторых путей. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма / Под ред. С. Папкина и К. Тэраяма. М.: РОССПЭН, 2015. С. 50–85.
3. Гнатовская Е.Н. Между трудом и политикой. Повседневная жизнь дальневосточных железнодорожников в 1930–1950-гг. Уссурийск, 2011. 242 с.
4. Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР // Acta Slavica Iaponica. 1996. №14. С. 179–198.

REFERENCES

1. Terayama K. Militarization of railways in the Far East of the USSR (1931–1934). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 1999, no. 2, pp. 35–39. (In Russ).
2. Terayama K. Soviet policy for development of the railway network in the Far East in the 1930s: militarization, political departments, the construction of the second tracks. *Politicheskie i sotsial'nye aspekty istorii stalinizma*. Moscow, 2012, pp. 50–85. (In Russ).
3. Gnatovskaya E.N. Between labor and politics. The daily life of the Far Eastern railwaymen in 1930–1950s. Ussuriysk, 2011, 242 p. (In Russ).
4. Terayama K. Manchurian Incident and the USSR. *Acta Slavica Iaponica*. 1996, no. 14, pp. 179–198. (In Russ).

Статья принята редакцией 13.10.2016

³² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 99. Л. 22–23.

³³ Там же. Оп. 7. Д. 390. Л. 43–45; Ф. П-155. Оп.1. Д. 108. Л. 106–107.

Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII – 1991 г.): коллективная монография / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.

Рецензируемая коллективная монография посвящена одной из самых актуальных и вместе с тем чрезвычайно сложных тем отечественной истории. Роль и значение патриотизма в прошлом и настоящем, его соотношение с национализмом – все эти проблемы представляют далеко не академический интерес, являясь острыми в современной политике. В настоящее время в силу происходящих в России социально-политических процессов и в связи с проблемами в межнациональных отношениях внутри страны, а также в контексте предпринимаемых государством мер, направленных на объективное изучение событий российской и советской истории, а также на воспитание у молодого поколения патриотического сознания, изучение данной темы приобретает особую актуальность.

Оценивая в целом рецензируемое издание, следует подчеркнуть его фундаментальность, объективность, взвешенный подход к оценке неоднозначных реалий имперской и советской эпох российской истории. Сквозное исследование в хронологических границах двух столетий проблем патриотизма и национализма позволяет в обобщенном виде сформулировать соответствующие итоговые суждения, вытекающие как из концепции рецензируемого труда, так и содержания его составных частей.

О широте круга охватываемых в рецензируемом труде проблем свидетельствует уже сама его структура, включающая 13 глав, из которых 8 посвящены эпохе до 1917 г. Естественно, в рецензии невозможно перечислить даже основные положения и выводы, сформулированные в данном разделе работы. Отметим лишь некоторые глубокие, новаторские суждения. Так, подводя итоги анализа в гл. V, авторы монографии делают обоснованный вывод: «Эволюция взглядов российской революционной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. на патриотическую идею прошла путь от ее полного отрицания как идеологической основы существующего строя и монархии до первых попыток «патриотического» обоснования социальной борьбы рабочего класса – силы, на которую опиралась партия большевиков. Абстрактный, оторванный от национальной почвы и основывающийся на ультраинтернационализме социализм не мог служить эффективным пропагандистским «пособием» в деле революционного воспитания великорусского пролетариата. Уже в годы Первой мировой войны большевики-интернационалисты столкнулись с необходимостью создания собственной патриотической идеологии. После Октября 1917 г. и возникновения первой Республики Советов понятие «патриотизм» получит качественно иное содержание в условиях нового социально-политического строя» (с. 258).

Из числа многих других фундаментальных положений рецензируемой монографии, относящихся к «дооктябрьской» эпохе, ограничимся выводом об отношении к патриотической идее со стороны российских либералов. В соответствующей главе авторы приходят к заключению: «Рассчитанные на компромисс и взаимопонимание между различными националь-

ностями эти либеральные варианты представляли собой реальную возможность избежать насильственного решения национального вопроса и, следовательно, распада многовековой Российской империи. Исторический опыт начала XX в. убедительно показал, что российские либералы в своей основной массе являлись подлинными патриотами, видели дальнейшую перспективу динамичного развития России на пути свободы и демократии, на пути единения всех национальностей, населяющих страну» (с. 355).

Последние пять глав рецензируемого издания рассматривают проблему патриотизма и национализма в эпоху с 1917 до 1991 г. Одной из наиболее содержательных является гл. IX «От идеи “мировой революции” к государственному патриотизму». В ее первом разделе во многом по-новому анализируется генезис идеи «красного патриотизма» в годы Гражданской войны. Во втором разделе этой главы рассматривается проблема русского патриотизма в советской идеологии 1920-х гг. Представляется весьма содержательным основной итоговый вывод данного раздела: «Патриотическая идея, взятая на вооружение большевистским руководством в годы Гражданской войны как важная составляющая пропагандистской политики “революционного оборончества”, в 1920-е гг. подверглась жесткому осуждению со стороны левацки ориентированных партийных и культурных кругов. Патриотизм, национальные духовные ценности, религия, культура, история русского народа трактовались представителями этого направления как пережитки “буржуазного прошлого” и как враждебные коммунистической идеологии и стратегии “мировой революции” проявления “великодержавного шовинизма”. Последний рассматривался как главная угроза интернациональному советскому государственному единству. Вместе с тем большевистские руководители активно использовали в политических целях “просоветские” патриотические проявления в эмигрантской среде <...>. Крушение надежд на скорое развитие мировой революции и необходимость форсированного социалистического строительства в СССР в условиях враждебного капиталистического окружения заставили в конце 1920-х гг. руководство страны пересмотреть прежнюю сугубо нигилистическую оценку национального фактора и вновь обратиться к патриотической идее, которая бы получила свое государственное советское выражение. Реальной этнокультурной и социальной основой для утверждения советского патриотизма мог быть только русский народ – государствообразующий и ведущий этнос Советского Союза» (с. 451–452).

Новый оригинальный материал сконцентрирован в главе X, посвященной идеям патриотизма и национализма в общественной мысли русского зарубежья. Продолжение ряда идеологических тенденций, рассмотренных в главе IX прослеживается в гл. XI «Русский советский патриотизм в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1953)». Широкий круг идеологических явлений анализируется в гл. XII «Позднесоветский консерватизм и русский национальный патриотизм в 1960-х – середине 1980-х гг.». Здесь характеризуется деятельность патриотически настроенных кругов художественной интеллигенции, в частности журнала «Молодая гвардия». Убедительно показывается про-

тиворечивое, непоследовательное отношение партийного руководства к проблеме русского патриотизма. Итоги эволюции рассматриваемого идеологического феномена выявляются в гл. XIII «Национальный вопрос и межнациональные противоречия в годы перестройки. Крах “советского патриотизма”».

В заключении, написанном В.В. Журавлевым дается обобщающая характеристика рассматриваемых процессов, выявляются их основные тенденции, этапы и противоречия. Здесь совершенно обоснованно подчеркивается опасность забвения уроков истории, необходимость четкого понимания последствий тех или иных идеологических инициатив. Автор по этому поводу справедливо подчеркивает: «Все те, кто, взяв на вооружение тот или иной девиз, не подозревают, какую реакцию это может вызвать у тех категорий участников массового движения, которые не утруждают себя знанием и пониманием “тонкостей” и “полутонов” теоретических изысков. Особенно зримо и ощутимо данный парадокс проявил себя на рубеже 1980-х и 1990-х гг. Закат “перестройки” выплеснул на идеологическую арену и на улицы больших и малых городов причудливые разновидности национализма в патриотическом облачении и патриотизма с его как ярко, так и скрытно (латентно) проявляющимся национализмом. На практике получилось так, что лозунг “патриотизм” стал выполнять функцию “приводного ремня” в реализации идей национализма и сепаратизма, сокрушивших СССР» (с. 783).

Подчеркивая глубину и содержательность большинства положений рецензируемого труда, вместе с тем следует признать, что не все поставленные в нем проблемы раскрыты с одинаковой фундаментальностью. Ряд положений коллективной монографии вызывают вопросы, стимулируют полемику. Это касается прежде всего ранее отмеченного важнейшего политико-идеологического процесса 1930-х гг. – поворота к национальным и имперским традициям, «реабилитации» патриотизма. Выявляя причины и предпосылки столь резкой трансформации пропагандистских ориентиров сталинского режима, авторы рецензируемого труда подчеркивают: «Мощным внешнеполитическим фактором, ускорившим обращение советского руководства к идеям русского патриотизма, стал приход в январе 1933 г. к власти в Германии Адольфа Гитлера и национал-социалистической партии <...> Учитывая радикальный антикоммунизм и неприкрытый экспансионизм гитлеровцев, расизм и антиславянскую направленность их пропаганды, у сталинского руководства не оставалось иного выхода, кроме скорейшей модернизации и идеологической мобилизации советского общества» (с. 469–470).

Такого рода объяснение идеологического поворота 1930-х гг. стало в соответствующей литературе почти «общим местом» и, в принципе, оно не вызывает возражений. Однако в перспективе было бы желательно дать этой версии более конкретное фактическое обоснование, выявить, как скоро и в какой мере руководство страны осознало всю степень опасности, исходящей от гитлеровской Германии. Стоило бы также более глубоко сопоставить воздействие отмеченного внешнеполитического фактора с внутренними, «органическими» процессами эволюции сталинского режима.

На фоне глубокого анализа, в целом характерного для рецензируемого труда порой в нем фигурируют суждения, отражающие определенные историографические штампы. Так, на с. 164 без особой связи с основной темой дается

явно стереотипная, идеализированная характеристика менталитета русского крестьянства. Гораздо больше сомнений вызывает следующее положение: «Чувства преданности и любви к своему Отечеству жили в русском народе на протяжении всей его многовековой истории и проявлялись в разных формах (национально-освободительная борьба против иноземных захватчиков, устное народное творчество, произведение русского искусства, литературы, гражданской публицистики, проникнутые идеями патриотизма, преклонением перед историей и культурой своей страны)» (с. 670).

Приведенное положение представляется излишне общим и категоричным, памятуя, что в истории нашей страны имел место ряд катастрофических ситуаций, в немалой степени обусловленных отсутствием патриотических приоритетов и у «верхов» и у «низов». Разве не такова была ситуация в 1917 г., а в известной мере и в 1991 г.?

Заметным недостатком рецензируемого труда является неравномерное освещение в рассматриваемом контексте различных периодов отечественной истории. Особенно это бросается в глаза в гл. XI. Из 50 страниц здесь послевоенному периоду посвящены лишь с. 664 и 665. Вряд ли это правомерно, принимая во внимание, что именно в период «позднего сталинизма» обозначенный ранее идеологический поворот достиг своего апогея. Вряд ли стоит напоминать о том, как обстояло в эти годы с национализмом и шовинизмом, поэтому невнимание к данному периоду следует признать серьезным упущением.

В какой-то мере аналогичная ситуация прослеживается и в гл. XII «Позднесоветский консерватизм и русский национальный патриотизм в 1960 – середине 1980-х гг.». Как видим, в названии главы период «оттепели» вообще не фигурирует, а пробел между 1953 г. и 1960-ми гг. никак не мотивируется. Реально же основной материал рассматриваемой главы охватывает соответствующие процессы преимущественно с конца 1960-х гг. Предшествующему же периоду посвящены лишь пять страниц из 56 (с. 666–670). Это вряд ли правомерно, в том числе с учетом высказанной в исторической литературе версии (быть может, спорной!) о нарастании русского национализма, в том числе и правящих кругах, уже в годы «оттепели» (См.: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012).

Не всегда репрезентативен используемый в рецензируемом труде круг источников, среди которых преобладают преимущественно различные опубликованные тексты. Вероятно, при дальнейшей разработке такой сложной темы применительно к советскому периоду потребуются более систематическое привлечение архивных документов, прежде всего материалов из соответствующих отделов ЦК ВКП(б)/КПСС.

Разумеется, сказанное ни в коей мере не умаляет значения масштабной работы, осуществленной авторами рецензируемого труда. Коллективом авторов создано фундаментальное, глубокое исследование, которое следует признать значимым событием не только в изучении соответствующей темы, но и в целом в развитии отечественной исторической науки на современном этапе.

д-р. ист. наук, *И.С. Кузнецов*,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет

Рец. на книгу: Байдин В.И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале. Историко-биографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 205 с.

Имя Кирши Данилова связано с легендами, мифами, фольклором, историей. На протяжении двухсот лет осуществлено несколько публикаций его песенного репертуара, названного первым издателем А.Ф. Якубовичем «древними российскими стихотворениями», написаны десятки работ как популярного, так и научно-исследовательского характера.

В Издательстве Уральского университета опубликована вышеназванная книга историка В.И. Байдина, ставшая неординарным и вместе с тем закономерным явлением. Научные представления о личности Кирши Данилова колеблются от образа вымышленного персонажа народной поэтической культуры до исторического лица с конкретной биографией. Исследование В.И. Байдина относится ко второму варианту. Попытки восстановить жизненный путь потешника Кирилла Данилова делались неоднократно, предпринимались различные методики изучения скудных историко-биографических данных о нем. Самые значимые результаты исследований принадлежат А.А. Горелову¹.

Продолжение «трудных поисков» источников, фактов, деталей, прямо, а чаще всего косвенно указывающих на жизненный путь Кирши Данилова, а также систематизация аргументов в реконструкции творческой истории сборника народных песен XVIII в. представлена в исследовании В.И. Байдина, продолжавшемся более пятнадцати лет и тем самым обеспечившем «неотвратимость удачи». Назвав свой труд этюдами, исследователь выбрал стиль и тон повествования: научные построения изложены в доступной для массового читателя манере.

Самой сильной стороной труда Байдина является опора на многочисленные документальные источники: законодательные акты, ревизские сказки, распоряжения, приходно-расходные книги, сведения по учету населения, письма, следственные дела, топографические и этнографические материалы и т.п. Они успешно использованы при объяснении и интерпретации исторических реалий, имен, бытовых деталей, выявленных в текстах песен Кирши Данилова. По документальным данным рассчитаны маршруты передвижения Кирши, время его отправки с одного места и прибытия в другое (например, уход с Нижне-Тагильского завода «произошел не ранее 29 февраля високосного 1740 г.») (с. 42). По дням недели («В понедельник 12 сентября...»), по времени суток («утром 24 февраля приказчику... поступило распоряжение...») восстанавливает исследователь события XVIII в., зримо представляет место действий («две усадьбы... если посмотреть от завода, стоя к нему спиной, оказались расположенными наискосок одна от другой...», с. 21).

¹ Горелов А.А. Цена реалии (Сборник Кирши Данилова – народная книга XVIII в.) // Русская литература, 1963. № 5. С. 167–169; Он же. Кирша Данилов – реальное историческое лицо // Русский фольклор. СПб., 1995. Т. 28. С. 97–110; Он же. В поисках легендарного Кирши Данилова: Книга пути. СПб., 2011. Ссылка на последнюю работу А.А. Горелова в работе В.И. Байдина не приведена.

Таким образом создается ощущение присутствия автора в описываемых событиях, поскольку он абсолютно свободно владеет материалом, полностью погружен в него, и такому автору хочется доверять.

Исследование во многом носит эвристический характер, автор часто строит одно предположение на основе другого, но в результате сопоставлений, исключений, объяснений, комментариев большого ряда фактов многое сходится. Связанность построений исследователя основана на логике развития событий, психологии поступка человека, скрупулезном анализе мельчайших сведений, добытых в результате огромной профессиональной источниковедческой работы и сложенных по принципу (если можно так выразиться) собирания пазлов в общую динамическую картину жизни промышленников, служилых людей, беглых ссыльных, заводских рабочих, ремесленников, крестьян. Поправки и уточнения трактовок И.М. Шакинко, А.А. Горелова и других исследователей сделаны на основе тщательного изучения архивных документов. Сочетание письменных источников (т.е. объективных данных), с одной стороны, и научной интуиции, аналитических построений, в том числе предположений, версий, возможных вариантов (т.е. субъективных факторов), с другой стороны, гармонично, логично и убедительно в работе В.И. Байдина.

В первой главе (этюде) «Идентификация Кирши Данилова на Урале» изложен поздний этап жизни Кирилла Данилова, молотового мастера Невьянского завода. Основной вывод касается идентификации ряда фамилий и прозвищ – Данилов, Бобоша, Торопов, Исаков, Никитины – с личностью Кирши Данилова и установления дат его жизни: 1703–1776 гг. Биографические данные в первую очередь необходимы для определения места и времени составления Сборника песен Кирши Данилова.

Глава 2 «Пребывание Кирши Данилова в Сибири и его встречи там с А.Н. Демидовым (версия и факты)» посвящена реконструкции биографии Кирши Данилова в период с 1731 г. по 1758 г., т.е. до невянского периода жизни певца. Признание Байдина, что о сибирской ссылке Кирши Данилова нет никаких документальных свидетельств, в какой-то мере объясняет постановку проблемы, сформулированную в подзаголовке – «версия и факты», когда на первом месте оказалась «версия». Оправдать такой ход исследования можно объективными обстоятельствами – отсутствием надежных источников. Тем не менее В.И. Байдин привлек к созданию своей гипотезы массу самых разных фактов: о профессиональной подготовке рабочих, технологиях в металлургии, истории горнозаводской техники, роли служилых людей в защите сибирских городов, расходах на продукты и напитки в доме А.Н. Демидова и др. Таким способом он доказал факты посещения уральским промышленником своего Кольвано-Воскресенского завода и нахождения там Кирши Данилова, что делает возможным одну из их встреч (1732 г.), которые сыграли ключевую роль в истории создания Сборника песен. До этого знаменитый владелец заводов и народный певец могли увидеться в Таре (1731 г.), затем они разминулись в Томске. Возможно пересечение их путей в Тобольске, а самое первое знакомство могло произой-

ти в Поволжье. Описание передвижений Кирши Данилова по урало-сибирскому региону представляет травеложный сюжет, насыщенный любопытными эпизодами из обычной жизни самых разных людей XVIII в. Воссоздана панорама бытовой и общественной жизни в провинции России. В ней визуально (многочисленными иллюстрациями) представлены бастионы, крепости, планы заводов и острогов, карты земель и поселений, портреты Демидовых, казаков, крестьян, офицеров, солдат, нищих, колодников и др. Эта историко-культурная среда представлена и свидетельством (при отсутствии документальных данных) жизни и творчества потешника Кирши Данилова.

В третьей главе книги «“По нашему, сибирскому...”»: сибирские и уральские реалии Сборника Кирши Данилова» В.И. Байдиным решается сложная задача – объяснить, как в песнях Кирши Данилова появились географические, топографические, этнографические объекты локального происхождения. Привлечение архивных источников, исследований историков, этнографов, сопоставление исторических материалов, житийной литературы, документов, систематизация многочисленных фактов позволили исследователю установить «биографичность» некоторых песен Кирши Данилова. Убедительно, на мой взгляд, показано, как текст песни отражает видение его составителем окружающего природного мира Урала, например, появление коломенок (вместо стругов) в сюжете «Сибирского взятия», точность топографических описаний (Медведь-камя, пещеры Ермака) и т.д. Они доказывают «присутствие» народного поэта в данной местности. Интересны предположения о встречах Кирши Данилова с Г.Ф. Миллером.

О связи творчества Осипа Торопова, деда Кирши, и Кирилла Данилова рассказано с привлечением разнообразных источников. В «этюде» затронута тема его рода. Предки были потешниками и музыкантами, а сам Кирша – потомком скоморохов в шестом поколении. К сожалению, Байдин не приводит в книге историю рода, а отсылает к своей статье, что ставит читателя в затруднительное положение. Формат монографии позволяет включить в нее опубликованные ранее материалы, и история семьи могла бы составить еще одну главу книги. Род Даниловых (Тороповых) был не единственным среди потешных людей Зауралья и Урала.

В заключительной, четвертой, главе книги «Место и время создания Сборника и его копии» В.И. Байдин приблизился к реализации замысла своего исследования. Доказывается невьянское происхождение Сборника. С семьей

купцов Харитоновых Байдин связывает историю создания оригинала Сборника, выстраивая систему аргументов документального, эпистолярного, культурного и исторического характера. Исследователь весьма убедительно, на мой взгляд, определяет даты появления оригинала Сборника – осень 1761 – март 1762 г. (под именами действующих лиц песен Байдин обнаружил реальных людей, например, Василия Харитонова, Куракина). Появление копии Сборника изложено в собственной версии исследователя: рукопись была переписана в Москве дворовыми людьми П. Демидова по срочному распоряжению хозяина дома в конце 1782 – начале 1783 г.

Последовательность глав обратно направлена биографии Кирши Данилова. По замыслу исследователя такая архитектура помогает выстроить реконструкцию его жизненного пути, а главное – определить этапы творческой истории Сборника песен.

Не менее достойно, чем вербальный текст, в книге представлен визуальный ряд. Прекрасно подобранные (Ю.В. Клюкиной-Боровик) иллюстрации эпохи XVIII в.: портреты, гравюры, планы, чертежи, миниатюры, клейма, лубок – создают роскошный пространственно-временной контекст описываемым событиям.

В целом Издательство Уральского университета можно поздравить с хорошо выполненной работой. Верстка, оформление, дизайн производят очень приятное впечатление, но редакторская и особенно корректорская работа оставляют желать лучшего (много опечаток, ошибок, грамматических и стилистических несогласований).

«Неотвратимость удачи» поиска реального Кирилла Данилова, предсказанная А.А. Гореловым («Кирша Данилов – реальное историческое лицо», с. 110), настигла замечательного уральского историка-источниковеда. Предложены ответы на многие поставленные ранее вопросы (определены годы жизни Кирши Данилова, даты и условия появления оригинала и копии Сборника), воссоздана целостная объемная картина урало-сибирского этапа жизни и творчества загадочного народного сказителя. И главное, сложилось убеждение в том, что судьба песнопевца и его Сборника типична для русской истории и народной культуры: к счастью, он не был единственным и уникальным талантом, а запись Сборника могла появиться только в XVIII в., хотя и по счастливой случайности.

Л.И. Журова, д-р филол. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН

І МЕЖДУНАРОДНЫЙ КНИЖНЫЙ ФОРУМ «КНИГА: СИБИРЬ-ЕВРАЗИЯ» (г. НОВОСИБИРСК, 1–3 СЕНТЯБРЯ 2016 г.)

В дни работы книжной выставки-ярмарки 1–3 сентября 2016 г. в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН (далее – ГПНТБ СО РАН) состоялся I международный научный конгресс «Книга: Сибирь – Евразия». Организаторами выступили Правительство Новосибирской области, мэрия города Новосибирска, Новосибирская областная общественная организация «Союз женщин Новосибирской области», Новосибирское библиотечное общество, ГПНТБ СО РАН, Новосибирская государственная областная научная библиотека (далее – НГОНБ). В работе конгресса участвовали более 250 чел., в том числе более 120 докторов и кандидатов наук из 27 городов России и стран Евразии: Германии, Польши, Израиля, Беларуси, Казахстана, Китая, Узбекистана.

На пленарном заседании были заслушаны доклады, вызвавшие активный интерес и многочисленные вопросы: *В. Чаньцзюань* – доцент Даляньского университета иностранных языков (Китай) «Книгоиздание в Китае: современное состояние и перспективы развития»; *Р. Табиша* – заместителя директора Университетской библиотеки в Варшаве (Польша) «Информационно-библиотечная система Варшавского университета: между традицией и современностью»; *Н.П. Дворцовой* – профессора Тюменского государственного университета, д-ра филол. наук (Россия) «Мироустроительный сибирский миф о книге-реке и его судьба в XIX–XXI вв. (послесловие к 225-летию сибирского книгопечатания)»; *Б.В. Ленского* – профессора, д-ра филол. наук, главного научного сотрудника Научно-исследовательского центра (НИЦ) «Наука» (Россия) «Книга и книжное дело в XXI в.: первые 15 лет»; *А.Л. Посадкова* – профессора, д-ра ист. наук, главного научного сотрудника ГПНТБ СО РАН (Россия) «Книжная культура как пространство европейской консолидации».

В рамках конгресса 2–3 сентября 2016 г. работало десять секций, два круглых стола и два мастер-класса, прозвучало около 100 докладов. Все они будут опубликованы в одноименном сборнике научных трудов. В настоящем сообщении анонсируем некоторые из них.

Секцию «*Книга в медиасреде: социокультурное взаимодействие, экспертные оценки*» открыла ведущий библиотекарь Сахалинской областной университетской научной библиотеки *Т.Б. Кавалерчик*, представив анализ влияния книжной культуры на развития информационного потенциала общества. Аспирант ТюмГУ *Е.К. Булатова* выступила с докладом о модификациях и пограничных формах электронных книг, возникающие в современном медиaprостранстве. Тему электронной книги продолжила канд. биол. наук, заведующая отделом ГПНТБ СО РАН *Т.В. Бусы-*

гина «Формат научного электронного документа (книги, статьи)». *Е.Н. Савенко*, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО РАН показала роль современных информационно-коммуникационных технологий в изучении истории неподцензурной печати, рассказала о существующих цифровых ресурсах о самиздате. Младший научный сотрудник Института филологии (ИФ) СО РАН *Т.В. Дайнеко* рассказала об опыте издания академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», преимуществах бытования электронных изданий в мультимедийном пространстве. Ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО РАН, д-р ист. наук *И.В. Лизунова* обосновала значимость медиапотребления в жизни человека и социума.

В задачу секции «*Научная книга в формирующемся обществе знаний*» входило выяснение истинного положения дел в сфере научного, академического и вузовского книгоиздания. Заведующая отделом ГПНТБ СО РАН, канд. пед. наук *Н.И. Подкорытова* охарактеризовала современный научный документопоток и показала его влияние на процесс формирования фондов через оцифровку изданий, анализ и отбор открытых полнотекстовых ресурсов, формирование целевых полнотекстовых электронных коллекций. Заведующая отделом ГПНТБ СО РАН, канд. пед. наук *Г.М. Вихрева* проанализировала электронные коллекции на eLibrary.ru как объект комплектования. Заведующий отделом ГПНТБ СО РАН, д-р. ист. наук *С.Н. Люттов* обосновал собственное видение научно-исследовательского проекта по изучению академического книгоиздания в Сибири – тема его выступления «История академического книгоиздания в Сибири: контуры исследовательского проекта». Эта же проблема отражена заведующей библиотекой Института физиологии и фундаментальной медицины *Н.С. Лисовской* «Академические журналы Сибири: издательский аспект».

Работу секции «*Рукописные, старопечатные, редкие книги, коллекции и собрания*» открыла ученый секретарь ГПНТБ СО РАН, канд. ист. наук *И.А. Гузнер* анализом проблем сохранности книжных памятников Сибири. Доклад дир. ЦНБ им. Я. Коласа НАН Беларуси, канд. ист. наук *А.И. Груши* был посвящен новым аспектам изучения хранящейся в ГПНТБ СО РАН древнейшей рукописи на пергамене Друцкого Евангелия, а сообщение научного сотрудника *О.А. Губановой* – анализу выявленного в фондах белорусской НБ комплекса старопечатных книг, принадлежавших ранее С.Ф. Севастьянову. В серии докладов рассматривались различные аспекты изучения и бытования старообрядческой литературы: младшего научного сотрудника ГПНТБ СО РАН *В.В. Подопригоры* «Старо-

печатные книги на греческом языке из библиотеки Толбольшкой духовной семинарии в Отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН»; научного сотрудника ГПНТБ СО РАН, канд. филол. наук *Т.Н. Илюшечкиной* «Книги кёнигсбергских библиотек в собрании старопечатных европейских книг ГПНТБ СО РАН»; старшего научного сотрудника Института истории (ИИ) СО РАН, канд. филол. наук *Л.В. Титовой* «Литературное наследие старообрядческих публицистов XVII в. в компиляциях первой половины XVIII в.»; заведующей сектором ТГУ, д-ра ист. наук *В.А. Есиповой* «Техники украшения старообрядческих рукописей: к постановке вопроса», ведущего научного сотрудника ИИ СО РАН, д-ра филол. наук *О.Д. Журавель* «Народно-утопические легенды в старообрядческой литературной традиции»; старшего научного сотрудника ГПНТБ СО РАН, канд. искусствоведения *Т.Г. Казанцевой* «Старообрядческие гектографированные издания певческих книг знаменной нотации».

Заинтересованное обсуждение участников секции вызвали следующие доклады: главного научного сотрудника ИИ СО РАН, д-ра ист. наук *Н.Д. Зольниковой* «Урало-Сибирский патерик и топика житий преподобных»; директора Института истории, гуманитарного и социального образования (НГПУ) д-ра ист. наук, профессора *О.Н. Катюнова* «Базы данных картографических материалов как источник изучения Сибири XVIII–XXI вв.»; заведующей отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, канд. филол. наук *А.Ю. Бородихина* «Сибирский список «Жития Алексея человека Божия» иеромонаха Арсения Грека», ведущего научного сотрудника ИИ СО РАН д-ра филол. наук *Л.И. Журовой* «Сибирские летописи XVII в.: вопросы рецепции», научного сотрудника ГПНТБ СО РАН *А.А. Юдина* «Печатные книги Текущего собрания Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН (к истории формирования коллекции)»; заведующей отделом НГОНБ *С.М. Ермоленко* «Тема смиренного князя в Сильвестровском сборнике и концепция идеального правителя в Александро-Невской Палее».

Отдельные доклады были посвящены выдающимся людям – сподвижникам книжного дела. Главный научный сотрудник ИИ СО РАН, д-р ист. наук *Н.П. Матханова* рассказала о вкладе в развитие книжной культуры страны одного из знатоков и собирателей книг *И.С. Абрамова*. Ведущий научный сотрудник ИИ СО РАН, д-р филол. наук *Т.В. Панич* – о книжном собрании одного из представителей русской культуры второй половины XVII в., писателя и переводчика – иеромонаха московского Чудова монастыря *Евфимия*.

Выступление представителя Университетской библиотеки в Варшаве, магистра, заведующего отделом фондов XIX в. *З. Ольчака* на секции «Книжная культура Евразии в историческом ракурсе» было посвящено необходимости сотрудничества польских и российских библиотек. Старший научный сотрудник ГПНТБ СО РАН, канд. ист. наук *И.С. Трояк* охарактеризовала книги о Сибири в библиотеке известного польского книжника *А.А. Толочанова*. Заведующий отделом

НИЦ «Наука», канд. ист. наук *Д.Н. Бакун* рассказал об исследователе книжной культуры и историке российских географических открытий *В.Н. Берхе*. Историю Макушинских библиотек и продвижения местной печатной продукции в Томской губернии в начале XX в. раскрыла старший научный сотрудник Томского обл. краевед. музея им. *М.Б. Шатилова*, канд. ист. наук *Т.П. Карташова*.

Работа секции «Современное книгоиздание: стратегии развития» открылась докладом канд. филол. наук, доцента ТГУ *Е.А. Макаровой* «Литературно-художественные сборники Сибири первых лет советской власти». Выступление магистра, заведующего отделом Университетской библиотеки в Варшаве *Б. Хмелевски* было посвящено теме «Современная издательская продукция в Польше». Главный научный сотрудник ГПНТБ СО РАН, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков* рассказал о принципах функционирования и причинах деградации региональных государственных издательств Сибири и Дальнего Востока. Большой интерес вызвали выступления трех представителей Новосибирской епархии Русской Православной Церкви и Новосибирского Свято-Макарьевского Православного Богословского института о. *А.В. Матрука*, о. *Я.Ю. Конкина* и д-ра богословия о. *Б.И. Пивоварова*, посвященные издательской деятельности Новосибирской митрополии, выпуску учебной и духовно-нравственной литературы РПЦ в Сибири, а также старшего научного сотрудника ГПНТБ СО РАН, д-ра ист. наук *Н.К. Чернышовой*, обозначившей основные проблемы и результаты современного православного книгоиздания в Сибири.

Заседание секции «Книга и культурная среда на евразийском пространстве» проходило в режиме вебинара. Участники одновременно работали на двух площадках: Казанского государственного института культуры (КГИК, Казань) и ГПНТБ СО РАН (Новосибирск). Наибольший интерес вызвали доклады: «Алтайская ЖЗЛ: о книжной серии “Алтай. Судьба. Эпоха”» д-ра филол. наук, доцента АлтГУ *Д.В. Марьина* и «Истоки татарской рукописной книги (эпоха Волжской Булгарии и Золотой Орды)», д-ра филол. наук, профессора КГИК *Г.Г. Габдельганеевой*.

Участники секции «Детская книга: опыт прошлого, планирование будущего» обсудили вопросы традиций издания, хранения и передачи из поколения в поколение детских книг, рассказали о роли детских книг в личных и семейных библиотеках.

Обсуждение докладов секции «Художественное оформление книги» переросло в дискуссию о художественном оформлении русской эмигрантской книги начала XX в. во Франции – научного сотрудника ГПНТБ СО РАН, канд. ист. наук *Е.М. Лбовой*; о развитии книжной графики в Новосибирске во второй половине XX в. – доклад заведующей Государственного центра изучения новосибирской книги *Н.И. Левченко*; о трендах графического оформления книг сегодня – выступление сотрудника отдела искусств НГОНБ *А.Р. Галеевой*.

Доклады, представленные на секции «*Читающий регион: книга в жизни современников*», касались проблем и перспектив чтения, его состояния и развития. В выступлении заместителя директора ГКУ РС (Я) НБ РС (Я), канд. пед. наук *О.И. Афанасьевой* «Чтение в Республике Саха (Якутия): современные тенденции» были озвучены результаты республиканского исследования чтения, проведенного в 2015 г. Проблемы изучения чтения затронула старший научный сотрудник ГПНТБ СО РАН, канд. пед. наук *О.В. Макеева*. Книжной культуре и проблемам читателя в Томске на рубеже веков (конца XIX – начала XX века) был посвящен доклад доцента ТГУ, канд. филол. наук *Т.Л. Воробьевой*. Доцент ТГУ *Е.И. Тулякова* рассказала о методах воспитания читателя-ребенка, применявшихся в конце XIX – начале XX в.

На заседании секции «*Библиотека в контексте книжной культуры*» наибольший интерес вызвали доклады директора Новосибирской областной специальной библиотеки для незрячих и слабовидящих

Ю.Ю. Лесневского «Библиотека в новом диапазоне услуг: концептуальный подход и практическая реализация» и заместителя директора ГПНТБ СО РАН, д-ра пед. наук *Н.С. Редькиной* «Деятельность библиотеки в условиях формирования информационно-технологической парадигмы».

3 сентября в конференц-зале ГПНТБ СО РАН состоялось закрытие I Международного книжного форума «Книга: Сибирь–Евразия». Все модераторы секций, эксперты, участники и приглашенные гости положительно охарактеризовали работу форума. Участниками мероприятия был принят итоговый документ – Резолюция I международного конгресса «Книга: Сибирь – Евразия».

А.Е. Гуськов, канд. тех. наук,
директор, ГПНТБ СО РАН,
И.В. Лизунова, д-р ист. наук,
ведущий научный сотрудник,
ГПНТБ СО РАН, доцент

IV СИБИРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ (г. КРАСНОЯРСК, 12–13 ОКТЯБРЯ 2016 г.)

В Красноярске состоялся IV Сибирский исторический форум. Его инициаторами и организаторами, как и трех предыдущих, выступили Администрация губернатора, Законодательное собрание и Архивное агентство Красноярского края, а организационными партнерами – Сибирский федеральный университет, Красноярский педагогический государственный университет им В.П. Астафьева, Красноярский краевой краеведческий музей, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края. Непосредственной организацией большинства мероприятий традиционно занималось Архивное агентство, безупречную работу которого нужно отметить особо. Оно делает все, чтобы форумы запомнились не только научным содержанием, но и стилями проведения.

Каждый форум посвящен какой-либо актуальной теме из истории Сибири. В этом году рассматривалось экономическое развитие региона в XIX–XXI вв.

Благодаря всесторонней поддержке, в том числе финансовой, краевых властей, форумы превратились в имиджевое событие для Красноярского края. Их программы включают разнообразные мероприятия, что позволяет максимально расширять круг участников. В рамках IV Форума проводились брейн-ринг для школьников и студентов, публичные лекции крупных ученых, круглые столы, мастер-классы, исторические реконструкции, выставки, конференции. Эти события освещались местными СМИ.

На открытии Форума представители краевой власти отметили важность его проведения для развития края. Высокая значимость Форума подчеркнута в приветствиях руководителя Федерального архивного агентства А.Н. Артизова и министра культуры РФ В.Р. Мединского. В приветственных адресах ректоров ведущих вузов Красноярска Сибирский исторический форум обозначен как мероприятие для интеграции науки и образования, апробации новых образовательных технологий, для сотрудничества историков, архивистов и краеведов. О высоком научном потенциале Форума говорил директор Санкт-Петербургского института истории РАН д-р ист. наук Н.Н. Смирнов, который призвал его участников дать ответы на многие вопросы в свете предстоящего 100-летия Великой российской революции.

Центральным событием Форума стали две научные конференции – «Экономическое развитие Сибири» и «Сибирь и глобальный вызов 1917 года». Они проходили в библиотеке Сибирского федерального университета. В холле библиотеки для участников Форума была подготовлена выставка «Енисейская

губерния – Красноярский край – этапы экономического развития», организованная краевым Госархивом. Была представлена историческая реконструкция «Служивые люди Красноярского острога», работал кинолекторий «Индустриальное сердце Сибири».

В конференциях участвовали около 300 чел. Ведущие профессора красноярских вузов пригласили на Форум аспирантов и студентов. Среди иногородних участников наиболее представительной оказалась новосибирская делегация из Института истории СО РАН (8 чел). Историки и краеведы прибыли из Санкт-Петербурга, Барнаула, Томска, Сургута, Иркутска, Читы, Якутска, Абакана, городов Красноярского края (Минусинска, Дивногорска и др.).

На пленарной сессии конференции «Экономическое развитие Сибири» выступили с докладами известные сибирские ученые:

– *В.А. Ламин*, чл.-кор. РАН, директор Института истории СО РАН (г. Новосибирск) – «Неизменные императивы формирования транспортной системы Сибири»;

– *В.А. Ильиных*, д-р ист. наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории СО РАН (г. Новосибирск) – «Столыпинская программа аграрного освоения Сибири»;

– *В.А. Исупов*, д-р ист. наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, профессор Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск) – «Основные тенденции демографического развития Сибири в XX в.: взгляд историка».

– *А.И. Тимошенко*, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (г. Новосибирск) – «Арктика и Северный морской путь в экономическом развитии Сибири в 1920–1980-е гг.»;

– *Т.К. Щеглова*, д-р ист. наук, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул) – «Ярмарки и ярмарочная деятельность как формы развития сибирских территорий в прошлом и настоящем: исторические и пространственные конфигурации»;

– *Е.В. Демчик*, д-р ист. наук, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Алтайского государственного университета (г. Барнаул) – «Частное предпринимательство в Сибири: опыт нэпа»;

– С.Н. Рубцов, д-р ист. наук, заместитель директора Красноярского института железнодорожного транспорта – «Развитие социальной инфраструктуры как приоритет стратегии социально-экономического развития Сибири».

Заданный пленарным заседанием высокий научный уровень конференции поддерживался в работе семи секций. На секциях «Индустриальное развитие Сибири в досоветский период» и «Индустриальное развитие Сибири в советский период» рассматривались проблемы социально-экономической модернизации Сибири в XIX–XX вв., ее формы и методы в разных пространственно-временных и тематических измерениях. Не были обойдены вниманием вопросы мобилизационной модернизации, особенно характерной для Сибири. Основное внимание участники уделили анализу экономического развития Красноярского края. Были заслушаны сообщения о промышленности Хакасии, городов края, в частности Енисейска, отмечающего свое 400-летие. В докладах рассматривалась преемственность экономического развития региона на индустриальной основе, особенно в советский период, когда произошел сдвиг производительных сил страны на восток, а Красноярский край превратился в крупнейший индустриальный центр. Обсуждалось развитие таких важнейших индустриальных отраслей, как гидроэнергетика, автостроение, водный и авиационный транспорт, а также проблемы финансовой сферы, деятельности органов управления экономикой и общественных организаций.

На секции «Арктический вектор развития Сибири» проблемы социально-экономической модернизации анализировались в конкретном преломлении к северным районам. Одной из активно обсуждаемых проблем стала проблема адаптации малочисленных народов Севера к интенсивному хозяйственному освоению. Участники секции пришли к выводу, что для сохранения традиционного хозяйства населения Арктики необходима взвешенная политика, основанная на экспертных оценках.

В фокусе внимания секции «Аграрное развитие Сибири» оказались вопросы истории Сибири в дореволюционный период (особенности крестьянского землепользования в Енисейской губ., взаимоотношения старожилов и переселенцев, генезис кооперации на юге губернии), а также в 1920–1940-е гг. (сельскохозяйственные коммуны в Минусинском округе, хлебопекарное производство в восточносибирской деревне, особенности кризиса сельского хозяйства в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны).

Программа Форума привлекла внимание не только историков, но и специалистов смежных дисциплин, что отражает тенденцию «антропологизации» гуманитарных наук. Это ярко проявилось в работе всей конференции, но особенно в секциях «Демографические процессы в Сибири» и «Развитие социаль-

ной сферы». Уделив должное внимание межнациональным отношениям (в том числе характеристике отдельных этносов как важной составляющей полиэтничного сообщества сибиряков), их участники сосредоточились на анализе «человеческой стороны» модернизации Сибири – урбанизации. Рассмотрены теоретические подходы к ее изучению и анализу конкретных вопросов: источники роста городского населения Красноярского края в разные годы, развитие сибирских городов во второй половине XX в., особенности «закрытых» городов как феномена советской урбанизации, условия жизни строителей Красноярской ГЭС и т.п. Обсуждались отдельные аспекты социальной политики (в том числе в отношении нетрудоспособного населения Сибири в годы индустриализации).

В таком же «антропологическом ключе» строилась работа секции «Роль науки в изучении Сибири». Яркими получились доклады о геологах и геологических открытиях, роли энтузиастов в создании первых научных учреждений, о духовной культуре сибиряков, о представлениях о Сибири западного социума.

Освещая широкий спектр проблем экономического, социального, демографического, культурного развития Сибири, ее роли в формировании хозяйственного комплекса Российского государства, докладчики не только представили исторический опыт в широком хронологическом диапазоне, но и связали историю с современными проблемами развития региона. Они подчеркивали, что регион обладает уникальными ресурсными и минерально-сырьевыми богатствами, занимает особое географическое положение в центре страны, и это позволяет ему играть видную роль не только в экономике, но и определять геополитику государства. Практически во всех докладах главные выводы связывались со значимостью Сибири в развитии Российского государства в прошлом, настоящем и будущем.

На пленарном заседании конференции «Сибирь и глобальный вызов 1917 года» выступили известные ученые-историки из Санкт-Петербурга:

– Н.Н. Смирнов, д-р ист. наук, директор Санкт-Петербургского института истории РАН – «Союзнки и Великая русская революция 1917 года»;

– Ю.З. Кантор, д-р ист. наук, профессор кафедры общей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) – «Пять выстрелов революции: ключевые политические события первого года советской власти».

На двух секциях этой конференции – «Путь к революции. Сибирь накануне 1917 года» и «Революция в исторических источниках и социальной памяти» участники получили возможность обсудить дискуссионные проблемы, связанные со сложной и драматичной историей России, взаимосвязанных процессах в центре страны и регионах.

Результатом Форума явилось дальнейшее сплочение единой «команды» исследователей истории Сибири, которые, изучая прошлое, готовы давать рекомендации для современной практики государственного и экономического управления всех уровней. При подведении итогов Форума были высказаны предложения об использовании исторического опыта в определении перспектив развития Сибирского региона.

Для участников и гостей Форума организована экскурсия, благодаря которой они познакомились с достопримечательностями Красноярска и окрестностей.

Проведение Сибирского исторического Форума в Красноярске стало традицией. Его организаторы уже начали подготовку к следующему – пятому Форуму. Он будет посвящен 100-летию революции 1917 г.

Л.Н. Славина, д-р ист. наук, профессор,
Красноярский государственный педагогический
университет им. В.П. Астафьева,
Н.А. Куперитох, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
А.И. Тимошенко, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории СО РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международную базу данных Ulrichs, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm;
<http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.